

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН УССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 70

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1959 — ЛЕНИНГРАД

A92

ЧИТ. ЗАЛ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, № 70

23.

ПАМЯТНИКИ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Под редакцией
П. Н. ТРЕТЬЯКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1959 — ЛЕНИНГРАД

11к

АННОТАЦИЯ

В сборнике дается первое в археологической литературе обобщение раннеславянских археологических материалов, относящихся к зарубинецкой культуре II в. до н. э. — III—IV вв. н. э. (Среднее Поднепровье). Во введении дана общая характеристика раннеславянской культуры и рассматривается ряд более частных вопросов, относящихся к ее изучению. В последующих статьях публикуются наиболее важные зарубинецкие памятники, исследованные как в дореволюционные годы, так и в советское время. Материал снабжен сводной археологической картой. Сборник рассчитан на специалистов — археологов и историков.

*...III
СС
147 106

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

174/
59

ВВЕДЕНИЕ

1

Раннеславянская культура Поднепровья, получившая наименование зарубинецкой, впервые стала известна более пятидесяти лет тому назад благодаря работам известного украинского археолога В. В. Хвойки. В 1899 г. им было исследовано несколько погребений с трупосожжениями на «поле погребальных урн» у с. Зарубинцы б. Каневского уезда Киевской губ., ныне Переяслав Хмельницкого р-на Киевской обл. В последующие годы В. В. Хвойка обнаружил в Киевском Поднепровье еще несколько подобных же «погребальных полей», а также места одновременных им поселений. Он отнес свои находки к II—I вв. до н. э., указал на некоторые черты, сближающие зарубинецкие памятники с латенской культурой Средней Европы и решительно высказался за то, что зарубинецкие поселения и «поля погребений» оставлены древними славянами.

В эти же годы В. В. Хвойкой была открыта в области Среднего Поднепровья черняховская культура II—V вв. н. э., получившая свое название от обширного «погребального поля», находящегося у с. Черняхов Кагарлицкого района Киевской обл. Черняховскую культуру В. В. Хвойка определил как следующую за зарубинецкой ступень в развитии древней славянской культуры. Вместе с тем, в зарубинецкой культуре он усматривал такие элементы, которые восходят к местным традициям предшествующего скифского времени. Исходя из всего этого, В. В. Хвойка пришел к мысли, что славяне обитали в Поднепровье с глубокой древности. Начало жизни славян в Среднем Поднепровье он был склонен связывать с трипольской культурой III тысячелетия до н. э.

Мнение В. В. Хвойки о древности славян в Поднепровье было поддержано А. А. Спицыным в статье «Расселение древнерусских племен по археологическим данным», опубликованной в 1899 г.¹ Но большинство археологов и историков-славяноведов отнеслось к взглядам В. В. Хвойки весьма скептически, защищая господствовавшие тогда в науке представления о сравнительно позднем появлении славян на берегах Днепра. В 1906 г. была опубликована статья немецкого археолога П. Рейнеке, пытавшегося утверждать, что Зарубинецкий могильник принадлежал какому-то германскому племени, якобы переселившемуся на Днепр.² Позднее с подобными же попытками выступали и другие немецкие, а также некоторые польские археологи.

Несмотря на то, что мнение противников В. В. Хвойки, особенно же мнение немецких археологов, не было подкреплено сколько-нибудь убедительными доказательствами, оно сыграло свою роль, заронив сомнение в славянском происхождении зарубинецкой культуры. В результате в последующие годы исследования зарубинецких и других близких им памятников в Поднепровье почти не производились. Вплоть до 30-х годов основными материалами для характеристики культуры «полей погребений» Среднего Поднепровья оставались материалы В. В. Хвойки. Вопрос об этнической принадлежности культуры «полей погребений» продолжал быть для археологов нерешенным. «Вопрос открыт, в нем много загадочного, и при теперешнем состоянии наших знаний он не может быть разрешен в утвердительном смысле»,

¹ Журн. Мин. нар. проsv., 1899, VIII.

² Paul Reinecke. Aus der russischen archäologischen Litteratur. Mainzer Zeitschrift, 1906, I, str. 42—50.

— писал по этому поводу в 1930 г. Ю. В. Готье.¹

Положение с зарубинецкой культурой решительным образом изменилось в конце 30-х годов, а особенно после Великой Отечественной войны, когда были выявлены значительные новые материалы, расширившие и углубившие наши представления о культуре зарубинецких племен. Новые материалы подтвердили правильность соображений В. В. Хвойки, высказанных им по поводу зарубинецкой культуры. В частности они подтвердили его мысль о том, что обитатели зарубинецких поселений являлись не кем иным, как древними славянами.

В 1937 г. у окраины Киева, вблизи с. Корчеватого, было обнаружено большое «погребальное поле», раскопанное в последующие годы И. М. Самойловским.² В обширных материалах Корчеватовского могильника, характерных для зарубинецкой культуры и относящихся к тому же времени, что и находки В. В. Хвойки, оказались особенно заметными архаичные элементы культуры, восходящие к культуре местных племен предшествующего времени. После открытия Корчеватовского могильника в археологии Среднего Поднепровья возник скифско-зарубинецкий вопрос, рассматриваемый как часть вопроса о скифо-славянских связях и отношениях. Все это пробудило живой интерес к культуре зарубинецких «полей погребений», особенно в среде украинских археологов. В течение нескольких лет, накануне Великой Отечественной войны и главным образом после ее окончания, в Киевской и Черниговской областях и в других частях Северной Украины сотрудниками Института археологии Академии наук УССР было выявлено несколько десятков зарубинецких («зарубинецко-корчеватовских») «полей погребений» и мест обитания. Некоторые из них, — такие, как Пироговское и Ходосовское городища, поселение Великие Дмитровици, «Пилиценкова Гора» у Канева, Койловский могильник и др., — подверглись изучению путем раскопок.³

Большое значение в деле изучения зарубинецкой культуры имели работы Славян-

ской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР, в результате которых было установлено, что зарубинецкая культура была распространена не только в области Среднего Поднепровья, но и почти по всему Верхнему Поднепровью, включая бассейны Припяти и Десны.

Первые находки памятников зарубинецкого характера в бассейне Верхнего Днепра были сделаны еще в 20—30-е годы. Наиболее важными среди них были «погребальное поле» в урочище Казаргац на Припяти, обнаруженное в 1927 г., «погребальное поле» у с. Верхние Немыкары в Смоленской обл. и могильник с трупосожжениями около г. Ново-Быхова Могилевской обл. Но все эти находки, давшие очень небольшой материал, оставшийся почти не опубликованным, не были поставлены в связь с зарубинецкой культурой. Они получили правильную интерпретацию лишь после того, как Славянской экспедицией были обнаружены и исследованы такие северные зарубинецкие памятники, как Чаплинское городище и «погребальное поле» в Гомельской обл. (раскопки П. Н. Третьякова и Ю. В. Кухаренко), Воронинский могильник Полесской обл. (раскопки Ю. В. Кухаренко),¹ и после опубликования материала из зарубинецких поселений у г. Почапа Брянской обл., обнаруженных в 1952 г. Ф. М. Заверняевым² и др. В результате изучения всего этого материала — и старого, и полученного вновь — выяснилось, что племена зарубинецкой культуры, относящиеся к последним двум векам нашей эры и к началу нашей эры, обитали на Днепре в пределах Киевской, Гомельской, Могилевской и Смоленской областей, по всему течению Припяти и по ее притокам, по берегам Сейма, Десны и других рек бассейна Днепра.

Остается пока что открытым вопрос о памятниках зарубинецкого характера в Нижнем Поднепровье. Известно, что там на рубеже нашей эры была распространена ке-

¹ Ю. В. Кухаренко. Могильники полей погребений в Верхнем Поднепровье. КСИИМК, вып. 53.

² Материалы Чаплинского городища и могильника публикуются в настоящем сборнике. О Воронинском могильнике см.: Ю. В. Кухаренко, ук. соч., стр. 84—85; Ф. М. Заверняев. Археологические находки возле города Почапа. КСИИМК, вып. 53, стр. 143 и сл.

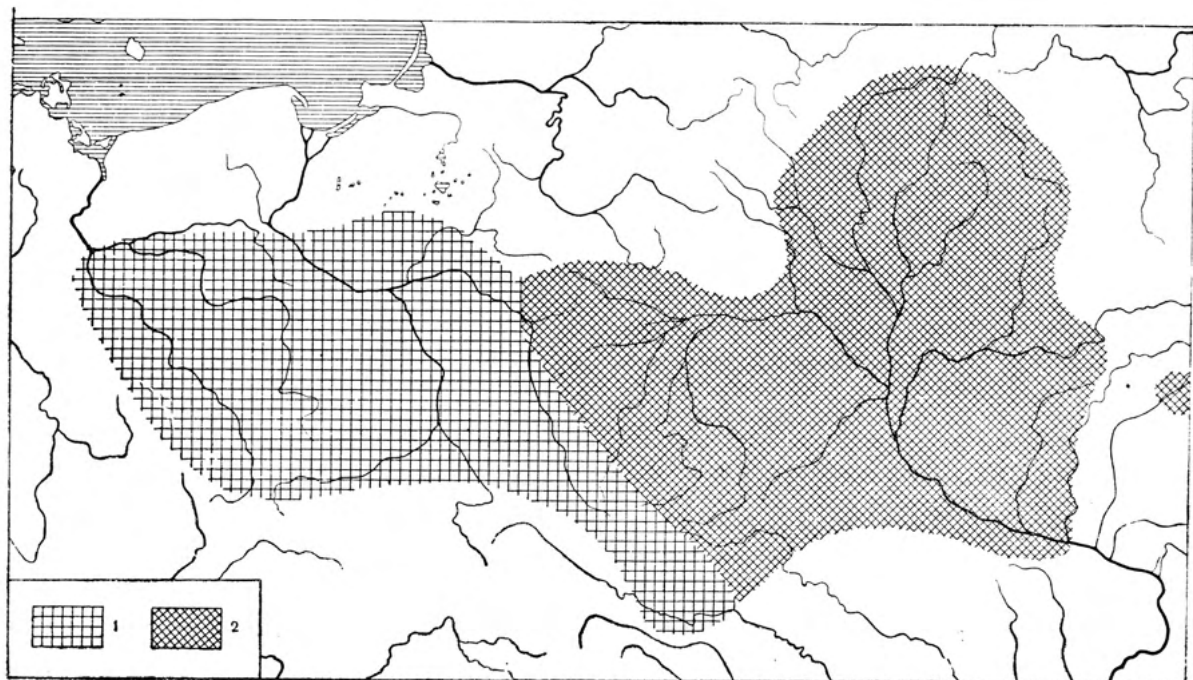
¹ Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 16.

² См. настоящий сборник, стр. 61—93.

³ Е. В. Махино. Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Поднепровье. СА, т. XXIII, стр. 81—100.

рамика, очень близкая зарубинецкой. Но с каким комплексом находок она связывается, какие формы поселений и могильников ей соответствуют — пока что не установлено. Очень возможно, что эта керамика принадлежала не славянам, а потомкам скифских земледельческих племен, живших на Нижнем Днепре в сарматское время.

чтобы в область северо-западного Причерноморья и тем более на Нижний или Средний Днепр могло проникнуть в конце I тысячелетия до н. э. какое-либо германское племя. И уже совсем абсурдным было бы предположение, что германские племена обитали в то время по всему Среднему и Верхнему Днепру.

Карта распространения раннеславянских культур конца I тысячелетия до нашей эры и начала нашей эры. 1 — пшеворская культура (по Ю. Костшевскому); 2 — зарубинецкая культура (по Ю. В. Кухаренко, Е. В. Махно и И. М. Самойловскому).

Уже на основании карты распространения зарубинецких поселений и «погребальных полей» (рис. 1) становится очевидным, какому населению они могли принадлежать. В пределах Восточноευропейской равнины они занимали ту область, которая в последующее время являлась основной частью восточнославянских древнерусских земель. Зарубинецкие поселения и могильники не могли принадлежать древним балтийцам (лето-литовцам), которые никогда не жили на Среднем Поднепровье, и тем более они не могли принадлежать финно-угорским племенам, древности которых, хорошо известные в бассейне Оки и Волги, имеют совсем другой характер. Наконец, полностью отпадает теперь также и старое мнение германских археологов. Является весьма маловероятным,

В последующие столетия, около середины I тысячелетия н. э., на основе зарубинецкой культуры развилась культура восточнославянских древнерусских племен, известных по Начальной летописи. Если вопрос о генетических связях зарубинецкой культуры и черняховской культуры, распространенной в области Среднего и Нижнего Поднепровья и в Поднестровье во II—V вв., в свете новейших наблюдений разрешается скорее отрицательно, чем положительно, то весьма вероятными представляются зарубинецкие традиции в ранней культуре вятичей, известной по материалам так называемых мощиских городищ и курганов с трупосожжением типа Шаньково-Почепок. Весьма реальной представляется генетическая связь между культурой древних кривичей, из-

вестной по «длинным курганам», и зарубинецкой культурой. Имеется предположение, что на основе зарубинецкой культуры сложилась также и культура древлянских племен, представленная курганами типа Корчак, пока что изученными далеко не достаточно.

Весомым аргументом в пользу того, что носители зарубинецкой культуры были древними славянами, является близость этой культуры к раннеславянской культуре Польши, получившей наименование пшеворской от «погребального поля», находящегося у г. Пшеворска на реке Сан. Зарубинецкая и синхроничная ей пшеворская культура бассейна Одера и Вислы не только очень близки между собой, но и не имеют четкой разделяющей их границы, постепенно переходя одна в другую, что выяснилось в ходе изучения памятников зарубинецкой культуры в верхнем течении Припяти. На прилагаемой карте нанесены области распространения зарубинецких и пшеворских памятников — области, занятые западными и восточными славянскими племенами в последних веках до нашей эры и в начале нашей эры.

Одним из важнейших вопросов, стоящих сейчас перед восточнославянской археологией, является вопрос о происхождении зарубинецкой культуры. На основании имеющихся в настоящее время материалов этот вопрос еще не может быть разрешен. Но, по-видимому, носители зарубинецкой культуры не были на Днепре чуждым элементом. Зарубинецкая культура, как уже не раз отмечалось, сохраняла многие черты, унаследованные от местного населения предшествующего времени. Дальнейшее изучение археологических материалов Среднего и Верхнего Поднепровья, относящихся к середине I тысячелетия до н. э. и еще более раннему времени, несомненно приблизит нас к решению вопроса о происхождении зарубинецкой культуры, о происхождении восточнославянских племен.

Значение исследованных за последние годы зарубинецких поселений и «погребальных полей» заключается не только в том, что стало возможно подтвердить высказанное В. В. Хвойкой мнение об их славянской принадлежности, но и в том, что новые материалы позволили охарактеризовать многие стороны жизни и быта раннеславянского населения Поднепровья.

Прежде всего, культура раннеславянских зарубинецких племен конца I тысячелетия до нашей эры и начала нашей эры должна быть охарактеризована как культура развитого «железного века». Повсеместно на поселениях обнаруживаются следы обработки железа, добываемого сыродутным способом из местных болотных и иных руд. Из железа изготовлялись разнообразные орудия труда: топоры, серпы, всякого рода острия, наконечники стрел, остроги, рыболовные крючки и т. д., различное вооружение, а также предметы убора и украшения. Обработка цветных металлов — бронзы и серебра — также была распространена очень широко. Из этих металлов изготовлялись преимущественно украшения и предметы убора — фибулы, пряжки, булавки, браслеты и др., составлявшие непременную принадлежность как женского, так и мужского костюма.

Среди железных орудий одну из наиболее распространенных находок на зарубинецких поселениях составляют небольшие серпы, свидетельствующие о посевах злаков, вероятно, проса, пшеницы и ячменя. Об этом же свидетельствуют постоянные находки ручных жерновов-зернотерок. Земледелие подсечной системы, а в Среднем Поднепровье, может быть, и пашенное, вооруженное примитивным ралом, несомненно играло в хозяйстве раннеславянских племен очень большую роль. Кроме злаков, были известны, по-видимому, и корнеплоды, прежде всего — репа, древность которой в Восточной Европе подтверждается восточнославянским и литовским фольклором. Если сравнить хозяйство раннеславянских зарубинецких племен с хозяйством их соседей — финно-угорских и балтийских племен, то земледельческий характер славянской культуры выступает в археологических материалах весьма отчетливо. Были известны тогда и все основные виды домашних животных: крупный и мелкий рогатый скот, свиньи и лошади. Охота и рыбная ловля имели в хозяйстве второстепенное, но все же весьма заметное значение.

Зарубинецкие поселения располагались обычно на возвышенных местах — на острогах высоких речных берегов, окруженных крутыми склонами. Начиная от течения Припяти и дальше к северу в области Верхнего Поднепровья поселения защищались земляными валами и рвами. В Среднем Поднепро-

вые защитные сооружения поселений зарубинецкого времени пока что не встречены. Но они, вероятно, имелись и здесь. Возможно, впрочем, что здесь применялись деревянные сооружения типа частокола или тына из бревен. Размеры зарубинецких поселений-городищ были сравнительно невелики, редко превышая 3—4 тыс. кв. м. По общему облику они близко примыкали к тем поселениям-городищам, которые были распространены в этот период у финно-угорских и балтийских племен. Поселения такого характера — сравнительно небольшие укрепленные поселения, в пределах которых располагался десяток жилищ, — связываются обычно с патриархальным строем жизни.

Жилищами служили прямоугольные наземные дома, остов которых сооружался из деревянных столбов, вкопанных в землю. Пространства между столбами заполнялись бревнами или плетнем, обмазанным глиной. На полу из камней устраивался очаг. Кроме наземных домов размером до 20—25 кв. м., на городищах обнаруживаются небольшие постройки с очагами, несколько углубленные в землю, — полуземлянки, назначение которых пока что не выяснено.

При раскопках жилищ находят сделанную от руки глиняную посуду — грубую кухонную в виде горшков и мисок и хорошо изготовленную, покрытую лощением, в виде высоких горшков, мис и кружечек с ушком. Здесь же встречаются пряслица от веретена, нередко покрытые узором, обломки глиняных фигурок неизвестного назначения, упомянутые выше железные и бронзовые изделия, а также изделия из кости — острия, иглы для вязания сетей и др. Кроме жилищ, при раскопках обнаруживаются остатки хозяйственных построек, в том числе погребов в виде ям колоколовидной формы, в которых хранились всякого рода запасы — прежде всего, по-видимому, корнеплоды.

Рядом с поселениями располагались могильники — «погребальные поля», исследование которых показывает, что обитатели зарубинецких поселений заканчивали свой земной путь на погребальном костре. Остатки кремации вместе с глиняными сосудами, содержащими пищу, и кое-какими вещами умершего — ножом, копьем, украшениями одежды — погребались в земле. Некоторые вариации в погребальном обряде (большие или малые размеры ям, помещение сожженных костей в сосуд или прямо в яму

и др.) вместе с другими локальными особенностями в зарубинецкой культуре в разных районах позволят в дальнейшем подойти к выявлению и изучению отдельных зарубинецких племен.

2

В настоящем сборнике сделана попытка суммировать весь известный в настоящее время зарубинецкий археологический материал — как старый, так и новый, полученный в результате исследований последних лет (до 1955 г.), — и ввести его в научный оборот в качестве источника для изучения вопросов происхождения и древней культуры восточных славян — единых предков русского, украинского и белорусского народов.

Сборник открывается археологическими картами зарубинецких поселений и «погребальных полей», составленных Ю. В. Кухаренко, Е. В. Махно и И. М. Самойловским по материалам Института истории материальной культуры Академии наук СССР, Института археологии Академии наук Украинской ССР и ряда музеев. На карты нанесено около 150 пунктов, причем подавляющее большинство из них обнаружено и обследовано археологами в последние годы. В дальнейшем эти карты несомненно будут значительно дополнены, особенно в области Верхнего Поднепровья, где исследования зарубинецких древностей только лишь начаты. Но и в настоящем виде эти карты представляют большой интерес. Они достаточно четко обрисовывают территорию, занятую раннеславянскими племенами в последние века до нашей эры и в самом начале нашей эры.

Статья В. П. Петрова «Зарубинецкий могильник» обобщает материалы раскопок В. В. Хвойки в 1899 и последующих годах, представляя собой первую научную публикацию материалов этого талантливого археолога, относящихся к зарубинецкой культуре. В результате кропотливого труда над коллекциями, рукописными материалами и имеющимися публикациями автору удалось полностью выявить те материалы, которые были в распоряжении В. В. Хвойки, и в ряде случаев установить условия их нахождения. При этом выяснилось, что В. В. Хвойка располагал материалами не только из с. Зарубинцы, но и из других пунктов, причем в некоторых из них (Пуховка, Ржищев, может

быть Вита) он производил небольшие раскопки. Некоторые пункты (Вишенки, Пищальники, Ржищев) одновременно дали находки и зарубинецкого и черняховского характера, что, по-видимому, и позволило В. В. Хвойке выдвинуть тезис о преемственности зарубинецкой и черняховской культур в области Среднего Поднепровья.

В статье И. М. Самойловского «Корчеватовский могильник» изложены результаты исследований этого археологического памятника, сыгравшего, как уже указывалось, очень большую роль в деле изучения раннеславянской зарубинецкой культуры. Некоторые недостатки публикации, в частности отсутствие планов погребений и рисунков ряда вещей, объясняются тем, что материалы Корчеватовского могильника сильно пострадали во время оккупации Киева в годы Великой Отечественной войны.

Далее здесь публикуются материалы, обнаруженные на зарубинецких могильниках и поселениях Киевщины, обследованных за последние годы работниками Института археологии Академии наук УССР: В. Д. Богусевичем, В. И. Довженком, Н. В. Линкой, Е. В. Махно, И. М. Самойловским. Среди них наиболее значительное место занимают результаты раскопок на поселении у с. Великие Дмитровичи, к югу от Киева и на Пилипенковой горе около Канева, предварительный отчет о которых был опубликован ранее.¹ Селище у с. Великие Дмитровичи и Пилипенковское поселение являются первыми поселениями зарубинецкой культуры, исследованными путем более или менее значительных раскопок. К сожалению, сохранность остатков того и другого поселения оказалась невысокой и остатки сооружений, в частности жилищ, сохранились не особенно хорошо. Бесспорно лишь, что это были наземные жилища с примитивными очагами.

При исследовании зарубинецкого поселения у «Горы Девницы» в окрестностях с. Сахновка в нижнем течении р. Рось были открыты остатки поселения еще и другой, более поздней эпохи — второй половины I ты-

сячелетия н. э. Они принадлежат к мало изученной в настоящее время раннеславянской культуре, известной по курганам с трупосожжением типа Корчак. Принимая во внимание большой интерес, который проявляется ныне к этой культуре, результаты раскопок у «Горы Девницы» здесь опубликованы полностью, несмотря на то, что они лишь частично относятся к теме настоящего издания.

Наиболее крупной публикацией, представленной в настоящем томе, являются материалы раскопок, произведенных в 1951—1953 гг. П. Н. Третьяковым и Ю. В. Кухаренко на городище и могильнике у с. Чаплин Лоевского р-на Гомельской обл. Материалы раскопок у с. Чаплин в настоящее время являются наиболее полным источником сведений о раннеславянской зарубинецкой культуре.

Наиболее северному из известных ныне зарубинецких местонахождений — «погребальному полю» у д. Казачина (Верхние Немыкары) около г. Смоленска посвящена небольшая статья Е. А. Шмидта, собравшего все сведения об этом уже давно открытом археологическом памятнике.

Заканчивается книга небольшой статьей А. К. Амброза, посвященной зарубинецким фибулам — предметам, играющим главную роль при определении абсолютной хронологии зарубинецких древностей.

Представляется несомненным, что изучение зарубинецкой культуры, являющейся важнейшим источником изучения раннеславянских племен, в ближайшие годы будет успешно продолжаться. Проблема происхождения славян и их древней истории, в частности вопросы судеб древних славянских племен на восточноевропейской равнине, продолжает стоять в качестве одной из важнейших задач в области древней истории и археологии СССР. Опубликованные в настоящей книге материалы, происходящие из зарубинецких поселений и «полей погребений», проливающие свет на расселение, жизнь и культуру восточных славян на рубеже нашей эры, мы надеемся, будут способствовать как дальнейшему развитию исследований в области указанных вопросов, так и дальнейшим успехам советской археологической науки в области изучения раннеславянских древностей в целом.

¹ В. А. Богусевич. Древнейшее славянское поселение на Пилипенковой горе. Труды Канівського біологічного заповідника, № 8, 1950, стр. 6—10.

Е. В. Махно и И. М. Самойловский

ЗАРУБИНЕЦКИЕ ПАМЯТНИКИ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИДНЕПРОВЬЕ

(Материалы к археологической карте)

Первая попытка собрать материал для карты распространения памятников культуры «полей погребений» на территории УССР была сделана в 1940—1941 гг. сотрудником Киевского исторического музея С. В. Коршенко. По имеющимся публикациям, материалам Института археологии Академии наук УССР, материалам Киевского исторического музея и другим данным, им было учтено свыше 170 пунктов с находками, относящимися к культуре «полей погребений». Среди них имелось 15 памятников зарубинецкого типа, известных, главным образом, по работам В. В. Хвойки. Остальные пункты относились к черняховской культуре.

После Отечественной войны по инициативе академика П. П. Ефименко Институтом археологии Академии наук УССР были начаты большие работы по археологическому обследованию ряда территорий Украины. В ходе этих работ количество выявленных зарубинецких памятников значительно увеличилось. Кроме могильников и случайных находок, были обнаружены многочисленные поселения. Особенно удачными в этом отношении оказались разведки Т. С. Пассек на Поросье в 1945 г. и Д. Т. Березовца в 1949 и 1950 гг. на Посеймье.

В настоящей работе кратко суммирован, в виде археологической карты, весь фактический материал о памятниках зарубинецкого типа в области Среднего Приднепровья. Общее число известных ныне памятников этого типа — «полей погребений», мест поселений и отдельных находок — превысило 80. Учет и картографирование зарубинецких

памятников вместе с тем показали, что на территории Украины они еще очень слабо изучены. Мы не знаем в Среднем Приднепровье ни одного зарубинецкого «поля погребений», кроме Корчеватовского могильника, которое подверглось бы серьезным раскопкам. Исследования поселений — Пилипенковой горы, городища Заруб, Пироговского, Великих Дмитровичей, Новых Безрадичей и др. — не выходили за рамки разведывательных раскопок, давших очень незначительные сведения об этих памятниках. Задача изучения раннеславянских зарубинецких памятников является одной из насущных задач украинской археологии, без решения которой не могут получить удовлетворительное освещение ранние периоды в истории восточных славян.

Отдельные элементы материальной культуры, свойственные зарубинецким памятникам, встречаются на широкой территории Украины среди культур различного облика. Следует вспомнить хотя бы позднескифское поселение у Золотой Балки, в низовьях Днестра, поселения Поднестровья — такие, как Черепинское, — или своеобразные по своей культуре поселения Посеймья, в материале которых имеются явные зарубинецкие элементы. Ввиду того что большинство этих памятников изучено очень плохо и их отношение к зарубинецкой культуре далеко не выяснено, в настоящей работе на учет взяты лишь те из них, керамический комплекс которых указывает на более тесную связь с зарубинецкими памятниками. Это относится в первую очередь к памятникам

Посеймья. Другие памятники — например, городища низовьев Днепра — в данную сводку не включены.

Для удобства пользования картой материал сгруппирован по бассейнам рек. Сведения о памятниках сопровождаются ссылками на основные источники и литературу.

ВЕРХОВЬЯ ЮЖНОГО БУГА

1. С. Ровец Винницкого р-на Винницкой обл. На правом берегу Ю. Буга на расстоянии 350—400 м к востоку от нижней мельницы с. Ровец в 1947 г. Д. Т. Березовцем¹ открыты следы поселения с керамикой зарубинецкого типа.

2. С. Остапковцы Немировского р-на Винницкой обл. На высоком левом берегу Ю. Буга на расстоянии 50 м от северной окраины села, между двумя оврагами, обнаружены обломки керамики, типичной для зарубинецкой культуры. Тут же найдены куски глиняной обмазки с отпечатками дерева и кусок шлака.²

РЕКА ГНИЛОПАТЬ, ПРИТОК ТЕТЕРЕВА

3. С. Райки Бердичевского р-на Житомирской обл. В фондах Института археологии среди материалов, добытых во время раскопок Райковецкого городища времени Киевской Руси, имеется небольшой лощеный сосуд зарубинецкого типа с ручкой.³

РЕКА ИРПЕНЬ—ДНЕПР

4. С. Белгородка Киевского Святошинского р-на Киевской обл. В 1909—1910 гг. при раскопках в Белгородке В. В. Хвойкой были найдены глиняные сосуды, вложенные один в другой. По мнению В. В. Хвойки, они принадлежали к культуре «полей погребений». Более точных данных об этой находке нет. Среди материалов из раскопок Д. И. Блительда в 1947 г. в Белгородке имеется несколько обломков сосудов зарубинецкого типа. Это позволяет предположить, что и

находки В. В. Хвойки могли относиться к тому же времени.¹

5. Ирпень Киево-Святошинского р-на Киевской обл. На расстоянии 1 км к югу от впадения р. Бучанки в р. Ирпень на восточной оконечности песчаной косы левого коренного берега р. Ирпень В. А. Товкачевским² в 1952 г. были обнаружены обломки керамики зарубинецкого типа, залегающие на глубине 0.35—0.40 м. Кроме того, здесь же встречаются материалы, относящиеся к концу эпохи бронзы.

6. Г. Киев. Находки зарубинецких памятников на территории Киева отмечены в нескольких местах: 1) фрагменты зарубинецкой посуды известны из раскопок на горе Киселевке; 2) такие же находки обнаружены при раскопках около церкви Спаса на Берестове; 3) в усадьбе Десятинной церкви В. В. Хвойкой найдена лепная чашечка с ручкой, поверхность ее лощеная, серо-коричневого цвета.³

7. С. Корчеватое Киево-Святошинского р-на Киевской обл. Корчеватовский могильник находится на краю правого коренного берега Днепра за северной окраиной с. Корчеватого. Он исследовался И. М. Самойловским в 1938—1941 гг.⁴

8. С. Пирогово Киево-Святошинского р-на Киевской обл. Пироговское городище находится в юго-западной части с. Пирогово на высоком отроге правого коренного берега Днепра. Городище обследовалось в 1947 г. и раскапывалось в 1950 г. Е. В. Махно. Раскопками установлено, что укрепления городища относятся к периоду Киевской Руси. Они разрушили слой зарубинецкого поселения.⁵

¹ Н. Д. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойки в 1909—1910 гг. в местечке Белгородке. Тр. Моск. предвар. комит. по устр. XV археолог. съезда, М., 1911, стр. 48; Д. И. Блительда. Дослідження древнього Белгорода. АП УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 30.

² В. А. Товкачевский. Новые данные по археологическим разведкам в районе Киева. Архив ИА АН УССР, рукопись.

³ Розкопи в Києві на горі Кисілівці в 1940 р. Археологія, I, Київ, 1947, стр. 141; І. М. Самойловський. Пам'ятки культури полів поховань у Києві. Археологія, VII, Київ, 1952, стр. 153—155.

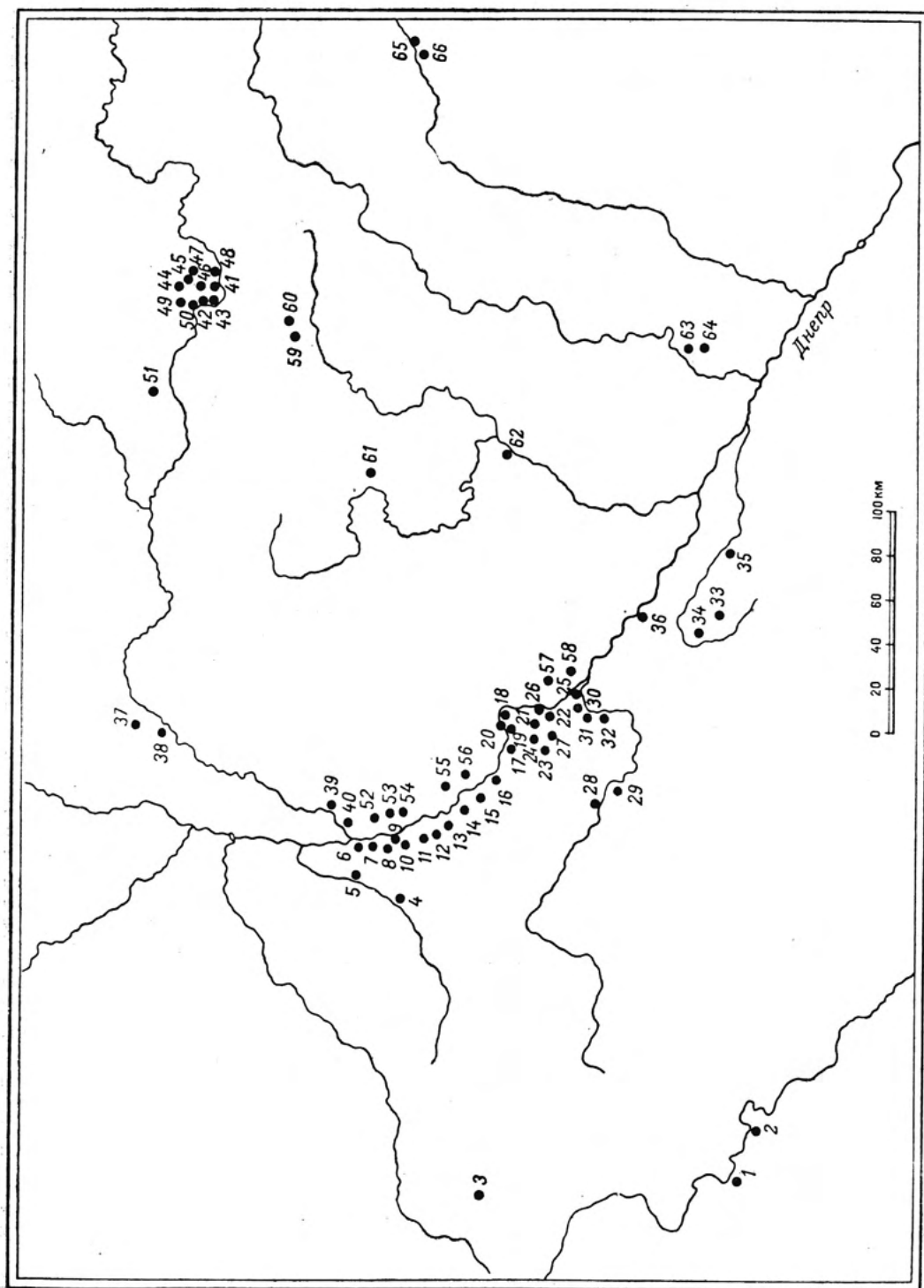
⁴ І. Самойловський. 1) Корчеватський могильник. Археологія, I, Київ, 1947, стр. 101—111; 2) Корчеватовський могильник (см. настоящий сборник, стр. 61).

⁵ В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895, стр. 23;

¹ Д. Т. Березовец. Отчет о разведке по Ю. Бугу в 1948 г. Архив ИА АН УССР, рукопись, стр. 21—22.

² Д. Т. Березовец, ук. соч., стр. 22.

³ Фонды ИА АН УССР.

Карта зарубицких памятников Среднего Поднепровья.

9. С. Вита Киево-Святошинского р-на Киевской обл. В фондах Киевского исторического музея хранятся два глиняных сосуда с лощеной поверхностью зарубинецкого типа.¹

10. С. Вита Литовская Киево-Святошинского р-на Киевской обл. В 1954 г. во время раскопок неолитической стоянки в с. Вита Литовская Д. Я. Телегиным обнаружены три пункта с находками зарубинецкого характера.

Первый из них располагается на месте неолитической стоянки на северо-восточной окраине села на небольшом останце надпойменной террасы левого берега р. Виты. При раскопках обнаружено более 10 хозяйственных ям, чаще всего грушевидной формы, диаметром в широкой части около 1 м, глубиной 1 м. Найдены обломки высоких горшков с шероховатой поверхностью и лощеных сосудов, глиняные прясла, кости животных.

Второй пункт находится на расстоянии 0.5 км к юго-западу от первого на песчаных всхолмлениях боровой террасы Виты, среди усадеб колхозников. На усадьбе И. П. Бондаренко среди обломков сосудов эпохи бронзы встречены обломки зарубинецкой керамики.

Третий пункт находится на расстоянии приблизительно 2 км к югу от второго и 0.5 км от с. Вита Литовская по дороге на Виту Почтовую. Зарубинецкое поселение расположено в урочище Перетичек на песчаном всхолмлении боровой террасы левого берега р. Виты. В одном из шурфов, заложенных там Д. Я. Телегиным, обнаружена яма с зольным заполнением, на дне которой, на глубине 0.50 м от современной поверхности, найдены обломки большого сосуда с шероховатой поверхностью и трех лощеных мисок. Здесь же встречаются обломки неолитических сосудов.²

Н. В. Линка. Роботи експедиції «Великий Київ» за 1947 рік. АН УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 47—49; Е. В. Махно. 1) Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Приднепровье. СА, т. XXIII, М., 1955, стр. 88; 2) Раскопки зарубинецких поселений в Киевском Приднепровье (настоящий сборник, стр. 94).

¹ Фонды Киевского исторического музея. Археологический каталог, III, т. 2, стр. 497, 548; В. П. Петров. Зарубинецкий могильник (см. настоящий сборник, стр. 51).

² Д. Я. Телегин. Отчет об исследовании неолитических стоянок окрестности г. Киева за 1954 г. (рукопись: Архив ИА АН УССР).

РЕКА КРАСНАЯ—ДНЕПР

11. С. Ходосовка Киево-Святошинского р-на Киевской обл. На юго-восток от с. Ходосовки, на конце высокой гряды правого коренного берега Днепра, находится городище округло-овальной формы. На его поверхности, кроме керамики скифского времени и средневековой, встречаются обломки сосудов зарубинецкого типа.¹

12. С. Великие Дмитровичи Обуховского р-на Киевской обл. В северо-восточной части с. Великие Дмитровичи на высокой гряде правого коренного берега Днепра, на урочищах Кулакивщина и Кутноле, В. Н. Даниленко в 1950 г. открыл зарубинецкое поселение. В этом же году небольшие раскопки произведены там Е. В. Махно.²

13. С. Новые Безрадици Обуховского р-на Киевской обл. И. В. Бондарем и И. М. Самойловским производились раскопки на северной окраине с. Новые Безрадици в урочище Глибоке Провалля на Стрилке, которое представляет собой отрог правого коренного берега Днепра. Кроме находок трипольской культуры, здесь на глубине 0.30—0.60 м от современной поверхности обнаружен культурный слой с находками зарубинецкого характера. Найдены обломки лепных лощеных и шероховатых сосудов, костей животных и т. д.³

В 1950 г. отрядом экспедиции «Большой Киев» под руководством В. Н. Даниленко с участием Е. Ф. Покровской, в юго-восточной части с. Новые Безрадици, в урочище Митькив Кут на краю боровой террасы, возвышающейся над уровнем поймы на 3—4 м, в двух пунктах на расстоянии 100 м один от другого обнаружены обломки лощеных реберчатых мисок с прямым венчиком и горшков с прямым краем, иногда подлощенных. В северной части поселения обнаружена крытообразная яма шириной в верхней части

¹ В. Б. Антонович, ук. соч., стр. 23; А. В. Доровольский. Змеевые валы вблизи Киева. Чтение в Обществе Нестора-Летописца, т. 21, вып. I—II, стр. 15—20; Н. В. Линка, ук. соч., стр. 46, 49; Е. В. Махно. 1) Раннеславянские..., стр. 89; 2) Раскопки... (настоящий сборник, стр. 96).

² Е. В. Махно. 1) Раннеславянские..., стр. 89—91; 2) Раскопки... (см. настоящий сборник, стр. 96).

³ Архив ИА АН УССР. Дневник И. В. Бондаря, стр. 13 и И. М. Самойловского, стр. 5.

около 1 м и глубиной около 0.70 м с обломками железных криц. Здесь же найдены фибула с выемчатой эмалью, нож с горбатой спинкой и железная игла от другой фибулы.

В южной части поселения найдены еще одна яма с посудой зарубинецкого типа и железная пряжка, а также разрушенное место трупосожжения, где собраны мелкие украшения. Вблизи найдена древняя железная шпора и римская монета.

14. С. Стретовка Кагарлыкского р-на Киевской обл. В с. Стретовка вместе с вещами черняховского типа найдена позднелатенская фибула, хранившаяся до Отечественной войны в Киевском историческом музее (№ 17060).¹

15. С. Триполье Обуховского р-на Киевской обл. О находках памятников зарубинецкого типа в с. Триполье было известно В. В. Хвойке. В. Н. Даниленко сообщил, что в устье р. Красной около с. Триполья на поверхности встречается большое количество обломков зарубинецкой керамики, а также железные крицы.

В 1950 г. П. А. Раппопорт при обследовании городища Девич-Гора в с. Триполье нашел на нем обломки посуды зарубинецкого типа.

РЕКА РОССАВА—ДНЕПР

16. Ржищев Ржищевского р-на Киевской обл. Возле с. Ржищева имеется могильник зарубинецкой культуры. Кроме того, здесь найдены также и некоторые вещи черняховского типа.²

17. С. Великий Букрин Ржищевского р-на Киевской обл. К востоку от с. Великий Букрин в урочище Миколина Круча в 1945 г. Т. С. Пассек открыл остатки могильника зарубинецкого типа.

В с. Букрин (неизвестно, в каком — Великом или Малом Букрине) найдены две

позднелатенские фибулы и два лепных сосуда — кувшин с одной ручкой и горшок, украшенный по перегибу бочка овальными гранями, по технике изготовления напоминающие посуду зарубинецкого типа, а по форме — черняховские сосуды. Эти находки хранятся в Киевском историческом музее (№№ 1436, 17069, 21628 и 10991).¹

18. С. Зарубинцы Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. Известный могильник, давший имя целой группе памятников, находится на возвышении Мала Гирка на северо-восток от с. Зарубинец, открыт и частично раскопан В. В. Хвойкой.

На расстоянии 2 км к северу от с. Зарубинцы, на высокой крутой горе (около 100 м над уровнем Днепра), находится древнее городище Заруб, на поверхности которого в 1945 г. Т. С. Пассек обнаружила посуду зарубинецкого типа, а также эпохи бронзы и XI—XII вв. н. э. В 1947 г. М. К. Каргер также открыл здесь следы зарубинецкой культуры (результаты не опубликованы).²

19. С. Трахтемиров Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. В 1915 г. во время земляных работ на высоком правом берегу Днепра возле с. Трахтемиров было выкопано несколько глиняных сосудов; в одном из них находились пережженные человеческие кости. В Киевском историческом музее из Трахтемирова хранятся два сосуда с лощеной поверхностью: мисочка и высокий горшок, украшенный четырьмя подковообразными налестками.³

20. Хутор Монастырек Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. В каталоге выставки XI Археологического съезда значително, что у с. Монастырек найдена тонкая бронзовая проволочная фибула латенского типа, дуго-

¹ Материалы Института археологии, сообщение В. Н. Даниленко; С. В. Коршенко. Материалы к составлению археологической карты распространения культуры полей погребений на территории УССР (рукопись: Архив ИА АН СССР, стр. 16); В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья. Киев, 1913, стр. 43; П. А. Раппопорт. Обстеження городищ в районі Києва у 1950 році. Археологія, VII, Київ, 1952, стр. 147.

² В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья. Киев, 1913, стр. 43; С. В. Коршенко. Материалы..., стр. 75; В. П. Петров. Зарубинецкий могильник (см. настоящий сборник, стр. 59).

¹ Т. Пассек. Пороська археологічна експедиція (1945 р.) АП УРСР, Київ, 1949, стр. 216, 220.

² В. В. Хвойка. Поля погребений Среднего Приднепровья. ЗРАО, XII, вып. 1—2, стр. 182—190; В. П. Петров. Зарубинецкий могильник (см. настоящий сборник, стр. 32); Т. С. Пассек, ук. соч., стр. 215—226; М. К. Каргер. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб. СА, т. XIII, 1950, стр. 33—34.

³ В. Козловська. Посуді полів поховань біля с. Трахтемирова (рукопись: Архив Института археологии АН УССР); Каталог выставки XI Археологического съезда, стр. 78, № 37—38; С. В. Коршенко, ук. соч., стр. 80.

образная, с нарезками, и бронзовое небольшое зеркало с ушком и крестообразным орнаментом на обороте.

21. С. Грищенцы Каневского р-на Черкасской обл. В с. Грищенцах, кроме некоторых черняховских вещей, были найдены кружка зарубинецкого типа и фрагмент среднелатенской фибулы, поступившие в Киевской исторический музей (№№ 55, 8935).

22. Г. Канев Черкасской обл. На высоком отроге правого коренного берега Днепра в 4 км к югу от Канева в 1945 г. Т. С. Пассек было открыто зарубинецкое поселение, известное под названием Пилипенкова Гора. На поселении во время раскопок В. А. Богусевича в 1948 г. обнаружены остатки пяти жилищ.¹

Неподалеку от Пилипенковой Горы на горе Московка открыты следы еще одного поселения того же типа, разрушенного наслоениями XVII в.

23. С. Куриловка Каневского р-на Черкасской обл. У с. Куриловки найдена большая фрагментированная фибула латенского типа, поступившая в Киевский исторический музей из коллекции Зноско-Боровского (№ 5846).²

24. С. Пищальники Каневского р-на Черкасской обл. В Киевском историческом музее из с. Пищальникова происходит миска зарубинецкого типа с темно-серой поверхностью и ребристыми переходами одной части в другую, поступившая в музей в декабре 1915 г. из коллекции В. В. Хвойки (№ 17947). Здесь же найдены некоторые вещи черняховского типа.³

25. С. Пекари Каневского р-на Черкасской обл. В Киевском историческом музее хранился фрагмент бронзовой фибулы латенского типа, найденный у с. Пекари, поступивший в музей из коллекции Кундеревиича (№ 9).⁴

26. С. Селище Каневского р-на Черкасской обл. На юго-восток от с. Селище, между Губчиным и Сту-

денецким яром, к востоку от урочища Братские Могилы, в 1945 г. обнаружен могильник зарубинецкого типа.¹

27. С. Тростянец Каневского р-на Черкасской обл. О находках вещей зарубинецкого типа около с. Тростянец было известно В. В. Хвойке. На южной окраине с. Тростянец в урочище Кардашивка в 1945 г. Т. С. Пассек обнаружила могильник зарубинецкого типа.²

РЕКА РОСЬ

28. С. Богуслав Богуславского р-на Киевской обл. В фондах Белоцерковского краеведческого музея хранится зарубинецкая миска из г. Богуслава, поступившая от П. П. Кудрявцева. Поверхность миски лощеная, черного цвета. Венчик слегка отогнут, плавно переходит в фйконический бочок с четким ребром. Дно имеет высокий поддон. Высота сосуда — 3.6 см, диаметр венчика — 13.6 см.³

29. С. Биевцы Богуславского р-на Киевской обл. В фондах Киевского исторического музея до Отечественной войны хранилась бронзовая фибула, поступившая в музей в октябре 1920 г. из собрания Крейтона (№ 22009). Фибула относится к среднелатенским, она имеет широкую спинку из расплющенной проволоки. Отсюда же происходит сильно профилированная фибула с красной эмалью.⁴

30. Хутор Хмельна Каневского р-на Черкасской обл. На возвышенности в северной части с. Хмельна в 1947 г. В. А. Богусевичем были открыты следы поселения зарубинецкого типа. Культурный слой залегает на глубине 0.40—0.60 м от современной поверхности.⁵

31. С. Межирич Каневского р-на Черкасской обл. В с. Межирич, на левом берегу р. Рось, в ряде пунктов обнаружена керамика зарубинецкого типа.⁶

¹ Т. С. Пассек, ук. соч., стр. 213—215; В. А. Богусевич. Древнейшее славянское поселение на Пилипенковой Горе. Тр. Каневск. запов., 1950, № 8, стр. 5—10; В. А. Богусевич. Канівська археологічна експедиція. АП УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 141—153.

² С. В. Коршенко, ук. соч., стр. 87.

³ В. П. Петров. Зарубинецкий могильник (см. настоящий сборник, стр. 56).

⁴ С. В. Коршенко, ук. соч., стр. 89.

¹ Т. С. Пассек, ук. соч., стр. 216, 220.

² В. В. Хвойка. Древние обитатели..., стр. 43; Т. С. Пассек, ук. соч., стр. 216—220.

³ Материалы Белоцерковского музея.

⁴ С. В. Коршенко, ук. соч., стр. 80.

⁵ В. А. Богусевич. Отчет о работе Каневской экспедиции 1947—1948 г. (рукопись: Архив ИА АН УССР, стр. 16—17).

⁶ В. И. Довженок, Н. В. Линка. Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось (см. настоящий сборник, стр. 110).

32. С. Сахновка Корсунь-Шевченковского р-на Черкасской обл. В 1949 г. В. И. Довженком и Н. В. Линкой возле с. Сахновки обнаружено поселение зарубинецкого типа. Оно находится на берегу р. Рось в седловине между «горами» Дегтярная и Девица.¹

РЕКА ТЯСМИН

33. С. Михайловка Каменского р-на Черкасской обл. Возле с. Михайловки (б. Пруссы) имеется могильник зарубинецкого типа. В. В. Хвойка считал этот могильник наиболее древним, переходным от памятников скифского времени к памятникам зарубинецким.²

34. С. Залевки Смелянского р-на Черкасской обл. При раскопках Залевкинского городища, относящегося к чернолесскому типу, А. И. Тереножкиным в 1952 г. обнаружено несколько различных по величине ям, заполненных землей и золой с обломками керамики зарубинецкого типа.³

35. С. Субботов Чигиринского р-на Черкасской обл. На западной окраине с. Субботов, в урочище Чапаливка, на высоком левом берегу р. Субы в 1909 г. при хозяйственных работах в усадьбе М. С. Чапалы был открыт могильник зарубинецкого типа.

В сообщении о находке, опубликованном в ОАК за 1911 г., говорится, что был обнаружен глиняный сосуд с тремя ручками, по форме напоминающий канфар, наполненный пережженными костями, и бронзовый сосуд, накрытый крышкой. Сосуды поступили в Киевский исторический музей (№№ 16812 и 16813).

В 1951 г. на территории этой же усадьбы, принадлежащей сейчас М. Н. Родному, на глубине 0.30—0.40 м открыто еще одно погребение, находки из которого поступили в Институт археологии АН УССР. Здесь были найдены лепные глиняные лощеные сосуды — миска с поддоном, высокий кувшин с коленчатый ручкой на кольцевой ножке и шарообразный горшок, украшенный тре-

мя налепными подковками. Два последних сосуда были наполнены пережженными костями. С ними найдены бронзовые украшения — маленькая арбалетовидная фибула с боковым замком, перстень и два обломка проволочных браслетов, а также бусы из горного хрусталя и стекла, которые находились в шарообразном сосуде. Среди пережженных костей в кувшине была найдена железная скоба.

В 1954 г. И. М. Самойловский открыл на этом месте еще 4 погребения с трупосожжениями на глубине 0.25—0.45 м, при которых были найдены обломки сосудов с лощеной и шероховатой поверхностью зарубинецкого типа, обломок краснолакового сосуда эллиптического или раннеримского времени и небольшое металлическое колечко от пряжки. Найден египетский скарабей из синей пасты. Могильник можно датировать II—I вв. до н. э. и I в. н. э.

На расстоянии около 1 км к северо-западу от могильника на правом берегу р. Субы находится городище чернолесского типа. В 1951 г. А. И. Тереножкиным на городище обнаружены обломки сосудов зарубинецкого типа. Обломки представляют черепки мисок с отогнутым наружу краем и горшков с выпуклым корпусом и почти вертикальным широким горлом, украшенным по краю венчика пальцевыми вдавлениями и косыми насечками. Среди находок выделяются корчагообразный сосуд яйцевидной формы с сильно отогнутым венчиком, украшенным по краю косыми насечками, выпуклым широким корпусом и сильно суживающейся кверху донной частью. В верхней части сосуд украшен орнаментальным поясом, состоящим из двух горизонтальных валиков с пальцевыми вдавлениями, между которыми располагается третий валик в виде высокой ломаной линии. Высота сосуда около 60 см.¹

36. Г. Черкасы Киевской обл. Из двух фибул, найденных в г. Черкасы и попавших в Киевской исторический музей из собрания Кундеровича, одна

¹ ОАК за 1911 г., стр. 81, рис. 117—118; С. В. Коршенко, ук. соч., стр. 98; А. И. Тереножкин. Отчет о раскопках на городище в с. Субботово, Чигиринского р-на Киевской обл., в 1951 г. (рукопись: Архив ИА АН УССР, стр. 4, 6); В. П. Петров. Культура полів поховань на території УРСР, стр. 343, 415, табл. 18 (рукопись: Архив ИА АН УССР); И. М. Самойловский. Субботовский могильник, стр. 1—7 (рукопись: Архив ИА АН СССР).

¹ Там же, стр. 102.

² В. В. Хвойка. Поля погребений..., стр. 189; Б. Н. и В. Н. Ханиенко. Древности Приднестровья, III. 1900, стр. 21.

³ А. И. Тереножкин. Археологические исследования близ Смелы в 1952 г. КСИА, вып. 3, 1954, стр. 72.

² Памятники зарубинецкой культуры

была латенской схемы (каталог Кундеровича, стр. 80, № 20, или стр. 82, № 11).¹

ЛЕВЫЙ БЕРЕГ ДНЕСПРА

РЕКА ДЕСНА

37. С. Табаевка Черниговского р-на Черниговской обл. В западной части с. Табаевка над р. Белоус на современном кладбище, которое расположено на курганном могильнике X—XI в., в 1949 г. Д. И. Блифельдом под курганом № 2 был открыт культурный слой с находками обломков лепной посуды с шероховатой поверхностью, отогнутый венчик которых обычно украшен жемчужным орнаментом. Здесь же найдены остатки одной или, может быть, двух мисочек зарубинецкого типа. Кроме того, найдены наконечник стрелы IV—III в. до н. э. и бронзовая шпилька с завернутой в кольцо головкой. Здесь же обнаружены две ямы, одна из них могла быть жилищной.²

38. С. Шестовица Черниговского р-на Черниговской обл. На городище времени Киевской Руси, которое находится в урочище Коровель, в южной части села в 1948 г. Д. И. Блифельдом обнаружено несколько обломков лощеной посуды зарубинецкого типа.³

НИЖНЕЕ ТЕЧЕНИЕ Р. ДЕСНЫ

39. С. Пуховка Броварского р-на Киевской обл. В. В. Хвойка указывает на то, что в с. Пуховка им был открыт могильник зарубинецкого типа. В Киевском историческом музее сохранилось 5 сосудов зарубинецкого типа (№№ 17943—17945, 11005 и № 7), которые поступили в Киевский музей из собрания В. В. Хвойки и, возможно, происходят из этого могильника. Местонахождение могильника в 1946—

1948 гг. безуспешно пытался установить И. М. Самойловский.¹

40. С. Погребы Броварского р-на Киевской обл. В. В. Хвойка упоминает о могильнике зарубинецкого типа в с. Погребы б. Остерского уезда. Лепные сосуды-урны находил на песках возле с. Погребы В. Гезе.

В 1952 г. В. И. Каневец на расстоянии 1.5 км к западу от с. Погребы в урочище Лан обнаружил поселение с вещами зарубинецкого типа; поселение расположено на холме длиной около 600 м, шириной 200 м, подымающемся на 3 м над уровнем поймы. В одном из шурфов были открыты остатки наземного жилища с развалом глинобитной печи. Пол жилища слегка углублен в землю. На этом месте обнаружена также керамика периода бронзы и неолита и отдельные обломки посуды черняховского типа.²

РЕКА СЕЙМ, ПРИТОК ДЕСНЫ

41. С. Харьевка Путивльского р-на Сумской обл. На правом берегу р. Сейм, в урочище Трифон, на останце надпойменной террасы площадью около 8 га Д. Т. Березовцем в 1949 г. обнаружено поселение зарубинецкого типа. При раскопках 1949 и 1950 гг. обнаружено наземное жилище, стены которого были сплетены из лозы и обмазаны глиной, а также остатки двух глинобитных печей.

Керамический материал состоит почти исключительно из обломков лепных сосудов с шероховатой поверхностью, имеющих в тесте примесь шамота. Часть сосудов имела широкое горло, прямые венчики, расчлененное тулово и узкое дно, что не характерно для керамики зарубинецкого типа. Вместе с ними почти в равном количестве имеются сосуды с отогнутым венчиком, украшенным пальцевым орнаментом, выпуклым туловищем и плоским дном, — типичные для памятников зарубинецкого типа. Найдены также

¹ С. В. Коршенко, ук. соч., стр. 95—96.

² Д. И. Блифельд. 1) Отчет о Деснинской экспедиции 1949 г. (рукопись: Архив ИА АН УССР); 2) Древнейшее славянское поселение на Черниговщине. КСИА, вып. 1, Киев, 1952, стр. 53—54; 3) Славянские памятники Черниговщины по исследованиям последних лет. КСИА, вып. 2, 1953, стр. 29.

³ Д. И. Блифельд. 1) Отчет...; 2) Славянские памятники..., стр. 29; 3) Дослідження в с. Шестовицях. АП УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 123, 124, 126, 130.

¹ В. В. Хвойка. Древние обитатели..., стр. 43; А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, т. X, стр. 64; С. В. Коршенко, ук. соч., стр. 17; В. П. Петров. Зарубинецкий могильник (см. настоящий сборник, стр. 56).

² В. В. Хвойка. Древние обитатели..., стр. 23; С. В. Коршенко, ук. соч., стр. 17; В. И. Каневец. Звіт про розвідков и розкопки біля села Погреби, Броварського району, Київської області, в 1952 році (рукопись: Архив ИА АН УССР, стр. 26—49).

обломки мисок зарубинецкого типа и несколько обломков эллинистических амфор.¹

42. С. Зиново Старое Путивльского р-на Сумской обл. К западу от с. Зиново Старое на останце надпойменной террасы правого берега р. Сейм, в урочище Упуд, в 1947 и 1950 гг. Д. Т. Березовец обследовал остатки поселения, аналогичного Харьевскому, культурный слой которого размыт рекой.²

43. С. Пересыпка Путивльского р-на Сумской обл. В 2 км на север от с. Пересыпка, за лесом, на правом берегу безымянного ручья, на свежевспаханном поле Д. Т. Березовцем в 1950 г. найдена лепная посуда с шероховатой поверхностью, аналогичная харьевской.

Между селами Пересыпка и Глушец в пойме правого берега р. Сейм, в урочище Сеничный Бугор, Д. Т. Березовцем обнаружено еще одно такое же поселение. Материалы хранятся в фондах ИА АН УССР.

44. С. Новая Слобода Путивльского р-на Сумской обл. Около с. Новая Слобода Д. Т. Березовец в 1950 г. обнаружил три поселения зарубинецкого типа: 1) на мысу между двумя оврагами в урочище Кукорыши, справа от дороги, ведущей из с. Новой Слободы на г. Путивль; 2) на правом берегу оврага у крайних с запада домов с. Новая Слобода, на огородах колхозников; 3) около школы на левом берегу оврага, идущего параллельно дороге на г. Путивль.

45. С. Калище Путивльского р-на Сумской обл. Около с. Калище Д. Т. Березовец обнаружил еще три таких же поселения: 1) на правом берегу большого оврага против южной оконечности с. Калище; 2) на расстоянии 500 м от школы, по левой стороне оврага, идущего в сторону с. Липово. В обрыве здесь видны следы полуземлянки с остатками глинобитной печи, в заполнении которой найдены два черных лощеных черепка зарубинецкого типа; 3) против школы — вдоль правого склона, идущего от Новой Слободы до с. Липово.³

¹ Д. Т. Березовець. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. АП УРСР, т. V, 1955, стр. 60—63. Фонды Института археологии.

² Д. Т. Березовець. Отчет о Сеймско-славянской экспедиции 1950 г. (рукопись: Архив ИА АН УССР, стр. 4).

³ Фонды ИА АН УССР.

46. С. Пруды Путивльского р-на Сумской обл. В фондах Института археологии из раскопок Д. Т. Березовца, произведенных в с. Пруды в 1950 г., хранятся три обломка лепных сосудов с шероховатой поверхностью и три обломка лощеных мисок зарубинецкого типа, найденных в с. Пруды.¹

47. Хутор Красный Путивльского р-на Сумской обл. Против хутора Красный, на правом берегу р. Сейм, в урочище Огрудов, на свежей пахоте Д. Т. Березовцем в 1950 г. собрана посуда харьевского типа, а также керамика эпохи бронзы.

48. Хутор Пешков Путивльского р-на Сумской обл. На высоком правом берегу р. Сейм, за северной окраиной хутора Пешков, на пахотном поле собрано большое количество лепной посуды, аналогичной харьевской. Здесь же найдено несколько обломков черных лощеных, сильно профилированных мисочек зарубинецкого типа.²

49. С. Волинцево Путивльского р-на Сумской обл. При раскопках Волинцевского поселения VII—VIII вв. н. э. обнаружены отдельные обломки сосудов зарубинецкого типа.³

50. Г. Путивль Сумской обл. На восточной окраине г. Путивля, в урочище Пасека, в обнажениях заметен культурный слой, достигающий толщиной до 1 м, с грубой лепной керамикой, среди которой попадаются обломки черных лощеных мисочек зарубинецкого типа.⁴

51. Хутор Червоний Ранок Крелевецкого р-на Сумской обл. И. И. Ляпушкин во время разведок 1947 г. около хутора Червоний Ранок (б. Божки) на поверхности поля обнаружил обломки зарубинецкой посуды.⁵

ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ДНЕПРА МЕЖДУ РЕКАМИ ДЕСНОЙ И ТРУБЕЖОМ

52. С. Бортнички Бориспольского р-на Киевской обл. В. В. Хвойка указывает, что в с. Бортнички

¹ Там же.

² Д. Т. Березовець. Звіт про роботу Сеймсько-Слов'янської експедиції 1949 г. (рукопись: Архив ИА АН УССР, стр. 18).

³ Д. Т. Березовець, ук. соч., стр. 18.

⁴ Там же.

⁵ Фонды ИА АН УССР.

им был обнаружен могильник зарубинецкого типа. В 1951 г. В. Н. Даниленко произвел разведку вдоль левого берега р. Днестра к северу от с. Бортнички до с. Красный Хутор и обнаружил 4 пункта с находками зарубинецкой керамики, которые располагаются на песчаных дюнах бортовой террасы. Один из них обнаружен в северо-западной части с. Бортнички. На поверхности дюны здесь найдены остатки разрушенного трупосожжения, сопровождающегося посудой зарубинецкого типа и фибулой вендского типа. На расстоянии 100 м к северу находится второй пункт, на котором В. Н. Даниленко при раскопках обнаружил несколько ям диаметром до 1 м и глубиной около 1 м, отстоящих друг от друга на 10—15 м. Здесь же найдены железный нож с горбатой спинкой и посуда зарубинецкого типа с лощеной и шероховатой поверхностью.¹ Остальные два пункта находятся ближе к с. Красный хутор.

53. С. Гнедин Бориспольского р-на Киевской обл. У восточной окраины с. Гнедин, на южном склоне дюны, находящейся на левом берегу Днестра, вблизи дороги, прорезающей склон коренного берега Днестра, В. А. Товкачевский в 1952 г. обнаружил отдельные обломки зарубинецкой посуды с шероховатой поверхностью, украшенной по краю венчика пальцевым орнаментом. Тут же встречаются материалы неолитического времени.²

54. С. Вишеньки Бориспольского р-на Киевской обл. О наличии могильника зарубинецкого типа в с. Вишеньки упоминает В. В. Хвойка. В Киевский исторический музей из с. Вишеньки в разное время (1912—1915 гг.) поступило 10 сосудов зарубинецкого типа и 4 средне-латенских фибулы. В музее хранятся сейчас 6 сосудов: миска (№ 16080), три горшкообразных сосуда (№№ 17493, 17873 и 17956) и крупная ваза с четырьмя ручками (№ 17955), а также один маленький горшкообразный сосуд с шероховатой поверхностью (№ 17957). Кроме того, из коллекции Ф. П. Яновского в Институт археологии АН УССР поступили две среднелатенские фибулы.

В 1947 г. И. М. Самойловский произвел разведки вокруг Вишенек — в урочище Шоломы, Обирки, Процевский Лес и у озера

¹ Фонды ИА АН УССР.

² В. А. Товкачевский. Новые данные по археологическим разведкам в районе Киева (рукопись: Архив ИА АН УССР).

Золоче, но никаких материалов зарубинецкого типа не обнаружил.¹

55. С. Койлов Бориспольского р-на Киевской обл. По сведениям В. В. Хвойки, возле с. Койлов имеется могильник зарубинецкого типа. В Киевский исторический музей из с. Койлов от В. В. Хвойки поступили зарубинецкие сосуды: миска (№ 17872) и две кружки (№№ 17870—17871).

В 1925—1926 гг. А. Якубский обследовал около с. Койлов урочище Речище и обнаружил там среди материала разных эпох обломки сосудов зарубинецкого типа.

В 1947 г. И. М. Самойловский произвел раскопки в районе с. Койлов над озером Сурганы, в урочище «Пид Соснами», и разведки в урочищах Каверты и Куты. В урочище «Пид Соснами» им была вскрыта площадь 2×2 кв. м, на которой обнаружены три древних ямы. В одной из них лежала средне-латенская фибула. И. М. Самойловский считает свои находки остатками могильника.

На расстоянии 200 м обнаружено трупосожжение с черпаком скифского времени (VI—V вв. до н. э.).²

56. С. Рудаково Ржищевского р-на Киевской обл. В. В. Хвойка сообщает о находке могильника зарубинецкого типа у с. Рудаково. Во время разведок 1951 г., произведенных И. М. Самойловским, могильник не был обнаружен.³

РЕКА СУПОЙ—ДНЕСТР

57. С. Липляева Гельмязевского р-на Черкасской обл. До Отечественной войны в Киевском историче-

¹ В. В. Хвойка. Древние обитатели..., стр. 43; С. В. Коршенко, ук. соч., стр. 16—17; В. П. Петров. Зарубинецкий могильник (см. настоящий сборник, стр. 54); Каталог Киевского исторического музея, Археологический отдел, I, стр. 435, 436, 516, 531, 549—551; И. М. Самойловский. Дневник, стр. 12. Архив ИА.

² И. М. Самойловский. Розвідки і розкопки в Києві та його околицях в 1947—1948 гг. АП УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 78—81; Н. В. Липляева. Роботи експедиції «Великий Київ» за 1947 р. АП УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 44—45; В. В. Хвойка. Древние обитатели..., стр. 43; О. Якубский. Дюнна станція біля с. Койлова, Переяславського повіту. КЗ ВУАК за 1925 р., стр. 95; В. П. Петров. Зарубинецкий могильник (см. настоящий сборник, стр. 59).

³ В. В. Хвойка. Древние обитатели..., стр. 43; И. М. Самойловский. Археологічні розвідки на лівому березі Дніпра в 1951 році (рукопись: Архив ИА АН УССР).

ском музеє хранилось 8 латенских фибул, поступивших в музей из собрания Кундеревича. Одна из фибул раннелатенской схемы, 6 — среднелатенской и 1 — позднелатенской схемы.¹

58. С. Келеберда Гельмязевского р-на Черкасской обл. В коллекции Киевского исторического музея имеется лепной сосуд с прямым невысоким горлом, по-видимому, зарубинецкого времени. Сосуд приобретен В. В. Хвойкой в 1910 г. и поступил в музей в 1915 г.²

РЕКА СУЛА

59. С. Басовка Смелевского р-на Сумской обл. В Киевском историческом музее хранится зарубинецкая миска, которая поступила в музей из раскопок А. Бобринского около с. Басовки (курган № 3; № 27534).

Керамика зарубинецкого типа была найдена также на Басовском городище во время раскопок в 1906 г. Н. Е. Макаренко и в 1945 г. В. А. Ильинской.³

60. С. Беседовка Смелевского р-на Сумской обл. В урочище Белопольских, к юго-востоку от с. Беседовки, во время раскопок 1949 г. Е. В. Махно было найдено несколько обломков лепной лощеной посуды, напоминающей зарубинецкую.⁴

61. С. Гурбинцы Сребнянского р-на Черниговской обл. Среди коллекций Прилукского районного краеведческого музея имеется два лепных сосуда с лощеной поверхностью темно-серого цвета с желтоватыми пятнами. Один из них — кружка зарубинецкого типа со слегка отогнутым венчиком, высокими покатыми плечиками и плоским дном (высота 8.3 см, диаметр венчика — 8.2 см) —

происходит из с. Гурбинец (№ 1898). Место находки другого не известно (№ 1446).¹

62. Г. Лубны Полтавской обл. В 1881 г. Ф. Каминский в насыпи одного из раскопанных им курганов в урочище Замок около г. Лубны обнаружил впускное погребение с глиняными сосудами зарубинецкого типа.

РЕКА ПСЕЛ

63. С. Верхняя Мануйловка Козельщанского р-на Полтавской обл. В насыпи кургана эпохи бронзы «Гострая Могила» около с. Верхняя Мануйловка во время раскопок А. Щербачева было обнаружено впускное погребение с трупосожжением, сопровождавшееся сосудами, напоминающими зарубинецкие, среднелатенской фибулой, наконечником копья и бусами.²

64. С. Дьяченки Козельщанского р-на Полтавской обл. Впускное погребение с трупосожжением было обнаружено в насыпи кургана эпохи бронзы возле с. Дьяченки, которое М. Я. Рудинский вместе с погребением у с. Верхняя Мануйловка объединяет под названием Кременчугские курганы.³

ВЕРХОВЬЯ РЕКИ ВОРКСЛЫ

65. Г. Грайворон. В 1951 г. С. Н. Одинцовой на западной окраине г. Грайворон, в урочище Луг, на дюне, возвышающейся на 3 м над поймой правого берега р. Ворсклы, обнаружен обломок сосуда зарубинецкого типа.⁴

66. С. Камышеваха Грайворонского р-на. В 1951 г. С. Н. Одинцовой около с. Камышевахи, на расстоянии 11 км к западу от г. Грайворон, на берегу водохранилища найдено донышко от сосуда зарубинецкого типа.⁵

¹ В. П. Петров. Памятки культуры погребений на территории УРСР.

² Фонды Киевского исторического музея, Археологический каталог, III, т. I, стр. 549.

³ Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднестровья, вып. II, 1899, стр. 40, табл. XXXIV, рис. 655; Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в 1906 г. ИАК, вып. 22, СПб., 1907, стр. 78—85; Фонды ИА АН УССР, материалы раскопок В. А. Ильинской.

⁴ Е. В. Махно. Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н. е. в верхній течії Сулі. АП УРСР, т. V, 1955, Київ, стр. 84.

¹ Труды VIII археолог. съезда, т. IV, стр. 239; М. Я. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник до 35-річчя Полтавського музею. Полтава, 1928, стр. 48; материалы Полтавского музея.

² М. Я. Рудинський, ук. соч., стр. 48.

³ Там же.

⁴ С. Н. Одинцова. Разведка по р. Ворскле в районе Грайворон (рукопись: Архив ИА АН УССР, стр. 4).

⁵ Там же.

Ю. В. Кухаренко

ПАМЯТНИКИ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБЛАСТИ
ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

(Материалы к археологической карте)

Публикуемые ниже сведения о памятниках зарубинецкой культуры на территории Верхнего Поднепровья не претендуют на исчерпывающую полноту. Автор ставил перед собой задачу дать краткую предварительную сводку известных ему пунктов с находками зарубинецкого или близкого им типа, отсутствие которой тормозит практическую работу по археологическому изучению раннеславянских древностей указанной области, исследованной в этом отношении значительно хуже, чем области Среднего Поднепровья.

Памятники зарубинецкой культуры в области Верхнего Поднепровья, бассейна Припяти и поречья Десны, при общей их близости к зарубинецким памятникам более южных районов Приднепровья, составляют своеобразную группу. Достаточно сказать, что в Верхнем Поднепровье, исключая его южные, пограничные с лесостепью районы, нет поселений и «полей погребений» черняховского типа II—IV вв. н. э., сменяющих в южных областях зарубинецкие поселения и могильники. В указанные столетия в Верхнем Поднепровье в своеобразных формах продолжала переживать зарубинецкая культура. Особенности зарубинецкой культуры разного времени в различных районах Верхнего Поднепровья еще не изучены. Наряду с поздnezарубинецкими памятниками в Верхнем Поднепровье имеются «поля погребений» и более раннего времени, также пока что не изученные. Они близки, по-видимому, так называемым «подклошевым» могильникам территории Польши. Имеются здесь и «поля погребений», более поздние, чем зарубинецкая культура. Примером такого «погребального поля» является могильник с трупосож-

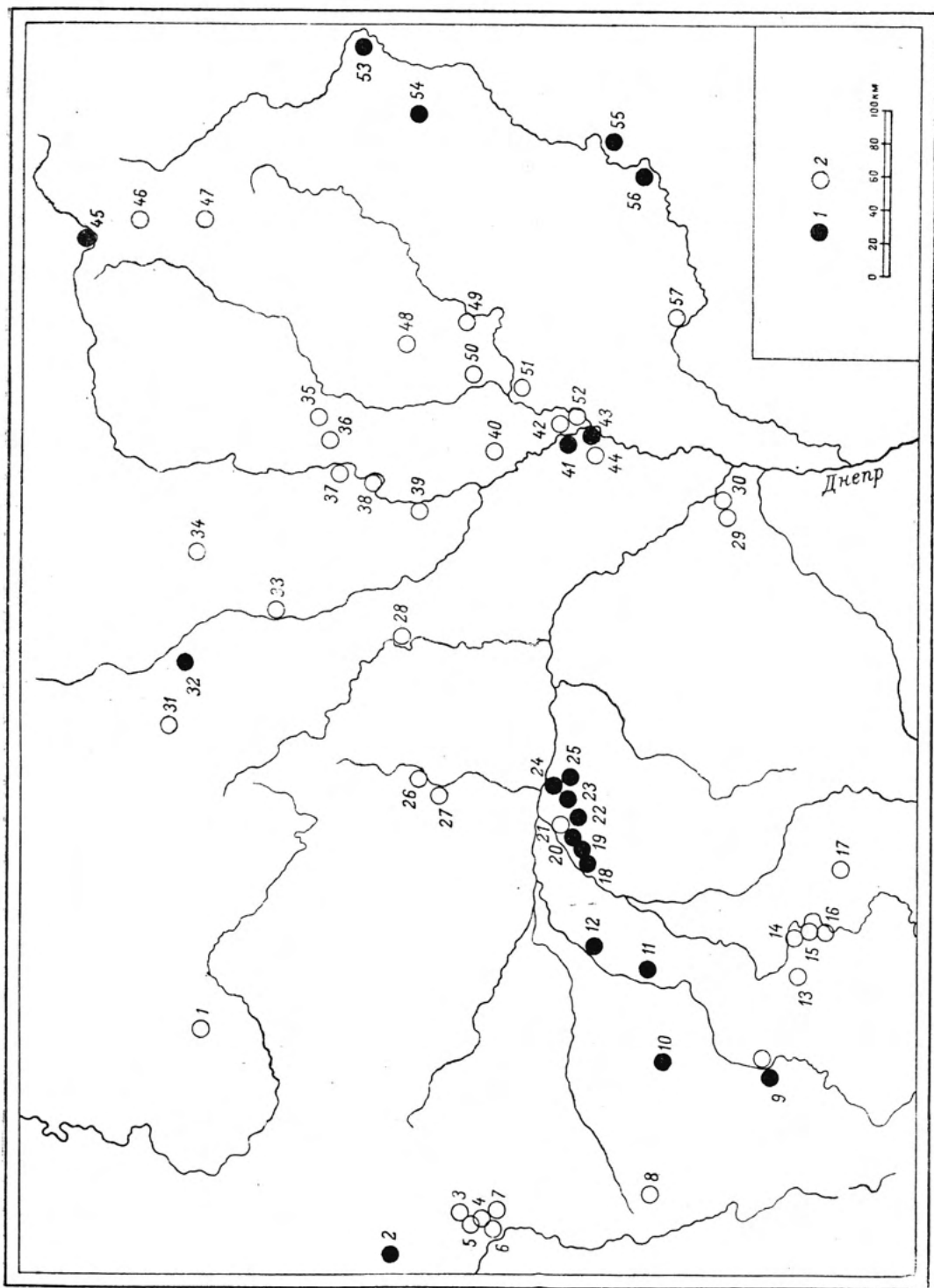
жениями у Нового Быхова, относящийся, по-видимому, к середине I тысячелетия н. э.

В приведенных ниже материалах нашли отражение данные о 53 могильниках, более чем десяти поселениях и нескольких пунктах, где зафиксированы отдельные находки вещей зарубинецкого характера. На археологической карте разделяются: 1) бесспорно зарубинецкие памятники и 2) такие поселения и могильники, которые либо близки зарубинецким, но принадлежат к другому времени — более раннему или более позднему, либо характер их точно не установлен.

В хронологическом отношении все эти памятники укладываются в рамки примерно с середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э. Наиболее ранние из них, так называемые «подклошевые» (Владычицы, Тростяница и др.), относятся к IV—I вв. до н. э., самые поздние (Новый Быхов, Хотица) синхроничны черняховским могильникам Среднего Поднепровья II—IV вв. н. э. или несколько позднее их.

При составлении настоящих материалов, помимо доступных автору публикаций и архивных данных, были использованы материалы музеев, а также результаты полевых работ, проводимых в Верхнем Поднепровье в последние годы (до 1955 г.).

1. Д. Нача Радуньковского р-на Гродненской обл. В начале нашего века польским археологом В. А. Шукевичем обнаружен в д. Нача древний могильник, во время раскопок которого было вскрыто несколько трупосожжений. Они находилось в ямах глубиной до полутора метра. Сверху ямы были прикрыты каменными плитами или же обложены вокруг мелкими

Карта зарубинецких памятников Верхнего Поднепровья.

1 — памятники зарубинецкого типа; 2 — прочие памятники (шпелерные, подкловые, неопределенные).

камнями. На дне каждой ямы стояло по несколько глиняных сосудов, раздавленных землей. Среди обломков сосудов находились пережженные человеческие кости и уголь. Ю. Костшевский относит эти погребения к памятникам пшеворского типа.¹

2. С. Великие Гриневичи Бельск-Подлясского повета Белостокского воеводства Польши. Могильник зарубинецкого типа возле с. Великие Гриневичи расположен на песчаных всхолмлениях, прилегающих к болотистому левому берегу р. Орлянки. В начале 20-х годов на могильнике производил раскопки З. Шмит. Им было вскрыто 41 погребение с трупосожжением в небольших округлых ямках глубиной до 0.50 м. Сосуды, найденные в погребениях, — лепные, в большинстве случаев не лощеные. Фибулы — «очковые» и среднелатенские зарубинецкого типа (с широкой треугольной спинкой). В погребениях содержалось также много различных мелких украшений из бронзы: подвески, пронизи, кольца и пр.²

3. Д. Ратайчицы Каменецкого р-на Брестской обл. В 1929 г. на небольшой песчаной возвышенности в 1.5 км от д. Ратайчицы по направлению к д. Млыны во время дорожных работ крестьяне обнаружили погребение с трупосожжением. Пережженные кости находились в большом глиняном горшке, стоявшем в ямке, перекрытой сверху камнем. В горшке среди костей были большие бусины из красного камня.

По рассказам местных жителей, на этом же месте время от времени ветер выдувает пережженные и непережженные человеческие кости, а также обломки глиняных сосудов. Тип могильника не установлен.³

4. Д. Владычицы Каменецкого р-на Брестской обл. На небольшой песчаной возвышенности в 1.5 км от д. Вилешкова во время земляных работ крестьяне обнаружили большую глиняную урну, заполненную пережженными челове-

ческими костями. Сверху урна была прикрыта обломками глиняной миски. Погребение относится к типу подклошевых.¹

5. Д. Тростяница Каменецкого р-на Брестской обл. Возле кладбища у д. Тростяницы во время земляных работ, связанных с ремонтом дороги из Тростяницы в д. Ратайчицы, крестьяне обнаружили четыре погребения с трупосожжением. Пережженные кости находились в глиняных урнах, стоявших в ямах на небольших каменных вымостках. Среди костей, находящихся в урнах, были стеклянные бусины и сплавившиеся бронзовые поделки. Во время обследования места находки польскими археологами установлено наличие здесь могильника типа подклошевых.²

6. Д. Мотыкалы Брестского р-на Брестской обл. В б. имении Вистицы (д. Мотыкалы) осенью 1880 г. при рытье рва для фундамента сечкарни землекопы обнаружили три глиняных урны, наполненных пережженными костями. Урны изготовлены из темно-серой глины и имели форму горшков. Никаких других вещей не было. Тип могильника не установлен.³

7. Д. Скорбичи Брестского р-на Брестской обл. На южной окраине д. Скорбичи, на небольшой песчаной возвышенности левого берега р. Лесной, имеется древний могильник. Во время раскопки крестьяне неоднократно находили здесь различные металлические вещи, обломки глиняных сосудов и человеческие кости, в том числе пережженные. Обследовавшие место находок польские археологи (К. Яглин, С. Глогер) собрали на поверхности много различных вещей: бронзовые булавки и «римские фибулы», спирали, стеклянные и янтарные бусы, обломки костяных гребней, фрагменты глиняных сосудов и пр.⁴

8. С. Головно Головнинского р-на Волынской обл. На небольшом всхолмлении в 2 км к северо-западу от с. Головно несколько лет тому назад крестьяне выпахали глиняный горшок с пеплом. Летом 1954 г. крестьянин Е. Ф. Бон-

¹ ОАК за 1909—1910 гг., стр. 173—174; I. K o s t r z e w s k i. Od mezolitu do okresu wędrówek ludów. Prehistoria ziem Polskich. Kraków, 1939—1948, str. 325.

² Z. S z m i t. Sprawozdanie z poszukiwań archeologicznych w Hryniewiczach Wielkich. Wiadomości Archeologiczne, t. VII, Warszawa, 1922, str. 107—120.

³ Z otchłani wieków, R. XII, 1937, z. 11—12, str. 168.

¹ Z otchłani wieków, R. XII, 1937, z. 11—12, str. 169—170.

² Z otchłani wieków, R. XII, 1937, z. 11—12, str. 169—170.

³ Ф. В. Покровский. Археологическая карта Гродненской губернии. Вильна, 1895, стр. 101—102.

⁴ Ф. В. Покровский, укр. соч., стр. 89—90.

дарь выкопал здесь же несколько фрагментированных сосудов. Тип могильника не установлен.

9. Г. Луцк Волынской обл. В фондах Луцкого музея хранятся три небольших лепных сосуда, найденные в погребении с трупосожжением в урочище Фельчеровцы Луцкого повета (точнее не известно). В погребении было пять сосудов. Все сосуды лепные, коричневые, не лощеные, по форме и технике выделки аналогичны сосудам из припятских зарубинецких могильников.

В этом же музее хранятся два сосуда — горшок и кувшин с отбитой ручкой, — найденные во время земляных работ в г. Луцке, в усадьбе Назаревича. Оба сосуда гончарные, черняховского типа.

10. С. Черск Маневического р-на Волынской обл. В фондах Волынского областного музея хранятся лепной зарубинецкий сосуд и бронзовая булавка, найденные возле села Черск в 1937 г.

При обследовании автором места находки в 1955 г. оказалось, что указанные вещи были обнаружены в погребении с трупосожжением, обнаженном ветром на поверхности дюны к югу от села. В настоящее время поверхность дюны развеяна полностью. В выдувах встречаются скопления пережженных человеческих костей, обломки глиняных сосудов и бесформенные отщепы кремня. Могильник, по видимому, уничтожен почти полностью.

11. С. Зеленица Владимирского р-на Ровенской обл. На небольшой песчаной возвышенности в урочище Подкозел возле с. Зеленица имеется могильник зарубинецкого типа. В мае 1937 г. на могильнике производил разведочные раскопки польский археолог Фитцке. Во время раскопок было вскрыто несколько ямных погребений с трупосожжением.¹

12. С. Иванчицы Высоцкого р-на Ровенской обл. В с. Иванчицы на поверхности большой дюны в урочище Юзова гора крестьяне неоднократно находили целые и фрагментированные глиняные сосуды и различные металлические вещи. В 1927 г. здесь производил небольшие раскопки польский археолог В. Антонец. Им было вскрыто несколько погребений с трупосожжением и инвентарем, характерным для памятников зарубинецкого типа.

В 1953 г. могильник обследован автором. Дюна, на которой находились погребения, теперь уже развеяна почти полностью, и могильник, по крайней мере в большей своей части, уничтожен.¹

13. С. Деревянне Клеванского р-на Ровенской обл. Весною 1935 г. крестьянин с. Деревянне З. Яценко во время хозяйственных работ на своем участке выкопал бронзовую миску с отломанным ушком. После этого здесь производили небольшие раскопки польские археологи З. Лесский и Т. Рейман. Им вскрыто несколько погребений с трупосожжением, залегавших на глубине около двух метров. В одном из погребений сожжение трупа было неполное; полностью уцелели все большие кости.

Керамика, найденная в погребениях, представлена хорошо известными нам черняховскими формами сосудов, а также, что особенно интересно, лепными сосудами пшеворского типа. Кроме сосудов, в погребениях находились костяные гребни, стеклянные и янтарные бусы, бронзовые и железные фибулы и пряжки, глиняные пряслица и другие вещи. Почти все вещи, найденные в могильнике в с. Деревянне, в настоящее время хранятся в Луцком музее.²

14. С. Городище Александрійского р-на Ровенской обл. Судя по записям в инвентарной книге Киевского исторического музея, дважды (в 1909 и 1919 г.) в музей поступали глиняные сосуды, железные ножи, пряжки, подвески и другие вещи, найденные возле с. Городище во время постройки и ремонта железной дороги, идущей к сахарному заводу. В настоящее время в музее хранится лишь пять сосудов из Городища. Три из них лепные — две миски и чашевидный сосуд на высокой ножке, — два гончарные, чернолощенные. Лепные сосуды, несмотря на известное своеобразие, относятся к зарубинецкому типу, гончарные — обычные черняховские.

15. С. Дорогобуж Гощенского р-на Ровенской обл. В фондах Киевского исторического музея хранится большой пифосовидный черняховский со-

¹ W. Antoniewicz. Archeologia Polski. Warszawa, 1928, str. 173; R. H o r o s z k i e w i c z. Tradycje ziemi Piskiej. Pinsk, 1928, str. 12—13.

² Z otchłani wieków, R. XI, 1936, z. 4—5, str. 60—61; R. XII, 1937, z. 9—10, str. 126.

¹ Z otchłani wieków, R. XII, 1937, z. 6, str. 82, z. 11—12, str. 166.

суд, поступивший в музей из с. Дорогобуж. Обстоятельства находки сосуда неизвестны. Можно предполагать, что он был найден в погребении, обнаруженном случайно. Сосуд сделан на гончарном круге, довольно тонкостенный, поверхность шероховатая, серого цвета. Венчик отбит, корпус украшен двумя рельефными валиками, покрытыми насечкой.

16. С. Горбаков Гощенского р-на Ровенской обл. На левом берегу р. Горыни в центре с. Горбакова находится городище, обследованное автором в 1953 г. Площадка городища обнесена концентрическим земляным валом. На городище хорошо прослеживается культурный слой мощностью около одного метра. В слое наряду с фрагментами лепных сосудов встречаются обломки гончарных серолощенных сосудов черняховского типа.

17. С. Кутки Берездовского р-на Хмельницкой обл. В 1927 г. возле с. Кутки крестьянин С. Задворный выпалал погребение с трупосожжением. В 1953 г. автор вместе с С. Задворным обследовал место находки. Это небольшая возвышенность на западной окраине села, покрытая естественными выходами камня. Урна, выпаланная в 1927 г. С. Задворным, была прислонена к одному из таких камней. С трех других сторон ее прикрывали небольшие камни.

Недалеко от места находки обнаружено второе погребение с трупосожжением. Пережженные кости находились в небольшой гончарной мисочке черняховского типа. Мисочка стояла в неглубокой ямке. Никаких камней возле нее не было.

На поверхности могильника найдено много фрагментов глиняных сосудов того же типа, что и урна. На некоторых из них имеются х-образные ушки. Найдено также глиняное биконическое пряслице.¹

18. Д. Викаревичи Столинского р-на Брестской обл. Осенью 1935 г. во время рытья соединительного канала между старицами р. Горыни в урочище Жерновице, возле д. Викаревичи, землекопы обнаружили большую бронзовую булавку с плоско-спиральной головкой и бронзовый спиралевидный браслет. Здесь же находили обломки глиняных сосудов.

В фондах Пинского музея в настоящее время хранятся лепные миска и кружка, сердоликовая четырнадцатигранная бусина, две бронзовые фибулы зарубинецкого типа и бронзовая булавка с петлевидной головкой, найденные в б. Столинском повете и переданные в музей Р. Горошковичем. Точное место находки указанных вещей не известно.

19. Д. Отвержичи Столинского р-на Брестской обл. Летом 1955 г. в д. Отвержичи автором обнаружены селище и могильник зарубинецкого типа. Селище расположено на территории колхозного двора, а могильник — в одном километре к югу, на площади современного деревенского кладбища. На этом же кладбище имеются славянские курганы. Во время раскопок двух из них и был обнаружен могильник полей погребений.

20. Д. Хотомель Давид-Городокского р-на Брестской обл. На хуторе Городище возле д. Хотомель имеется небольшое раннесредневековое городище и возле него — селище. На западной окраине селища во время земляных работ в 1937 г. крестьяне обнаружили погребение с трупосожжением. Пережженные кости были прикрыты сверху большим глиняным горшком, стоявшим вверх дном. Вокруг горшка лежало шесть небольших камней. Тогда же, по словам местных жителей, место находки обследовали польские археологи. Тип могильника не установлен.

21. Г. Давид-Городок Брестской обл. Осенью 1937 г. в окрестностях Давид-Городка польский археолог Я. И. Якимович обнаружил могильник полей погребений. На могильнике вскрыто значительное число ямных погребений с трупосожжением. В одном из них найден глиняный сосуд, стоявший вверх дном. Рядом с сосудом находилась овальная железная пряжка. Тип могильника не установлен.

Я. И. Якимович датировал могильник эпохой переселения народов.¹

22. Д. Велемичи Давид-Городокского р-на Брестской обл. На восточной окраине д. Велемичи в 1954 г. автором обнаружены могильник и поселение зарубинецкого типа. На могильнике вскрыто 24 погребения с трупосожжением. Поселение

¹ С. Магура. Випадкові знахідки за рік 1927. Хроніка археології та мистецтва, ч. I, Київ. 1930, стр. 51—52.

¹ Z otchłani wieków, R. XII, 1937, z. 9—10, str. 136.

вплотную примыкает к могильнику с востока.

В 1.5 км далее к востоку от могильника, в ур. Турско, обнаружены подвергнуты раскопкам второй могильник того же типа. На могильнике вскрыто 107 погребений с трупосожжением и богатым инвентарем: глиняные сосуды, бронзовые и железные фибулы, булавки, подвески и височные кольца, стеклянные бусы, железные и кремневые ножи и др. В нескольких погребениях были найдены вещи, характерные для могильников черняховского типа: гончарные лощеные сосуды, костяные гребни, бронзовые фибулы и пряжки.

23. Д. Ремель Давид-Городокского р-на Брестской обл. В 1954 г. на восточной окраине д. Ремель находятся могильник и поселение зарубинецкого типа. Во время разведочных раскопок на могильнике вскрыто несколько погребений с трупосожжением и инвентарем, обычным для памятников зарубинецкого характера. Поселение примыкает к могильнику вплотную с юго-востока.

24. Д. Воронино Туровского р-на Гомельской обл. В 1952 г. в центре д. Воронино автором обнаружен могильник зарубинецкого типа. В течение двух последующих лет на могильнике было вскрыто 52 погребения с трупосожжением и богатым инвентарем — глиняные сосуды, бронзовые фибулы и булавки, браслеты, пряжки, ножи и пр.¹

25. Ур. Казаргать возле д. Буйразь Туровского р-на Гомельской обл. В 1927 г. С. С. Шутов² в километре к югу от д. Буйразь, в урочище Казаргать, обнаружил могильник зарубинецкого типа. На развеейной поверхности большой песчаной дюны было открыто около двадцати погребений с трупосожжением. В лучше сохранившихся погребениях на дне небольших ямок находились пережженные человеческие кости, а рядом с ними стояли глиняные сосуды. Интересно, что во всех случаях их было по три: горшок; миска и кружка. Все сосуды лепные, многие из них лощеные.

¹ Ю. В. Кухаренко. Могильники полей погребений в Верхнем Приднепровье. КСИИМК, вып. 53, стр. 80—85.

² А. З. Коваленя і С. С. Шутаў. Матар'ялы з дагісторыі Тураўшчыны. Працы Археалагічнай камісіі БАН, т. II, Менск, 1930, стр. 339—381.

26. Д. Митяевичи Старобинского р-на Минской обл. На левом берегу р. Случи против д. Митяевичи имеется большая группа курганов. Около 30 из них в 1929 г. было раскопано С. А. Дубинским. Все они содержали обычные славянские захоронения с трупосожжением. Рядом с курганами обнаружено несколько бескурганных погребений с трупосожжением, тип которых остался не установленным.¹

27. Г. Старобин Минской обл. По сведениям С. А. Дубинского, возле г. Старобина имеется могильник полей погребений. Могильник расположен на песчаных всхолмлениях правого берега р. Случи. В 1929 г. на этом могильнике А. Н. Лявданский вскрыл несколько погребений с трупосожжением в урнах. Тип могильника не установлен.²

28. Д. Каныши Глусского р-на Минской обл. По сведениям А. Рынейского, на развеейной поверхности песчаных всхолмлений к северу от д. Каныши был найден глиняный сосуд с пережженными человеческими костями.³

29. С. Залесье Чернобыльского р-на Киевской обл. В 1896 г. М. К. Якимович возле с. Залесье обнаружил древний могильник. Могильник был расположен в широкой пойме р. Уж, в урочище Цыгельня. Здесь на развеейной песчаной поверхности было собрано большое количество фрагментов глиняных сосудов, несколько обломков бронзовых браслетов латенского типа, бронзовые наконечники стрел, стеклянные бусы и другие вещи. Некоторые фрагменты глиняных сосудов украшены ногтевым орнаментом.

В одном месте М. К. Якимович при помощи щупа обнаружил и извлек целый глиняный сосуд, наполненный пережженными человеческими костями и золою. Внутри сосуда, сверху на костях, лежала бронзовая раннелатенская фибула. Сосуд, по-видимому; гончарный. Среди керамики из

¹ С. А. Дубінскі. Досьледы культур железнага перыяду на БССР у 1929 г. Працы Археалагічнай камісіі БАН, т. II, Менск, 1930, стр. 511.

² С. А. Дубінскі, ук. соч., стр. 511; А. Ляўданскі. Археалагічныя досьледы у вадзборах р. р. Сажа, Дняпра і Касплі у Смаленскай губерні. Працы археалагічнай камісіі БАН, т. II, Менск, 1930, стр. 269—339.

³ Анат. Рынейскі. Археалагічныя разведкі на р. Пцічці. Працы секцыі археалагіі БАН, т. III, Менск, 1932, стр. 210.

могильников зарубинецкого типа он аналогичный не имеет.¹

30. С. Гапоновичи Чернобыльского р-на Киевской обл. По сведениям М. К. Якимовича, на песках возле с. Гапоновичи, в начале дороги, ведущей в с. Черевач, встречаются вещи, аналогичные вещам из могильника в с. Залесье.²

31. Д. Свидно Логойского р-на Минской обл. По сведениям А. Н. Лявданского, в 1924 г. в д. Свидно на глубине 0.60 м была обнаружена глиняная урна гончарной работы с пережженными человеческими костями.³

32. Д. Слободовка Борисовского р-на Минской обл. По сведениям Ю. Костшевского, возле д. Слободовка имеется могильник зарубинецкого типа.⁴

33. Д. Мирославка Березинского р-на Минской обл. По сведениям А. Н. Лявданского, на песчаной возвышенности левого берега р. Березины возле д. Мирославки имеется поле погребальных урн. В 1931 г. в неглубоких ямках здесь обнаружены пережженные человеческие кости, лепные горшки и орнаментированное глиняное пряслице. Тип могильника не установлен.⁵

34. Д. Лубяны Бельничского р-на Могилевской обл. На развеевной поверхности песчаных всхолмлений левого берега р. Друть возле д. Лубяны обнаружены скопления фрагментов глиняных лепных сосудов возле темных пятен с пережженными человеческими костями. По-видимому, здесь имеется могильник с трупосожжением.⁶

35. Д. Чаранка Чаусского р-на Могилевской обл. На высоком правом берегу р. Ресты, в 2 км к северо-западу от д. Чаранки, имеется небольшое городище. По сведениям В. Р. Тарасенко, метрах в двухстах к западу от городища на плато им обнаружена небольшая каменная вымостка; некоторые камни ее были обожжены. Возле нее найден грубый лепной горшочек, заполненный пережженными человеческими костями. Тип могильника не установлен.¹

36. Д. Хотища Славгородского р-на Могилевской обл. Во время корчевки леса и распашки освободившейся из-под леса площади на западной окраине д. Хотища крестьяне находили различные металлические предметы: бронзовые браслеты, пряжки, кольца и пр. В 1912 г. место находки обследовал И. А. Сербов. На поверхности пашни им найдено 24 янтарных и 10 стеклянных бусин, три бронзовых витых перстенька, 7 бронзовых витых и массивных с утолщенными концами браслетов, две бронзовые гривны с подвесками, 9 бронзовых фибул, три бронзовых с позолотой бляшки с птичьими головками и выпуклой головкой человека, несколько обломков гончарных сосудов и много пережженных человеческих костей.

После обследования И. А. Сербова крестьяне по-прежнему находили на этом месте разные вещи. Два литые бронзовые браслета с утолщенными концами и обломок бронзовой позолоченной пряжки со стилизованной головкой хищной птицы, найденные в 1930 г., были переданы в Могилевский музей. Эти вещи были опубликованы А. Н. Лявданским.

Не приходится сомневаться, что указанные находки были сделаны на могильнике середины I тысячелетия н. э. Разведочные раскопки, произведенные автором на предполагаемом месте могильника в 1953 г., к сожалению, не дали положительных результатов.²

¹ Отчет Археологической комиссии за 1896 г., СПб., 1898, стр. 52; М. К. Якимович. Дюнные стоянки неолитической эпохи в Радомышльском уезде Киевской губ. АЛЮР, № 3—4 за 1903 г., Киев, 1904, стр. 164—167; Н. Беляшевский. Поле погребальных урн эпохи la Tène в Радомышльском у. Киевской губ. АЛЮР, № 1—2 за 1904 г., стр. 13—17; А. А. Спицын. Памятники латенской культуры в России. ИАК, вып. 12, стр. 83.

² М. К. Якимович, ук. соч., стр. 168.

³ А. Н. Лявданский. Раскопки и археологические разведки у Барысауским павце. Науковы зборник ИБК, Минск, 1925, стр. 86—105.

⁴ I. K o s t r z e w s k i, ук. соч., стр. 334.

⁵ А. Лявданский. Кароткае паведамленне аб досьледах культур эпохі желяза у БССР у 1930—1931 г. Працы секцыі археалогіі БАН, т. III, Минск, 1932, стр. 235.

⁶ А. З. Коваленя, С. С. Шутаў, ук. соч., стр. 192.

¹ В. Р. Тарасенка. Археалогічная праца на Маглеушчыне у 1930 г. Працы секцыі археалогіі БАН, т. III, Минск, 1932, стр. 239.

² I. A. Сербов. Археалогічныя абсьледаванні у вадазборах рэк Проні — Ухлясьці у был. Маглеушчыне. Працы секцыі археалогіі БАН, т. III, Минск, 1932, стр. 240; А. Лявданский. Разныя знахідкі. Працы секцыі археалогіі БАН, т. III, Минск, 1932, стр. 244, табл. I, рис. 4—5.

37. Д. Новый Быхов Быховского р-на Могилевской обл. Примерно в километре к северу от д. Новый Быхов, в урочище Гора Радышева, известна группа курганов. Некоторые из них в 1905 г. раскопал Е. Р. Романов. В курганах содержались погребения с труположением и инвентарем, характерным для русских древностей X—XIII вв.

В нескольких шагах от одного из курганов были найдены остатки двух разрушенных бескурганых погребений с трупосожжением в урнах. На песках к северу от этого места найдено еще несколько массивных урн, обнаженных ветром. В урнах находились пережженные кости. Здесь же Е. Р. Романов нашел свинцовую печать с греческой надписью на одной стороне и женскою головою в нимбе — на другой. По определению, данному в Археологической комиссии, печать датируется VIII в.

В 1925 г. на развеейной песчаной поверхности недалеко от самого северного из курганов, раскопанных Е. Р. Романовым, С. С. Шутов также обнаружил большую глиняную урну, наполненную пережженными костями. В том же и в последующих двух годах на месте находки С. С. Шутова производил раскопки И. А. Сербов. Результаты раскопок не опубликованы. Известно только, что было обнаружено 12 зольных пятен и шесть урн.

Осенью 1952 г. на могильнике производил раскопки автор. Было вскрыто 240 кв. м, и на этой площади обнаружено восемь погребений с трупосожжением, залегающих на незначительной глубине. Все погребения ямные, т. е. безурновые. В одном из них пережженные кости были прикрыты сверху большим колоколовидным сосудом, стоявшим вверх дном. Сосуд лепной, поверхность его бугристая, желтовато-коричневого цвета. По сообщению С. С. Шутова, во время раскопок И. А. Сербова также встречались погребения, в которых маленький сосудик, наполненный пережженными костями, был прикрыт сверху большим сосудом, стоявшим вверх дном. Судя по керамике, могильник относится к середине и второй половине I тысячелетия н. э.¹

38. Д. Кистени Рогачевского р-на Гомельской обл. В 1900 г. крестьянин Бугров во время посадки сада в своей усадьбе в д. Кистени выкопал несколько глиняных урн. Одну из них находчик отдал местному учителю, остальные уничтожил. Уцелевшая урна лепная, плохо обожженная, несимметричная, высотой в 5 вершков. Внутри урны находились пережженные кости и пепел. Сверху урна была прикрыта опрокинутым днищем другого такого же сосуда бóльших размеров.

Несколько лет тому назад на усадьбе, соседней с садом Бугрова, крестьянка А. Гераськова также выкопала горшок с пережженными костями. При обследовании места находки автором на поверхности было собрано небольшое количество фрагментов лепных сосудов.

Рядом с могильником находится городище. От могильника оно отделено глубоким оврагом. Городище небольшое, типа мысовых. С напольной стороны укреплено земляным валом и рвом. На площадке городища хорошо прослеживается культурный слой мощностью до 0.80 м. В слое много фрагментов лепных глиняных сосудов с гладкостенной и штрихованной поверхностью, костей животных и золы.¹

39. Д. Проскурни Стрешинского р-на Гомельской обл. На высоком правом берегу Днепра, возле д. Проскурни, на мысообразном выступе имеется городище. С напольной стороны городище защищено двумя дугообразными валами и рвом. На площадке городища имеется культурный слой мощностью около 0.60 м, содержащий фрагменты глиняных лепных сосудов с гладкостенной, реже штрихованной поверхностью. Встречаются также и фрагменты гончарных сосудов обычных типов для славянских средневековых памятников.

С северо-запада к городищу примыкает группа курганов. Большинство из них распахано, часть в свое время была раскопана. На песках недалеко от курганов, как свидетельствует Е. Р. Романов, ветер часто вы-

зборник, № 1, Минск, 1927, стр. 366; Ю. В. Кураченко. Могильники полей погребений в Верхнем Приднепровье. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 80—85.

¹ Е. Р. Романов. Археологический очерк Гомельского уезда. Зап. Сев.-зап. отд. Русск. географ. общ., кн. 1, Вильно, 1910, стр. 114—116.

¹ Е. Р. Романов. Отчет об археологических исследованиях в 1905 г. Архив ИИМК АН СССР, д. 184 за 1905 г. (рукопись); З. Даугяла. Дзейсний гісторычна-археалагічнае камісія ІБК у 1925—1926 акад. годзы. Гісторычна-археалагічна

дувает большие глиняные урны, заполненные пережженными человеческими костями. Встречаются также и необожженные человеческие кости.¹

40. Д. Рудня Ольховка Уваровического р-на Гомельской обл. По сведениям Е. Р. Романова, возле д. Рудня Ольховка имеется могильник полей погребений. Расположен он на левом берегу р. Зыбиной-Крапивны. Здесь на песках неоднократно находили фрагментированные тонкостенные лепные урны с пережженными костями и пеплом.²

41. С. Чаплин Лоевского р-на Гомельской обл. На юго-восточной окраине деревни Чаплин известно городище зарубинецкого типа. Городище расположено на мысообразном выступе высокого правого берега Днепра. В 1951—1953 гг. на городище производил раскопки П. Н. Третьяков.

Рядом с городищем имеется одновременный ему могильник. На могильнике автором вскрыто 44 погребения с трупосожжением в ямах и богатым инвентарем: глиняные сосуды, предметы украшений и вооружения и т. д.

Примерно в 2 км от городища, на площади современного деревенского кладбища, имеется группа курганов. Два из них раскопаны автором и дали обычные славянские захоронения XIII в. В насыпи курганов, а также в слое возле них найдено довольно много фрагментов лепных сосудов того же типа, что и сосуды из городища и могильника полей погребений.³

42. Д. Поповка Лоевского р-на Гомельской обл. По сведениям Е. Р. Романова, возле деревни Поповки была найдена большая урна из серой глины.⁴

43. Д. Мохов Лоевского р-на Гомельской обл. В 3 км к юго-востоку от д. Мохов имеется городище зару-

бинецкого типа. Расположено оно на выступе, образованном двумя оврагами и кромкой высокого правого берега Днепра. С напольной стороны площадка городища ограничена высоким земляным валом и глубоким ровом. В 1952—1953 гг. на этом городище производил раскопки П. Н. Третьяков. Во время раскопок были обнаружены остатки нескольких жилищ и находки того же типа, что на Чаплинском городище.¹

44. Д. Тучки Лоевского р-на Гомельской обл. В 1939 г. крестьянин Е. Т. Логис у себя на хуторе, расположенном в 2 км к югу от д. Тучки, во время корчевки леса выкопал большой глиняный горшок с пережженными костями. В 1953 г. автор обследовал место находки. Оно представляло собою небольшое песчаное всхолмление среди болотистых лугов.

На поверхности распахиваемой теперь почвы изредка попадаются маловыразительные фрагменты глиняных лепных сосудов. Культурного слоя нет.

45. Д. Верхние Намыкары Смоленского р-на Смоленской обл. В 1929 г. А. Н. Лявданский на песчаных всхолмлениях правого берега Днепра против д. Верхние Намыкары обнаружил несколько обнаженных ветром погребений с трупосожжением. В лучше сохранившемся погребении в небольшой ямке лежали пережженные человеческие кости, а рядом с ними находились глиняный горшок и миска. Оба сосуда лепные. А. А. Спицын отмечал, что среди керамических находок из этого могильника имеются и фрагменты сосудов несомненно черняховской формы. В последние годы могильник неоднократно обследовали Е. А. Шмидт и П. Н. Третьяков. Среди собранного ими подземного материала наряду с фрагментами лепных сосудов зарубинецкого типа встречаются и фрагменты гончарных лощеных сосудов, очень напоминающих сосуды из погребений Черняховского могильника.²

46. Д. Крутиловка Почепковского р-на Смоленской обл. На карте, приложенной к статье А. Н. Ляв-

¹ Е. Р. Романов. Археологический очерк Гомельского уезда. Зап. Сев.-зап. отд. Русск. географ. общ., кн. 1, Вильно, 1910, стр. 116, 119.

² Е. Р. Романов. Отчет об археологических исследованиях в 1905 г. Архив ИИМК АН СССР, дело АК, № 184 за 1905 г.

³ П. Н. Третьяков. Раннеславянская культура в Верхнем Приднепровье. КСИИМК, вып. 55, стр. 11—16; Ю. В. Кухаренко. Могильники полей погребений в Верхнем Приднепровье. КСИИМК, вып. 53, стр. 80—85; см. также соответствующие статьи указанных авторов в настоящем сборнике.

⁴ Е. Р. Романов, ук. соч., стр. 117.

¹ П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 11—16.

² А. Н. Лявданский. Археологічні дослідження у вадазборах р.р. Саж, Дняпра і Касплі у Смаленській губернії. Праці Археологічної комісії БАН, т. II, Менск, 1930, стр. 282—285; А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, т. X, 1948, стр. 64.

данского «Археологичныя дослѣды у вадазборах р.р. Сажа, Дняпра і Каспли у Смаленскай губерни», возле д. Крутиловка указано поле погребальных урн. К сожалению, в тексте статьи нет никакого упоминания об этом могильнике.

47. Д. Печкуры Рославльского р-на Смоленской обл. А. А. Спицын, ссылаясь на сообщение Сосновского, указывает, что возле д. Печкуры имеется могильник полей погребальных урн, уничтожающийся распашкой (сведения 1913 г.).¹

48. Д. Колюды Красного р-на Брянской обл. По сведениям Е. Р. Романова, в д. Колюды на берегу оз. Святого (Зароного) крестьяне находили глиняные урны.²

49. Д. Рудня Столбунская Светиловичского р-на Гомельской обл. В 1892 г. в д. Рудня Столбунская во время корчевки леса крестьянин Гулевич выкопал большую, до 12 вершков вышины, урну с очень толстыми стенками из необожженной глины. Урна сверху была прикрыта глиняной крышкой, с рукояткой в виде бараньей головы. В урне оказались пережженные кости и зола.

50. Д. Чистая Лужа Веткинського р-на Гомельской обл. По сведениям Е. Р. Романова, на левом берегу р. Сож, близ д. Чистая Лужа, имеется могильник полей погребений. Здесь находили лепные урны вышиною до 7 вершков.³

51. Г. Ново-Белица Гомельской обл. В окрестностях г. Ново-Белицы имели место случаи находок урн с пережженными человеческими костями.⁴

52. Д. Карповка Лоевского р-на Гомельской обл. По сведениям Е. Р. Романова, близ д. Карповки на песках была найдена большая урна (12 вершков вышины) с сожженными костями.⁵

53. Д. Городище Брянского р-на Брянской обл. По сведениям Ф. М. Заверняева, возле д. Городище, в урочище Чатин курган, имеется селище зарубинецкого типа.¹

54. Д. Почеп Брянской обл. В 1952 г. Ф. М. Заверняев на песчаных всхолмлениях правого берега р. Судость к северу от д. Почеп обнаружил селище зарубинецкого типа. Среди подъемного материала наряду с фрагментами глиняных сосудов встречаются шлаки, крицы, обломки плавильных тиглей, ножи, шилья и другие вещи. Глиняные сосуды лепные.

На противоположном берегу реки, против селища, имеются следы какого-то сооружения. Там также встречаются обломки сосудов зарубинецкого типа.²

55. С. Пироговка Шосткинского р-на Сумской обл. По сообщению М. Я. Рудинского, во время выемки грунта в карьере завода им. Артема на левом берегу р. Десны, против паромной пристани с. Пироговки, на глубине около 2 м обнаружены пережженные кости и два глиняные сосуда. Сосуды лепные, поверхность их бугристая, темно-коричневого цвета.

56. С. Разлеты Пономоричского р-на Черниговской обл. По сообщению М. Я. Рудинского, на правом берегу р. Десны к северу от с. Разлеты, против с. Мезин, был найден глиняный чернолощеный сосуд, по-видимому лепной, тщательной выделки. По фактуре он ничем не отличается от сосудов зарубинецкого типа, по форме же приближается к черняховским. Можно предполагать, что сосуд происходит из разрушенного погребения.

57. С. Горица Березнянского р-на Черниговской обл. По сообщению В. Н. Даниленко, в ур. Прырва, возле с. Горицы, им были собраны фрагменты глиняных лепных сосудов типа сосудов из могильников в Пироговке и Староселье.

¹ А. А. Спицын, ук. соч., стр. 64.

² Е. Р. Романов, ук. соч., стр. 116.

³ Е. Р. Романов, ук. соч., стр. 117.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

¹ Ф. М. Заверняев. Археологические находки возле д. Почеп. КСИИМК, вып. 53, стр. 143.

² Ф. М. Заверняев, ук. соч., стр. 143.

В. П. Петров

ЗАРУБИНЕЦКИЙ МОГИЛЬНИК

(По материалам раскопок В. В. Хвойки в 1899 г.)

1

Зарубинецкий могильник б. Каневского уезда Киевской губ., теперь Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл., именем которого была названа впоследствии зарубинецкая культура Поднепровья, был открыт и исследован В. В. Хвойкой в 1899 г. Несмотря на важное значение зарубинецкого могильника, материалы В. В. Хвойки до настоящего времени оставались в значительной части неупорядоченными и неизданными. Более того, некоторые из материалов, отмеченных в имеющихся публикациях к Зарубинцам, в действительности не имеют к ним отношения. Они происходят не из Зарубинецкого могильника, а из других аналогичных могильников Среднего Поднепровья, раскопанных В. В. Хвойкой в конце 90-х годов. Задачей настоящей работы является по возможности полная публикация материалов Зарубинецкого могильника и других могильников зарубинецкого типа, раскопанных В. В. Хвойкой, на основе изучения имеющейся документации и коллекций, хранящихся ныне в Киевском государственном историческом музее.

Рукописных и печатных материалов о раскопках В. В. Хвойки в Зарубинцах в 1899 г. немного: черновая рукопись В. В. Хвойки «Раскопки при с. Зарубинцы, Киевской губ., Каневского у.»,¹ рукописный текст Отчета под тем же заглавием, представленный В. В. Хвойкой в Археологи-

ческую комиссию,¹ данные о Зарубинецком могильнике в статье В. В. Хвойки «Поля погребений в Среднем Приднепровье»,² краткие сведения о могильнике в его книге «Древние обитатели Среднего Приднепровья».³ Все эти материалы связаны между собой. Первая рукопись является черновым наброском к тексту отчета, отосланного В. В. Хвойкой в Археологическую комиссию. В свою очередь, текст отчета с некоторыми изменениями и сокращениями лег в основу статьи «Поля погребений в Среднем Приднепровье».

Раскопки в Зарубинцах производились в 1899 г. Полевой сезон этого года принес В. В. Хвойке несколько крупных удач, в том числе открытие таких первостепенных археологических памятников Среднего Приднепровья, как могильники и курганы у сел Ромашки, Прусы и Зарубинцы. К раскопкам у с. Ромашки В. В. Хвойка приступил весной 1899 г.⁴ Летом вместе с Б. И. Ханенко он копал курганы у сел Райгород и Прусы близ Смелы.⁵ Полевые работы 1899 г. закончились непродолжительными раскопками в Зарубинцах.

Село Зарубинцы расположено на правом высоком берегу Днепра против устья реки

¹ Рукописный текст отчета «Раскопки при с. Зарубинцы, Каневского у., Киевской губ.». Хранится в делах Археологической комиссии (Архив ИИМК АН СССР, № 53/1899, стр. 9—11).

² В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, Новая серия, СПб., 1901, стр. 182—184.

³ В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 43—44.

⁴ АЛЮР, т. 1, Киев, 1899, стр. 80.

⁵ Там же, стр. 90.

¹ Черновая рукопись писана карандашом рукою В. В. Хвойки; хранится в Архиве Института археологии АН УССР под шифром Ф 2-01-№ 8 вместе с остальными бумагами и корреспонденцией В. В. Хвойки.

Трубеж. Обрывистый нагорный берег возле Зарубинцев, прорезанный глубокими оврагами, расчленен на несколько отдельных «гор», возвышающихся над далеко раскинувшейся днепровской поймой и носящих у местного населения различные названия, как например, Батунова гора, Городок, Малая горка и др. «Возле Зарубинцев, — писал в конце прошлого века Н. Ф. Беляшевский, — нагорный берег входит в долину Днепра высоким мысом, который называется «Зарубина гора», плотовщики-белорусы зовут его «Батунова гора»; на нем есть курганы и стоят каменные кресты. С правой стороны Зарубиной горы находится мыс, гораздо меньший, — это «Мала горка», поверхность этой последней состоит из сыпучего песка, перемешанного с крупным гравием. Вершина горы разрыта и попорчена при добывании камня для жерновов, но в тех местах, где почва не тронута, на поверхности лежит и торчит из песка множество черепков. Черепки такие же, как и в других стоянках; преобладает орнамент из наклепанных полосок».¹

На вершине одной из этих гор В. В. Хвойка обнаружил могильник с трупосожжением. Выходы каменной породы послужили причиной того, что местные жители в течение долгого времени брали тут камень. Удобное положение возле реки облегчало его вывозку и тем самым способствовало усиленной разработке карьера. В результате могильник, занимавший, по свидетельству В. В. Хвойки, «значительное пространство», в конечном счете «к времени его исследования был уже значительно поврежден производившимися здесь работами по добыванию камня». Уцелело ко времени раскопок только «небольшое плато этой возвышенности».²

На этом плато раскопками В. В. Хвойки был обнаружен ряд археологических памятников, в том числе два курганных погребения, древние землянки, погребения почти без всяких насыпей и, наконец, интересующие нас бескурганные трупосожжения. А. А. Спицын был склонен все погребения, раскопанные В. В. Хвойкой в Зарубинцах, рассматривать как погребения одного вре-

мени и относить их в целом к «зарубинецкой культуре».¹ Это не соответствует, однако, действительности. В. В. Хвойка выявил на плато погребения четырех типов и разного времени; в том числе: 1) трупоположение в разграбленном кургане, высотой до 3 м, с мечом, поясом и серебряными чашами в инвентаре погребения; 2) трупосожжение в кургане с конем; 3) трупоположения, почти не имевшие насыпей, с серебряными серьгами, перстнем и пряжкой в инвентаре; 4) трупосожжения без насыпей.

О курганах и их раскопках В. В. Хвойка в своем отчете писал: «В восточной стороне с. Зарубинцы на поверхности стоящей в виде отдельного холма возвышенности расположены в ряд три различной высоты насыпи, имеющие вид курганов». Наиболее высокая из насыпей, высотой до 3 м, стояла почти у самого обрыва над рекою. Осмотр насыпи и расспросы местных жителей позволили установить, что курган был раскопан и погребение разграблено кладоискателями. «На небольшой глубине, при поисках за кладом, ими был откопан покойник, при котором был найден хорошей сохранности затканый серебром пояс, разделенный грабителями на три части, и две серебряные чаши».²

Второе из курганных погребений — трупосожжение с конем — было обнаружено в меньшей из насыпей. «Из остальных двух насыпей, — пишет в своем отчете В. В. Хвойка, — я раскопал меньшую. На глубине от 50 до 120 см от поверхности земли открыто значительное количество лежавших четырехугольником камней, перемешанных внутри с землей, сверх которых лежало несколько конских костей и зубов. Под костями, на материке, оказались обугленные человеческие кости и черепки трех разбитых сосудов. Всего извлечено 32 камня, некоторые были до 5 пудов весом».³ В статье В. В. Хвойки сказано, что в кургане был открыт «обрушившийся склеп, стенки которого были выложены камнем без всякого цемента».⁴ Трупосожжение, находившееся внутри склепа, принадлежало к типу безурновых. Остатки сожжения лежали не в сосуде, а «на

¹ Н. Ф. Беляшевский. Несколько новых стоянок каменного века по Днепру и его притокам. Киевская старина, т. XXXII, 1891, март, стр. 437.

² В. В. Хвойка. Древние обитатели..., стр. 42—44.

³ Памятники зарубинецкой культуры

¹ А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, т. X, стр. 56.

² В. В. Хвойка. Рукописный текст отчета...

³ Там же.

⁴ В. В. Хвойка. Поля погребений..., стр. 182.

дне, на материке».¹ Инвентарь погребения был незначительный. Он состоял из фрагментов трех глиняных сосудов. Других предметов в погребении не было встречено.

В. В. Хвойка не сообщает каких-либо замечаний по поводу этого крайне любопытного курганного погребения в каменном склепе и ничего не говорит о найденных фрагментах сосудов. Отсутствие указаний на характер и тип керамических находок исключает возможность датировки погребения. Очевидно лишь, что данное погребение не имеет отношения к зарубинецкой культуре. Возможно, однако, что оно имеет отношение к курганным погребениям у с. Прусы, раскопанным В. В. Хвойкой в том же 1899 г.

Кроме двух курганных погребений, на той же возвышенности было встречено около двух десятков бескурганных труположений, не имевших над собою «почти никаких насыпей». Большая часть их разрыта местными жителями при добывании камня. В. В. Хвойка раскопал четыре могилы: «Из последних вскрыты мною всего четыре могилы, почти не имевшие насыпей, принадлежавшие, как и другие, разрытые раньше крестьянами, к славянскому типу погребений. Обыкновенно на глубине от 60 до 130 см скелет лежал на спине головой к западу, в вытянутом положении, с различным расположением рук; у головы его находимы были одна или две серебряные серьги из тонкой проволоки, а иногда такое же кольцо на пальце; в одном случае у поясицы покойника найдена была бронзовая пряжка. Другие предметы отсутствовали. Черепа долихоцефалические, с показателем 73—74,8».² По ритуалу и составу вещей эти погребения ближайшим образом напоминают труположения, раскопанные В. В. Хвойкой весной того же 1899 г. в Ромашках. Именно к этим погребениям, а не к могилам с сожжениями, относится упоминание В. В. Хвойки о незначительных насыпях. М. А. Тиханова в комментариях к статье А. А. Спицына справедливо указала, что эти насыпи в качестве зарубинецких «отмечены по недоразумению. Эти слова относятся к славянским погребениям, которые раскапывал В. В. Хвойка».³

Древние погребения с трупосожжениями были обнаружены В. В. Хвойкой в Зарубин-

цах на той же возвышенности у Днепра, где и прочие, только что рассмотренные погребения. Интересующий нас могильник, — замечает В. В. Хвойка, — занимавший первоначально «значительное пространство»,¹ был расположен на некотором расстоянии от береговой кромки, немного в стороне от курганов, за их пределами, в 3—4 м от меньшего из курганов, «по направлению к западу на более ровном месте на той же возвышенности» в юго-западной части плато.²

Суммарная характеристика Зарубинецкого могильника дана В. В. Хвойкой в книге «Древние обитатели Среднего Приднепровья». Могильник, — писал В. В. Хвойка, — «заклучал в себе погребения, внешне ничем не отмеченные... Каждое погребение состояло из небольшого углубления четырехугольной формы, длина сторон которого равнялась 70—80 см; дно его, расположенное на значительной глубине от поверхности земли, представляло собой тщательно изготовленную площадку с утрамбованной или хорошо сглаженной поверхностью; иногда оно бывало обожжено. На дне углубления стояли обыкновенно расположенные один возле другого три глиняные сосуда, из которых один — самый крупный и всегда лишенный ушек — был наполнен остатками пережженных человеческих костей, перемешанных с золой и мелкими кусками обожженной глины. В некоторых случаях пережженные человеческие кости, также смешанные с мелкими кусками обожженной глины и костей, находились не в сосуде, а оказывались лежащими на дне углубления возле сосудов».³

Здесь указаны общие черты зарубинецких трупосожжений: а) отсутствие насыпей и других внешних признаков; б) небольшая глубина погребений; в) форма могильной ямы — в данном случае она определена как четырехугольная; г) утрамбованная или сглаженная, иногда обожженная поверхность дна; д) двойной ритуальный тип погребений — урновый с остатками трупосожжения, сложенными внутрь сосуда, и безурновый, когда остатки трупосожжения сыпаются на дно могильной ямы.

¹ В. В. Хвойка. Древние обитатели..., стр. 44.

² В. В. Хвойка. Черновая рукопись, стр. 2.

³ В. В. Хвойка. Древние обитатели..., стр. 44.

¹ Там же.

² В. В. Хвойка. Рукописный текст отчета...; Поля погребений..., стр. 183.

³ СА, т. X, 1948, стр. 70, прим. 11.

Описания отдельных погребений Зарубинецкого могильника имеются в статье А. А. Хвойки «Поля погребений в Среднем Приднепровье» и в обеих рукописях. Ниже сделана попытка свести вместе все сведения письменных и печатных источников, описания погребений, изображения на рисунках и фотографиях и записи в инвентарных книгах Киевского государственного исторического музея.

Установить точное число погребений, раскопанных В. В. Хвойкой в Зарубинцах, весьма затруднительно из-за противоречий в источниках. Так, например, при описании 1-го погребения в рукописях особо отмечается находка обожженных человеческих костей, которые, по прямому смыслу рукописного текста, лежали непосредственно на земле возле стоявших неподалеку сосудов. Между тем в статье «Поля погребений в Среднем Приднепровье» упоминание о костях вообще отсутствует. Но здесь дважды говорится о «сосудах разной формы»; таким образом, вместо одного безурнового погребения, фигурирующего в рукописях, в статье речь идет как будто бы уже не об одном безурновом, а о двух урновых погребениях с тремя сосудами в каждом из них. Полагаем, что это расхождение следует отнести на счет переписчика, подготовлявшего рукопись В. В. Хвойки к печати, опустившего при переписке авторского текста строку с указанием на человеческие кости и дважды написавшего одно и то же о сосудах. В настоящей работе мы придерживаемся первичного текста рукописи В. В. Хвойки, где речь идет об одном погребении.

Погребение 1 было обнаружено на расстоянии 3.5 м от меньшего из курганов к западу, согласно тексту чернового наброска, или к югу, согласно тексту рукописного отчета. Могильная яма имела круглую форму и глубину 0.6 м (по черновику) или 0.70 м (по отчету), диаметр 0.8 м. Дно ямы имело вид хорошо сглаженной и утрамбованной площадки. Пережженные человеческие кости и зола от погребального костра лежали непосредственно на земле. Инвентарь погребения составляли три сосуда черного цвета с лощеной поверхностью, в том числе кувшин крупных размеров без ручки, горшочек небольшого размера с ушком и миска. В восточной стороне ямы, неподалеку от остатков трупосожжения, лежали бронзовая фибула, согнутая бронзовая булава

и свернутый спиралью кусок бронзовой проволоки.

Описанному погребению, возможно, отвечает рис. 37 в статье В. В. Хвойки «Поля погребений в Среднем Приднепровье». Там изображены большой, похожий на кувшин сосуд и стоящая около него миска, а на переднем плане — кости, лежащие перед большим сосудом, что соответствует тексту описания. Расхождение между описанием и рисунком сводится к тому, что на рисунке изображено не три сосуда, а всего два. Горшочек с ушком, упоминаемый в рукописях, на рисунке отсутствует, но он мог находиться за одним из больших сосудов.

Большой сосуд без ручки, имеющий вид кувшина, о котором говорится у В. В. Хвойки, — это, очевидно, сосуд, который изображен в его статье на рис. 37.

В фондах Киевского музея этого сосуда нет. Что касается миски, изображенной на рис. 37 в статье В. В. Хвойки, то она представляет собою обычный для зарубинецких погребений сосуд. В коллекциях Киевского музея из Зарубинцев имеется несколько таких мисок.

Погребение 2 было обнаружено вблизи первого «на некотором расстоянии», «в том же направлении», т. е., очевидно, к югу или к западу от меньшего кургана. Могильная яма имела глубину 0.75 м (по тексту отчета) или 0.90 м (по тексту чернового наброска). Диаметр ямы — 0.75 м. В отличие от первого, безурнового погребения, в котором остатки трупосожжения лежали непосредственно на земле, во втором погребении пережженные человеческие кости были сложены в большой сосуд грубой выделки, с шероховатой поверхностью и орнаментированным верхним краем венчика. Кроме того, в погребении находилось еще два сосуда — миска и небольшой горшок темно-коричневого цвета с лощеной поверхностью. Возле них лежали одна целая и другая поврежденная огнем бронзовые фибулы, бронзовая булава и кусок бронзы.

Можно предполагать, что погребение 2 изображено в статье В. В. Хвойки на рис. 36, где в центре могильной ямы нарисован сосуд крупных размеров, украшенный по венчику орнаментом. В сосуде имеется отверстие, через которое видны находящиеся внутри остатки трупосожжения. Кроме сосуда-урны, на рисунке изображены два сосуда меньших размеров: миска обычного

зарубинецкого типа и кувшин с широкой цилиндрической горловиной, округлым туловом и ручкой.

Сосуд-урна из погребения 2 в фондах музея не сохранился. Но раскопки И. М. Самойловского на Корчеватовском могильнике подтвердили, что подобного рода огромные сосуды с орнаментом по венчику не представляли собою в зарубинецкой культуре какого-либо исключения. Что касается миски, то она, по-видимому, имеется в фондах музея. Третий сосуд, по описанию — небольшой горшок, а по рисунку в статье В. В. Хвойки — кувшинчик с ручкой, в музее не сохранился.

Погребение 3. Описания этого погребения у В. В. Хвойки нет ни в рукописях, ни в публикациях, но изображение его имеется на одном из трех рисунков, помещенных в статье В. В. Хвойки «Поля погребений в Среднем Приднепровье». На этом рисунке под № 35 изображена миска зарубинецкого типа, судя по рисунку, — черного цвета, с лощеной блестящей поверхностью; рядом с ней на переднем плане лежат кости и вместе с ними фибула с выгнутой дужкой. Слева от миски также лежат кости несколько более крупных размеров и, насколько позволяет рассмотреть рисунок, — череп. Изображенные на рисунке фибула и миска с реберчатым бочком не оставляют сомнения, что на рисунке представлено погребение с инвентарем зарубинецкого типа и времени.

О погребениях «с недостающими частями скелетов» В. В. Хвойка упоминает в своей статье «Поля погребения в Среднем Приднепровье», однако без указаний на какой-либо определенный могильник, причем он колебался, следует ли погребения этого рода считать «нетронутыми» и объяснять «каким-либо особенным обрядом», или же их нужно отнести к числу разрушенных «при посадке деревьев или местными кладоискателями».¹ В свете новейших материалов для подобных колебаний как будто бы не остается места. Погребения такого рода, с черепом или с недостающими частями скелета, встречены в Корчеватовском могильнике, а также в более поздних черняховских могильниках (Черняхов, Маслово).

Во время раскопок 1899 г. сохранившаяся часть Зарубинецкого могильника не была

исследована полностью. После раскопок В. В. Хвойки при выборке камня там было встречено еще несколько погребений, из которых было доставлено в Киев семь сосудов.

«При всем желании произвести раскопки в более обширных размерах, — писал В. В. Хвойка, — я, к сожалению, лишен был возможности исполнить это вследствие крайне неблагоприятной погоды; об этом я сожалею тем более, что возвышенность эта, благодаря добыванию на ней камня, вскоре будет уничтожена, если это не сделано до сих пор. После моего отъезда, как оказалось, найдено было еще несколько погребений с сожженным, из которых мне доставлено семь сосудов».¹

«По словам местных жителей, — писал тут же В. В. Хвойка, — добывавших на этой возвышенности камень, подобных погребений было найдено ими большое количество, причем сосуды и другие предметы были ими тут же уничтожены; заслуживает, однако же, внимания то обстоятельство, что, по их рассказам, фибулы и обломки других бронзовых предметов лежали как около сосудов, как и в настоящем случае погребение 2, так и в самих сосудах сверх обожженных костей».²

Возвышенность, на которой в 1899 г. производил В. В. Хвойка свои работы, не была единственной в окрестностях Зарубинцев, где при выборке камня встречались трупосожжения с сосудами. Погребения того же обрядового типа и с тем же инвентарем были обнаружены им также и на соседней возвышенности. «Следует прибавить, — писал В. В. Хвойка, — что на другой рядом стоящей возвышенности, также при добывании камня, было найдено местными жителями несколько погребений с трупосожжением, при которых находилось множество прекрасной сохранности бронзовых украшений, главным образом фибул; мне удалось приобрести из них только один экземпляр, относящийся к древнему гальштатскому типу».³

Имел ли здесь место один большой могильник, расположенный на нескольких отрогах высокого днепровского берега, или

¹ В. В. Хвойка. Рукописный текст отчета..., стр. 10.

² Там же.

³ В. В. Хвойка. Рукописный текст отчета..., стр. 10.

¹ В. В. Хвойка. Поля погребений..., стр. 184.

Рис. 1. Керамика Зарубинецкого могильника.

1 — миска на высокой ножке; 2—5 миски; 6—10 — кружки с ушком.

несколько (два-три) отдельных могильников, остается неизвестным.

2

Материалы из Зарубинецкого могильника, находящиеся в фондах Киевского государственного исторического музея, поступили в музей в разное время и при разных обстоятельствах. Зарубинецкая коллекция составила из вещей, найденных В. В. Хвойкой в 1899 г., а также обнаруженных местными жителями до раскопок и в последующее время на разных «горах». Первоначально эти вещи составляли четыре самостоятельных коллекции, хранившиеся в Археологическом музее Высших женских курсов, в Музее древностей Киевского университета, в Киевском городском музее и в личных собраниях В. В. Хвойки, переданных после его смерти в Киевский городской музей. Коллекция зарубинецких вещей в Археологическом музее Высших женских курсов состояла из трех сосудов — двух мисок и кружки с ушком. Одна из мисок в настоящее время утеряна, а кружка и миска на высокой ножке хранятся в Киевском государственном историческом музее (рис. 1, 1 и 6).¹

К вещам, поступившим в Киевский городской музей, относятся прежде всего две кружечки с ушком (рис. 1, 8—9) и миска (рис. 1, 3). На сосудах имеются наклейки, написанные рукой В. В. Хвойки: «С. Зарубинцы Каневского у. Погребение с сожжением». ² Кроме того, в коллекции Киевского городского музея сохранились три миски, судя по инвентарной описи, происходящие из погребений с трупосожжениями в Пуховке, между тем только на одной миске имеется этикетка, указывающая на Пуховку, а на двух других имеются этикетки с надписью: «С. Зарубинцы Каневского у. Погребение с сожжением» (рис. 1, 4 и 5). ³ Думаем, что эти две миски, в соответствии с показаниями ярлычков, следует включить в состав инвентаря Зарубинецкого могильника.

Подобное же расхождение между инвентарной описью и ярлычком на сосуде име-

ется по отношению к одному кувшину с тремя круглыми, плоскими сверху выступами на плечиках. По описи (№ 8661) он относится к сосудам из Черняховского могильника, между тем этикетка на нем, написанная рукой В. В. Хвойки, указывает на «Зарубинцы Каневского у.» (рис. 2, 1).¹ Считаясь с данным ярлычком и с общим обликом сосуда, относим его предположительно к керамическому комплексу Зарубинецкого могильника.

Кроме того, в коллекциях Киевского городского музея есть сосудик в виде невысокой чарки, не имеющий полной документации. На нем есть ярлычок с надписью «с. Зарубинцы Каневского у.», но нет инвентарного номера, и по инвентарным спискам музея он не значится (рис. 2, 6).

Вполне точно паспортизован сосуд с налпными подковками (рис. 2, 2). Этикетка, написанная рукой В. В. Хвойки, и запись в инвентарной книге музея указывают, что этот кувшин происходит из Зарубинцев и найден при погребении с сожжением.²

Нет расхождений и относительно пяти сосудов, происходящих, судя по записи в инвентарной книге Киевского городского музея, «из раскопок В. В. Хвойки погребений с сожжением при с. Зарубинцы». Из них в настоящее время в Киевском историческом музее сохраняются мисочка, кружка с ушком, кувшин с широким цилиндрическим горлом и кувшин биконической формы с острым ребром (рис. 1, 2, 10, рис. 2, 3—4). ³ Пятый сосуд — кружка с ушком — утерян.

Кружка с ушком из Музея древностей Киевского университета (рис. 1, 7) была найдена в Зарубинцах в 1894 г. Она не отличается по форме от других зарубинецких сосудов этого типа, и ее принадлежность к керамическому комплексу могильника не вызывает сомнений.⁴

Наконец, в коллекции музея имеется круглодонный сосудик, записанный в инвентарной книге Киевского городского музея как случайная находка из Зарубинцев.⁵ Его форма заставляет предположить, что он был найден не на «поле погребений»

¹ Утеряна миска № 1324, имеются миска № 1358 и кружечка № 1357 (Высшие женские курсы в Киеве. Археологический музей. Отдел I. Каталог доисторических древностей, стр. 51 и 54).

² Инв. №№ 8841, 8842 и 8843.

³ Из Пуховки, судя по этикетке, происходит миска № 17493; из Зарубинцев — миски №№ 17941 и 17942.

¹ Инв. № 8661.

² Инв. № 17114.

³ Инв. №№ 17940, 17938, 17936—17937.

⁴ Инв. № 17939.

⁵ Инв. № 6494 Унив.

⁵ Инв. № 18287, поступление 1917 г

Рис. 2. Керамика Зарубинецкого могильника.
1—4 кувшины; 5—6 — сосудики.

и относится к более раннему времени (рис. 2, 5).

Составление полного списка керамики из Зарубинецкого могильника потребовало тщательной проверки документации и вещественного материала. При этом выяснилось, что на таблице фотографий, приложенной к статье В. В. Хвойки «Поля погребения в Среднем Приднепровье», далеко не вся посуда происходит из Зарубинецкого могильника. На этой таблице помещены фотографии 21 сосуда зарубинецкого типа, однако только о девяти сосудах можно сказать с уверенностью, что они происходят из Зарубинцев. Так, из фотографий девяти мисок к Зарубинцам относятся всего лишь четыре (№№ 1, 3, 6 и 8). Фотографий кружек с ушком на таблице помещено восемь. Однако из Зарубинцев происходят лишь три (№№ 13, 15 и 17). Кувшинов из Зарубинецкого могильника на таблице — два (№№ 18 и 20).

Остальные сосуды, фотографии которых помещены на таблице, приложенной к статье В. В. Хвойки, происходят из других могильников зарубинецкого типа. Здесь воспроизведена миска из погребения с трупосожжением, найденная в Вите под Киевом (№ 5), миска из с. Пищальников (№ 7), миска и кувшин из с. Пуховки (№№ 4 и 19). Кружка с ушком, помещенная на таблице под № 21, происходит, следует полагать, из Черняховского могильника.¹

Невыясненным остался вопрос о сосудах с высокой ручкой, помещенных В. В. Хвойкой на таблице в числе зарубинецкой керамики. А. А. Спицын отнес их к сосудам из Зарубинецкого могильника. «В зарубинецкой посуде, — утверждал А. А. Спицын, — имеются кубки... с высокой ручкой».² М. А. Тиханова высказалась против подобного допущения: «Чарка с высокой ручкой (В. В. Хвойка, табл. XXIII, 12) показана в составе керамики Зарубинцев ошибочно и происходит из скифского кургана. Ни в Зарубинцах, ни в одном из памятников зарубинецкой культуры сосудов с высокой, поднимающейся над устьем сосуда ручкой до сих пор не найдено ни одного».³

Действительно, среди зарубинецких вещей, внесенных в инвентарную книгу Киевского городского музея, таких сосудов нет.

Но мы не стали бы решать этот вопрос столь категорически, как это делает М. А. Тиханова. Сосудик с высокой ручкой, изображенный на таблице под № 11, за исключением ручки, по своим общим типологическим признакам не отличается от любого другого сосуда этого же типа из Зарубинцев и Корчеватовского могильника.

Переходим к описанию керамики из могильника у с. Зарубинцы. Согласно утверждению В. В. Хвойки, сосуды из Зарубинецкого могильника имеют черный цвет. «Все они, — писал В. В. Хвойка, — имеют черную блестящую и чрезвычайно гладкую поверхность».¹ Между тем это не совсем так. Наряду с черным цветом для керамики из Зарубинцев характерны темно-коричневый и коричневый, или, как удачно сказано по этому поводу в инвентарной книге Киевского городского музея, «цвет сосудов переходной от черного к чернокоричневому».² Вследствие неравномерного обжига на многих сосудах имеются обычно пятна светлого и темного тона.

Формы сосудов из Зарубинецкого могильника также не отличаются богатством и разнообразием. Всю керамику можно разделить на три группы: а) миски, б) кружки с ушком, в) высокие горшки или кувшины (последние не составляют целостной группы).

Больше всего среди керамики Зарубинецкого могильника имеется мисок. Их пять штук. При некоторых различиях все они представлены одним характерным типом (рис. 1, 1—5). Венчики мисок отогнуты наружу и с внутренней стороны у четырех мисок (рис. 1, 3—5) обработаны в виде грани. У миски, изображенной на рис. 1, 2, грани не выражены, возможно, в результате недостаточно тщательной обработки венчика. Шейки всех пяти мисок прямые, несколько скошенные наружу. Бока мисок — реберчатые, биконические, с округлым или острым ребром. Днище у четырех мисок плоское, непрофилированное. У миски, изображенной на рис. 1, 1, днище сформировано в виде высокой, полой изнутри ножки. Поверхность мисок лощеная, обжиг неравномерный, тесто с примесью шамота и мелкого песка. Окраска мисок черная, черно-коричневая и коричневатая-серая.

¹ Инв. № 8782.

² А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, т. X, стр. 56—57.

³ СА, т. X, стр. 70, прим. 14.

¹ В. В. Хвойка. Поля погребений..., стр. 183.

² Инвентарная книга Археологического отдела Киевского городского музея, т. 1, стр. 546.

Размеры мисок приблизительно одинаковы. Их высота колеблется в пределах от 5.6 до 7.2 см. Ширина превышает высоту на 7.6—8.5 см, за исключением миски, изображенной на рис. 1, 2, у которой разница между диаметром венчика и высотой гораздо меньше — всего 3.7 см, в результате чего миска имеет горшкообразную форму. Наибольший диаметр мисок на 1—2 см превышает диаметр горловины. Диаметр дна 5—9 см. Толщина стенок 0.6—0.8 см.

Вторую группу сосудов составляют кружки. Их также пять (рис. 1, 6—10). Это небольшие, слабо профилированные сосуды с небольшими ручками или ушками. Венчики кружек не отделены от шейки; с внутренней стороны венчики граненые. Под шейкою имеется перехват, иногда подчеркнутый выпуклым круговым ободком и углубленной бороздкой. Бока большинства кружек округлые, а у одной (рис. 1, 7) с намечающейся биконичностью. Днища кружек плоские, непрофилированные. Ушки имеют округлую форму; они небольшого размера, пригодные для продевания всего лишь одного пальца. Нижним концом ушки прикреплены к плечикам сосуда, верхним — к шейке, ниже венчика.

Высота кружек колеблется в пределах от 8 до 12 см, диаметр горла — от 7.5 до 10 см. По окраске, гладкой и лощеной поверхности, качеству обжига и примесям к глине кружки не отличаются от мисок.

Кувшинов или высоких горшков в коллекции из Зарубинецкого могильника имеется четыре (рис. 2, 1—4). Все они разнотипны. Сосуд, изображенный на рис. 2, 1, принадлежит к посуде, орнаментированной сосковидными шишечками. Его окраска черная, поверхность гладколощенная, обжиг равномерный. Венчик сосуда прямой, от шейки не отделен; шейка прямая, короткая, скошенная; бока сосуда имеют биконическую форму с округлым ребром. Наибольший диаметр приходится несколько выше середины высоты сосуда; днище плоское, непрофилированное. На плечиках имеются три симметрично расположенные небольшие круглые шишечки. Высота сосуда 11.7 см, диаметр венчика 8.7 см, наибольший диаметр 9.8 см, диаметр дна 4.8 см.

Сосуд с шишечками из Зарубинцев аналогичен сосуду из с. Прусы, найденному В. В. Хвойкой в 1899 г., если это не один и

тот же сосуд.¹ Из раскопок последних лет фрагменты сосудов с сосковидным орнаментом были неоднократно встречены в Среднем Поднепровье, в том числе на Зарубинецком поселении на Пилипенковой горе, на Нижнем Днепре, на городище у Б. Знаменки, в Гавриловке, Золотой Балке и Гановке. Аналогичные находки отмечены также и в Ольвии.²

Сосковидный орнамент не является чем-либо специфически новым для зарубинецкого времени. Такая орнаментация была широко распространена в керамике предшествующего периода, и соответственно речь должна идти не столько о возникновении новых керамических образцов, сколько о тех или других изменениях, появляющихся на зарубинецком этапе по сравнению с предшествующим.³

Кувшин, изображенный на рис. 2, 2, принадлежит к группе сосудов с подковообразными выпуклостями. Окраска кувшина черная, поверхность гладкая, лощеная, обжиг неравномерный, тесто с примесью шамота. Шейка сосуда широко откинута наружу, тело биконическое с округлым ребром. Наибольший диаметр приходится несколько ниже середины высоты сосуда; днище плоское, непрофилированное. По середине плечиков наклеены три псевдоушка-подковки; одна из них отпала, но след от нее сохранился. Высота сосуда 21.4 см, диаметр венчика 21.2 см, наибольший диаметр 12 см, диаметр дна 9.5 см.

Сосуды с выпуклыми подковками очень характерны для зарубинецкой керамики. Кувшин с четырьмя подковками был найден на Лысой горе близ Лубен во впускном погребении.⁴ Такой же сосуд с подковками на плечиках был найден В. В. Хвойкой в с. Прусы б. Черкасского уезда Киевской

¹ Древности Приднепровья, вып. III, Киев, 1900, стр. 24, табл. IV, № 826.

² Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа «И». Сб. «Ольвия», т. I, Киев, 1940, стр. 133.

³ Достаточно сослаться на аналогичные образцы орнаментации в керамике Шарпиевского городища; см.: Ф а б р и ц и у с. Тясминська експедиція. АП УРСР, т. II, табл. 16, 36.

⁴ Тр. VIII АС, т. IV, М., 1897, стр. 239, табл. LXXXI, рис. 51; ср.: А. А. Спицын. 1) Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, II, стр. 124; 2) Поля погребальных урн. СА, т. X, стр. 48; М. Рудинский. Досл. матер., вып. V, Київ, 1947, стр. 104—105.

губ. при раскопках курганного могильника.¹ В Киевском историческом музее хранятся два сосуда с подковками, происходящие из Вишенок б. Черниговской губ. (собрание В. В. Хвойки).² Подковки имеются на кувшине из могильника в Трахтемирове.³ Кроме этого, в фондах Киевского исторического музея хранится сосуд крупных размеров конической формы с 4 подковками, место находки которого не известно.

При раскопках Корчеватовского могильника в 1940—1941 гг. было обнаружено восемь сосудов с налепными подковками. В 1951 г. найден сосуд с подковками при трупосожжении в Субботовском могильнике и в 1952 г. — фрагмент с орнаментом в виде подковок у Караваевских дач на р. Лыбедь в западной части Киева.⁴

Область распространения сосудов с подковками не ограничивается пределами Среднего Поднепровья. При раскопках 1927 г. в урочище Казаргац под Туровом на р. Припять в одном из трупосожжений был найден сосуд с четырьмя «ушками в форме серповидно налепленных валиков».⁵ Сосуды с подковками встречены на Нижнем Днепре при раскопках 1951—1953 гг. на Б. Знаменском городище, в Гавриловке, Золотой Балке, Любимовке, Б. Лепетихе и других местах. Фрагменты сосудов с подковками были найдены на городищах Днепровско-Бужского лимана, в том числе на Петуховском городище, а также в Ольвии.⁶

Кувшин, изображенный на рис. 2, 3, имеет черный цвет и гладкую лощеную поверхность; венчик прямой, с внутренней стороны граненый, шейка прямая, скошенная, опоясана двумя выпуклыми кольцевыми ободками. Бока сосуда округлые, выпуклые; днище плоское непрофилированное. Высота сосуда 20.2 см, диаметр венчика 13.8 см.

Последний сосуд двухконусного типа, изображенный на рис. 2, 4, имеет лощеную поверхность, тесто с примесью кварца. Дно

¹ Древности Приднепровья, вып. III, Киев, 1900, стр. 21, табл. LIII.

² Инв. № 17873, 17956; Инвентарная книга Археологического отдела Киевского городского музея, т. 1, стр. 551.

³ Инв. № 17935; там же, стр. 545—546.

⁴ См. настоящий сборник, стр. 17.

⁵ А. З. Каваленя і С. С. Шугаї. Матерьялы з да гісторыі Тураўшчаны. Працы Археалагічнай камісіі БАН, т. II, Менск, 1930, стр. 363.

⁶ Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа «И». Сб. «Ольвия», т. 1, Киев, 1940, стр. 133, табл. 28, I.

сосуда непрофилированное. Сосуд не имеет верхней части.

Наличие в Зарубинецкой коллекции только лощеной керамики и категорическое заявление В. В. Хвойки, что все сосуды зарубинецкого могильника «имеют чрезвычайно гладкую поверхность», привели многих археологов к мысли, будто бы сосуды с нелощеной поверхностью не имеют отношения к памятникам зарубинецкой культуры. Это мнение, достаточно широко распространенное, не является, однако, правильным. Достаточно сказать, что во втором из зарубинецких погребений, раскопанных В. В. Хвойкой, остатки трупосожжения были сложены в сосуд крупных размеров с нелощеной поверхностью, который не сохранился. Судя по рисунку и упоминанию о нем в тексте статьи В. В. Хвойки, это был крупный сосуд, грубой выделки, с шероховатой поверхностью, типа корчаги, с перехватом у шейки, округлым бочком и венчиком, украшенным по верхнему краю ямочным орнаментом. Целый ряд таких сосудов найден в Корчеватовском могильнике. Зарубинецкому сосуду среди сосудов Корчеватовского могильника ближе всего соответствует сосуд-корчага № 45, имеющий ту же шероховатую поверхность, толстостенность, выпуклые бока, суженную нижнюю часть, плоское днище и край венчика, украшенный ямочным орнаментом.¹

Особенно высокий процент грубой нелощеной керамики обнаруживается в посуде зарубинецких поселений, в частности и тех, материалы которых публикуются в настоящем издании. Сочетание лощеной и нелощеной керамики является характерной особенностью всех памятников зарубинецкого типа, могильников и поселений, с той только разницей, что в могильниках обычно преобладает лощеная керамика, тогда как на поселениях — нелощеная. Нелощеная зарубинецкая керамика имеет нередко «скифские» черты — налепной валик, зацепы и др., — связывающие ее с более древней посудой Поднепровья.

Еще В. В. Хвойка, говоря о керамике Зарубинецкого могильника, указал, что вся она сделана от руки в отличие от сделанных на круге сосудов черняховского типа.² Утверждение В. В. Хвойки сохранило свое

¹ См. настоящий сборник, стр. 84.

² В. В. Хвойка. Поля погребений. . ., стр. 182.

Рис. 3. Фибулы Зарубивецкого могильника.

1 — фибула лучкового типа, позднелатенская; 2—4, 6—10, 12 — фибулы среднелатенской схемы; 5 — фибула арбалетная; 11 — фибула очковая.

значение до сих пор. На всех известных в настоящее время зарубинецких могильниках и поселениях найдена лишь лепная посуда — более грубая нелощеная и лучшего качества с лощеной поверхностью.

Среди зарубинецкой керамики имеются сосуды, сделанные очень небрежно и грубо, в которых следует видеть продукцию неумелых производителей, работавших от случая к случаю для нужд домашнего потребления. Таких сосудов, впрочем, очень немного, особенно в могильниках. В Зарубинецком, Корчеватовском и других могильниках среди нелощеной посуды преобладают сосуды более или менее тщательно выделанные, однообразные по форме и технике изготовления. Характер изломов свидетельствует, что реберчатые миски изготавливались из нескольких частей, которые делались отдельно и затем скреплялись вместе. Обращает на себя внимание устойчивость форм и размеров сосудов, особенно с лощеной поверхностью, тщательность их выделки и высокое качество лощения. Возможно, что все это свидетельствует о наличии в зарубинецкое время специалистов-гончаров, обслуживающих потребности своей общины, а может быть и более широкий круг потребителей.

3

В число находок из Зарубинецкого могильника, помимо керамических изделий, входят также изделия из бронзы — фибулы, булавки и браслеты. В первом погребении, раскопанном В. В. Хвойкой, была одна бронзовая фибула; во втором погребении найдено «две фибулы (одна поврежденная огнем)».¹ В книжке «Древние обитатели Среднего Приднепровья» В. В. Хвойка писал: «При всех этих погребениях находились особого рода бронзовые фибулы латенского типа II—I вв. до р. хр., бронзовые шпильки, части бронзовых пластинок и другие предметы, нередко поврежденные огнем».²

Записи в инвентарной книге Археологического отдела Киевского городского музея уточняют сведения о зарубинецких фибулах. В 1905 г. в музей поступили из раскопок В. В. Хвойки восемь фибул, восемь бронзовых булавок и четыре бронзовых браслета.

¹ В. В. Хвойка. Поля погребений..., стр. 183.

² В. В. Хвойка. Древние обитатели..., стр. 44.

В 1914 г. на средства музея были приобретены из собрания В. В. Хвойки еще три фибулы. Таким образом, всего в музей поступило одиннадцать фибул.

На таблице, приложенной к статье В. В. Хвойки «Поля погребений в Среднем Приднепровье», воспроизведено восемь фибул. Сопоставляя изображения фибул на таблице с оригиналами, находившимися в фондах Киевского государственного исторического музея, мы получаем возможность уточнить данные о тех и других. В верхнем ряду таблицы в статье В. В. Хвойки вместе с бронзовыми булавками помещен снимок с фибулы, изображенной на рис. 3, 1.¹ В нижнем ряду таблицы В. В. Хвойки изображены фибулы, публикуемые нами (рис. 3, 2—8).² На таблице отсутствуют снимки с фибул, поступивших в музей в 1914 г.³ (рис. 3, 9—11).

Кроме указанных выше 11 фибул, имеется еще одна, происходящая, по-видимому, из Зарубинецкого могильника (рис. 3, 12). В инвентарной книге она числится как найденная в с. Селище Каневского у. На самой же фибуле имеется надпись, сделанная рукой В. В. Хвойки и свидетельствующая, что фибула происходит из Зарубинцев.⁴

В. В. Хвойка определил фибулы Зарубинецкого могильника как «фибулы латенского типа», отнеся их ко II—I вв. до н. э. Действительно, наибольшую группу фибул Зарубинецкого могильника составляют фибулы среднелатенской схемы. Их было восемь из одиннадцати (рис. 3, 2—4, 6—10, 12). Все эти фибулы могут быть разбиты на две подгруппы, по четыре экземпляра в каждой: 1) фибулы с широкой пластинчатой спинкой и 2) фибулы с узкой спинкой.

Конструкция фибул Зарубинецкого могильника характерна для фибул среднелатенской схемы II—I вв. до н. э. Они сделаны из одного куска бронзовой проволоки. Часть проволоки, образующей спинку, расплющена в виде узкой или широкой пластинки, которой придана форма вытянутого, удлиненного треугольника, суживающегося к ножке. На ножке узкая полоска

¹ Инв. № 8532.

² Инв. №№ 8533, 8538, 8535, 8534, 8536, 8537, 8527.

³ Инв. №№ 17071—17073.

⁴ Инв. № 17078. Возможно, что игла от фибулы, изображенная на таблице под № 10 (инв. № 17072), принадлежит этой фибуле.

проволоки загибается, образуя приемник для иглы, а затем прокладывается вдоль спинки. Из оставшейся части проволоки изготавливаются пружина, тетива и игла. Тетива у всех зарубинецких фибул находится наверху. Число витков пружины бывает различным — от трех до шести и более. Длина фибул от 7 до 10 см.

Широкие спинки большинства фибул обычно орнаментированы по внешнему краю косыми насечками. У трех фибул (рис. 3, 4, 6, 7) насечки охватывают край всей спинки. Фибула, изображенная на рис. 3, 3, украшена косыми насечками не по всему краю спинки, а только на небольшой ее части. Изображенная на рис. 3, 12 имеет другой тип орнаментации: на широкой спинке этой фибулы прочерчена вдоль края тонкая линия.

Восемь фибул среднелатенской схемы составляют основную часть коллекции зарубинецких фибул, собранной В. В. Хвойкой. Три остальные фибулы относятся к трем разным типам. Одна из них позднелатенская (рис. 3, 1), другая очковая (рис. 3, 11) и третья арбалетная (рис. 3, 5).

Рассмотрим каждую из трех фибул в отдельности.

Позднелатенская фибула лучкового типа изготовлена из одного куска проволоки и имеет дугообразно выгнутую узкую спинку, пружину из четырех витков с каждой стороны, нижнюю тетиву под стержнем спинки и закрытый замок из сплошной пластинки. Длина фибулы 5,5 см.

Очковая фибула в отличие от средне- и позднелатенских, изготовлявшихся из проволоки, сделана иначе.

Это литая фибула с широким стержнем и сплошным пластинчатым приемником. Фибула орнаментирована поперечным выпуклым выступом и двойными концентрическими кружками вверху на спинке и вверху и внизу на ножке. Длина фибулы 7 см, ширина спинки 1,4 см.

Арбалетная фибула с обернутой ножкой состоит из трех частей: стержня с ушком, иглы и оси. Загнутая ножка образует замок, конец замкового желобка расщеплен, охватывая широким витком стержень спинки; спинка по краям facetsована и под ушком и над ножкой обработана в виде прямоугольников, украшенных поперечными волнистыми линиями. Пружина имеет шесть витков, тетива проходит внизу. Длина фибулы 6,7 см.

В статье «Поля погребений в Среднем Приднепровье» В. В. Хвойка упоминает об «одной из фибул гальштатского типа», переданной ему, по его словам, «из разрушенного погребения».¹ Не исключена возможность, что подобного рода фибула действительно существовала, однако в собрании Киевского исторического музея ее нет, как нет ее и среди фибул, изображенных в статье В. В. Хвойки на таблице.

Раскопки последних десятилетий показали, что подавляющее большинство фибул, происходящих из зарубинецких могильников, относится к среднелатенской схеме. Таковы 23 фибулы Корчеватовского могильника, 2 фибулы из поселения у с. Пирогово и фибула из Больших Дмитровичей. Все три пункта находятся близко один от другого в области Киевского правобережья. На левобережье такая фибула найдена на могильнике у с. Койлова. Из Вишенек б. Остерского уезда Черниговской губ. происходят четыре среднелатенские фибулы — две с узкой спинкой и две с широкой. В фондах Института археологии АН УССР из Вишенек имеется еще одна среднелатенская фибула. Среднелатенская фибула была встречена на Левобережье при раскопках А. Щербачевым впускного погребения с трупосожжением возле села В. Мануйловка б. Кременчужского уезда Полтавской губ.² Несколько среднелатенских фибул происходят из Липлявы, одна из них с узкой спинкой и небольшим кольцом на ножке и пять с широкой спинкой.³

Помимо перечисленных пунктов, единичные экземпляры среднелатенских фибул были встречены в ряде мест левобережного и правобережного Поднепровья. В фондах Киевского исторического музея сохранились: среднелатенская фибула с широкой спинкой из Ромашек, две фибулы с узкой спинкой из окрестностей Канева и две без более точного обозначения места находки. Среднелатенская фибула из с. Хмельна, близ Канева, сохранилась в фондах Львовского исторического музея.

¹ В. В. Хвойка. Поля погребений..., стр. 183

² М. Я. Рудинский. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник Полтавського державного музею, т. 1, Полтава, 1928, табл. VIII, рис. 18.

³ Липлявские фибулы поступили в фонды Киевского исторического музея из собрания Ф. Ф. Кундеревича.

Большое число среднелатенских фибул обнаружено в Чаплинском могильнике Гомельской обл. в местности, лежащей ближе к Верхнему Поднепровью.¹

Область распространения среднелатенских фибул на территории СССР не ограничивается территорией Поднепровья. Бронзовая фибула среднелатенской схемы с верхней тетивой была найдена в погребении № 51 (30) Марицынского могильника. Ольвийская монета с изображением орла на дельфине и косская амфора с двухствольной ручкой датируют погребение II в. до н. э.² Значительное число среднелатенских фибул было добыто при раскопках Ольвийского могильника.³

Из единичных находок среднелатенских фибул в степной полосе Северного Причерноморья отметим фибулу с бронзовой цепочкой, найденную под Измаилом,⁴ а также находку среднелатенской фибулы с узкой спинкой на урочище Блоква у Белозерского лимана вблизи с. Водяного Каменского р-на Запорожской обл.⁵ В связи с находкой среднелатенской фибулы у с. Водяного А. А. Спицын отмечает: «Изредка встречаются такие фибулы и в Кубанских курганах».⁶

Фибулы позднелатенских типов встречаются в зарубинецких могильниках значи-

тельно реже, чем среднелатенские. В собраниях Киевского исторического музея, кроме фибулы из Зарубинцев, позднелатенские фибулы были доставлены из следующих пунктов Среднего Поднепровья: из Букрина, Гришинцев, Лишьяев, Стретовки, Тростянца, Хмельной и др. — всего 9 фибул. Такие фибулы представлены в могильнике у с. Чаплина в районе Речицы,¹ в курганах XXVII и ССXXIV близ Смелы.² На Нижнем Поднепровье позднелатенские фибулы встречены на Гавриловском городище и на могильнике у села Николаевка.

Днепро-Бужский лиман и Ольвия дали находки позднелатенских фибул разных вариантов. Так, из двух позднелатенских фибул в склепе № 59₄ В Марицынского могильника (II—I вв. до н. э., по Эберту) одна фибула была с широкой пластинчатой спинкой и закрытым пластинчатым замком, другая из толстой проволоки, с узкой спинкой, подогнутой ножкой и подвязным иглодержателем. Находка двух позднелатенских фибул разной конструкции на одном костяке свидетельствует об их одновременном бытовании.³ Аналогичные фибулы с закрытым пластинчатым и с открытым подвязным приемником, с широкой и узкой проволочной спинкой встречены в Крыму, на Нижнем Подонье, на Кубани и т. д.

Особого внимания заслуживает очковая фибула первых веков нашей эры, найденная в Зарубинцах. Такие фибулы, редко встречающиеся в Поднепровье,⁴ характерны для памятников пшеворской культуры Повисленья.⁵ Не менее примечательна находка в Зарубинцах фибулы арбалетного типа первых

¹ См. настоящий сборник, стр. 158.

² Max Ebert. 1) Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. Praehistorische Zeitschrift, Bd. V, 1913, H. 1—2, S. 66, Abb. 74; 2) Zur Geschichte der Fibel mit umgeschlagenem Fuss. Praehistorische Zeitschrift, Bd. III, 1911, H. 3—4, S. 235, Abb. 2.

³ Из раскопок Б. В. Фармаковского 1896 г. в Историческом музее имеется фибула II Латена. Она происходит из могилы № 40 с чернолаковым блюдечком; дата этой могилы не может быть позже II в. до н. э. Две среднелатенские фибулы найдены в склепе № 67 при женском погребении с двумя монетами; одна из них из г. Амиса, II—I вв. до н. э. (ИАК, вып. 8, стр. 63, 85—6, 103). Фибулы хранятся в музее под № 41932; К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и южного Приуралья. Рукопись, М., 1945, стр. 294; А. И. Фурманская. Фибулы из раскопок Ольвии. Археология, т. VIII, Київ, 1953, стр. 78, табл. 1, рис. 6. — Фибула найдена в насыпи земляного склепа с дромосом № 95, II в. до н. э.

⁴ А. Фурманская, ук. соч., стр. 79.

⁵ ОАК за 1902 г., стр. 133, рис. 232, карту местности см. стр. 59, рис. 124; А. А. Спицын. 1) Памятники латенской культуры в России. ИАК, вып. 12, стр. 85, рис. 45; 2) Поля погребальных урн. СА, т. X, стр. 55.

⁶ А. А. Спицын. Памятники латенской культуры в России. ИАК, вып. 12, стр. 85.

¹ См. настоящий сборник, стр. 158.

² Смела, т. I, стр. 114, табл. IX, рис. 5, т. III, стр. 28, табл. I, рис. 1; т. II, стр. 63—64, табл. III, рис. 7; А. А. Калитинский, ук. соч., т. I, 1927, стр. 195, табл. XV, рис. 12.

³ Max Ebert. 1) Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. Praehistorische Zeitschrift, Bd. V, 1913, H. 7—2, S. 75—78, Abb. 87 f, o; 2) Zur Geschichte der Fibel mit umgeschlagenem Fuss. Praehistorische Zeitschrift, Bd. III, 1911, H. 3—4, S. 235, Abb. 3a—b.

⁴ Древности Приднепровья, вып. IV, Киев, 1901, стр. 18, табл. IV, № 129; коллекция фибул в КГИМ из Букрина Ржищевского р-на Киевской обл. включает одну раннелатенскую фибулу (№ 1436), одну позднелатенскую (№ 17069) и две очковые (№№ 1440 и 39—X ac, см. Каталог выставки XI AC, стр. 78).

⁵ Album przedmiotów wydobytych w grobach cmentarzyska ciałopalnego koło Przeworsca (z epoki cesarstwa rzymskiego) zestawili prof. Dr. Karol Hadaczek. Lwow, 1909, tabl. A, 1, верхний ряд.

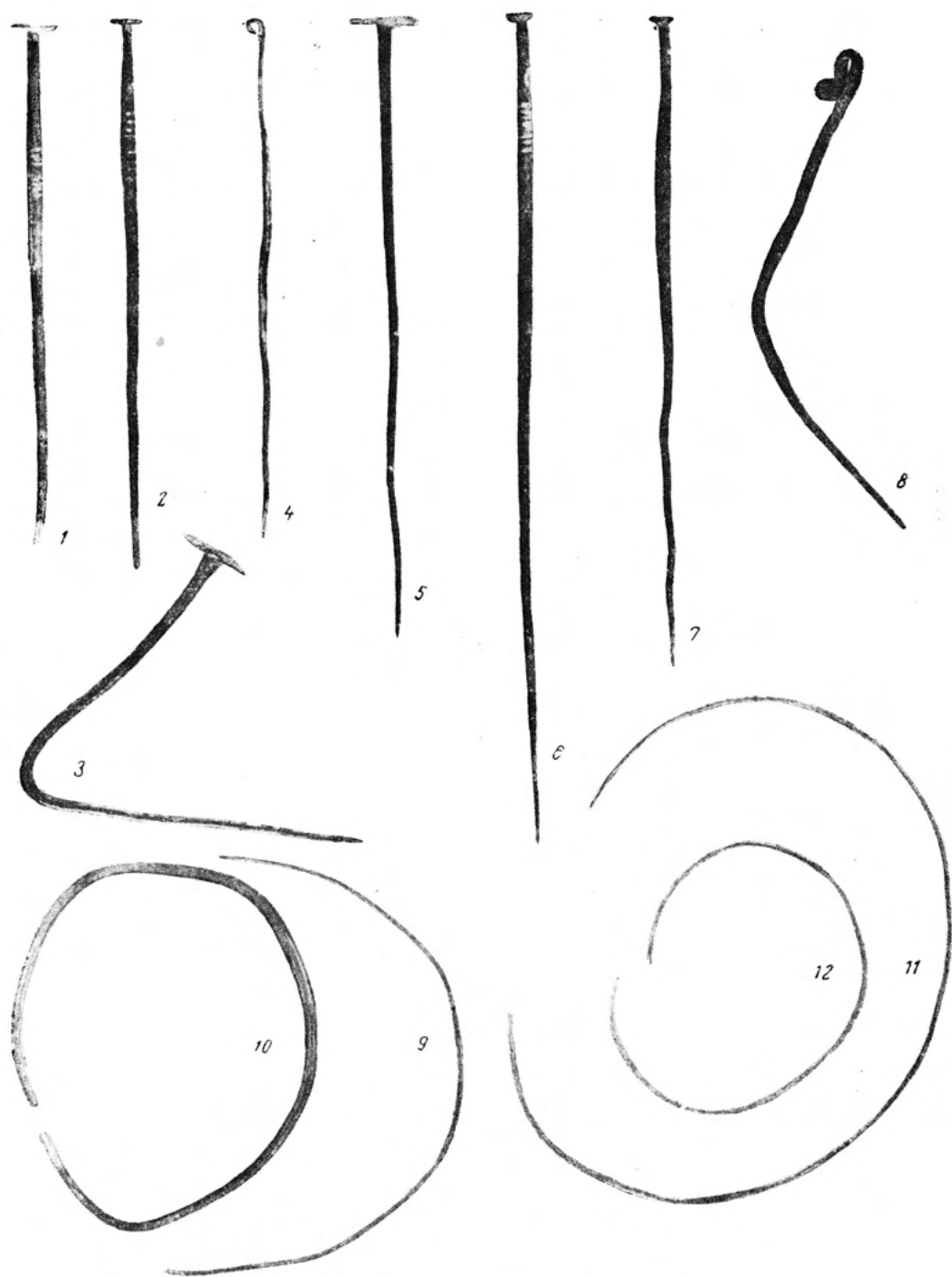

Рис. 4. Бронзовые украшения Зарубинецкого могильника.
1—8 — булавки; 9—12 — браслеты.

веков нашей эры. Эти вещи свидетельствуют, что Зарубинецкий могильник, возникший во II в. до н. э., прекратил свое существование не раньше II в. н. э.

В фондах Киевского исторического музея имеется восемь бронзовых булавок, происходящих из Зарубинецкого могильника. Пять из них (рис. 4, 2—4, 6 и 8) изображены на таблице, приложенной к статье В. В. Хвойки «Поля погребений в Среднем Приднепровье». ¹ Три булавки (рис. 4, 1, 5 и 7) на таблице В. В. Хвойки отсутствуют. ² Что касается небольшой фрагментированной булавки с загнутой головкой, помещенной на таблице В. В. Хвойки крайней справа, то она, очевидно, происходит не из Зарубинецкого могильника. Во всяком случае, среди зарубинецких булавок в фондах музея ее нет.

Зарубинецкие булавки разнотипны. Они могут быть разбиты на четыре группы. Две из них представляют собою булавки с загнутыми головками типа так называемого пастушеского посоха (рис. 4, 4 и 8). Две булавки имеют головки так называемого грибового типа (рис. 4, 1 и 2). У двух булавок головки с широкими плоскими шляпками (рис. 4, 3 и 5). И, наконец, шляпки двух булавок (рис. 4, 6 и 7) небольшого размера, узкие, несколько выпуклые сверху.

Стержни булавок сделаны из бронзовой, круглой в сечении проволоки. У некоторых булавок стержни суживаются кверху у шляпки. У булавок с плоскими шляпками стержни, напротив, утолщены в верхней части. Нижние концы большинства булавок заострены.

Большинство булавок лишено орнаментальных украшений. Лишь стержни булавок с головками грибового типа (рис. 4, 1—2) и булавки с узкой головкой (рис. 4, 6) орнаментированы параллельными, горизонтально расположенными нарезками с шариками или же цилиндриками между ними. Длина булавок — от 9.5 до 11.9 см. Выделяется булавка на рис. 4, 6: ее длина достигает 15.8 см. Толщина проволочных стержней — от 0.25 до 0.5 см.

Хотя булавки и встречены в погребениях и составляют, наряду с керамикой и фибу-

лами, характерные черты инвентаря могильника, однако сами по себе они не определяют зарубинецкого типа археологической культуры. Время их бытования выходит далеко за пределы существования памятников зарубинецкого типа. Они распространены в памятниках как зарубинецкого, так и дозарубинецкого, скифского периода.

Наиболее распространены булавки с небольшой головкой грибового типа, с орнаментацией кольцевыми нарезками на стержне. Такие булавки встречаются как в зарубинецкое, так и в скифское время. В собрании Полтавского музея булавки этой группы были представлены девятью экземплярами. ¹ Находятся аналогичных булавок отмечены в кургане 1 и с. Герасимовки, ² в кургане 19 у с. Аксютинцы, ³ близ с. Басовки, ⁴ а также у с. Будки б. Роменского уезда. ⁵

Булавки с широкой плоской шляпкой встречены в ряде пунктов на Левобережье, в том числе в могильнике у с. Городища б. Лохвицкого уезда Полтавской губ., ⁶ в кургане близ с. Герасимовки ⁷ и в кургане у с. Аксютинцы. ⁸ Четыре бронзовые булавки с тонкими плоскими шляпками и одну булавку с маленькой утолщенной головкой, украшенную двумя поясками из кольцевых нарезок с шариком между ними, дали трупоположения на левом берегу Десны при

¹ М. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею, стр. 50, 53, табл. VII, рис. 14; А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, II, стр. 121—122. (О раскопках близ с. Лихачевки на Ворскле — там же, стр. 129).

² МРЗ, стр. 111—112.

³ Д. С а м о в а с о в. Основания хронологической классификации. Варшава, 1892, стр. 35, табл. VII.

⁴ Раскопки Н. Е. Бранденбурга, ОАК, за 1901 г. стр. 107, рис. 190. — На Басовском городище Селевского р-на Сумской обл. найдена булавка в виде пастушеского посоха, см.: В. А. Іллінська. Верхнесульська експедиція 1947 р. АП УРСР, IV, Киев, 1952, стр. 49, табл. 1, рис. 31.

⁵ Древности Приднепровья, вып. II, Киев, 1899, стр. 24, табл. XII, № 241.

⁶ М. Рудинський. Археологічні збірки..., стр. 45, табл. VII, рис. 13.

⁷ Курган близ села Герасимовки (МРЗ, стр. 111) датируется М. И. Ростовцевым III—II вв. до н. э. Б. Рабинович считал, что та часть инвентаря, которая включала «три серебряные и одну бронзовую шпильку в виде гвоздя со шляпкой», носила «резко выраженный отпечаток архаичности» (Б. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов Ср. Приднепровья. СА, т. I, стр. 92—93).

⁸ Гос. исторический музей, материалы из раскопок С. А. Мазары, 1886 г.

¹ Инвентарная опись Археологического отдела Киевского городского музея, т. 1, стр. 211, №№ 8529—8531, 8540, 8542.

² Инв. №№ 8528, 8539 и 8541.

устье Сейма.¹ Поселение у с. Табаевки, в 20 км к северу от Чернигова (Подесенье), датируемое Д. И. Блифельдом III в. до н. э., дало бронзовую булавку с загнутой головкой в виде пастушеского посоха.²

На Правобережье распространены те же типы булавок, какие встречаются и на Левобережье.³ Целая коллекция булавок была собрана А. А. Бобринским при раскопках курганов скифского типа.⁴ Булавки из Матронинского городища, из курганов у села Прусс, из с. Пастерского, «из Чигиринского и Черкасского уездов Киевской губ.» опубликованы во II и III выпусках «Древностей Приднепровья».⁵

Городище у с. Пастерского и близлежащее Шарповское городище так же дали булавки разнообразных типов.⁶ На Поднестровье

¹ О. Н. Мельниковская. Могильник у с. Долинское, Черниговской обл. КСИИМК, вып. XXXIV, стр. 72, табл. 20, рис. 1 и 5.

² Д. И. Блифельд. Древнейшее славянское поселение на Черниговщине. КСИА, вып. 1, стр. 54, рис. 2. — Любопытно, что почти аналогичная бронзовая булавка этого же типа найдена на поселении у с. Волынцева, см.: Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путивльського району Сумської обл. АП УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 426, табл. 1, рис. 9.

³ Булавки с головками грибового типа и нарезками на стержне с низовьев реки Роси, см.: ОАК за 1903 г., рис. 279.

⁴ Булавки с широкими шляпками, курган XII близ Гуляй-города: Смела, т. I, стр. 102, 115, табл. IX, рис. 13 и 14. — Две серебряные булавки с такими же шляпками и с орнаментацией из Журовского кургана № CDXIVII: А. А. Бобринский. Отчет о раскопках близ с. Журовки. ИАК, вып. 17, стр. 93, рис. 26, ср. ОАК за 1904 год, стр. 101, рис. 170. — Бронзовые булавки с узкими выпуклыми головками и орнаментацией кольцевыми нарезками на стержне: Смела, т. I, стр. 103, 115, табл. IX, рис. 14, 18 (курган XLII близ Гуляй-города); Смела, т. II, стр. 104, 133, табл. XIV, рис. 8 (на городище Шпола возле с. Василькова); А. А. Бобринский. 1) Отчет о раскопках близ с. Журовки. ИАК, вып. 17, стр. 88, рис. 19, ср. ОАК за 1904 г., стр. 101, рис. 172 (судя по рисунку, курган CDXXXII в с. Журовке); 2) Отчет об исследовании курганов в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губ. в 1909 г. ИАК, вып. 40, стр. 58, 59, рис. 40. — Бронзовая булавка в виде пастушеского посоха была найдена вместе с фрагментированной фибулой среднелатенского типа в кургане XXVIII: Смела, т. I, стр. 114—115, табл. IX, рис. 5 [фибула] и рис. 12 [булавка]; ср. Смела, т. II, табл. III, рис. 8.

⁵ Древности Приднепровья, вып. II, Киев, 1899, стр. 24, №№ 243—252, табл. XIV; вып. III, Киев, 1900, табл. XLIV.

⁶ А. А. Бобринский. Исследования в Киевской губ. в 1908 г. ИАК, вып. 35, стр. 80, рис. 43а; Древности Приднепровья, вып. II, Киев,

были распространены булавки тех же типов, что и на Поднепровье.¹ Близка к зарубинецким булавка, найденная на поселении у с. Селища Кельменецкого р-на Черновицкой обл.² К более позднему времени относятся булавки, найденные в Залесцах на Днестре.³

Собранные здесь данные подтвердили наблюдения, которые удалось сделать на основании керамических материалов. Связи между скифским, дозарубинецким и зарубинецким временем прослеживаются не только на основании керамических изделий, но и на основании бронзовых булавок. Типы булавок, встреченные в Зарубинцах, бытуют на территории Поднепровья уже в VI—V вв. до н. э.

Четыре браслета из Зарубинецкого могильника принадлежат к простым проволочным браслетам с утолщенной серединой и более тонкими краями, которые, подобно булавкам, были широко распространены на левобережном и правобережном Поднепровье на протяжении скифского времени и удерживаются в зарубинецкое время. В. В. Хвойка первоначально не рассматривал эти свои находки как браслеты. В черновой рукописи и отчете при описании первого трупосожжения он писал о куске скрученной завитками бронзовой проволоки и о «куске бронзы» — во втором трупосожжении. То же самое повторено и в статье В. В. Хвойки.⁴ Эти слова было соблазнительно истолковать как указания на полуфабрикаты и сырье, положенные с умершим, остатки производства. Однако предметы из Зарубинцев, поступившие от В. В. Хвойки в музей вместе с фибулами и булавками, представляли собой несомненно браслеты. Их всего четыре экземпляра (рис. 4, 9—12).⁵

1899, табл. XIV; Фабрициус. Тясьминська експедиція. АП УРСР, т. II, Київ, 1949, табл. VI, рис. 1—6.

¹ Булавки Поднестровья сведены в работе Т. Сулимирского: T. Sulimirski. Scytowie na Zachodnim Podolu. Lwów, 1936, str. 25—26, 113.

² А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51, стр. 69—70, рис. 32, 2.

³ М. Ю. Смишко. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР у 1947 р. АП УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 350—351.

⁴ В. В. Хвойка. Поля погребений..., стр. 182—183.

⁵ В соответствии с инвентарной записью в Киевский городской музей поступило четыре проволочные

Подобные браслеты в числе нескольких экземпляров встречены в погребениях Корчеватовского и Чаплинского могильников и на Чаплинском городище.¹

4

Вопросы хронологии Зарубинецкого могильника в настоящее время можно считать если и не окончательно решенными, то во всяком случае более или менее уточненными.

В. В. Хвойка датировал Зарубинцы и другие аналогичные памятники временем около рубежа н. э. «Могильники при с. Зарубинцы и при р. Десне, — писал он, — можно отнести к времени около р. хр.»²

Л. Нидерле относил могильник в Зарубинцах к I—II вв. н. э.³

К позднелатенскому времени относил Зарубинецкий могильник и П. Рейнеке, тенденциозно рассматривавший этот памятник в качестве германского, как и некоторые другие немецкие археологи.⁴

Однако большинство специалистов, основываясь на том, что большая часть фибул, происходящих из Зарубинцев, относится к среднелатенским, присоединялись к датировке, предложенной В. В. Хвойкой, полагая, что «поле погребений» у с. Зарубинцы начало функционировать во II—I вв. до н. э. и просуществовало до I—II вв. н. э. К ним относится, например, известный польский археолог Ю. Костшевский, указавший на близость зарубинецкой культуры к раннеславянской — пшеворской культуре Польши.⁵

браслета: № 8525, диаметр 7 см, толщина проволоки 0.5 см; № 8526, диаметр 5.7 см, толщина 0.2—0.3 см; № 8543, диаметр 7.8 см, толщина 0.3 см (один конец отломан); № 8544, диаметр 4.5 см, толщина 0.4 см (браслет детский).

¹ См. настоящий сборник, стр. 73, 143 и 161.

² В. В. Хвойка. Поля погребений..., стр. 185.

³ Lubor Niederle. Původ a počátky slovanů vychodrich. Praha, 1924, s. 234.

⁴ Paul Reinecke. Aus der russischen archiologischen Litteratur. (Gräberfelder von Ende der La-Tènezeit und aus der jüngeren römischen Kaiserzeit im gouv. Kiew). Mainzer Zeitschrift, 1906, t. I, S. 42—50; K. Tackenberg. Zu den Wanderungen der Ostgermanen. Mannus, Bd. XX, 1930, H. 3—4, S. 280.

⁵ J. Kostrzewski. Od mezolitu do okresu wędrowek ludów. Prehistoria ziem polskich. PAU. Encyklopedia Polska, t. IV, cz. 1. oddział v. Kraków, 1939—1948, str. 335.

К этой датировке присоединяется А. А. Калигинский, писавший: «... таков, напр., могильник у с. Зарубинец, могилы которого относятся к I и II вв. по р. х.; в Зарубинцах... древнейшие могилы относятся к I ст. после р. х.; из того же могильника, который существовал еще и во II ст. после р. х., происходит несколько позднелатенских экземпляров».¹

Вновь раскопанные памятники, в первую очередь Корчеватовский могильник, показали, что зарубинецкие памятники с фибулами среднелатенского типа возникают не позже II—I вв. до н. э. Они появляются на том этапе, когда Поднепровье еще не знало ни позднелатенских фибул, появляющихся в I в. до н. э., ни очковых или же сильно профилированных, характерных для начала нашей эры.

Считаясь с тем, что инвентарь Зарубинецкого могильника по основному составу тот же самый, что и в Корчеватовском могильнике, а также с тем, что в Зарубинцах преобладают фибулы среднелатенской схемы, необходимо признать, что Зарубинецкий могильник возникает приблизительно в то же время, когда и Корчеватовский, возможно — несколько позже.

В свою очередь, наличие в инвентаре Зарубинецкого могильника таких фибул, как позднелатенская лучковая, очковая и арбалетная с подогнутой ножкой, которых нет в Корчеватовском могильнике, позволяет заключить, что Зарубинецкий могильник в отличие от Корчеватовского функционировал вплоть до начала II в. н. э., когда на Среднем Поднепровье окончательно складывается и становится господствующей культура черняховского типа, вытесняющая собою зарубинецкую.

Утверждение В. В. Хвойки о Зарубинцах как о памятнике, представляющем определенный культурно-археологический тип, сохранило свое значение до сих пор. Находки из Зарубинцев и любого другого памятника того же типа (II—I вв. до н. э.) почти не различаются между собою.

Генетически культура Зарубинцев обнаруживает явные линии связей с местной культурой предшествующего периода. Это было вполне ясно для А. А. Спицына, писавшего, что зарубинецкая культура «соста-

¹ А. А. Калигинский. О некоторых формах фибулы Южной России. Seminarium Kolodakovianum. т. I, Прага, 1927, стр. 195, 197.

влияет крайнее известное разрешение» «местной скифской» культуры,¹ а также и для В. В. Хвойки, который о сосудах из Зарубинцев писал: «Форма довольно разнообразна, но в общем ближе всего подходит к так наз. скифскому типу».²

Еще в 1930 г. А. А. Спицын был вынужден писать: «Район распространения зарубинец-

гребений, им было обследовано в начале 90-х годов в области Киевского Приднепровья еще несколько аналогичных могильников. Таковы могильники у с. Вита на правом берегу Днепра, южнее Киева, у с. Вишеньки на левом берегу Днепра, в 20 км ниже Киева, у с. Пицальники в междуречье Днепра и Россавы, у Пуховки около устья Десны и

Рис. 5. Керамика из могильника у с. Вита.

1 — кружка с ушком; 2 — миска.

кой культуры пока намечается весьма слабо». Кроме Зарубинцев, он мог назвать всего три пункта (Ромашки, Лизвинцы и Грищенцы).³ За последние годы сделано весьма много для выяснения вопроса о заселенности Поднепровья на рубеже нашей эры. Мы имеем возможность на территории Поднепровья назвать многочисленные памятники зарубинецкого времени. Кроме них, в области Среднего и отчасти Верхнего Поднепровья не известно никаких других памятников указанного времени, принадлежащих какому-либо другому типу. Следовательно, в зарубинецкое время Среднее и в значительной части Верхнее Поднепровье было заселено единым населением, которое могло быть, как это предвидел В. В. Хвойка, лишь славянами.

5

Кроме «поля погребений» у с. Зарубинцы, на котором В. В. Хвойка раскопал три погребения и собрал материал из разрушенных по-

¹ А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, т. X, стр. 56.

² В. В. Хвойка. Поля погребений..., стр. 184.

³ А. А. Спицын. Поля погребальных урн. стр. 56.

у Ржищева. Материалы из всех этих могильников хранятся в Киевском государственном историческом музее. В годы работ В. В. Хвойки был известен также могильник у с. Койлово на левом берегу Днепра, ныне в Бориспольском р-не Киевской обл.

Могильник у с. Вита Киево-Святошинского р-на Киевской обл. расположен на правом берегу Днепра, несколько ниже Киева. Сведения о могильнике исчерпываются записями в инвентарной книге Археологического отдела Киевского городского музея. В музей в свое время поступили два сосуда — кружка с ушком и миска, входившие в состав инвентаря погребения с трупосожжением. Оба сосуда доставлены из собрания В. В. Хвойки (рис. 5).¹

Кружка с ушком из Витинского могильника не отличается от обычных зарубинецких сосудов этого типа. Как и эти последние, она черного цвета, поверхность у нее гладкая, лощеная, тесто с примесью крупного песка. Шейка сосуда прямая, плечики короткие, выпуклые, тело округлое, с ребром, днище плоское. У венчика и на изломе ребра видны следы отбитого ушка. Высота — 10.4 см, диаметр венчика — 9.7 см.

¹ Инв. №№ 17206 и 17946.

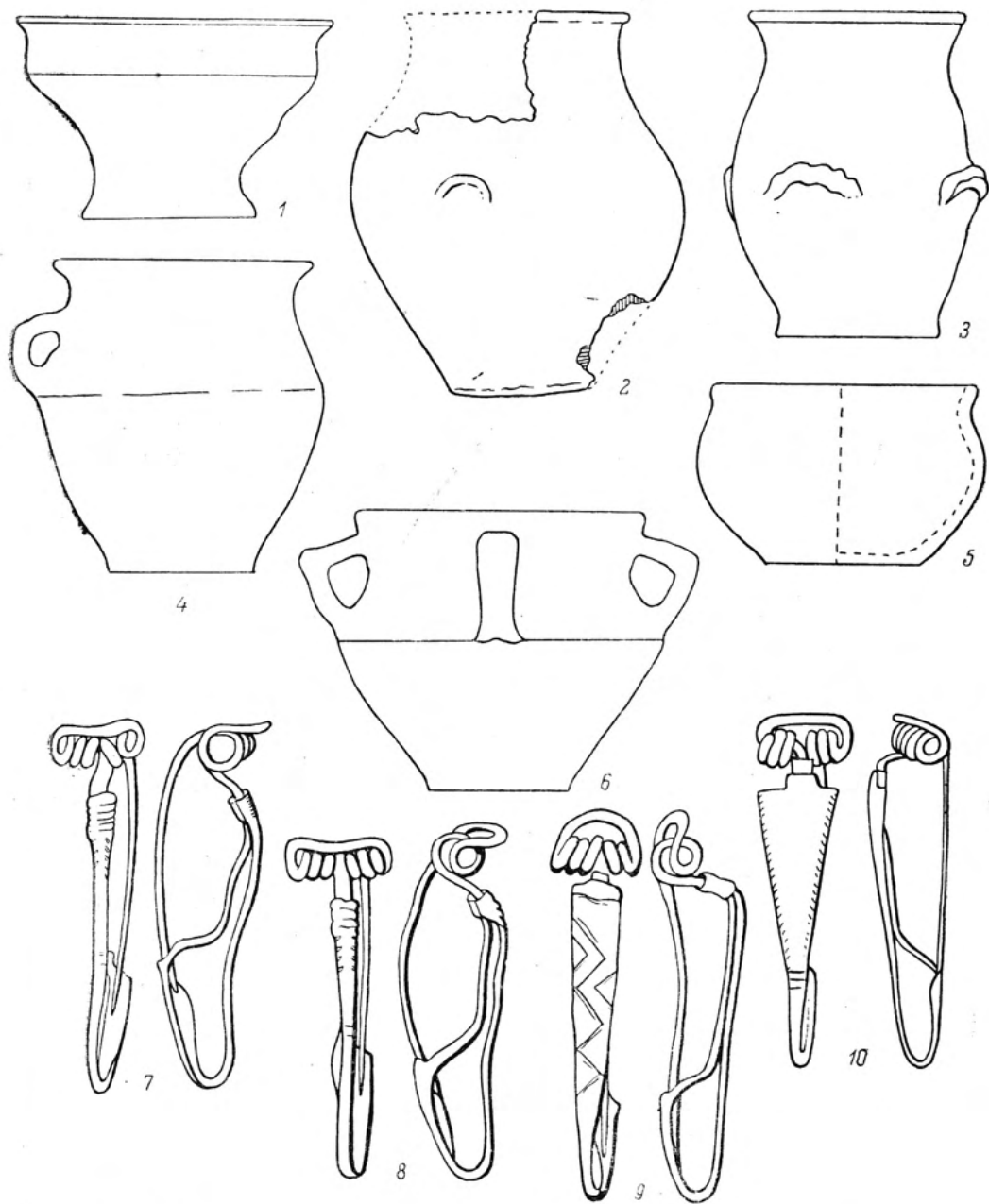

Рис. 6. Керамика и бронзовые фибулы из могильника у с. Вишеньки.

1 — миска на высокой ножке; 2 — сосуд лощеный с подковками; 3 — сосуд с подковками шероховатый; 4 — кружка с ушком; 5 — горшочек; 6 — миска-ваза с ручками; 7—10 — фибулы среднелатенской схемы. 7—10 — 3/4 н. в.

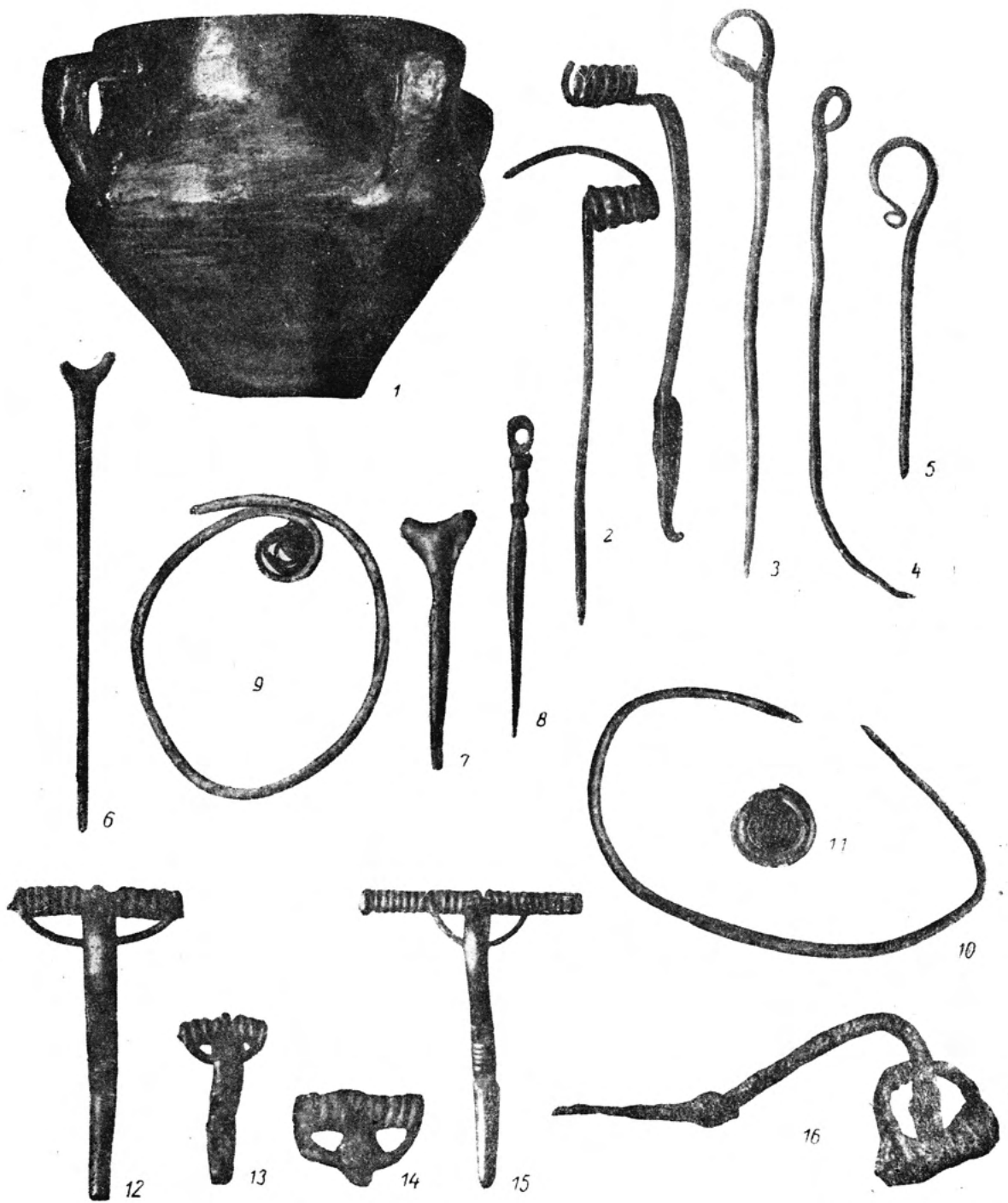

Рис. 7. Глиняный сосуд и предметы убора и украшения из могильника у с. Вишеньки.

1 — миска-ваза с ручками; 2 — фибула среднелатенской схемы (фрагменты); 3—8 — булавки; 9—11 — браслеты; 12—16 — фибулы арбалетные. 2—16 7/8 н. в.

Миска из Витинского могильника точно так же полностью повторяет миски Зарубинецкого могильника. Она черно-коричневого цвета, имеет гладкую лощеную поверхность, отогнутый наружу венчик и реберчатые бока. Высота миски — 7.1 см, диаметр венчика 14.3—14.8 см.

При всей ограниченности сведений относительно «поля погребальных урн» у с. Вита приведенных данных вполне достаточно, чтобы зарегистрировать пункт с могильником зарубинецкого типа.

Могильник у с. Вишеньки Бориспольского р-на Киевской обл. (б. Остерского уезда Черниговской губ.), расположенный на левом берегу Днепра, в 20 км ниже Киева, упоминается В. В. Хвойкой в работе «Древние обитатели Среднего Приднепровья».¹ Производились ли там раскопки, осталось неизвестным. Материалы из Вишенек в Киевском государственном историческом музее довольно разнообразны и сравнительно обильны. Здесь имеются реберчатая миска на высокой ножке, два сосуда с подковками на плечиках — один лощеный, хорошей выделки, и другой с шероховатой поверхностью, грубо сделанный, — кружка крупных размеров с ушком, небольшой круглобокий горшочек с плоским дном и сосуд с четырьмя ручками (рис. 6, 1—6 и рис. 7, 1).² Перечисленные вещи были найдены при разных обстоятельствах и поступили в музей в разное время и из разных рук, в том числе из собрания В. В. Хвойки. Судя по записи в инвентарной книге, вещи были найдены в Вишеньках при погребениях с сожжением на песчаных россыпях.

Несмотря на разновременность поступлений и различное происхождение, вещи из Вишенек отличаются однообразием, отвечающим по своим общим признакам зарубинецкому культурному типу. Однако при общем типологическом сходстве с зарубинецкой керамикой отдельные вещи из Вишенек имеют свои особенности, заставляющие поставить Вишеньки несколько особняком среди остальных зарубинецких памятников Поднепровья и говорить о них как о своеобразном варианте зарубинецкой культуры.

Посуда из Вишенек отличается грубостью и асимметричностью. Она изготовлена срав-

нительно небрежно. Сосуд с четырьмя ручками (рис. 6, 6 и рис. 7, 1) высотой 21 см, по фактуре вполне примыкающий к зарубинецкой посуде, по форме не имеет пока аналогий в керамических комплексах других зарубинецких могильников. Ближе всего этот сосуд напоминает посуду из Повисленья, в частности посуду из Пшеворского могильника.¹

Кроме сосудов, в могильнике у с. Вишеньки были найдены четыре бронзовые фибулы среднелатенской схемы (рис. 6, 7—10).²

В последние годы сведения о могильнике у с. Вишеньки пополнились за счет вещей из коллекции Ф. П. Яновского, собранной в конце XIX в. и недавно поступившей в фонды Института археологии АН УССР. Записка, сопровождающая опись вещей этой коллекции, содержит некоторые сведения об условиях, в которых были сделаны находки. Вещи были найдены на песчаной возвышенности к востоку от с. Вишеньки на левом берегу Днепра в днепровской пойме. Возвышенность представляет собой песчаные бугры, по-местному — «шоломы», которые автор записки считал могилами. Они тянутся на расстоянии 5—6 верст от урочища «Будища» до «Озерян». В песке у этих бугро попадались находки разного времени, начиная от неолита и эпохи бронзы и кончая временем Киевской Руси.

Из коллекции Ф. П. Яновского наибольший интерес представляют для нас фибулы, булавки, браслеты и проволочные спиральные витки. Здесь имеется обломанная среднелатенская фибула (рис. 7, 2), три булавки с головками, изогнутыми в петлю в виде пастушеского посоха (рис. 7, 3—5), две булавки с треугольной утолщенной головкой и рожковидными концами (рис. 7, 6, 7), одна булавка со сквозным отверстием в верхней части головки, с конической шейкой между двумя ободками и коротким четырехгранным стержнем (рис. 7, 8), а также длинная булавка (17.5 см длины) с круглым в сечении стержнем, небольшой головкой и боковой петлей на стержне для прикрепления булавки.

Сравнивая булавки из Вишенек и Зарубинцев, можно констатировать, что в Вишеньках нет ни булавок с плоскими широкими шляпками, ни булавок с выпуклыми

¹ В. В. Хвойка. Древние обитатели..., стр. 43.

² Инв. №№ 16080, 17873, 17956, 17493, 17957 и 17955.

¹ K. Nadaszek, ук. соч., tabl. Pr., № 30.

² Инв. №№ 16073—16075 и 17874.

головками грибового типа, имеющихся в коллекции из Зарубинцев. В свою очередь, в Вишеньках имеются булавки, которых нет в Зарубинцах, — это булавка с рожковидными концами на головке и булавка с боковой петлюю на стержне. Аналогии к булавкам из Вишенек ведут нас, подобно керамике, в Повисленье.¹

Проволочные браслеты из Вишенек похожи на браслеты из погребений в Зарубинцах. Отличительной особенностью их являются бронзовые спирали на концах (рис. 7, 9—11).

Кроме того, в коллекции Ф. П. Яновского имеются четыре арбалетные фибулы черняховского типа — три бронзовые (рис. 7, 12—14) и одна серебряная (рис. 7, 15). Одна железная вишеньская фибула этого же типа происходила из собрания А. А. Бобринского (рис. 7, 16).² Можно предположить, что могильник у с. Вишеньки, возникнув на среднелатенском этапе, просуществовал, как и Зарубинецкий, вплоть до II в. н. э.

Несколько вещей зарубинецкого времени было найдено около с. Грищенцы Каневского р-на Киевской обл., откуда происходит много разнообразных бронзовых изделий, относящихся к концу I в. до н. э. и началу нашей эры. Есть предположение, что в этом пункте было обширное производство бронзовых изделий. Пункт этот был известен В. В. Хвойке, в собраниях которого было несколько вещей из с. Грищенцы.

К зарубинецкому времени из вещей, происходящих из Грищенцев, относятся: кружка с ушком, фрагмент среднелатенской фибулы, позднелатенская фибула и сильно профилированные фибулы (рис. 8).

Кружка с ушком принадлежит к зарубинецкому типу. Она черно-коричневого цвета, с лощеной поверхностью, прямой короткой шейкой, биконическим телом и плоским дном. Фибула среднелатенского времени фрагментирована, позднелатенская — целая. Две другие фибулы не являются характерными для зарубинецкой культуры, но по времени с ней связаны. Они относятся к первым векам нашей эры.

Такие сильно профилированные фибулы на территории Среднего Поднепровья встре-

чаются относительно редко. Кроме фибул из Грищенцев, в фондах Киевского государственного исторического музея имеется такая же фибула из Ржищева, а также несколько недокументированных экземпляров из разных мест. В фондах Львовского историче-

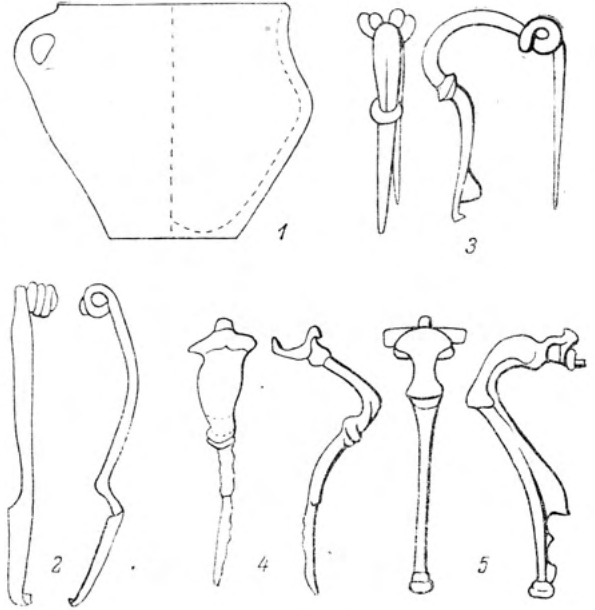

Рис. 8. Керамика и фибулы из могильника у с. Грищенцы.

1 — кружка с ушком; 2 — фибула среднелатенской схемы; 3—5 — фибулы сильно профилированные. 2—5 — 3/5 н. в.

ского музея хранятся две профилированные фибулы из села Хмельна б. Черкасского уезда Киевской губ.¹ В «Древностях Приднепровья» опубликованы три сильно профилированные фибулы из городища у с. Конюча б. Черкасского уезда, из Пастерского городища и третья с Правобережья без более точного определения места.²

В Поднепровье из 32 фибул, встреченных в области липицкой культуры, 24 принадлежали к числу сильно профилированных,³

¹ Инв. №№ 2730 и 2734.

² Древности Приднепровья, вып. II, табл. VIII, стр. 24; вып. VI, табл. IV и XIX, стр. 19 и 27.

³ М. С м і ш к о. Доба політ поховань в західних областях УРСР. Археологія, т. II, Киев, 1948, стр. 103, 110; М. S m i s z k o. 1) Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolsce Wschodniej. Lwów, 1932, str. 155, tabl. XIII, 5—9, tabl. XIV, 1—7; 2) Stanowisko wczesnorzymskie w

¹ Н. Моога. Die Vorzeit Estlands. Tartu, 1932, Abb. 27, 6; Eric C. G. Oxenstierna. Die Urheimat der Goten. Mannus Bücherei, B. 73, 1945, Leipzig, S. 77, Abb. 64.

² Смела, т. III, стр. 28, табл. 1, рис. 5.

что свидетельствует о связи фибул этого образца с липицким типом археологической культуры.

В Повисленье сильно профилированные фибулы составляют необходимую принадлежность памятников пшеворской раннеславянской культуры.¹ Кроме Повисленья и Поднепровья, сильно профилированные фибулы

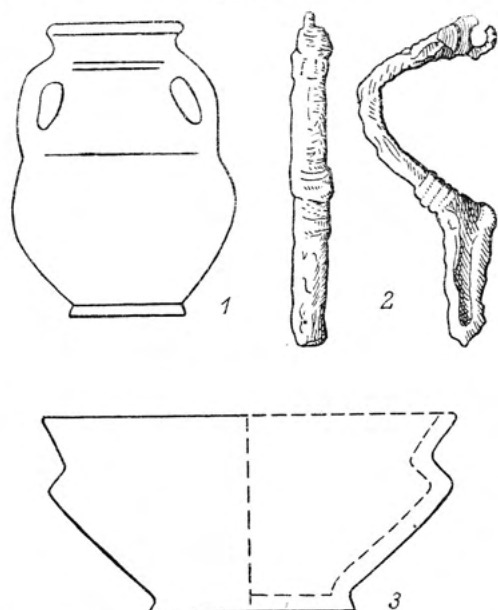

Рис. 9. Керамика и фибула из могильника у с. Пищальники.

1 — кувшин с двумя ручками; 2 — фибула арбалетная; 3 — миска. 2, 3 — 2/3 н. в.

были распространены в области Подунавья в памятниках I—II вв. н. э.²

В собраниях В. В. Хвойки имеются зарубинецкие вещи, происходящие из с. Пищальники Каневского р-на Киевской обл. (б. Каневского уезда Киевской губ.), известного в археологической литературе по раскопкам скифских курганов. В списке памятников зарубинецкого типа, приведенном В. В. Хвойкой в его книге «Древние обитатели Среднего

Приднепровья», могильник у с. Пищальники не упомянут. Единственным источником наших сведений о могильнике являются записи в инвентарной книге Киевского городского музея и Киевского государственного исторического музея.

В фондах музея могильник у с. Пищальники представлен тремя вещами из собрания В. В. Хвойки — мискою, кувшином с двумя ручками и железной фибулой (рис. 9, 1—3).

Миска из Пищальников представляет собой характерную зарубинецкую миску черного цвета с гладкой лощеной до блеска поверхностью, с острореберным телом и плоским дном. Высота миски — 7.7 см, диаметр горла — 16.2 см.

Кувшин из Пищальников принадлежит к сосудам черняховского времени. Он серого цвета, сделан на круге, поверхность его шероховатая, глина с примесью песка. Горловина кувшина удлиненная, конической формы, расширяющаяся к плечикам, корпус округлый, дно на кольцевой ножке-подставке, ручки в сечении прямоугольные, высота — 24.4 см. На кувшине имеется этикетка. Железная фибула из Пищальников относится к типу арбалетных фибул с подвязанной ножкой. Она фрагментирована: ось, пружина и игла утеряны. Спинка фибулы широкая, пластинчатая; ножка подогнута; спинка и ножка украшены фасетками. Длина фибулы — 6.5 см.

Если миска указывает на зарубинецкое время могильника у с. Пищальники, то кувшин и фибула относятся к более позднему времени — к первым векам нашей эры. Однако за отсутствием достаточного количества сведений остается неизвестным, происходят ли все эти вещи из одного могильника или из двух разновременных.

Село Пуховка Киевского р-на Киевской обл. (б. Остерского уезда Черниговской губ.) вместе с обнаруженным возле него могильником находится на правом берегу Десны, неподалеку от ее устья. Следует полагать, что могильник у с. Пуховки был обследован В. В. Хвойкой сравнительно лучше, чем другие. Здесь им было раскопано несколько погребений с трупосожжениями. Обстоятельства раскопок остались, к сожалению, неизвестными.

В фондах Киевского государственного исторического музея хранятся пять сосудов из могильника: реберчатая миска, миска на

Kolokolinie pow Rohatynski. Wiad. Archeol., t. XIII, str. 158, tabl. XLIII, 7—9, XLV, 4; 3) Stan i potrzeby badan... Wiad. Archeol., t. XIV, str. 129, tabl. XVII, 3.

¹ К. H a d a c z e k, ук. соч., tabl. A, II.

² М. P a r d u c z. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, Bd. III, Archeologia Hungarica, Bd. XXVIII, Budapest, 1944, S. 65, Tabl. XXXIX, 7 (Recel), VII, 7 (Pilisszántó); Bd. II, Archeologia Hungarica, Bd. XXV, 1941, tabl. II, 11.

Рис. 10. Керамика из могильника у с. Пуховки.

1 — миска на высокой ножке; 2 — миска реберчатая; 3 — сосуд с биконическим туловом; 4 — сосуд с ногтевым орнаментом; 5 — кружка с ушком.

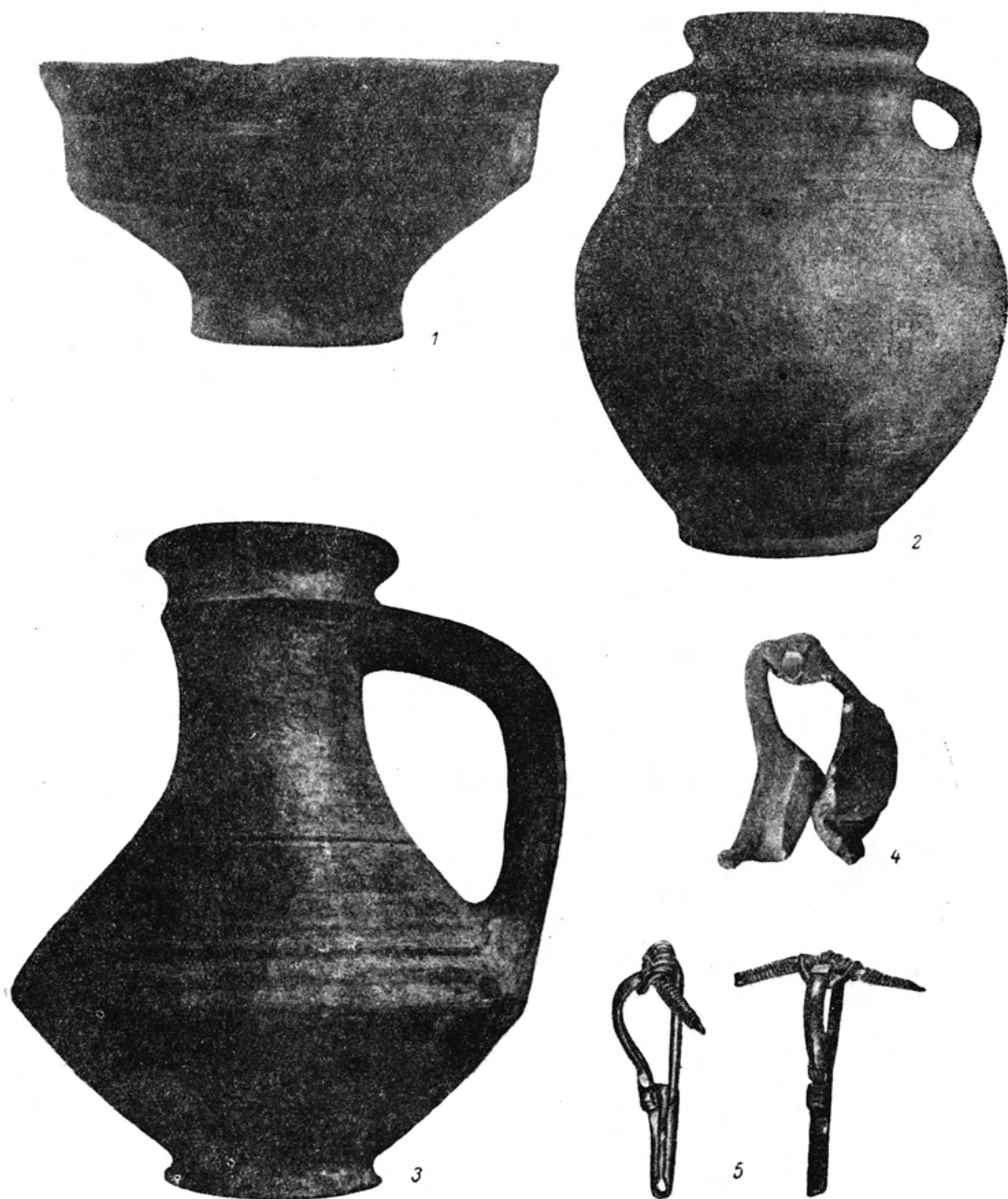

Рис. 11. Керамика и фибулы из могильника у г. Ржищева.

1 — миска на высокой ножке; 2 — кувшин с двумя ручками; 3 — кувшин с ручкой; 4 — фибула сильно профилированная; 5 — фибула арбалетная с подвижной ножкой. 4, 5 — 4/5 н. в.

высокой ножке, кружка с ушком, высокий сосуд с биконическим туловом и сосуд, покрытый своеобразным ногтевым орнаментом (рис. 10, 1—5).¹

Кроме перечисленных, к сосудам из Пуховки по записям в инвентарной книге относятся еще две миски. Однако этикетки на этих мисках, писанные рукою В. В. Хвойки, указывают на Зарубинцы («с. Зарубинцы Каневского у. Погребение с сожжением»). Выше мы отнесли эти миски к зарубинецким коллекциям.²

Керамика из могильника у с. Пуховки очень близка посуде из Зарубинцев. Миска имеет черно-коричневую окраску, гладкую лощеную поверхность, реберчатые бока и плоское днище. Диаметр горловины миски — 11.4 см, высота — 5.3 см. Миска на высокой ножке точно также не имеет каких-либо отличий по сравнению с другими мисками этой же группы. Ее высота 7—8 см, диаметр горловины — 11.6 см. Обычна и кружка с ушком (высота — 8.7 см, диаметр горла — 6 см). Можно думать, что биконический сосуд из Пуховки изображен под № 19 на таблице, приложенной к статье В. В. Хвойки «Поля погребений в Среднем Приднепровье».

Большой сосуд с округлым туловищем, происходящий из могильника у с. Пуховки, покрыт ногтевым орнаментом сплошь от плечиков до днища. На плечиках орнамент образует полукруглые фестоны, обращенные выпуклой частью вверх, с вертикальной полоской внутри; на нижней части сосуда орнамент образует вертикальные полосы. Венчик сосуда отбит. Его высота без венчика — 24 см.

Могильник у Ржищева Киевской обл. упомянут В. В. Хвойкой в числе других памятников зарубинецкого типа в книге «Древние обитатели Среднего Приднепровья». Объем раскопок, проведенных В. В. Хвойкой в Ржищеве, остается неизвестным. Материалы из могильника у Ржищева поступили в Киевский городской музей от Д. П. Калиновского.³

В состав коллекций из Ржищева входит обычная миска зарубинецкого типа на высокой полой ножке (высота — 9.3 см, диаметр венчика 17—18 см) и два кувшина, сделан-

ные на круге, черняховского типа, один с одной ручкой, другой с двумя ручками. Высота первого — 18.8 см, второго — 23.7 см (рис. 11, 1—3).

Кроме керамики, имеются две бронзовые фибулы первых веков нашей эры. Одна из них сильно профилированная, согнута вдвое. Она литая, массивная, с фигурной дужкой и сплошным пластинчатым приемником. Другая фибула арбалетовидная, с подвязанной

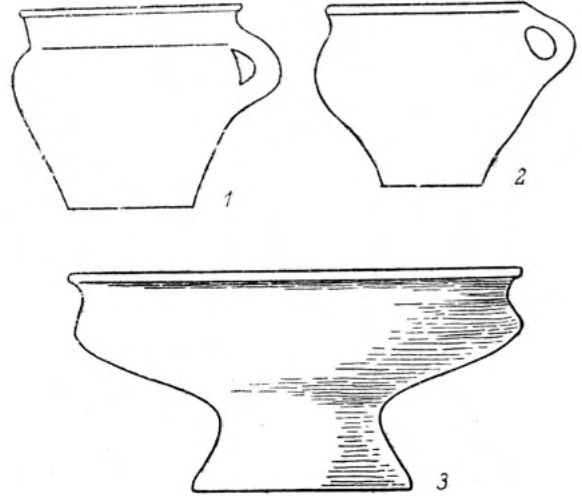

Рис. 12. Керамика из могильника у с. Койлова.
1—2 — кружки с ушком; 3 — миска-ваза на высокой ножке.

ножкой и длинной узкой пружиной. Длина фибулы 4.4 см (рис. 11, 4—5).

Таким образом, в коллекции из Ржищева содержится разновременный материал — и зарубинецкий, и черняховский, — что сближает ее с комплексом вещей из с. Пищальники. Такое сочетание является, по-видимому, не случайным. Оно отражает переход раннеславянского населения от более древней зарубинецкой культуры к последующей черняховской культуре.

Могильник с трупосожжениями у села Койлова, б. Переяславского уезда Полтавской губ., ныне Бориспольского р-на Киевской обл., впервые упомянут в литературе в 1890 г. Н. Ф. Беляшевским¹ и в 1913 г. — В. В. Хвойкой.²

¹ Н. Ф. Беляшевский. Первобытный человек на берегах р. Днепра вблизи Киева. Киевская старина, т. XXIX, 1890, апрель, стр. 12.

² В. В. Хвойка. Древние обитатели..., стр. 43.

¹ Инв. №№ 17943, 11005, 17945, 17944; «Хв. 7».

² Инв. №№ 17941 и 17942.

³ ИГИМ, инв. №№ 12271, 12266—12267.

В фондах Киевского государственного исторического музея керамика из Койловского могильника представлена тремя сосудами: двумя кружками с ушком и одной миской на высокой ножке.¹ Кружки ничем не отличаются от аналогичных сосудов Зарубинецкого могильника. Миска обнаруживает некоторые особенности по сравнению с другими зарубинецкими мисками. Она имеет высокую и узкую в перехвате ножку (рис. 12, 3).

Исследование зарубинецких памятников около Койлова было продолжено в 20-х и 40-х годах XX в. В 1925 и 1926 гг. песчаные бугры вокруг Койлова, тянущиеся почти на 6 км, были подвергнуты обследованию и дали многочисленные находки. Особенно богаты находками оказались дюны у восточной стороны села, в урочище «Ричище». Собранный здесь и в других урочищах подъемный материал оказался весьма разнообразным.² Наряду с находками керамики неолитиче-

ского и энеолитического времени, а также периода бронзы, среди койловских материалов отчетливо выделяются обломки зарубинецкой керамики. Таковы фрагменты мисок серо-коричневого цвета с гладкой лощеной поверхностью и др.

Значительно дополнили и уточнили сведения о Койлове работы 1947 г., когда в 2 км ст Койлова, в урочище «Под соснами», И. М. Самойловским было раскопано два трупосожжения.¹ В составе инвентаря второго трупосожжения, кроме фрагментов зарубинецкой керамики, была найдена средне-латенская фибула, аналогичная фибулам из Зарубинцев.

Заслуживает внимания также и керамика койловских трупосожжений из раскопок И. М. Самойловского, в том числе фрагменты грубых нелощеных сосудов с круглыми сквозными отверстиями под венчиком и обломок венчика сосуда бурого цвета с косыми насечками по внешнему краю. После раскопок, у с. Корчеватого принадлежность такой посуды к зарубинецкому комплексу является несомненной.

¹ Инв. №№ 17870—17872, все три сосуда из собрания Н. Ф. Беляшевского.

² Ол. Я куб с ь к и й. Дюнна стація біля с. Койлова. КЗ ВУАК за 1925 р., стр. 95. В статье ошибочно указано, что большинство находок относится к неолиту.

¹ І. М. С а м о й л о в с ь к и й. Розвідки і розкопи в Києві та його околицях. АП УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 80—81.

И. М. Самойловский

КОРЧЕВАТОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

1

В 1937—1940 гг. на краю высокого правого берега Днепра, около с. Корчеватого, находящегося вблизи южной окраины Киева, в карьере кирпичного завода были найдены несколько древних глиняных сосудов. В некоторых из них находились пережженные человеческие кости. Так было открыто под Киевом обширное «поле погребальных урн» — Корчеватовский могильник.

Участок днепровского берега, на котором расположен могильник, лежит несколько севернее с. Корчеватого, приблизительно в километре на юг от Лысой горы, находящейся ниже устья реки Лыбеди, впадающей в Днепр. Берег Днепра рассечен здесь глубокими оврагами с разветвленными вершинами. Могильник находится на одном из отрогов берега, ограниченного двумя оврагами. Возвышенное плато, составляющее основание этого отрога, называется Багриновой горой.

К востоку от могильника высокий берег круто обрывается в долину Днепра. Несколько десятилетий тому назад Днепр протекал здесь непосредственно у подножия своего правого берега, но затем русло реки отошло от коренного берега на значительное расстояние. Внизу под горой, к юго-востоку от могильника, расположился упомянутый выше кирпичный завод.

Отрог коренного берега на месте могильника раньше был занят лесом. В 1916 г. лес был вырублен и выкорчеван, потом эту местность стали запахивать и занимать под огороды. Оконечность мыса была отведена под карьер кирпичного завода.

Коренной берег сложен здесь из толщи карбонатного желто-палевого лёсса, перекрытого оподзоленным (деградированным)

черноземом. Верхний слой чернозема, толщиной 0.25 м, составлен черным гумусированным слоем почвенного горизонта. Под ним на глубину до 0.75 м залегает слабо гумусированный слой серого цвета, приобретающий внизу желтоватый оттенок и постепенно переходящий в чистую толщу лёсса.

По находкам, обнаруженным в карьере в продолжение четырех лет, выяснилось, что могильник занимает значительную площадь. В 1937 г. при расширении карьера на пространстве приблизительно в 300 кв. м было найдено 11 сосудов (№№ 1—11).¹ Они встречались на небольшой глубине, в слое серой земли. В одних случаях сосуды стояли каждый в отдельности, в других составляли группы по 2—3. Наибольшее скопление сосудов было отмечено в центральной части вскрытой карьером площади. Тогда же, при рытье канавы, окружавшей край карьера, на глубине 0.97 м от современной поверхности была найдена урна с пережженными человеческими костями, имевшая 30 см в диаметре. Все найденные сосуды типичны для культуры «полей погребений» последних столетий до нашей эры. В 1938 г. при дальнейшем расширении карьера обнаружены 3 глиняных сосуда (№№ 12—14). В последующем, 1939 г., расширение карьера дало 4 глиняных сосуда (№№ 15—18) такого же характера, что и в предшествующие годы. В 1940 г. расширение карьера производилось с помощью гидромонитора. Обнаружили еще 21 сосуд (№№ 19—39). Тогда же, в мае 1940 г.,

¹ Материалы из Корчеватовского могильника имеют общую нумерацию, сохраненную в настоящей публикации в тексте и в иллюстративном материале, помещенном на таблицах. Материалы последнего года раскопок в значительной части погибли во время войны. Рисунки их также не сохранились.

на могильнике были начаты археологические раскопки (рис. 1).

Первоначально на участках берега, примыкающих к северо-восточному участку карьера и предназначенных к сносу, было заложено несколько рекогносцировочных траншей. Первая траншея, размером 15×2 м, позднее значительно расширенная, проложена над карьером на расстоянии 2—4 м от его края. В ней было обнаружено 4 погребения с трупосожжениями (1—4).

Во второй траншее, размером 10×2 м, заложенной в 15 м от первой на северо-восток тоже у края карьера, погребений не встретилось. В почвенном слое найдено несколько обломков посуды такого же типа, как и в описанных погребениях.

Следующее погребение, также с сожжением (5), обнаружено в третьей траншее размером 10×2 м, заложенной рядом с первой, на восток от нее над краем обрыва. В прирезке к первой траншее находилось погребение 6.

После этого раскопки были перенесены на юго-западную сторону карьера. Заложённая здесь траншея размером 2×11 м не дала никаких находок. Но дальше от края карьера найдено большее число погребений. Здесь была вскрыта летом 1940 г. площадь, составляющая около 600 кв. м. На этой площади открыто 29 погребений (7—30, 94—98). Среди них 5 последних не содержали никаких следов костей, а лишь глиняные сосуды. Площадь была разбита на двухметровые квадраты, для изучения профилей оставались контрольные стенки. Земля снималась послойно. Контуры ям, в которых совершалось захоронение результатов сожжений, не обнаружены. Все погребения не шли глубже слоя серой гумусированной земли.

К концу лета 1940 г. границы карьера вышли за пределы раскопа. При этом снова было разрушено несколько погребений, от которых сохранились глиняные сосуды (№№ 35—39). Чтобы предотвратить уничтожение могильника, раскопки продолжались. В октябре 1940 г. у юго-западного края карьера был заложен раскоп размером 7×17 м, при этом открыто 8 трупосожжений (31—38).

Продолжение раскопок в северо-восточной части могильника, там, где были открыты погребения 1—6, не дало находок, кроме нескольких непережженных человеческих костей (2 фаланги руки и пяточная кость), выявленных в 14,5 м на запад от погребения 6 на глубине 0,75 м.

Весной 1941 г. раскопки на Корчеватовском могильнике снова возобновились. Около северо-восточного края карьера была вскрыта площадь размером более 2000 кв. м, лежащая по обе стороны рва, ограничивающего место карьера. При прокладке этого рва в трех местах у северо-восточного края карьера обнаружены обломки черной лощеной посуды, происходящие из разрушенных погребений. Здесь открыто 35 погребений (39—41, 50—72, 74, 81, 85, 90—92, 99—101). Из них погребение 92 находилось за пределами площади раскопа, в траншее, заложенной вдоль рва, восточнее раскопа. Большинство погребений содержало остатки сожжений. Здесь встречено было 2 труположения, одно погребение, в котором оказался лишь череп, и 3 скопления глиняных сосудов без признаков человеческих костей — кенотафы.

Одновременно с работами на северо-восточном краю карьера весной 1941 г. проводились раскопки вдоль юго-западного края карьера, во время которых вскрыта площадь свыше 800 кв. м, непосредственно примыкающая к месту осенних раскопок 1940 г. В ее пределах обнаружено 23 погребения, из них 15 трупосожжений (42—49, 73, 76, 79, 84, 88—89, 93), 4 труположения (77, 80, 86—87) и 4 погребения, в которых были обнаружены лишь черепа (75, 78, 82—83).

Наконец, в 1941 г. двумя широкими траншеями производились поиски погребений на краю средней части карьера. Они не дали, однако, никаких находок. Очевидно, могильник состоял из двух частей, между которыми находилось свободное пространство шириной до 30—40 м.

За годы Великой Отечественной войны склоны карьера, расположенного на площади Корчеватовского могильника и края раскопа, подверглись значительному разрушению. В 1944 г. при осмотре могильника было открыто еще два погребения — одно труположение (102) и одно сожжение (103). Оба они находились на север от карьера, на значительном расстоянии от раскопов 1940—1941 г. Никаких других находок, относящихся к могильнику, не обнаружено. Следует думать, что сохранившаяся часть Корчеватовского могильника исследована почти полностью.

В результате раскопок 1940—1941 гг. на территории Корчеватовского могильника раскрыта площадь, составляющая 4500 кв. м (рис. 1). Сюда следует присоединить участки могильника, обнимающие приблизительно

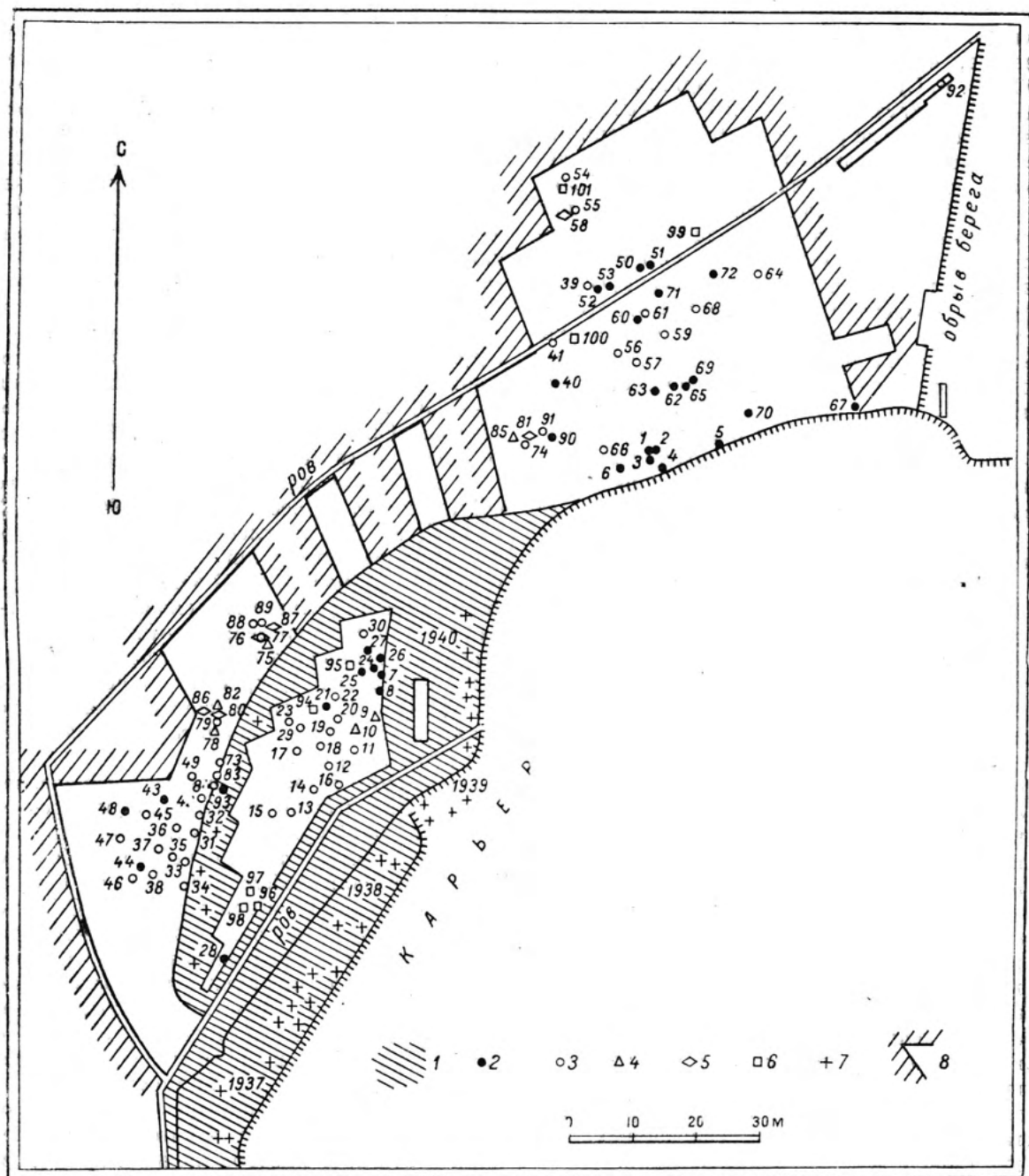

Рис. 1. План Корчеватовского могильника.

1 — площадь, разрушенная карьером после 1936 г.; 2 — сожжение в урне; 3 — пережженные кости без урны; * — отдельный череп; 5 — группоположение; 6 — кенотаф; 7 — случайная находка; 8 — границы раскопов.

2500 кв. м, которые в 1937—1941 гг. до раскопок были поглощены карьером. Следовательно, площадь могильника составляла не меньше, а, вероятно, значительно больше 7000 кв. м. Судя по плану, могильник состоял как бы из двух частей — более насыщенной южной части, где раскопано 60 погребений и, вероятно, еще больше разрушено, и отделенной от нее северной части, где исследовано 40 погребений, расположенных значительно реже, чем в южной части. И здесь к моменту раскопок сохранились далеко не все погребения. Часть из них давно разрушена карьером. Судя по погребениям 92, 102 и 103, открытым в северной части могильника далеко за пределами раскопа и друг от друга, отдельные погребения располагаются на периферии могильника.

Кроме деления на две основные части — южную и северную, Корчеватовский могильник может быть подразделен и на более мелкие участки, отличающиеся друг от друга по обряду погребения. Такие участки — гнезда погребений с одинаковым обрядом — имеются в обеих частях могильника.

Исследованные на Корчеватовском могильнике 103 погребения по погребальному обряду должны быть разделены на 5 групп. Первую составляют погребения, в которых найдены урны с пережженными человеческими костями. Таких случаев зафиксировано 33. Вторую группу составляют погребения, в которых результаты сожжения были сыпаны непосредственно в яму. По сравнению с погребениями первой группы такие погребения имеют в большинстве случаев более обильный инвентарь. В обеих частях могильника их встречено 48. Третью группу погребений составляют труположения, их обнаружено 7. Столько же встречено погребений, объединенных нами в четвертую группу. Они представляют собой погребения, содержащие отдельные человеческие черепа. Наконец, нами выделена группа кенотафов — погребений, в которых найден погребальный инвентарь, но не было никаких признаков останков умершего — ни сожженных, ни ингумированных. Их обнаружено 8.

Основным обрядом погребения на Корчеватовском могильнике является обряд трупосожжения с помещением пережженных костей в урну или непосредственно в яму. Всего в результате раскопок обнаружено 81 погребение с сожжением, что составляет около 80% исследованных погребений. Пережжен-

ные кости несут на себе следы сожжения на большом огне. Они сильно кальцинированы и представляют собой обычно небольшие фрагменты. Наиболее крупные обломки костей были встречены в погребении 29, в котором, помимо пережженных костей, не содержалось ничего другого. Здесь были обломки костей размером до 5—6 см. В других случаях они редко превышали 0.5—1 см в поперечнике.

Погребения с урнами образуют на площади могильника три более или менее компактных скопления, за пределами которых встречены лишь единичные погребения этого типа. Одно из скоплений располагается в северной части могильника и занимало здесь в древности, по-видимому, центральное положение (рис. 1). Его составляют погребения 1—6, 70 и расположенные несколько в стороне 62—63, 65 и 69 (рис. 2, 1, 3). В пределах северной части могильника, к северу от первого скопления, располагается второе. В его состав входят погребения 50—53, 60 и 71—72 (рис. 2, 6). Вне скоплений в этой части могильника находится лишь три урновых погребения: 40 (рис. 2, 4), 67 и 90. В южной части могильника отчетливое скопление составляют урновые погребения 7—8, 21, 24—27. Вне этого скопления в южной части могильника находится 5 урновых погребений — 28, 43, 48 и 93, расположенные у западного края могильника на значительном расстоянии друг от друга.

Как уже отмечалось выше, в черноземе, составляющем грунт могильника, не прослеживались контуры могильных ям. Можно, однако, думать, что урновым погребениям соответствовали небольшие ямы, не превышающие у дна 0.50 м в поперечнике. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что глиняные сосуды и кости животных в этих погребениях всегда находились непосредственно рядом с урной. Глубина ям урновых погребений варьировала в пределах от 0.35 до 0.93 м, составляя в среднем 0.65 м. Некоторые ямы имели, по-видимому, неровное дно, о чем можно заключить по глиняным сосудам, найденным в некоторых погребениях рядом друг с другом, но на разном уровне (4, 50 и др.).

Урны, в которых находились пережженные кости, представляли собой обычно большие горшковидные глиняные сосуды грубой работы. Лишь в 7 случаях из 33 урной служил сосуд с лощеной поверхностью. Пережженные кости встречались в некоторых погре-

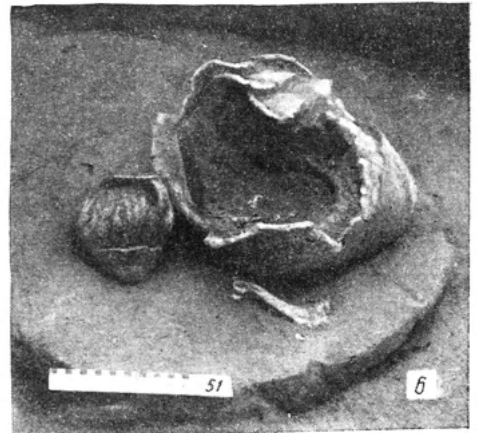
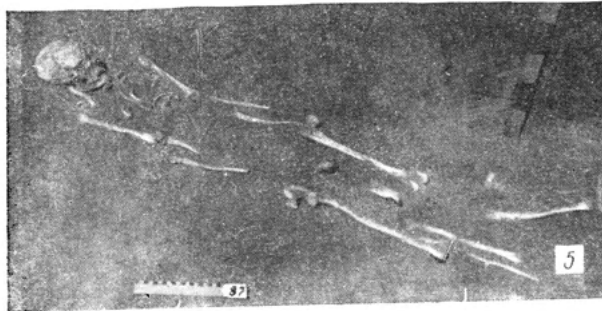
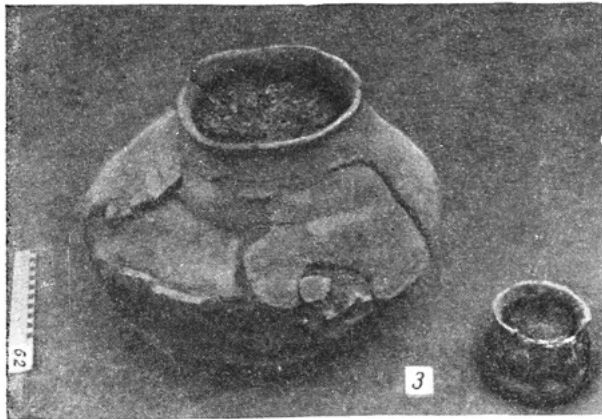
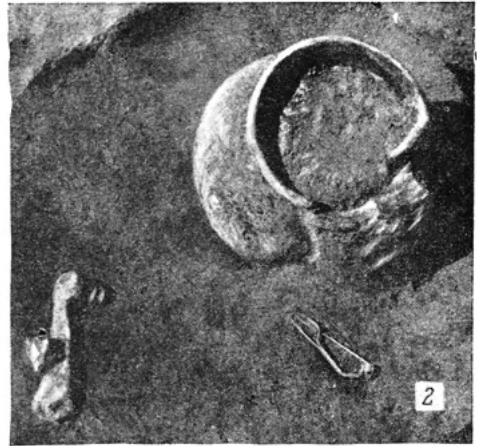

Рис. 2. Погребения Корчеватовского могильника.

1 — погребения 1—2; 2 — погребение 13; 3 — погребение 62; 4 — погребение 40; 5 — погребение 86;
6 — погребение 51.

бениях не только в урне, но и около нее. Как правило, урны не прикрывались сверху ничем. Только в погребении 3 над раздавленной урной лежала нижняя часть горшка и в случайной находке 1938 г. один горшок (№ 12) был накрыт миской (№ 13).

Около половины урновых погребений не содержало никакого другого инвентаря. В других урнах инвентарем служила глиняная посуда — один, чаще два или три, в одном случае четыре сосуда. Здесь встречались кухонные грубые горшки, такие же, как урны, сосуды с лошеной поверхностью, широкие миски и небольшие сосудики с ручкой («ушком») — «кружечки». В погребениях 51 и 60 среди жженных костей было найдено по две фибулы, в погребении 69 — одна фибула. В погребениях 60 и 65 найдены куски бронзовой проволоки — возможно, деформированные браслеты или височные кольца; в погребении 52 — бронзовое спиральное височное колечко. Все вещи не имели следов огня, за исключением двух стекловидных бус (?) из погребений 53 и 70, найденных в деформированном виде.

Не имели следов огня также и кости животных — остатки похищенной в могилу пищи. Они встречены в 30% урновых погребений. Это кости козы или овцы, свиньи, в одном случае лошади. Лишь в погребении 1 в урне вместе с пережженными человеческими костями была встречена пережженная кость собаки. Очевидно, собака разделяла участь своего умершего хозяина — пошла вместе с ним на погребальный костер.

Погребения с остатками сожжения, сыпанными непосредственно в яму, располагались на площади могильника более равномерно. Возможно, однако, что и здесь следует усматривать некоторую группировку. В северной части могильника большинство погребений этого типа шли полосой по середине раскопа, сконцентрированной параллельно краю берега (74, 91, 41, 39, 56, 57, 59 (рис. 3, 1), 61, 68 и 64). Группа безурновых сожжений находилась в центре южной части могильника (11—20, 22—28 (рис. 3, 2) и 29—30). Между этой группой и другой большой группой безурновых сожжений (31—38, 42, 45—47, 49, 73, 79, 84, 76, 88—89), занимающей западную окраину южной части могильника, было некоторое свободное от погребений пространство.

Нельзя не обратить внимания также и на следующее обстоятельство. Среди безурновых

сожжений имеются погребения, не содержащие никакого инвентаря (23, 57, 76, 79, 84, 88—89 и 92). Почти все они располагаются на окраине могильника.

Погребения второй группы отличаются от предыдущих не только отсутствием урн, но и другими признаками. В ряде случаев могильные ямы этих погребений имели значительные размеры, о чем можно заключить по расположению сожженных костей и инвентаря. Так, в погребении 54, где было три глиняных сосуда, пережженные кости лежали на восток от них на расстоянии 0.65—0.75 м. В погребении 55 кости лежали полосой в 0.50—0.85 м также на восток от сосудов. Такая же картина наблюдалась в погребениях 16, 59, 68 и др. В погребении 66 сожженные кости лежали на 1.25 м восточнее трех сосудов, а в погребении 73, где кости лежали рядом с сосудами, на восток от них, на расстоянии 0.77 м на юго-восток находился наконечник копья. Все это говорит о том, что часть ям имела значительные размеры. Возможно, что здесь имелись такие же удлиненные ямы размером в рост человека и шириной 0.50—0.80 м, какие были выявлены на Чаплинском могильнике.¹ Не случайным является и то, что сожженные кости более чем в половине безурновых погребений лежали на восток от сосудов. В упомянутых только что погребениях с удлиненными ямами, открытых на Чаплинском могильнике, посуда лежала обычно в западной части ямы, а пережженные кости — в средней части.

По глубине безурновые погребения менее варьируют: в пределах от 0.40 до 0.81 м. В среднем же их глубина составляет 0.56 м, что несколько меньше средней глубины погребений с урнами.

По составу глиняной посуды безурновые погребения почти не отличались от погребений с урнами, если не считать значительно меньшего числа найденных в них грубых лепных сосудов, служивших в погребениях первого типа в качестве урн. При 16 погребениях было по одному, при 13 — по два и при 11 — по три сосуда. Когда сосудов было три, в их состав почти во всех случаях входили высокий горшок, миска и небольшой сосудик с ушком — «кружечка», лежащая иногда внутри миски. Такое сочетание — «набор столовой посуды» — встречено в Корчеватовском могильнике 15 раз, причем 6 раз

¹ См. настоящий сборник, стр. 156.

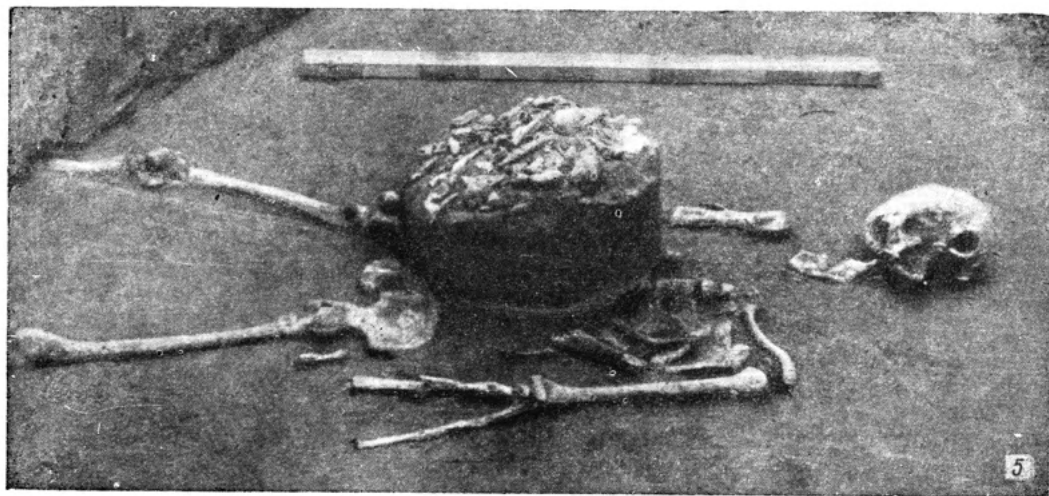
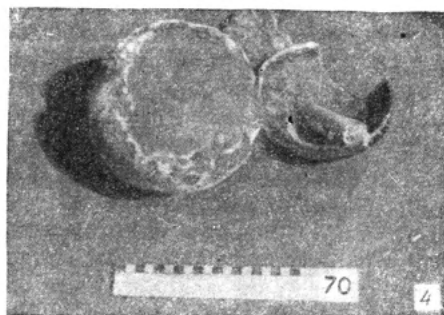
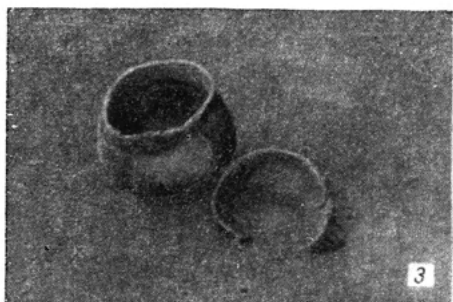
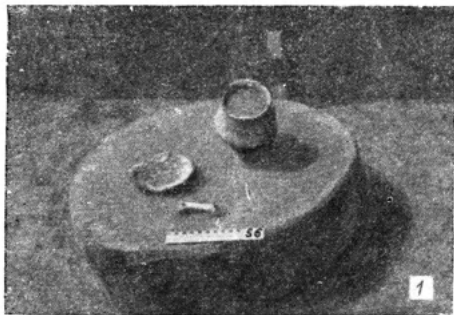

Рис. 3. Погребения Корчеватовского могильника.

1 — погребение 56; 2 — погребение 28; 3 — погребение 61; 4 — погребение 70; 5 — погребения 76 и 77.

в урновых погребениях и 9 раз в безурновых. Подобные наборы посуды, в частности сочетания миски и кружки, наблюдались в Среднем Поднепровье, начиная со скифского времени. Например, в кургане 90 на Каневщине встретился сосуд, в котором «были 2 мисочки с высокой ручкой и орнаментом по дну». ¹ Подобное явление наблюдалось и в Черняховском могильнике. Здесь в погребении 110 в одном из сосудов, «довольно большим, находился еще маленький сосудик очень изящной формы». ² В погребении 150 в большой глиняной миске с тремя ушками находилось 2 небольших сосуда.

В отношении другого инвентаря безурновые погребения оказались богаче урновых. В 17 из них обнаружены вещи. Это были наконечник копья, в двух случаях — железные ножи, в одном погребении бронзовая проволока, возможно браслет или кольцо, в 11 погребениях — фибулы. В одной могиле вместе с фибулой найден белесый пастовый бисер, в другой — перстень.

Самым богатым в Корчеватовском могильнике было безурновое погребение 39, содержащее остатки сожжения, возможно не одного, а двух человек. Кроме 3 сосудов, в нем найдены 4 фибулы и обрывки цепочек, соединяющих фибулы попарно. Сожженные кости лежали несколькими кучками на восток, юг и юго-запад от сосудов. Найдена кость овцы или козы — остаток положенной в могилу мясной пищи.

Во многих других безурновых погребениях также были найдены отдельные кости животных — чаще всего овцы, козы или свиньи и в двух случаях коровы.

Труположения, встреченные на Корчеватовском могильнике в числе 7, располагаются по западной окраине могильника — 4 в его южной части и 3 в северной (погребение 108, раскопанное в 1944 г., на плане отсутствует). Во всех случаях скелеты лежали на спине в вытянутом положении, с руками, протянутыми вдоль туловища. Ориентированы погребения головой на запад. Могилы этих погребений были несколько глубже ям с сожжениями: их средняя глубина 0.76 м.

Погребения Корчеватовского могильника никогда не нарушают друг друга, что гово-

рит о том, что над ними находились какие-то знаки — невысокие холмики, подобные тем, остатки которых, возможно, наблюдал В. В. Хвойка на Зарубинецком могильнике, деревянные столбы или срубы. Лишь в одном случае, на западной окраине могильника, два погребения были совершены на одном месте: над тазовыми костями скелета из погребения 77 находилась груда пережженных человеческих костей погребения 76 (рис. 3, 5). Это обстоятельство не могло не вызвать предположения, что могилы со скелетами, открытые на Корчеватовском могильнике, принадлежат другому, более раннему времени. Такое предположение, однако, вряд ли основательно. В двух погребениях со скелетами (80 и 87) были найдены железные фибулы того же характера, что и фибулы из погребений с сожжениями. Правильнее предположить, что погребения со скелетами, расположенные на периферии могильника и почти лишенные инвентаря, были погребениями иноплеменников. В связи с этим не безынтересно отметить, что на черепе погребения 81 был замечен след от удара рубящим орудием — мечом или топором. Некоторый свет на интересующий нас вопрос могло бы пролить антропологическое исследование найденных скелетов. Но они были утрачены во время войны. Не сохранились также обломки бронзовых височных колец из погребения 87, которые, возможно, могли бы оказаться датирующим материалом.

Одновременное бытование двух погребальных обрядов — трупосожжения и труположения — встречается в Среднем Поднепровье, особенно на Киевщине, начиная со скифского времени. Недалеко от Матроинского городища «в могильной яме над курганом № СІХХІV (скифской эпохи), подле остова, положенного на спине, оказался слой жженных костей другого человеческого остова, при обгорелых предметах». ¹ В кургане Перепятыха V в. до н. э. под Киевом, рядом с костяками, отмечены три похоронные урны с пережженными человеческими костями. ² В Черняховском могильнике трупосожжения составляли 27%, а труположения — 73% всех погребений.

Захоронения отдельных черепов встречены на Корчеватовском могильнике главным об-

¹ Смела, т. III, стр. 136.

² В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, XII, вып. 1 и 2, СПб., 1901, стр. 179.

¹ Смела, т. II, стр. 72.

² М. И. Ростовцев. Скифия и Босфор. Л., 1925, стр. 431.

разом в тех же местах, что и погребения со скелетами, т. е. на западной окраине Корчеватовского могильника (75, 78, 82, 83, 85). Исключение составили два погребения с черепами, открытые в центре южной части могильника (9—10).

При невозможности проследить контуры могильных ям погребения отдельных черепов вызывают некоторые сомнения. Возникает предположение: не происходят ли эти черепа из разрушенных погребений? На такое предположение наталкивают материалы погребений 75 и 78. Около первого из них, в 1.67 м на северо-восток от черепа, были найдены три шейные позвонка. Во втором около черепа лежали непережженные кости ребенка и челюсть овцы или козы.

Не разясняют, а еще больше усложняют вопрос о погребениях с черепами погребения 9—10, расположенные в центре южной части могильника и сопровождавшиеся находками. В погребении 9, где череп не имел нижней челюсти, в 0.65 м на запад от него стоял глиняный сосуд с черной выложенной поверхностью, рядом с которым находилась кость животного. Относились ли череп и сосуд к одному погребению — осталось невыясненным. В погребении 10 были замечены контуры квадратной ямы размером 1.08 × 1.08 м и глубиной 0.73 м, где находились череп без следов огня, пережженные человеческие кости, раскиданные по яме, мелкие угольки, кость свиньи и обломки черного лощеного сосуда. Невдалеке была найдена глиняная миска. Вряд ли все следует рассматривать в качестве единого комплекса. Но что здесь было раньше, а что позже — остается неясным.

Захоронение отдельных черепов известно в скифское время. Например, в кургане 49 около с. Шандры на Каневщине на глубине 3 м был найден истлевший череп ребенка, положенный в черную миску.¹ Там же, в кургане 73, в котором лежало три костяка, был еще «найден один череп без прочих костей»;² в кургане 12 лежало два костяка и при них, около головы одного из них, лежал еще один череп.³ В Черняховском могильнике В. В. Хвойка отметил четыре случая нахождения отдельных черепов, сопровождавшихся глиняными сосудами, — например в погребении 118, где «на глубине 2.15 м открыт череп ребенка 10—12 лет, над которым стояло в ряд

10 глиняных сосудов разной формы и величины. Других предметов не оказалось».¹

Последняя группа погребений определена нами как **кенотафы**, т. е. условные захоронения, имеющие в свое время мемориальное значение. Кенотафы 96—98, находящиеся в южной части могильника, рядом друг с другом, составляли небольшую группу. Остальные (95 и 99—101) располагались в разных частях могильника. Обычно в погребении-кенотафе был один глиняный сосуд и около него кость животного — остаток положенной вместе с сосудом мясной пищи. В кенотафе 94 с обломками двух сосудов найдена бронзовая пряжка с железным язычком. В кенотафе 99 была груда фрагментов от пяти грубых глиняных сосудов и кость животного.

Выше уже не раз мы сравнивали погребальную обрядность Корчеватовского могильника с обрядами, существовавшими на Киевщине в скифское время и в черняховское. Были известны в эти периоды и кенотафы. К их числу можно отнести пустые скифские курганы, раскопанные А. Бобринским.² Случаи нахождения глиняных сосудов, не связанных с погребальными, констатировал П. Смоличев в Масловском могильнике.³

2

Вещественный материал, происходящий из Корчеватовского могильника, состоит из многочисленной и разнообразной глиняной посуды, бронзовых, железных, стеклянных и пастовых украшений и нескольких железных орудий. Кроме того, во многих погребениях найдены кости животных, составляющие остатки мясной пищи, положенной в могилы.

Основное место среди материалов могильника принадлежит керамике. Всего из Корчеватовского могильника происходит 200 сосудов. В это число входят 44 сосуда, обнаруженных при разработке карьера до раскопок, а также в 1944 и 1950 гг. Из 200 сосудов совсем целым является 91; 66 сосудов были склеены из обломков; другие сосуды, представленные обломками, реставрировать не удалось. Вся глиняная посуда сделана от руки, без помощи гончарного

¹ В. В. Хвойка. Поля погребений..., стр. 180.

² Смела, т. I, стр. 14, 24, 109.

³ П. Смоличев. Археологічні досліді в околицях м-ка Златополя на Черкащині року 1926. КЗ ВУАР за 1926 р., стр. 159.

¹ Смела, т. III, стр. 120.

² Там же, стр. 132.

³ Смела, т. II, стр. 154—156.

круга. Несмотря на несовершенство техники, посуда сделана большею частью мастерски. Она отличается разнообразием форм и размеров, различной окраской и обработкой поверхности. Некоторые сосуды имеют орнамент.

Керамика разделяется на два главных типа: 1) 57 сосудов (28.5%) составляла посуда простой, грубой выработки, толстостенная, красновато-серого цвета, с поверхностью иногда выглаженной, обычно же неровной, шероховатой; эта посуда нередко плохо обожжена, поэтому она плохо сохранилась и часто представлена фрагментированными сосудами; 2) 143 сосуда (71.5%) имеют лощеную поверхность преимущественно черного, иногда коричневого цвета; эта посуда тщательнее сделана и лучше обожжена. Если грубая посуда может быть охарактеризована как кухонная, служащая для приготовления пищи и хранения запасов, то лощеная посуда была, по-видимому, в своем большинстве столовой посудой.

Нужно отметить, что керамика первого и второго типа — простая толстостенная и лощеная — встречалась в могильнике в одних и тех же погребениях и в одинаковых условиях (1—4, 51, 53, 60 и мн. др.). Особенно показательны погребение 53, в котором лежали в нелощеном сосуде крупных размеров два небольших черных лощеных сосуда — кружечки. Как известно, оба вида керамики — грубая нелощеная и лощеная — встречаются вместе не только в могильниках, но и на поселениях, например на Пилипенковой горе, Чаплинском городище и мн. др.

Вся керамика изготовлена из неотмученной глины с примесью кварца, дресвы и шамота. Примесей встречается больше в тесте простой толстостенной керамики, меньше — в тесте лощеной посуды. Что касается обжига, то обжиг бывает плохой и лучший, равномерный и неравномерный. Лучший обжиг характерен для лощеной керамики, худший, как уже указано, — для простой нелощеной посуды. При недостаточном обжиге тесто в разломе бывает черноватого или красноватого цвета, отличаясь от более светлой окраски поверхности. Что касается черной лощеной керамики, то она по большей части имеет одинаковую окраску по всей поверхности сосуда — в верхней и нижней частях, снаружи и внутри, что свидетельствует о равномерности обжига.

По форме, размерам и общему облику глиняная посуда Корчеватовского могиль-

ника весьма разнообразна, и ее трудно подвергнуть точной классификации.

Среди грубых глиняных сосудов, обычно употребляющихся в качестве урн, обращают на себя внимание большие широкогорлые горшки. Один из них (№ 45), высотой 48 см и диаметром в средней части 49 см, со стенками толщиной 1.5 см, не был орнаментирован, если не считать углублений по обрезу венчика. Второй, несколько меньших размеров, украшен в верхней части налепным валиком (№ 54). Подобный же облик имели, по-видимому, и некоторые другие грубые сосуды, найденные во фрагментах. Некоторые из них были украшены налепным валиком (например, № 53) или «жемчужным» орнаментом по венчику, что придавало им скифский облик.

Один большой сосуд, также принадлежащий к «скифской» керамике, имел выпуклые бока и относительно узкое горло (№ 57). Его горловина, опоясанная в основании налепным валиком, тщательно выглажена, нижняя часть шероховатая, в четырех местах от валика до дна проведена тремя пальцами полоса, сверху загнута в сторону. В двух местах на валике и в одном месте на стенке налеплены небольшие шишечки. Высота сосуда — 49 см, диаметр широкой части — 44 см, толщина стенок — 1.5 см. Полосой грубо нанесенных желобков был украшен также и сосуд № 53. Налепной валик имелся на самом крупном сосуде Корчеватовского могильника, имевшем биконическую форму (№ 145). Его высота — 52.5 см, диаметр горла — 28 см, толщина стенок — 1.4 см.

Орнаментация «скифского» облика имела не только на больших сосудах, но и на сосудах средней и малой величины. Большинство из них было найдено в обломках и не могло быть реставрировано. Целыми являются маленький (высотой 10.5 см) цилиндрический горшочек № 166, украшенный «жемчужным» орнаментом, и единственный на Корчеватовском могильнике круглодонный сосуд (№ 205), также с «жемчужным» орнаментом; высота его 37 см, диаметр горла — 40 см, толщина стенок — 1 см. Этот архаичный сосуд представляет очень большой интерес для выяснения генезиса культуры населения Корчеватовского могильника (рис. 4).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что за редким исключением вся глиняная посуда «скифского» облика происходит из погребений с урнами. Трудно сказать,

однако, является ли это свидетельством древности погребений данного типа. Возможно, что бытовавшая в хозяйстве посуда «скифского» облика, отличающаяся большими размерами, была удобнее для использования в качестве урн.

Другие грубые сосуды, обычно средних размеров, по общему облику напоминали славянскую керамику конца I тысячелетия н. э. Они имели узкое дно, выпуклые, расширяющиеся кверху стенки и несколько суженную горловину с отогнутым наружу венчиком, имеющим насечки или «защипы». К этой группе принадлежит большой сосуд № 149 (высота — 37 см, диаметр горла — 36 см, толщина стенок — 0.7—1.0 см) и сосуды средней величины (высота — 20—25 см) — №№ 52, 58, 62, 92 и др. Большинство их происходит из урновых погребений.

В количестве более 40 экз. в коллекции Корчеватовского могильника имеются горшки средней величины, тщательно изготовленные и вылощенные по всей поверхности, высотой в среднем 20 см, с округлым биконическим телом и отогнутым наружу венчиком (№№ 1, 37, 44, 67, 70, 90, 101, 106 и др.) Разновидностью сосудов этой группы являются сосуды с высокой шейкой (№№ 15, 39). Некоторые из описываемых сосудов имеют орнамент в виде неглубоких желобков или валиков, опоясывающих сосуд в основании венчика (№№ 38, 46, 86). Один сосуд был орнаментирован, кроме желобков, еще и косыми фестонами из четырех линий каждый (№ 187). Восемь сосудов орнаментированы полукруглыми выпуклыми «дужками», расположенными на широкой части сосудов или на плечиках. Концы дужек опущены книзу (№№ 23, 71, 94, 102, 103, 312). А. А. Спицын полагал, что эти «дужки» делались для упора.¹ Этому предположению противоречит, однако, то, что они нередко располагались на покатых плечиках сосудов, где они не могли служить для упора при держании сосуда руками, а также и то, что на некоторых сосудах число «дужек» доходит до шести (№ 312).

Сосуды с подобным орнаментом, известным на лужицкой посуде в Повисленьи, были встречены не только в Корчеватовском могильнике, но и в других, одновременных ему могильниках Среднего Поднепровья. В 1881 г. Ф. Каминский обнаружил сосуд с та-

ким орнаментом в могиле около Лубен на Полтавщине.¹ Другой такой сосуд В. В. Хвойка нашел в с. Пруссы на Киевщине.² Сосуды с таким же орнаментом известны из Зарубинцев, Вишенек, Субботова и Киева.

Помимо Среднего Приднепровья, подобный орнамент встречен на Нижнем Днепре на Каменском,³ Любимовском, Гавриловском и Золотобалтском⁴ городищах, на Петухов-

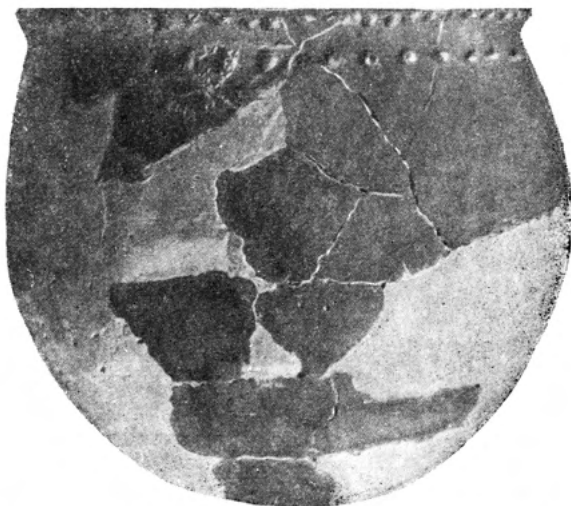

Рис. 4. Сосуд с «жемчужным» орнаментом из Корчеватовского могильника.

ском городище, на Южном Буге,⁵ а также в Ольвии в слое первых веков нашей эры.⁶

Следующую многочисленную группу посуды составляют миски. Они представлены в числе около сорока. Большинство из них имеет отогнутый наружу венчик, резкое ребро в средней части стенок и узкое дно (№№ 4, 5, 13, 19, 40, 42, 61, 68, 72, 74). Некоторые миски этой формы снабжены невысокой полкой внутри ножкой (№№ 16, 22, 65, 87, 104), а некоторые имеют другую форму: их венчик

¹ К. Такенберг ошибочно связывает этот сосуд с с. Мануйловкой на Кременчугщине (К. Т а с к е п б е r g, Die Wanderungen der Ostgermanen. Mannus-Bibliothek, 1930).

² Древности Приднепровья, вып. III, Киев, 1900, стр. 21.

³ Б. Н. Г р а к о в. О работе степной скифской экспедиции. КСИИМК, вып. XXXVIII, стр. 134.

⁴ Фонды Института археологии АН УССР.

⁵ Фонды Одесского исторического музея.

⁶ Т. Н. К н и п о в и ч. Керамика местного производства из раскопа И. Сб. «Ольвия», т. I Киев, 1940, стр. 133.

¹ А. А. С п и ц ы н. Поля погребальных урн. СА, т. X, стр. 55.

отогнут внутрь, как это бывает у мисок скифского времени (№№ 91 и 93). Размеры мисок более или менее постоянны. Высота большинства из них колеблется в пределах от 7 до 10 см, диаметр — от 15 до 20 см. Все миски принадлежат к посуде с выточенной или хорошо сглаженной поверхностью. Одна миска (№ 129) имела четыре ушка.¹

Последняя группа керамики объединяет всякого рода маленькие сосудики, в большинстве своем снабженные ручками и служившие, вероятно, для питья. Их найдено около тридцати. Некоторые из таких «кружек», как уже указано, были найдены лежащими внутри мисок. Все они относятся к лощеной или хорошо выглаженной по поверхности посуде.

Большинство «кружек» имеет форму горшочка и одно круглое ушко. Их высота варьирует от 5 до 8 см (№№ 14, 17, 18, 35, 43, 49, 64, 73, 88, 105, 107, 126, 137, 151, 154, 171, 182, 185, 192, 194, 282, 283, 284). Самые большие горшочки с ручкой имели высоту до 15—20 см. Это была, вероятно, посуда не для питья, а нечто вроде кувшинов (№№ 20, 50 и 82, 109, 146, 152, 155, 177, 181, 203). Некоторые из них имели носик (№ 81). Один сосуд этого типа был снабжен двумя ушками (№ 193).

«Кружки» без ушка имели вид маленьких горшочков (№№ 69, 110, 133, 150 и др.).

При большом разнообразии форм и типов сосудов, происходящих из Корчеватовского могильника, не все они укладываются в обрисованные выше группы. Например, совсем отдельно стоит двухгорлый черный лощеный сосуд № 21, происходящий из разрушенного погребения. Он похож на двухгорлые сосуды поздне трипольского времени, найденные в Киеве² и в Городске.³ Подобные двухгорлые сосуды встречаются в Высоцкой культуре.⁴

¹ Предмет погиб во время войны.

² В 1895 г. В. Хвойка при раскопках на Кирилловской улице среди многочисленных керамических изделий трипольской культуры обнаружил небольшой сосуд с двумя шейками (4,5 см в высоту и столько же в диаметре наиболее широкой части). — Хв. В о к. Передісторичні знахідки на Кирилівській вулиці у Києві. Матеріали до українсько-руської етнології Наукового товариства ім. Шевченка у Львові, т. I, 1889, стр. 20—21.

³ Раскопки А. В. Дмитриевской 1940 г. Государственный Эрмитаж.

⁴ Tadeusz Sulimirski. Kultura wysocka. Kraków, 1931, табл. XXI, 29.

Сосуд № 198, найденный в погребении 73 вместе с наконечником копья, имеет форму амфоры и напоминает амфору, найденную в прошлом столетии на Роменщине при раскопках скифских курганов. По утверждению А. Бобринского, амфора, найденная на Роменщине, близка фазосским амфорам, датированным III—II вв. до н. э.¹ Сосуд № 198 изготовлен на месте, возможно, по импортному, греческому образцу; он указывает на знакомство корчеватовского населения с античной амфорной керамикой.

На посуде из Корчеватовского могильника можно установить следы длительного употребления. Это не новая посуда, а та, которую уже пользовались в быту. На некоторых сосудах (№№ 47, 58, 140 и 176) имеются круглые дырочки, сделанные для скрепления разбитой посуды.

Среди металлических изделий, обнаруженных на Корчеватовском могильнике, особый интерес представляют фибулы. Всего при раскопках было найдено 23 фибулы, из них 20 бронзовых и 3 железных (табл. VIII—IX). Фибулы найдены при 18 погребениях: в одном погребении (39) — четыре, в двух — по два и в остальных по одной. На некоторых бронзовых фибулах заметны следы пребывания в огне. Что касается железных фибул, то они сильно повреждены коррозией и плохо сохранились.

Фибулы Корчеватовского могильника по своей конструкции относятся к средней поре латенской эпохи — ко II—I вв. до н. э. Все они сделаны из одного куска проволоки. По форме корчеватовские фибулы делятся на две группы: к одной из них принадлежат фибулы с широкой треугольной спинкой (№№ 111, 119, 253, 254, 261, 262), к другой — с узкой спинкой (№№ 112, 113, 118, 120, 121, 258). Тетива в одних фибулах проходит над пружиной, в других — ниже ее. Две фибулы совершенно одинаковые — №№ 261 и 262. Они лежали в большой урне в погребении 60. Спинки этих фибул, имеющих форму вытянутого треугольника, суживающегося к ножке, украшены по краю мелкими косыми зубчиками. Кроме того, на широкой плоскости их спинки имеется прочерченный треугольник. Имеются фибулы с орнаментальными бугорками на спинке (№№ 119, 253, 254).

¹ Смела, т. III, стр. 80.

Особо следует отметить находку в погребении 39 двух парных бронзовых фибул (№№ 253, 254) с цепочками, которые соединялись с тетивой у головки фибулы. Широкие треугольные формы спинки обеих фибул украшены четырьмя маленькими бугорками.

В трех погребениях Корчеватовского могильника (31, 60, 65) найдены витки бронзовой проволоки, вероятно, служившей для изготовления фибул. Возможно, однако, и другое назначение этой проволоки. Она могла быть остатком бронзовых спиральных браслетов, пострадавших от огня, подобных браслетам из Чаплинского могильника. К бронзовым изделиям Корчеватовского могильника относятся также перстень, сделанный из бронзовой пластинки с неспаянными концами (№ 117), височное спиральное кольцо (№ 266), обломки серег (№№ 270 и 271). Среди бронзовых украшений имеется еще небольшая круглая привесочка с стерженьком (№ 169).

Среди немногих железных предметов, найденных на могильнике, заслуживает особого внимания узкий наконечник копья с продольным утолщением посредине и втулкой (№ 272; рис. 5), найденный в погребении 73. На втулке имеется железная рифма — небольшой обручик, который косо охватывает втулку около ее края. Конец острия утрачен. Длина сохранившейся части наконечника — 35,5 см, ширина — 2 см, диаметр втулки — 1,75 см.

Кроме наконечника, из могильника происходят два железные ножа (№№ 115 и 274). Наконечник стрелы (№ 273), найденный на площади могильника вне погребений, вероятно, не относится к культуре могильника.

В двух погребениях были найдены куски стекла (№ 278) и стекловидной массы (№ 279); в одном — мелкие бусинки из светлой пасты (№ 122).

К случайным находкам, встреченным на площади могильника, относится глиняное пряслице (№ 222), обработанная трубчатая кость быка (№ 123), фрагменты зернотерок (№№ 207 и 208) и обломок камня красного цвета с выглаженной поверхностью с одной стороны, а также обломок трипольской керамики (№№ 217—220).¹

¹ Обломки трипольских сосудов были найдены также к северу от могильника. В 1944 г. здесь же были обнаружены остатки трипольской «площадки» (см.: Археология, т. VI, Київ, 1952, стр. 137—138).

Кости животных, встреченные при некоторых погребениях Корчеватовского могильника, обычно по одной в погребении, принадлежали 46 домашним животным, а именно овце или козе (22 кости), свинье (12 костей), крупному рогатому скоту (9 костей) и лошади (2 кости). Кости животных большей частью лежали на земле возле сосудов, а иногда и в сосудах.

3

Дата Корчеватовского могильника определяется бронзовыми фибулами, принадлежащими к среднелатенскому типу и относящимися ко II—I вв. до н. э. Можно думать, однако, что хронологические рамки могильника были несколько шире этой даты, охватывая время с конца III в. до н. э. Такую датировку вполне допускают сосуд, напоминающий фазосскую амфору, а также наличие в составе инвентаря могильника весьма архаичной «скифоидной» керамики, в том числе своеобразного сосуда с круглым дном, напоминающего посуду из погребений и древнейших городищ более северных областей. Что касается верхней хронологической границы Корчеватовского могильника, то она вряд ли переходит за рубеж нашей эры. В его составе нет никаких вещей, которые напоминали бы изделия начала нашей эры. Таким образом, Корчеватовский могильник является одним из ранних раннеславянских могильников зарубинецкого типа. Хронологически он вплотную примыкает к среднеднепровским памятникам позднескифского времени.

Входя в обширную группу могильников зарубинецкого характера, известных на широких пространствах Среднего и Верхнего Поднепровья, Корчеватовский могильник имеет ряд специфических особенностей. Он является единственным могильником, в котором наряду с погребениями с традиционным трупосожжением представлены обычные захоронения. Богаче, чем в других местах, в Корчеватовском могильнике представлены

Рис. 5. Наконечник копья из Корчеватовского могильника.

такие черты культуры, которые увязываются со скифской культурой предшествующих столетий. Этими чертами являются налпные валики и «жемчужный» орнамент на керамике, выпуклые дужки на лощеных сосудах, двугорлый сосудик и др. Возможно, что и «биритуальность» Корчеватовского могильника — наличие ингумаций наряду с сожжениями — также является продолжением старой местной традиции. Следовательно, Корчеватовский могильник дает значительный материал для решения одного из важнейших исторических и этнографических вопросов восточноевропейского прошлого — вопроса о связях и отношениях древних славян со скифским миром Северного Причерноморья и Поднепровья. Материалы Корчеватовского могильника вопрос этот решают в положительном смысле, указывая, что оставившее могильник население имело тесные генетические связи со скифским миром. В этом заключается чрезвычайно важное значение материалов Корчеватовского могильника, являющегося вкладом в дело изучения проблемы этногенеза восточных славян.

Обнаруженные при раскопках могильника находки проливают некоторый свет на экономическую жизнь и культуру оставившего его населения. Находки подтверждают земледельческо-скотоводческий характер этой культуры, свидетельствуют о торговых связях с греческим миром. Группировка однотипных по ритуалу погребений свидетельствует, возможно, о наличии родовых (патриархально-семейных) связей. Все это несколько не противоречит материалам, полученным при исследовании других заруби-нецких памятников Среднего и Верхнего Поднепровья — могильников, поселений и городищ.

ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ КОРЧЕВАТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Погребение 1. Обнаружено на глубине 0.84 м от современной поверхности в нижних слоях деградированного чернозема. Пережженные человеческие кости находились в большой широкогорлой урне грубой работы, нелощеной, с зубчатым венчиком, красноватого и коричневатого цвета (№ 45). Среди пережженных костей в урне лежала косточка домашней собаки; на расстоянии 0.07 м на С от урны стояла черная лощеная миска (№ 40), внутри которой лежал маленький черный сосудик — кружечка (№ 41). Рядом

с урной, к З, немного выше ее, на глубине 0.81 м, стоял черный с сизым оттенком лощеный орнаментированный горшок (№ 46). Таким образом, при погребении было четыре сосуда.

Погребение 2. Находилось рядом с погребением 1, к В от него, на глубине 0.86 м. Пережженные кости лежали в черном горшке биконической формы (№ 44). Около него, со стороны В, оказалась косточка овцы или козы. Тут же стояла черная лощеная миска (№ 42), в которой лежал такого же цвета маленький сосуд — кружечка (№ 43).

Погребение 3. Обнаружено на расстоянии 1.5 м на ЮЗ от погребения 1 на глубине 0.81 м. Пережженные человеческие кости находились во фрагментированном черном горшке со сквозными дырочками на боку (№ 47). Горшок был накрыт нижней частью другого горшка (№ 48); рядом с ним с С стоял маленький сосуд — кружечка красноватого цвета с ушком (№ 49).

Погребение 4. Открыто на расстоянии 0.95 м на ЮВ от погребения 3 и 1.9 м на Ю от погребения 1. В состав инвентаря погребения входили четыре сосуда двух видов. Сосуды были расположены попарно, на расстоянии 0.65 м одна пара от другой. Первые два сосуда встречены на глубине 0.71 м. Это были небольшой черный горшочек с ушком (№ 50) и часть большого раздавленного сосуда коричневого цвета (№ 51), лежавшего рядом с горшочком, на В от него. Вторые два сосуда найдены на глубине 0.84 м к Ю от первой пары. Здесь находился орнаментированный грубой выделки коричневый горшок (№ 52) с пережженными костями. К ЮВ лежали фрагменты большой посуды грубой работы, орнаментированной (№ 53). Около нее с ЮВ лежала кость овцы или козы; немного ниже ее были обнаружены отдельные мелкие кости животных.

Отдельно от описанных выше погребений, на расстоянии 2 м на ЮВ от погребения 1 и приблизительно на таком же расстоянии к С от погребения 4, было обнаружено небольшое скопление костей животных очень плохой сохранности.

Погребение 5. На расстоянии 8.5 м на В от погребения 1 на глубине 0.75 м лежала большая широкогорлая урна с орнаментом красноватого, а местами коричневатого цвета (№ 54). На дне ее были пережженные кости. Около урны с Ю найдена небольшая кость животного плохой сохранности.

Погребение 6. Обнаружено на расстоянии 6 м на З от погребения 1 на глубине 0.86 м. Здесь найдена верхняя часть горшка коричневого цвета (№ 56). Его шейка была украшена «жемчужным» орнаментом. Здесь же была гряда мелких пережженных костей. Около горшка лежали кости домашних животных: зуб козы или овцы, зуб быка и в стороне от них — зуб лошади.

Погребение 7. Открыто на краю карьера в его ЮЗ части на глубине 0.67 м. В состав инвентаря погребения входили 5 сосудов, в том числе большая широкогорлая урна с налпным валиком на плечиках (№ 57), содержащая пережженные кости. Вместе с нею найдено 14 обломков другого подобного сосуда (№ 58) и часть небольшого сосуда (№ 59). Около урны с СЗ стоял черный горшочек (№ 60) с обломанными венчиками и с поврежденным дном, рядом с ним на ЮЗ стояла черная миска (№ 61), в которой лежали отдельные пережженные косточки.

Погребение 8. Находилось на расстоянии 1.5 м на ЮЮЗ от погребения 7, на той же глубине. Пережженные кости находились в сосуде грубой работы с зубчатым венчиком. На некотором расстоянии от сосуда к СВ стоял горшок коричневато-желтого цвета (№ 62). Рядом найдена плохо сохранившаяся кость животного.

Погребение 9. Отдельный череп. На расстоянии 3.75 м на Ю от погребения 7 на той же глубине был найден человеческий череп без нижней челюсти, принадлежащий молодому субъекту. Следов огня на черепе не обнаружено. На расстоянии 0.65 м на З от черепа стоял черный лощеный горшочек с ушком (№ 64). Около горшочка с С лежала кость животного. Между горшочком и черепом найден небольшой валунный камень — кусок гранита красно-серого цвета.

Погребение 10. Отдельный череп. Другая находка отдельного черепа обнаружена в 2.75 м на ЮЗ от первой на глубине 0.73 м. Остатки черепа, не бывшего в огне, лежали здесь в квадратной яме размером 1.08 × 1.08 м с закругленными углами. В отличие от погребения 9, в котором, помимо черепа, не было никаких других костей, в яме погребения 10 найдены пережженные человеческие кости. Здесь же были мелкие угольки, два ребра какого-то животного, кость свиньи и фрагменты черного лощеного сосуда (№ 66). На расстоянии 0.75 м на З от черепа на глубине 0.45 м лежала черная лощеная

чашка (№ 65), очевидно относившаяся к данному погребению.

Погребение 11. Обнаружено на расстоянии 6.75 м на ЮЮЗ от погребения 10 на глубине 0.47 м. В состав инвентаря входило три сосуда: черный лощеный сосуд (№ 67), черная лощеная мисочка (№ 68), стоящая рядом с ним с Ю, и маленький черный лощеный сосуд — кружечка (№ 69), лежащий в мисочке, где, помимо этого, было несколько пережженных костей. На СЗ от мисочки лежали кости козы или овцы. На расстоянии 0.22 м на ЮВ от сосуда № 67 найдена гряда пережженных костей. Среди них была найдена бронзовая фибула среднелатенского типа (№ 111).

Погребение 12. На расстоянии 7 м от погребения 11 на глубине 0.40 м лежала небольшая кучка пережженных человеческих костей. Около нее на ЮЗ находилась бронзовая фибула среднелатенского типа (№ 112). Другого инвентаря в погребении не было.

Погребение 13 открыто на расстоянии 10.25 м на ЮЗ от погребения № 12 на глубине 0.44 м. Отдельные пережженные кости и мелкие угольки лежали возле черного лощеного сосуда (№ 70). Здесь же, в 0.06 м на В от сосуда, находилась бронзовая фибула (№ 113). В 0.12 на ЮЮВ от сосуда найдена кость свиньи с прилипшими к ней с южной стороны двумя пережженными человеческими костями. Следует отметить, что дно сосуда находилось на 0.05 м глубже уровня залегания фибулы и кости свиньи. Фибула из погребения 13, как и фибулы из двух предыдущих погребений, не была в огне.

Погребение 14. На расстоянии 5.45 м на СВ от погребения 13 и в 5 м на ЮЗ от погребения 12 на глубине 0.72 м открыто трупосоужение с тремя сосудами черного цвета с лощеной поверхностью. Один из них горшковидной формы, орнаментирован налпными дужками — подковками (№ 71). На ЮВ от него стояла миска (№ 72), внутри которой был маленький сосудик — кружечка (№ 73). С В около сосудов обнаружено немного пережженных человеческих костей.

Погребение 15 находилось на расстоянии 1.95 м на ЗСЗ от погребения 13 на глубине 0.46 м. Здесь найдены два сосуда: черная миска (№ 74) и рядом с ней с СЗ часть горшка черного цвета без дна и верхней части (№ 75). Около миски с З, несколько выше ее, лежало немного пережженных человеческих костей.

Погребение 16 обнаружено на расстоянии 6.75 м на Ю от погребения 12 и 6 м на ЮВ от погребения 14 на глубине 0.62 м. В погребении находились широкогорлый сосуд (№ 76), с 3 от него — плечевая кость козы или овцы. На расстоянии около 1 м лежала кучка пережженных костей.

Погребение 17 расположено на расстоянии 6 м на СЗ от погребения 14, на глубине 0.57 м. В погребении найден раздавленный горшочек черного цвета (№ 77) и рядом с ним с В — железный ножик (№ 115). В 0.90 м на Ю от горшка на той же глубине лежала разбросанная кучка пережженных костей.

Погребение 18. На расстоянии 4.85 м на В от предшествующего погребения на глубине 0.64 м на боку лежал небольшой черный горшочек с ушком (№ 78). Рядом с ним с ЮЗ находились пережженные кости.

Погребение 19. На расстоянии 4.15 м на ВСВ от погребения 18 находились остатки двух сосудов на глубине 0.61 м — часть горшка коричневого цвета, орнаментированного бугорками (№ 80), и часть кувшина черного цвета с ручкой (№ 81), лежавшего на расстоянии 1 м к С от горшка на глубине 0.67 м. На В от сосудов лежали пережженные кости. Около сосудов найдены две кости животных, одна из них — тазовая кость козы или овцы.

Погребение 20. На расстоянии 3.25 м на СВ от погребения 11 и 5.65 м на СЗ от погребения 10 на глубине 0.45 м обнаружен черный горшок (№ 82), с ЮВ от него лежала кость животного, а рядом с ней — пережженные кости.

Погребение 21. На расстоянии 5.15 на СВ от погребения 20 на глубине 0.35 м обнаружены мелкие пережженные человеческие кости, находившиеся в раздавленном красноватого цвета горшке (№ 83).

Погребение 22. На расстоянии 2.5 м на ВСВ от погребения 21 на глубине 0.60 м найдено 3 черных сосуда: горшок (№ 86), к С от него чашка (№ 87) и в ней маленький сосуд — кружечка с ушком (№ 88). Вокруг сосудов лежали пережженные кости.

Погребение 23. На расстоянии 2.75 м на СВ от погребения 29 и 4.75 м на ЗЮЗ от кепотафа 94 на глубине 0.81 м находилось три сосуда черного цвета (№№ 89, 90, 91). Около них с ЮЗ встречались отдельные пережженные кости и угольки. Здесь же найдена кость свиньи.

Погребение 24. На расстоянии 1.15 м на СЗЗ от погребения 7 на глубине 0.93 м най-

дена урна (№ 92) с пережженными костями.

Погребение 25 открыто на расстоянии 1.53 м на З от погребения 24 на глубине 0.61 м. Пережженные человеческие кости лежали в черном раздавленном сосуде (№ 94), орнаментированном налепными подковками — дужками. К З от него находилась мисочка, также черного цвета (№ 93).

Погребение 26. На расстоянии 2.55 м на С от погребения 7 на глубине 0.67 м найдена лежащая на боку урна, орнаментированная налепными подковками (№ 96), содержащая пережженные кости. С СЗ от урны стоял черный сосуд (№ 97). В нем и около него были отдельные пережженные кости.

Погребение 27. На расстоянии 2 м на СЗ от погребения 26 и 4.55 м на С от погребения 7 на глубине 0.58 найдена нижняя часть большого сосуда (№ 98) с пережженными костями.

Погребение 28. На расстоянии 7.65 на ЮЗ от погребения 97 и 11.15 м на З от погребения 96 на глубине 0.79 м стояла черная, орнаментированная выпуклыми подковками урна (№ 102) с пережженными костями. В верхней части урны и возле нее в серой земле была заметна зольная масса с отдельными пережженными костями. С СЗ от урны около нее лежала тазовая кость овцы или козы.

Погребение 29. Кучка пережженных костей лежала на расстоянии 2.75 м на ЮВ от погребения 23 на глубине 0.44—0.47 м.

Погребение 30. На расстоянии 4 м на С от погребения 27 на глубине 0.45—0.50 м лежала кучка пережженных костей.

Погребение 31. На глубине 0.55 м найдены три сосуда черного цвета: большой горшок, орнаментированный четырьмя налепными подковками-дужками (№ 103), к С от него миска (№ 104), внутри миски маленький сосуд — кружечка (№ 105). Над миской был найден обломок тонкой бронзовой проволоки 16 см длины (№ 116). С ЮВ от сосудов лежали пережженные кости.

Погребение 32. Выявлено на расстоянии 3.85 м на СВ от погребения 31 на глубине 0.42 м. Рядом с грудой пережженных человеческих костей, на З от них, лежали фрагменты сосуда, украшенного рядом бугорков на шейке (№ 55). Далее на ЮВ приблизительно на той же глубине лежала бедренная кость овцы или козы, а еще далее, на ССЗ от пережженных костей, немного глубже их была найдена фрагментированная бронзовая фибула (№ 118).

Погребение 33. На расстоянии 3.75 м на Ю от погребения 31 на глубине 0.65 м найдены пережженные человеческие кости, лежащие в черном широкогорлом сосуде (№ 106). Здесь же лежала тазовая кость овцы или козы. На СЗ от кувшина встречались разбросанные пережженные кости. Тут же найден небольшой бронзовый неспаянный перстень (№ 117).

Погребение 34. На расстоянии 2.5 м на Ю от погребения 33 на глубине 0.68 м обнаружены пережженные человеческие кости. Среди них лежала фрагментированная (без нижней части) бронзовая фибула (№ 120) со следами пребывания в огне. На З от пережженных костей лежала плечевая кость овцы или козы.

Погребение 35. На расстоянии 3 м на З от погребения 33 на глубине 0.63 м лежали пережженные человеческие кости. На СЗ от них находилась часть небольшого горшка черного цвета (№ 79).

Погребение 36. Выявлено на расстоянии 2.25 м на З от погребения 31 на глубине 0.62 м. При погребении были найдены: нижняя часть небольшого горшка (№ 108) и на С от него маленький сосуд — кружечка с обломанным ушком и выщербленным венчиком (№ 107). На расстоянии 1 м на СЗ от посуды лежала кучка пережженных человеческих костей, среди которых было несколько мелких бусинок, сделанных из пасты светлого цвета (№ 122). На З от посуды лежала бронзовая фибула латенского типа с бугорками на треугольной спинке (№ 119). Восточнее посуды, немного выше ее, лежала тазовая кость овцы или козы.

Погребение 37. На расстоянии 3.75 м на ЮЗ от погребения 36 и 1.15 м на С от погребения 35 на глубине 0.65 м лежали пережженные человеческие кости. Около них с ЮВ стоял широкогорлый лощеный сосуд (№ 109). Около него с СЗ лежала плечевая кость коровы. На расстоянии 1.85 м на З от кувшина, немного глубже его, найдена бронзовая фибула, согнутая посередине (№ 121).

Погребение 38. На расстоянии 3.35 м на ЮЗ от погребения 37 на глубине 0.75 м найдена грудка пережженных человеческих костей. Южнее их стоял небольшой черного цвета сосуд (№ 110).

Погребение 39. Обнаружено на расстоянии 28.5 м на ССЗ от погребения 1 на глубине 0.63 м. В состав инвентаря погребения входили: черного цвета выщербленный горшок (№ 124); в его верхней части, в земле, лежала глубокая черная чашка (№ 125); рядом с горш-

ком, на СВ от него — кость овцы или козы. На В от горшка лежал небольшой, тоже черненький, немного поврежденный сосуд — кружечка (№ 126), под ним было 2 черепка, а рядом с СЗ дужкой вверх лежала удлиненная бронзовая фибула с цепочкой (№ 253). Под фибулой была найдена пережженная косточка. На расстоянии 0.17 м на С от фибулы, немного глубже ее, тоже спинкой вверх, лежала другая такая же фибула (№ 254). По другую сторону маленького сосуда найдена вторая цепочка с двумя колечками, такая же, как и у первой фибулы. На некотором отдалении лежали две кучки пережженных человеческих костей. На расстоянии 0.23 м на В от маленького сосуда в кучке пережженных костей встретилась нижняя часть третьей фибулы, до половины обломанной и побывавшей в огне (№ 256). В другой кучке пережженных костей, лежавшей рядом с первой, были найдены остатки еще одной цепочки (№ 255). В третьей кучке пережженных костей, находившейся на ЮЗ от горшка, встретился фрагмент фибулы (№ 257). Возможно, тут было не одно, а два погребения.

Погребение 40. На расстоянии 8.85 м на ЮВ от погребения 41 и 17.5 м на ЮЗ от погребения 39 на глубине 0.61 м найден черный горшок с сизым оттенком (№ 127), содержащий на дне пережженные кости. На С от него рядом стояла черного цвета миска с венчиком, отогнутым к середине (№ 128). На СЗ от сосудов лежали три небольших кости свиньи; к одной из них пристала пережженная человеческая косточка. Другие косточки лежали на В от горшка и на дне его.

Погребение 41. Разрушено при прокладке рва, окружавшего карьер. Находилось между погребением 39 и погребением 40, на расстоянии 10 м на ЮЗ от первого и 8.85 м на СЗ от второго. Пережженные кости обнаружены в выброшенной из рва земле и в стенке рва на глубине 0.55 м. Здесь же были фрагменты двух разбитых сосудов (№№ 129 и 130), первый из них — миска с небольшими ушками, и бронзовая фибула (№ 267).

Погребение 42. Грудка пережженных костей найдена на расстоянии 3.5 м на СЗ от погребения 32, на глубине 0.55 м. На В от них обнаружен раздавленный горшок (№ 131), на С от него стояла миска (№ 132) с маленьким сосудом — кружечкой (№ 133) внутри. Южнее горшка были найдены кости свиньи

и коровы, а над ними часть железного пожа (№ 274).

Погребение 43. Кучка пережженных костей найдена на расстоянии 6 м на З от погребения 42 на глубине 0.57 м. Здесь же на расстоянии 0.50 м на З лежал на боку глиняный сосуд (№ 134), также содержащий пережженные кости. К СЗ от сосуда найдены две кости свиньи. Под горшком найден черепок трипольского сосуда с росписью коричневого цвета (№ 221).

Погребение 44. Урна с пережженными костями была найдена на расстоянии 2.15 м на СЗ от погребения 38 и 5.25 м на Ю от погребения 45 на глубине 0.53 м. По краю венчика урна украшена ямочками (№ 135). На расстоянии 0.83 м на СЗ от урны и на 0.10 м глубже ее лежала кучка пережженных костей.

Погребение 45. На расстоянии 2.93 м на ЮЗ от погребения 43 на глубине 0.55 м найдено небольшое количество пережженных человеческих костей. На Ю от них находилось два небольших сосуда: чашка (№ 136) и часть маленького сосуда — кружечки (№ 137).

Погребение 46. На расстоянии 3 м на ЗЮЗ от погребения 44 на глубине 0.59 м встретилось немного пережженных человеческих костей. К СВ от них стоял сосуд (№ 138).

Погребение 47. На расстоянии 4.5 м на СВ от погребения 44 на глубине 0.65 м найдены пережженные человеческие кости. Рядом с ними на СЗ стоял кувшинчик серого цвета (№ 139). На расстоянии 0.16 м на ЮВ от кувшинчика среди пережженных человеческих костей найдены остатки окисленной железной фибулы (№ 275). На расстоянии 0.63 м на С от кувшинчика лежала кость коровы.

Погребение 48. На расстоянии 3.5 м на ССВ от погребения 47 и 2.75 м на ЮЗ от погребения 43 на глубине 0.56 м в значительном количестве полосой лежали пережженные человеческие кости. Около них с З найдены обломки от разбитой урны (№ 140). Здесь же лежала кость овцы или козы.

Погребение 49. Находилось на расстоянии 4.85 м на СЗ от погребения 42 на глубине 0.52 м. В составе инвентаря погребения были: небольшой без верхней части горшок (№ 141), на расстоянии 0.75 м на ЮЗ от него, немного глубже, один около другого располагались два небольших сосуда — маленькая кружечка с ушком (№ 142) и часть сосуда

(№ 143). Около них в трех кучках лежали пережженные человеческие кости.

Погребение 50. Урна (№ 144) с пережженными человеческими костями была найдена на расстоянии 9.5 м на В от погребения 39 на глубине 0.47 м. Вблизи урны встречались отдельные пережженные кости. В 0.17 м на С от урны лежала кость овцы или козы.

Погребение 51. На расстоянии 1.15 м на ЮВ от погребения 50 на одинаковой с ним глубине найдена толстостенная с налепным валиком над плечиками высокая урна серовато-коричневатого цвета (№ 145). На дне ее встретилось много пережженных человеческих костей, среди них — две бронзовые фибулы (№№ 264 и 265), лежавшие ножками одна к другой — одна спинкой вверх, а другая боком. Рядом с урной с СЗ стоял черный лощеный горшок с ушком (№ 146), а с З лежала кость свиньи.

Погребение 52. Обнаружено на расстоянии 3.75 м на ВЮВ от погребения 39 на глубине 0.51 м. В его состав входили: поврежденный горшок (№ 147) с пережженными человеческими костями и стоящая на В от горшка чашка (№ 148). Между сосудами лежало височное бронзовое спиральное кольцо (№ 266). Около сосуда попадались отдельные пережженные кости.

Погребение 53. На расстоянии 1.32 м на ВЮВ от погребения 52 на глубине 0.64 м найдена верхняя часть большой урны (№ 149) с пережженными костями. Здесь же лежало ребро свиньи. На дне урны находились два маленьких лощеных сосуда — кружечки (№№ 150 и 151). В обоих сосудах также были пережженные кости. Кроме костей, в одном из них (№ 150) находилась кость свиньи, а в другом оказался бесформенный кусочек прозрачного стекла (№ 278).

Погребение 54. Обнаружено на расстоянии 17 м на ССЗ от погребения 39 на глубине 0.68 м. В инвентаре погребения было три сосуда черного цвета: горшок с ушком (№ 152), на З от него — расколота миска с венчиком, немного отогнутым к середине (№ 153), а на СЗ маленький сосуд — кружечка с ушком (№ 154). На расстоянии 0.65—0.76 м на В от горшка кучкой лежали пережженные человеческие кости. На расстоянии 0.35 м на В от горшка около пережженных костей найдена плечевая кость овцы или козы.

Погребение 55 открыто на расстоянии 7.25 м на Ю от погребения 54 на глубине 0.52 м. Здесь стоял наклонно черный горшок со

следами от уха, украшенный «кантом» (№ 155), на В от горшка рядом с ним стояла миска (№ 156). На В на расстоянии 0.50—0.85 м от сосудов полосой лежали пережженные человеческие кости. В миске сохранилась часть кости животного.

Погребение 56. Находилось на расстоянии 12.15 м на ЮВ от погребения 39 и 17.75 м на С от погребения 1 на глубине 0.65 м. При погребении был горшок (№ 164). На В от него стояла миска (№ 165). Еще восточнее находились пережженные человеческие кости, а севернее их лежала плечевая кость овцы или козы.

Погребение 57. На расстоянии 6.1 м на ЮВ от предыдущего погребения на глубине 0.65 м были обнаружены пережженные человеческие кости.

Погребение 58. Труположение. На расстоянии 1.5 м на СЗ от погребения 55 на глубине 0.73 м в слое серовато-желтой земли обнаружен скелет, лежащий на дне ямы, контуры которой удалось проследить на вертикальном профиле ямы, хотя яма была засыпана такой же серовато-желтой землей. Ширина ямы в головах равнялась 0.91 м. Следов гроба не обнаружено. Скелет, ориентированный головой на З с некоторым отклонением на С, лежал на спине в вытянутом положении, руки были вытянуты вдоль туловища, череп сохранился плохо, он лежал на правом боку, зубы хорошие. Под тазовой костью встретился черепок толстостенного грубого сосуда.

Погребение 59. На расстоянии 7.75 м на В от погребения 56 на глубине 0.45 м найден не целый, без верхней части нелощеный сосуд красноватого цвета (№ 167). На расстоянии 0.15 м на ВСВ от него полосой в 0.80 м длины лежали пережженные человеческие кости, среди них спинкой вверх — бронзовая фибула (№ 259) и небольшой обломок бронзовой проволоки, возможно от другой фибулы.

Погребение 60. На расстоянии 6.55 м на СВ от погребения 58 на глубине 0.80 м найдена глиняная урна (№ 168) с пережженными человеческими костями. На дне урны среди пережженных костей находились куски бронзовой утолщенной проволоки, отчасти скрученной в моток (№ 263), и две одинаковые бронзовые фибулы (№№ 261 и 262). На СЗ около урны стоял черный горшок (№ 169), на З от него — небольшая чашка (№ 170) с кружечкой (№ 171) внутри.

Погребение 61. На расстоянии 0.8 м на СВ от погребения 60 на глубине 0.59 м были найдены в небольшом количестве пережженные человеческие кости. На восток от них стояли два сосуда: небольшой черного цвета горшок (№ 172) и темно-коричневого цвета небольшая миска (№ 173) с отогнутым к середине венчиком.

Погребение 62. На расстоянии 9 м на Ю от погребения 69 на глубине 0.47 м найдены два небольших раздавленных сосуда: горшок (№ 174), в котором лежали пережженные человеческие кости, и сосуд коричневого цвета, украшенный «бугорчатым» орнаментом (№ 175).

Погребение 63. На расстоянии 6.65 м на З от погребения 62 и 9.15 м на ССЗ от погребения 1 на глубине 0.53 м обнаружена большая раздавленная урна (№ 176) с пережженными костями.

Погребение 64. На расстоянии 10 м на ВЮВ от погребения 72 на глубине 0.65 м встречены пережженные человеческие кости, а около — удлинённая с узкой спинкой бронзовая фибула (№ 258). На ССВ от пережженных костей стоял горшок с остатком ушка (№ 177); около него с ССЗ лежала раздавленная миска (№ 178), на С от горшка — кружечка (№ 179). С Ю от горшка лежала кость животного.

Погребение 65. Сожжение. На расстоянии 1.65 м на ЮВ от погребения 62 на глубине 0.49 м найдена урна, нелощеная, красноватого цвета (№ 180). В урне среди пережженных костей встретился небольшой обломок бронзовой проволоки (№ 268). Пережженные кости были найдены также и около урны. На СЗ от урны стояли два сосуда: горшок (№ 181) и кружечка с остатком ушка (№ 182).

Погребение 66. Сожжение. На расстоянии 5 м на СЗ от погребения 6 на глубине 0.65—0.78 м лежали пережженные человеческие кости, выше и ниже их обнаружены мелкие угольки. На расстоянии 1.25 м к З от пережженных костей стояло три сосуда: горшок (№ 183), на расстоянии 0.16 м на В от него, немного глубже, — мисочка (№ 184), а с Ю — кружечка (№ 185). В стороне от сосудов встретилась кость лошади.

Вблизи погребений 66 и 6 на глубине 0.45 м был найден фрагмент гранитной зернотерки (№ 208). На расстоянии 15 м на В от него, недалеко от погребения 70, на глубине 0.55 м встретился гранитный камень (№ 207), ок-

руглая поверхность которого с одной стороны сглажена.

Погребение 67. На расстоянии 15 м на З от погребения 70 на глубине 0.65 м найдены пережженные человеческие кости и вместе с ними часть раздавленного сосуда, украшенного налепным валиком на плечиках (№ 186).

Погребение 68. На расстоянии 10 м на В от погребения 60 на глубине 0.70 м найден горшок, украшенный врезными линиями (№ 187). На расстоянии 0.85 м на ЮВ от него, немного глубже, лежали пережженные кости. На З от горшка, вблизи его, лежала кость животного; на глубине 0.80 м вблизи пережженных костей найдена часть рога.

Погребение 69. На расстоянии 1.15 м на В от погребения 65 и 8.85 м на ЮВ от погребения 68 на глубине 0.85 м стояла черная урна (№ 188) с пережженными человеческими костями, часть которых была вне урны — вокруг нее. На ЮЗ около урны стояла миска (№ 189). На СЗ от обоих сосудов, рядом с ними, лежала плечевая кость свиньи. На дне урны находились кость овцы или козы и бронзовая фибула (№ 280).

Погребение 70. На расстоянии 9.45 м на ЮВ от погребения 69 на глубине 0.65 м найдены три сосуда: в одном из них — урне (№ 190) — находились пережженные человеческие кости. На Ю около урны стояла чашка (№ 191) с костью животного внутри, а на ЮВ от урны лежала кружечка (№ 192). В ней был небольшой кусок стекловидной массы (№ 279).

Погребение 71. На расстоянии 7.65 м на ССВ от погребения 60 на глубине 0.85 м найдена урна с двумя ушками (№ 193) с пережженными человеческими костями. С В от урны стояли кружечка (№ 194) и миска (№ 195). На 0.33 м глубже этих сосудов с З от них обнаружены фрагменты сосуда с налепным валиком под венчиками (№ 196) и два обломка еще одного грубой отделки сосуда (№ 206). Между обломками сосудов встретилось несколько кусочков пещины красного цвета. Около посуды с В и Ю лежало две плечевые кости: одна свиньи, а другая овцы или козы.

Между погребениями 71 и 68, на расстоянии 5 м на В от погребения 71, на глубине 0.62 м найдено небольшое глиняное пряслице (№ 222) и обломок сосуда трипольской культуры со следами росписи (№ 224).

Погребение 72. На расстоянии 9.25 м на В от погребения 71 на глубине 0.65 найдено немного пережженных человеческих костей и среди них часть сосуда красноватого цвета, украшенного выпуклым пояском под венчиком и сквозными отверстиями поверх пояса (№ 197), обломок рога быка и кость какого-то животного.

Погребение 73. На расстоянии 3 м на С от погребения 83 на глубине 0.65 м лежали пережженные человеческие кости и на З от них — амфоровидный сосуд темно-розового цвета (№ 198). На В от него лежал другой сосуд серовато-коричневого цвета (№ 199). На расстоянии 0.77 м на ЮЮВ от амфоровидного сосуда острием на Ю лежал плоский наконечник копья со втулкой (№ 272).

Погребение 74. На расстоянии 12.5 м на СЗ от погребения 66 на глубине 0.49 м стоял черный кувшин, украшенный подковками — дужками (№ 200). С ЮВ от него лежал отверстием на Ю маленький сосуд — кружечка (№ 201). На Ю от посуды встречены пережженные человеческие кости; с СЗ от кувшина, немного глубже его, головкой к нему лежала бронзовая фибула (№ 260).

Погребение 75. Отдельный череп. На расстоянии 15.75 м на СВ от погребения 82 на глубине 0.80 м найден череп человека с нижней челюстью, лежащий теменем вверх. На расстоянии 1.67 м на СВ от черепа на той же глубине найдено три шейных позвонка.

Погребение 76. На расстоянии 0.5 м на СЗ от погребения 75 на глубине 0.75 м найдены пережженные человеческие кости, лежавшие кучкой в 0.15—0.20 м толщины и 0.27 м в диаметре.

Погребение 77. Труположение. Непосредственно под погребением 76 на глубине 0.91 м обнаружен скелет. Кости трупосождения 76 лежали над его тазовой костью, на 0.15 м выше. Скелет, ориентированный головою на З, лежал на спине, в вытянутом положении, с руками, протянутыми вдоль туловища, череп лежал на правом виске, нижняя челюсть отделилась и лежала возле черепа. Длина костяка — 1.65 м. Вещей при погребении не было; остатков гроба не обнаружено; следов ямы тоже не было заметно.

Погребение 78. Отдельный череп. На глубине 0.55 м найден плохо сохранившийся череп, лежавший на расстоянии 1.55 м на ЮЗ от погребения 80. Около черепа обнаружены детские непережженные косточки и челюсти ягненка или козленка.

Погребение 79. Рядом с погребением 78, на расстоянии 0.25 м на С от него, на глубине 0.45—0.65 м найдена кучка пережженных человеческих костей.

Погребение 80. Труположение. На расстоянии 1.55 м на С от погребения 78 на глубине 0.83 м обнаружен скелет хорошей сохранности. Он лежал головой на З, в вытянутом положении, на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, фаланги пальцев ног не сохранились. У пояса около позвонков были найдены остатки железной фибулы (№ 276). Длина костяка — 1.55 м.

Погребение 81. Труположение. На глубине 0.59 м на расстоянии 2.55 м на ССЗ от трупосождения 74 встречен скелет, ориентированный головой на З. Скелет лежал с вытянутыми вдоль туловища руками, череп лежал на правом виске. Около левого виска на черепе был заметен шрам, как будто бы от удара топором или мечом.

Погребение 82. Отдельный череп. Около погребения 80, на расстоянии 1.2 м на С от него на глубине 0.65 м найден череп, лежащий на левом виске.

Погребение 83. Отдельный череп. На расстоянии 3 м на Ю от погребения 73 на глубине 0.46 м найден череп плохой сохранности.

Погребение 84. На расстоянии 2.35 м на ЮВ от погребения 83 на глубине 0.52 м в крае карьера найдены в небольшом количестве пережженные человеческие кости.

Погребение 85. Отдельный череп. Около скелета погребения 81 на глубине 0.59 м найден плохо сохранившийся череп, лежащий на правом виске.

Погребение 86. Труположение. На расстоянии 1.75 м на СЗ от погребения 80 на глубине 0.70 м найден скелет. Он лежал головой на З, на спине, с вытянутыми ногами и руками. Череп лежал на правом виске. Около шеи была найдена небольшая округлая подвесочка с частью стерженька (№ 269). Скелет сохранился плохо.

Погребение 87. Труположение. На расстоянии 1.65 м на СВ от погребения 77 на глубине 0.86 м был найден еще один скелет, ориентированный головой на З с небольшим отклонением на С. Он лежал вытянутым на спине, лицом вверх, руки вытянуты вдоль туловища. Скелет сохранился хорошо. Его длина 1.61 м. Около скелета и над ним встречались лишь отдельные пережженные человеческие косточки. На правой стороне груди найдены остатки сильно окисленной

железной фибулы (№ 277). Около одного и другого виска лежали тоненькие округлые дужки от бронзовых серег (№№ 270 и 271). От них на черепе остались зеленоватые следы. Около скелета найдено несколько черепков от сосуда красноватого цвета.

Погребение 88. На расстоянии 3.5 м на З от погребения 87 и 2.5 м на СЗ от погребения 77 на глубине 0.50 м найдено скопление пережженных человеческих костей.

Погребение 89. На расстоянии 1.25 м на СЗ от погребения 87 на глубине 0.47 м лежала небольшая кучка пережженных человеческих костей.

На расстоянии 7 м от погребения 87 и 5.5 м от погребения 89 на глубине 0.47 м был найден железный двухгранный, треугольной формы наконечник стрелы (№ 273) с черенком. Длина наконечника — 7.5 м.

Погребение 90. На расстоянии 6.5 м на В от погребения 81 на глубине 0.37 м стояла коричневого цвета урна (№ 202) с пережженными человеческими костями.

Погребение 91. На расстоянии 0.95 м на СЗ от погребения 90 на глубине 0.47 м обнаружено немного пережженных человеческих костей. На З от них стоял черный горшок с ушком (№ 203). С СВ около горшка найдена плечевая кость свиньи.

Погребение 92. Найдено в траншее, продолженной на СВ от карьера, на расстоянии 50 м на В от погребения 64. Пережженные человеческие кости лежали на глубине 0.60 м. Вещей не было найдено.

Погребение 93. Обнаружено в разрушенном состоянии в стенке карьера, вблизи погребений 83 и 84. В обвалившейся в карьер и рассыпавшейся глыбе земли найдены пережженные кости и около них миска (№ 204) и части большого грубо обработанного сосуда — урны. После реставрации урна оказалась круглодонной. Она орнаментирована по венчику «жемчужинами».

Погребение 94. Кенотафы. На расстоянии 2.10 м на ССЗ от погребения 21 на той же глубине найдены остатки двух разбитых сосудов черного цвета, от одного сохранилась лишь нижняя часть (№ 84), а от другого сосуда ножка с доннышком (№ 85). Около сосудов на В от них лежала бронзовая пряжка с железным язычком (№ 114). Пережженных костей не обнаружено.

Погребение 95. Кенотаф. На расстоянии 2.5 м на СЗ от погребения 25 на глубине 0.73 м была найдена часть небольшого чер-

ного сосуда (№ 95). С Ю лежала кость свиньи. Пережженных костей не обнаружено.

Погребение 96. Кенотаф. На расстоянии 7.5 м на ЮЗ от погребения 15 на глубине 0.59 м обнаружен фрагментированный кувшинчик (№ 99). Пережженных костей не найдено.

Погребение 97. Кенотаф. На расстоянии 2.5 м на С от кенотафа 96 на глубине 0.41 м найден черный, без верхней части горшок (№ 100). С З его лежала часть бедренной кости овцы или козы. Пережженных костей не оказалось.

Погребение 98. Кенотаф. На расстоянии 3.5 м на ЗЮЗ от кенотафа 97 и 4.25 м на СЗ от кенотафа 96 на глубине 0.57 м обнаружен выщербленный лощеный кувшинчик коричневого цвета, лежавший отверстием на Ю (№ 101). К ССВ от кувшинчика лежала плечевая кость коровы. Здесь тоже не было пережженных костей.

Погребение 99. Кенотаф. На расстоянии 9 м на В от погребения 51 на глубине 0.45—0.75 м встретилось много разбросанных и перемешанных с землей фрагментов глиняной посуды, принадлежащих пяти сосудам (№№ 157—161). Фрагменты трех сосудов (№№ 157, 160, 161) имели красноватый цвет, двух (№№ 158 и 159) — коричневатый. Под венчиками трех сосудов (№№ 157, 158, 160) был орнамент в виде наклепного валика и наколов. Среди обломков сосудов лежала плохо сохранившаяся кость животного. Около нее —

кусочек печины и два камня. Пережженных костей не обнаружено.

Погребение 100. Кенотаф. На расстоянии 4.75 м на В от погребения 40 и 6 м на ЮВ от погребения 41 на глубине 0.55 м найдено несколько черепков от сосуда красноватого цвета (№ 162) и обломок камня со сглаженной с одной стороны поверхностью. Пережженных костей не было.

Погребение 101. Кенотаф. На расстоянии 1.85 м на ЗЮЗ от погребения 54 и 3.5 м на СВ от погребения 58 на глубине 0.65 м стоял небольшой банковидный кувшинчик простой выработки, с поверхностью серого цвета, с выщербленными венчиками, украшенными бугорчатым орнаментом (№ 166). Пережженных костей не было.

Погребение 102. Группоположение. Раскопано в 1944 г. Находилось приблизительно на расстоянии в 35 м на С от погребения 101 и 83 м на ССЗ от погребения 1 на глубине 0.73 м. Скелет, обнаруженный в стенке котлована, был ориентирован головой на СЗ. Он лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками. Череп лежал на затылке. Длина костяка — 1.67 м.

Погребение 103. Открыто в том же котловане, приблизительно на расстоянии 74.25 м на В от погребения 102, на глубине 0.40 м. В состав инвентаря погребения входили три маленьких сосуда — кружечки, лежавшие около пережженных человеческих костей (№№ 282, 283 и 284).

Приложения к ст. И. М. Самойловского

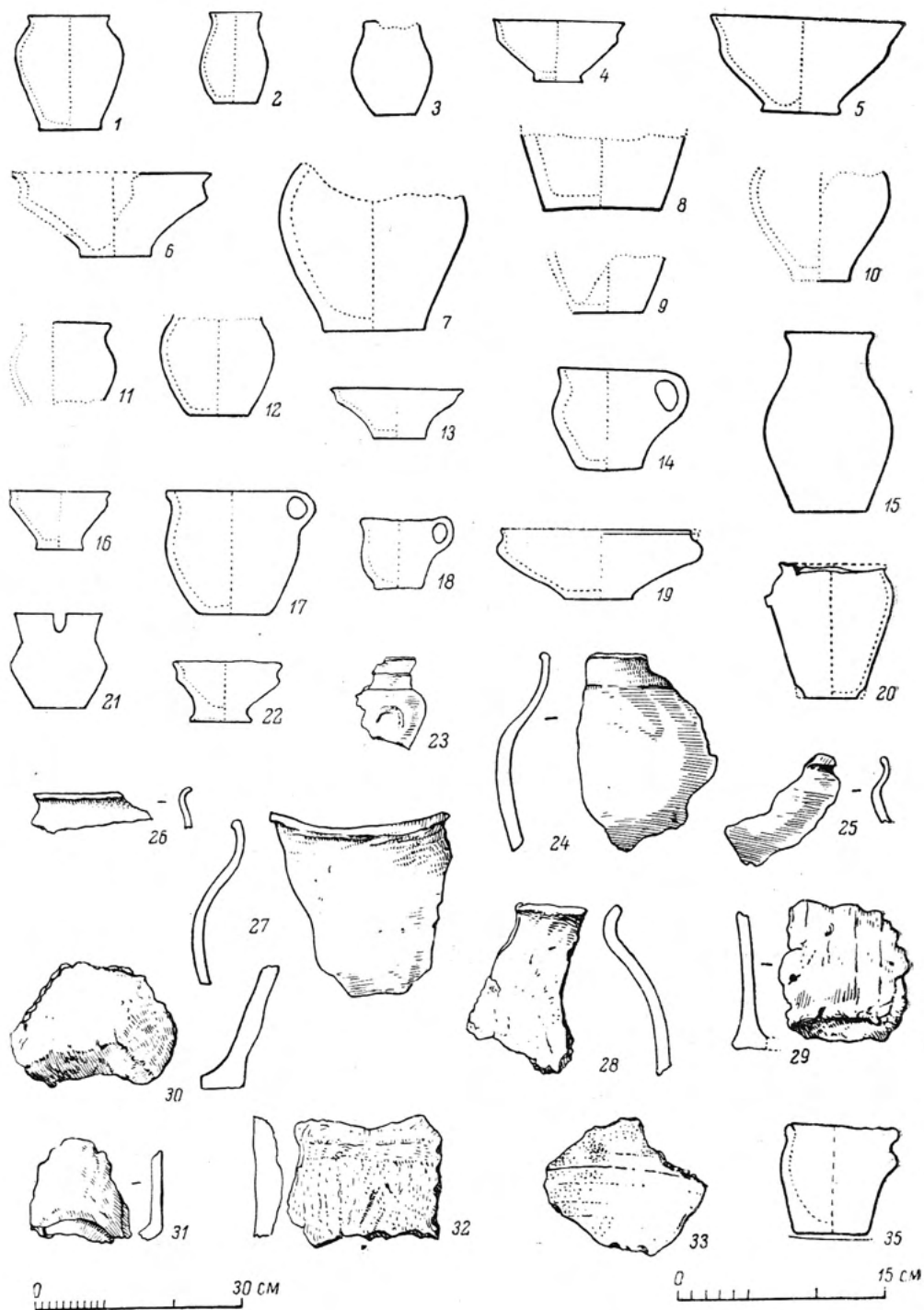

Табл. 1. Керамика Корчеватовского могильника, №№ 1—33, 35 (номера сосудов во всех таблицах соответствуют номерам вещей в тексте).

Левый масштаб к №№ 1—4, 10—13, 15—16, 18—22, правый — к №№ 5—9, 14, 17, 35.

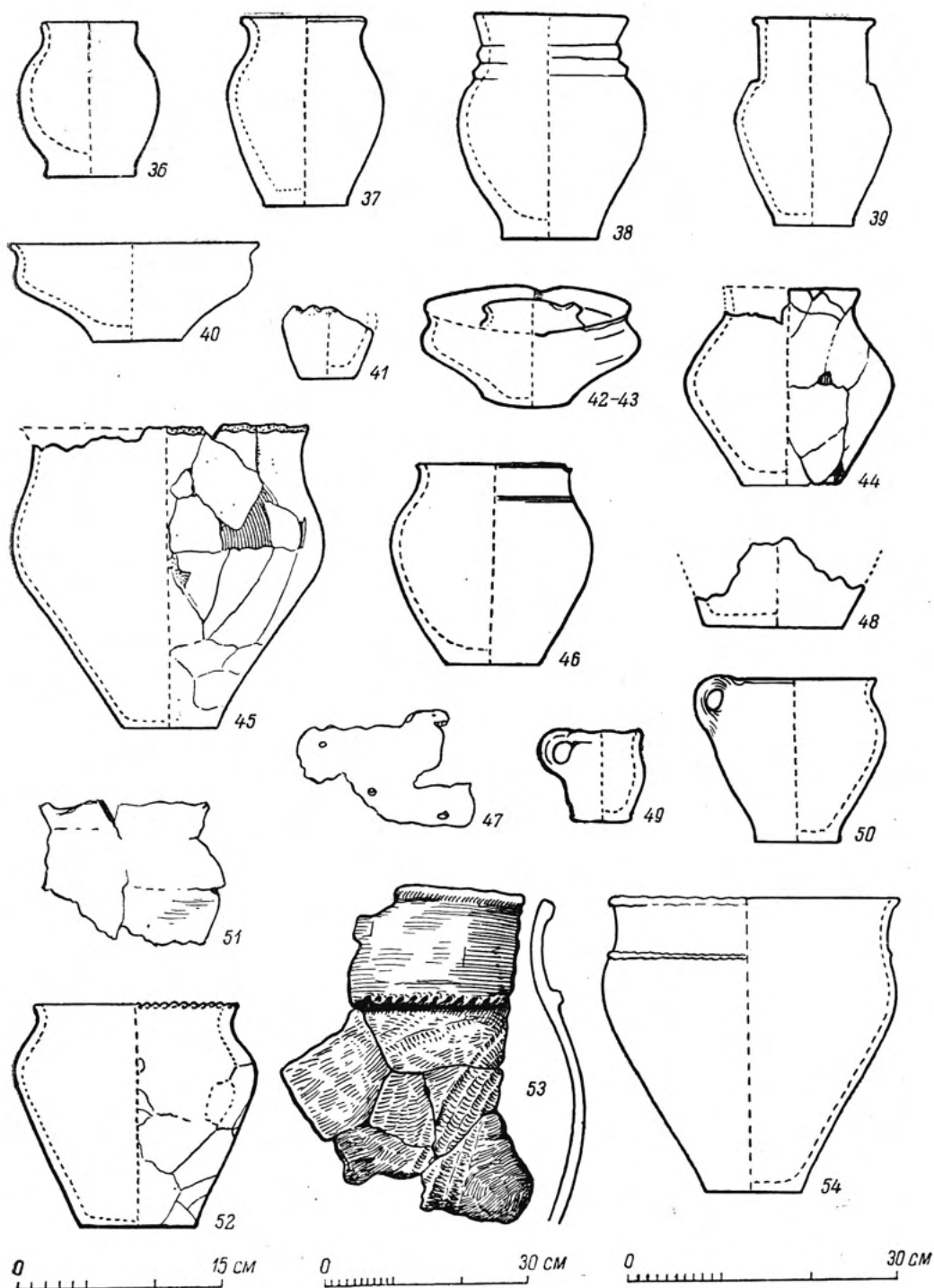

Табл. II. Керамика Горчеватовского могильника, №№ 36—54.

Левый масштаб к №№ 36—38, 40—43, 49—50, средний — к №№ 45 и 54, правый — к №№ 39, 44, 46, 48, 52.

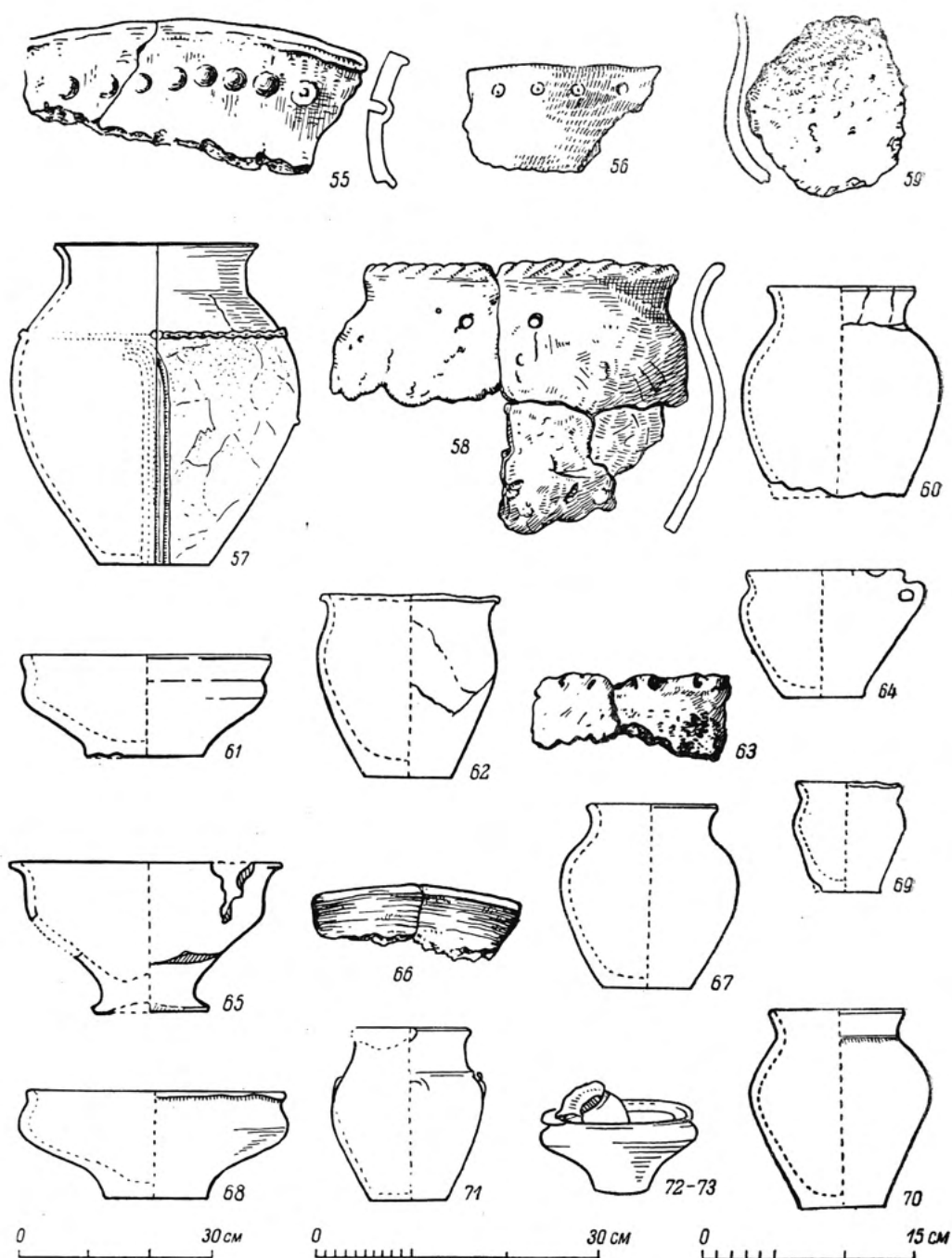

Табл. III. Керамика Корчеватовского могильника, №№ 55—73.

Левый масштаб к № 57, средний — к №№ 62, 67, 70 (рисунок несколько меньше), 71—73, правый — к №№ 60, 61, 64, 65, 68, 69.

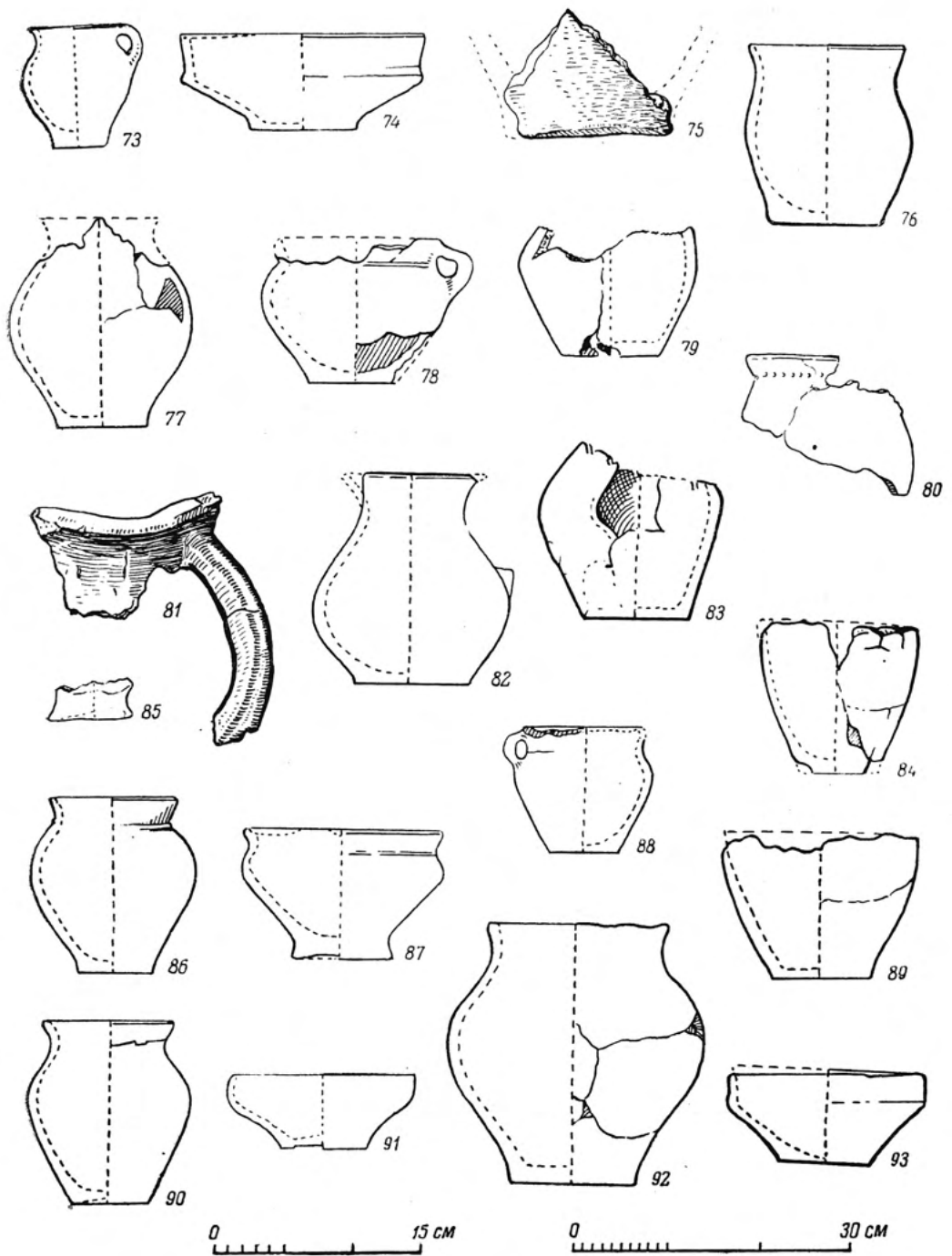

Табл. IV. Керамика Корчеватовского могильника, №№ 73—93.

Левый масштаб к №№ 73—74, 76—80, 82, 84—85, 87—89, 91, 93, правый — к №№ 83, 86, 90, 92.

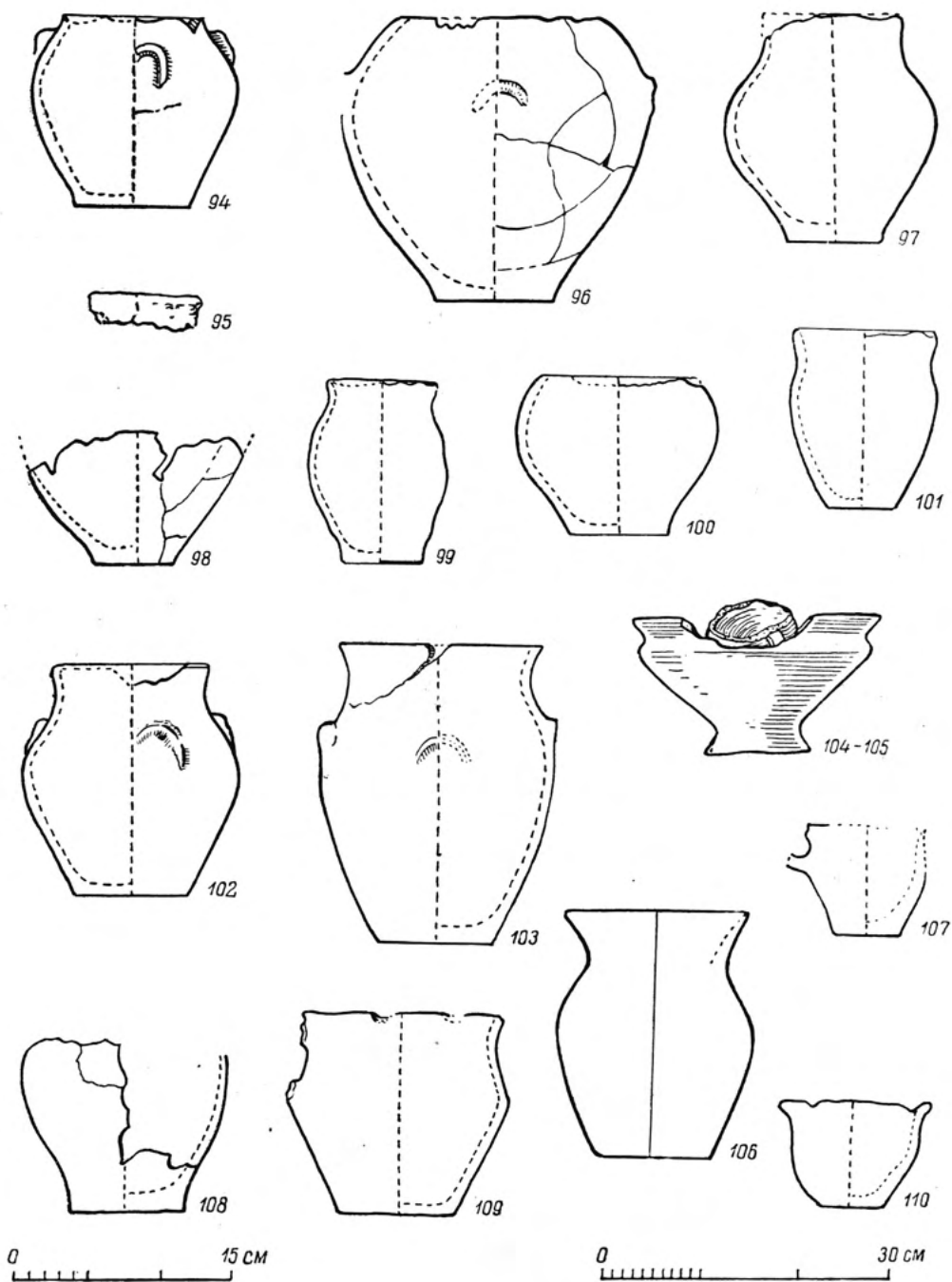

Табл. V. Керамика Корчеватовского могильника, №№ 94—110.
 Левый масштаб к №№ 94, 97, 99—100, 102—110, правый — к №№ 96, 98, 101.

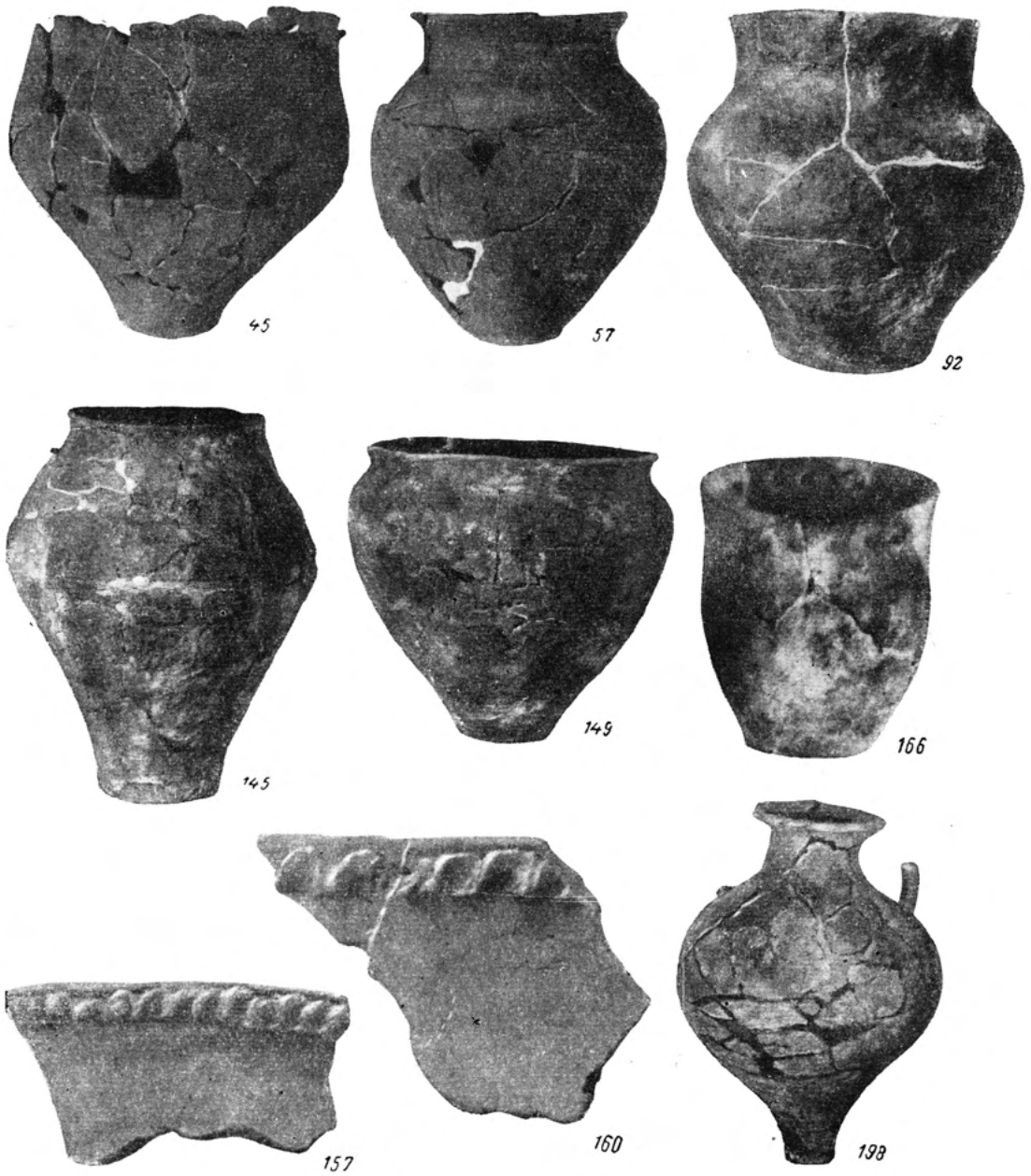

Табл. VI. Образцы грубой керамики из Корчеватовского могильника.

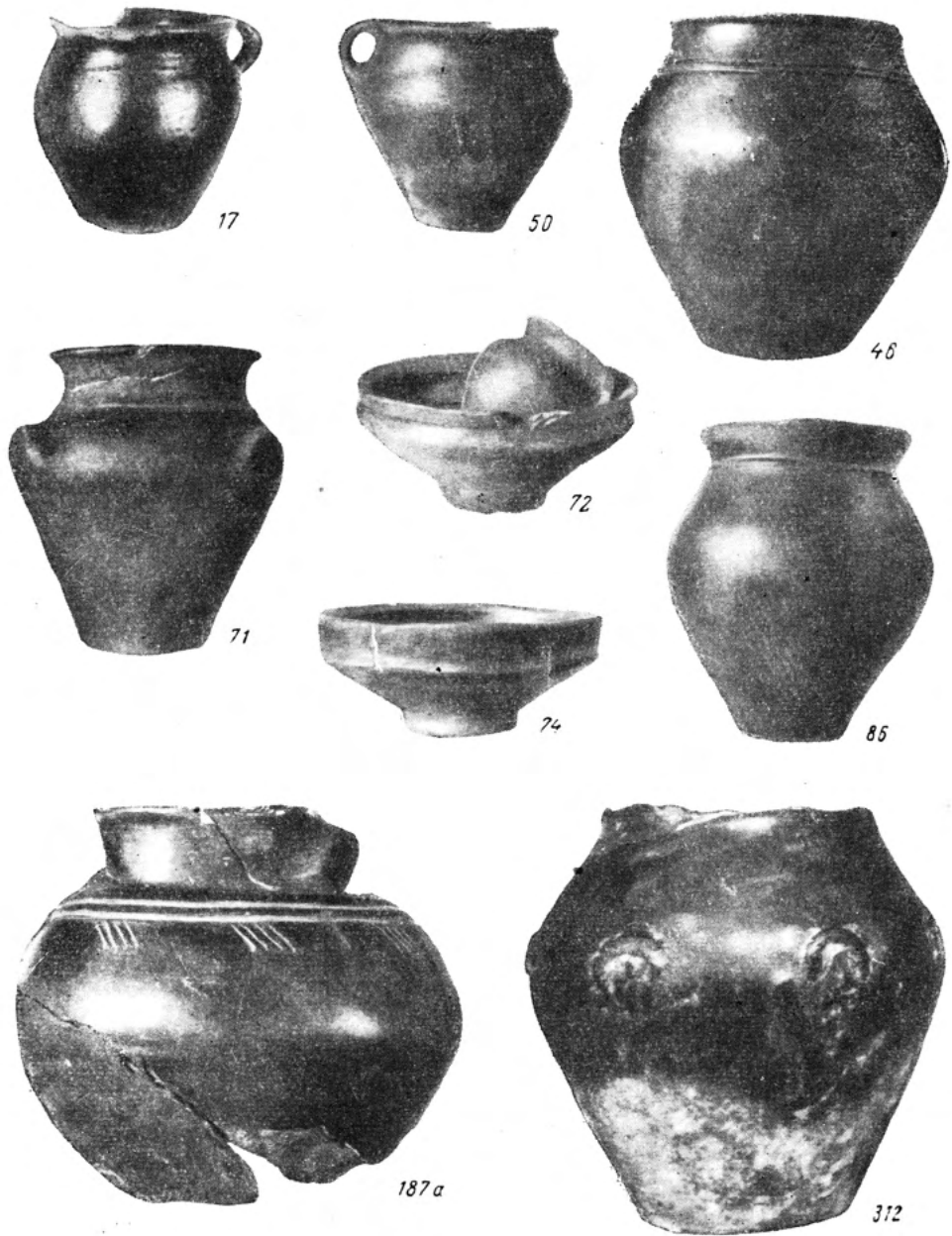

Табл. VII. Образцы лощеной керамики из Корчеватовского могильника.

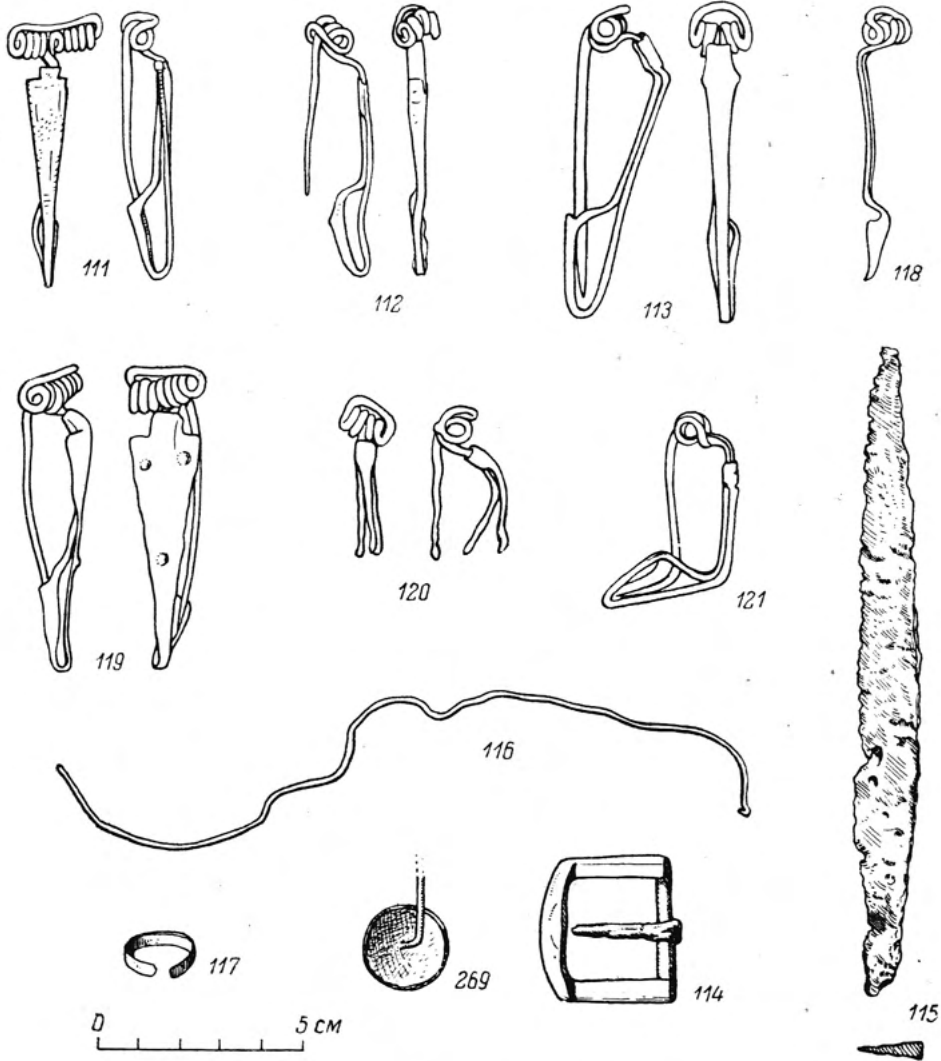

Табл. VIII. Фибулы и другие вещи из Корчеватовского могильника.

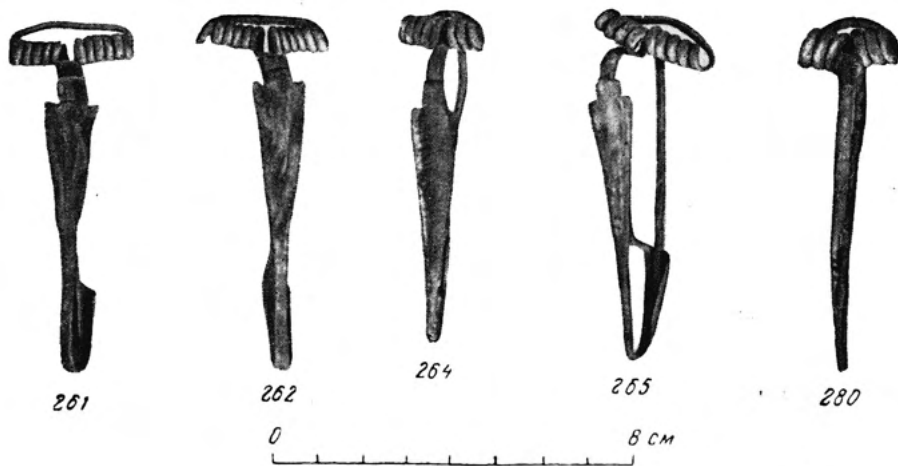

Табл. IX. Фибулы из Корчеватовского могильника.
 Верхний масштаб к №№ 253—255, 258, нижний — к №№ 259—262, 264, 265, 280

Сводная таблица материалов Корчеватовского могильника

№№ погребений	Обряд					Глиняные сосуды							Фибулы	Другие находки	Кости животных
	сожж. в урне	сожж. без урны	труполо-жение	отдельный череп	инютаф	большой лощ.	то же с валиком	то же с «вдечл.» орн.	средний лощ.	то же с «подков-ками»	миска	«кружка»			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1	+					+			+		+	+			сб
2	+								+						о
3	+					+			+		+	+			о
4	+					+	+		+			+			о
5	+						+								н
6	+							+							о, к, л
7	+					+	+		+		+				н
8	+					+									н
9				+								+			с
10				+					+		+				о
11		+							+		+	+	+		о
12			+						+				+		с
13			+						+				+		
14			+							+	+	+			
15			+								+				
16			+								+				о
17			+												
18			+											Нож	
19			+					+				+			
20			+									+			о
21	+					+						+			н
22			+									+			
23			+						+		+	+			с
24	+					+									
25	+														
26	+									+	+				
27	+								+						
28	+									+					
29			+							+					о
30			+												
31			+												
32			+					+		+	+	+	+	Бронз. пров.	о
33			+						+				+	Перстень	о
34			+										+		о
35			+						+				+		о
36			+									+	+	Бисер	о
37			+									+	+		к
38			+									+	+		к
39			+						+		+	+	+	Цепочки	о
40	+								+		+	+	+		с
41			+						+		+		+		
42			+						+		+	+	+	Нож	с, к
43	+								+						с
44	+							+							
45			+								+	+			
46			+			+									
47			+			+									
48	+					+							+		к
49			+			+					+	+			о
50	+					+									о
51	+					+	+						+		с
52	+								+		+		+		с
53	+					+			+		+	+		Вис. кольцо Опл. стекло	с

Продолжение

№№ погребений	Обряд					Глиняные сосуды							Фибулы	Другие находки	Кости животных
	сожж. в урне	сожж. без урны	труположение	отдельный череп	кенотаф	большой лощ.	то же с валиком	то же с «жемч.» орн.	средний лощ.	то же с «подковками»	миска	«кружка»			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
54		+										+			
55												+			о
56												+			о
57									+			+			
58			+												
59		+													
60	+					+							+	Проволока	
61		+				+							+	То же	
62	+					+									
63	+					+		+							
64		+				+									
65	+					+							+	Проволока	н
66		+													
67	+								+						л
68		+					+								
69	+														н
70	+												+		с, о
71	+						+								н
72	+						+								с, о
73						+		+							к
74						+			⊙						
75				+						+					
76															
77			+												
78				+											
79			+												о
80															
81													+		
82															
83															
84		+													
85															
86															
87													+	Подвеска	
88														Височн. кол.	
89															
90	+					+									
91															
92													+		с
93	+														
94								●				+			
95						+								Пряжка	
96						+									с
97						+									
98						+									о
99						+	+								к
100						+		+							н
101								+							
102			+												
103		+										+			

Примечание: ⊙ — амфора № 198; ● — круглодонный сосуд № 205; кости: с — свиньи, о — овцы или козы, к — коровы, л — лошади, сб — собаки, н — неизвестного животного. Количество предметов не указано.

Е. В. Махно

РАСКОПКИ ЗАРУБИНЕЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В КИЕВСКОМ ПРИДНЕПРОВЬЕ В 1950 г.

К югу от правого берега Днепра известно несколько пунктов с остатками поселений зарубинецкого времени. Среди них особое внимание обращают на себя Пироговское и Ходосовское городища, а также поселение у с. Великие Дмитровичи, составляющие как бы одну группу вместе с расположенным несколько севернее Корчеватовским могильником. Во всех трех пунктах в 1950 г. автором были произведены небольшие раскопки, давшие в общей сложности хотя и небогатый, но интересный материал, значительно дополняющий данные о зарубинецкой культуре Киевщины, представленные до настоящего времени лишь материалами могильников.

1. ПИРОГОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Пироговское городище, впервые отмеченное в свое время на археологической карте В. Б. Антоновича,¹ находится на юго-западной окраине с. Пирогово Киево-Святошинского р-на Киевской обл., на высоком отроге правого коренного берега Днепра (рис. 1). У подножия коренного берега здесь проходит дорога из Киева в г. Обухов. Мыс коренного берега, занятый городищем, образован двумя старыми оврагами, вершины которых смыкаются друг с другом, окружая городище с боков и с напольной стороны. Городище имеет форму неправильного овала длиной по оси север—юг 80 м и шириной 64 м. Южная часть городища — более узкая и самая высокая, размером 33×42 м, — отделена от северной части слабо выраженным уступом. Площадь городища имеет склон к северу и западу, ее края во многих местах приподняты, а крутые склоны прорезаны

двумя хорошо сохранившимися террасами (эскарпами), заменяющими валы и рвы. Въезд на городище, находящийся с западной стороны, отмечен легким подъемом. Укрепления городища, как показали раскопки, относятся к средневековому времени. Имело ли оно какие-либо укрепления в зарубинецкое время — осталось неизвестным.

На поверхности городища в 1947 г., во время работ по археологическому обследованию «Большого Киева», были собраны обломки лепных сосудов зарубинецкого типа с шероховатой и лощеной поверхностью, а также несколько обломков посуды XI—XII вв.¹ В 1950 г., кроме таких же находок, на поверхности городища обнаружены обломки амфор эллинистического времени, камни и куски сравнительно аккуратных каменных плиток. В северной части городища на расстоянии 20—25 м от края, главным образом вдоль западного склона, находки зарубинецкого времени образовали отдельные скопления.

В 1950 г. площадка городища была разрезана разведочными 2-метровыми траншеями, которые охватили как северную, большую часть городища, так и южную, меньшую.² В северной части городища с востока на запад была проложена траншея длиной 48 м. Под прямым углом к ней располагалась другая траншея длиной 28 м; третья траншея, отходящая от южного конца предыдущей, шла на запад на протяжении 18 м. Общая площадь всех траншей, составлявших раскоп, равнялась 204 кв. м.

¹ Н. В. Лінка. Роботи експедиції «Великий Київ» за 1947 г. АП УРСР, III, стр. 47—48.

² Е. В. Махно. Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Поднепровье. СА, т. XXIII, стр. 87, рис. 2.

¹ В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895, стр. 23.

Южную, возвышенную часть площадки городища прорезали с севера на юг и с востока на запад две перекрещивающиеся траншеи длиной 30 и 38 м, составлявшие раскоп II площадью 126 кв. м.

Раскопки показали, что в южной части площадки и в восточной половине ее северной части культурный слой отсутствует. Он был здесь снят, по-видимому, при земляных работах, производившихся на этом месте

ство обломков зарубинецкой посуды. В большинстве случаев это мелкие и невыразительные обломки, многие из них обкатаны и только некоторые дают представление о форме сосудов, которым они принадлежали. Из общей массы керамики легко выделяются основные группы: гончарная амфорная посуда — 40 обломков, лепная лощеная посуда, характерная для зарубинецкой культуры, — 83 обломка и также зарубинецкая лепная

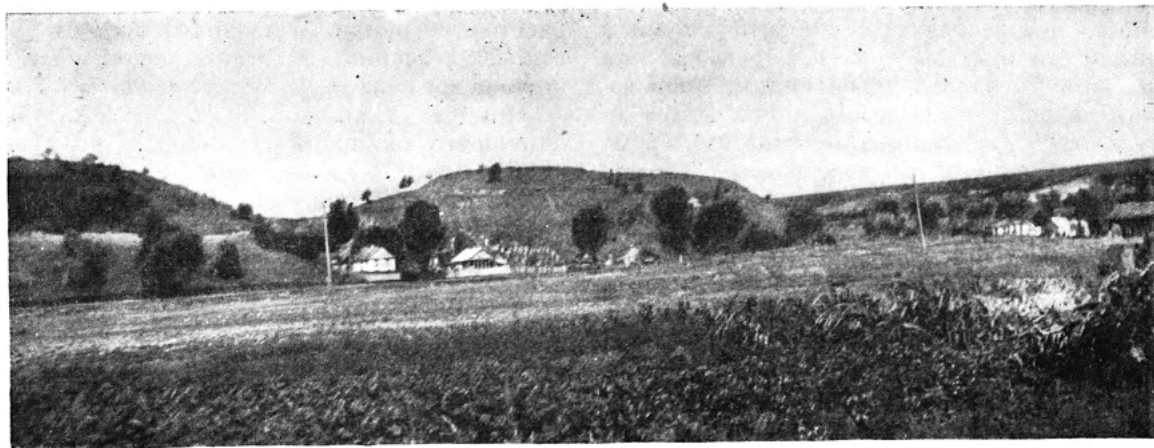

Рис. 1. Пироговское городище, вид с востока.

в XI—XII вв. Непосредственно под дерновым слоем на глубине 0.10—0.15 м здесь залегает чистый слой лёсса. Культурные остатки зарубинецкого времени сохранились в северо-западной части северного склона и по краям южной площадки. В этих местах находок довольно много, особенно в северо-западной части площадки, где имеется древний культурный слой, мощностью до 0.60—0.80 м. Здесь на каждом квадратном метре было встречено 15—20 обломков керамики.

Никаких следов жилищ или других сооружений зарубинецкого времени при раскопках обнаружено не было, если не считать встреченной в западной части городища западины со скоплением костей, камней и крупных черепков, — возможно, остатков какого-нибудь сооружения.

В юго-западной части площадки обнаружены следы двух средневековых рвов. Оба они ограничивали с севера южную, наиболее высокую часть городища.

При раскопках на Пироговском городище обнаружено сравнительно большое количе-

посуда с шероховатой поверхностью — более 1100 обломков. Кроме того, как уже указывалось, здесь найдены обломки средневековой посуды, а также отдельные обломки керамики, украшенные трехгранными налепными валиками, типичными для периода поздней бронзы.

Амфорная посуда представлена не очень выразительными, трудно определяемыми обломками стенок амфор, по-видимому, эллинистического времени.¹ Поверхность у них сравнительно гладкая, покрыта желтоватым ангобом. В тесте видна примесь мелкого песка с желтыми блестками.

Лощеная посуда имеет примесь мелкого песка и изредка шамота. Поверхность ее снаружи гладкая, темно-серого цвета, встречаются обломки с большими коричнево-красноватыми пятнами. Почти все обломки лощеной посуды принадлежат мискам с высокими закругленными плечиками и плоским

¹ Определение Л. М. Славина и А. И. Фурманской.

узким дном. Венчики обычно плавно отогнуты наружу, но встречаются также венчики с резким переходом от плечика, с внутренней стороны имеющие характерную трехгранность. Один обломок доньшка миски имеет кольцевую ножку; на его внутренней стороне прочерчены острым орудием по еще влажной поверхности две пересекающиеся под прямым углом черточки (рис. 2, 9). Встречен один обломок ручки от «кружки».

Керамика с nelloщенной поверхностью из глины с примесью грубого песка, кварца и шамота представлена обломками главным образом крупных сосудов. По краю венчика они были украшены вдавлениями, произведенными пальцем. Один обломок украшен по венчику «жемчужным» орнаментом. Кроме обломков больших сосудов, хорошо известных по материалам Корчеватовского могильника, найдены два обломка небольших мисочек. Одна из них была на кольцевой подставке, у другой край венчика украшен пальцевым орнаментом. Встречены также 17 обломков плоских глиняных крышек диаметром более 20 см, толщиной около 1 см, лощенных с одной стороны и шероховатых с противоположной. Два таких обломка украшены на шероховатой стороне рядами вдавлений, сделанных ногтем.

Из других находок, обнаруженных на городище, отметим две бронзовые фибулы среднелатенской схемы, обычные для зарубинецкой культуры (рис. 2, 7).

2. ХОДОСОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Ходосовское городище находится в 15 км к югу от Пироговского, на юго-восточной окраине с. Ходосовки Киево-Святошинского р-на Киевской обл., на отроге правого коренного берега Днепра. Впервые городище было отмечено на археологической карте В. Б. Антоновича.¹ За последние годы городище неоднократно обследовалось археологической экспедицией «Большой Киев».

По форме городище почти круглое. Его площадка имеет легкое падение к западу; она окружена крутыми и высокими склонами, рассеченными, как и на Пироговском городище, двумя террасами.

В 1947 г. на поверхности городища была собрана посуда зарубинецкого типа с ло-

щенной поверхностью темно-серого цвета и шероховатой поверхностью желто-коричневого цвета. Кроме этого, найдено несколько обломков посуды времени Киевской Руси.¹ В 1950 г. на распаханной площади городища вместе с обломками посуды зарубинецкого характера обнаружено много костей животных, а в центре городища — скопление обломков печины. Три больших скопления печины обнаружены также у западных склонов городища. Печина лежит здесь полосами шириной более 2 м, длиной около 30 м, на расстоянии около 20 м одна полоса от другой. Под печиной залегает обожженная до коричневого цвета и покрытая сажей земля с камнями. Такая же печина, полосами в 2 м шириной и около 10 м длиной, обнаружена в двух местах у северного подножия городища. Местные жители сообщили, что во время пахоты на городище нередко выплывали обгорелые деревянные плахи. Эти остатки — печина, обгорелая земля и дерево — относятся, как и укрепления городища, к средневековому времени.

Известно, что поселения зарубинецкого времени нередко располагаются на возвышенных местах, в частности на мысах возвышенностей, на которых обычно располагались поселения с оборонительными сооружениями. Это не могло не навести на мысль, что и зарубинецкие поселения в Среднем Поднепровье следует отнести к числу городищ.

Раскопки 1950 г. на Пироговском городище и разведки на Ходосовском пока что не разрешили этого вопроса. Чтобы убедиться, имелись ли на Пироговском и Ходосовском городищах укрепления зарубинецкого времени, следует произвести более значительные исследования.

3. СЕЛИЩЕ У С. ВЕЛИКИЕ ДМИТРОВИЧИ

Поселение зарубинецкого времени у с. Великие Дмитровици Обуховского р-на Киевской обл. открыто в 1950 г. отрядом экспедиции «Большой Киев», возглавляемым В. Н. Даниленко. В этом же году автором настоящей статьи в Великих Дмитровицах были произведены раскопки.

¹ В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895, стр. 23.

¹ Н. В. Л и н к а, ук. соч., стр. 47; И. В. Ф а б р и ц и у с. Городища у сел. Хотово и Ходосовка, стр. 1—2. Архив ИА АН УССР.

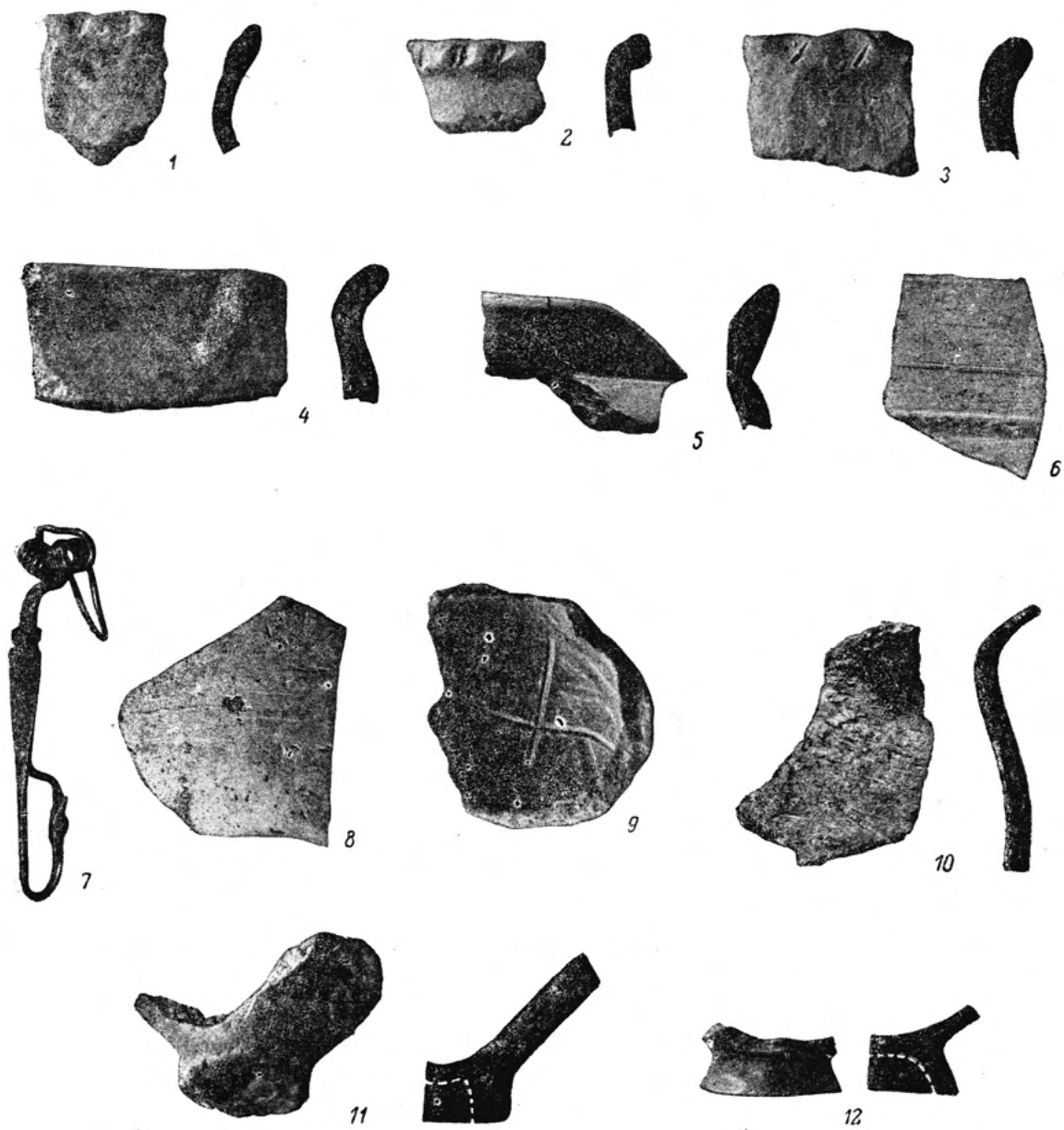

Рис. 2. Образцы керамики с Пироговского и Ходосовского городищ и фибула с Пироговского городища.

Рис. 3. Образцы керамики с зарубинецкого поселения у с. Великие Дмитровичи.

Поселение находится в северо-восточной части села на урочищах Кутполе и Кулакивщина, лежащих вдоль края коренного берега Днепра и представляющих собой пологое возвышение, восточный склон которого обращен к Днепру, а западный — к с. Великие Дмитровичи. В восточной части место поселения пересекает с севера на юг проселочная дорога, разрушившая в этом месте культурный слой. На поверхности восточного склона урочища Кутполе было найдено большое количество обломков зарубинецкой керамики, а в северо-западной части поселения в урочище Кулакивщина в обрыве дороги обнажились контуры хозяйственных ям и остатки наземного сооружения. Основная часть поселения, расположенная на урочище Кутполе, имеет в длину 200 м (с севера на юг) и в ширину 100 м.

Раскоп площадью в 100 кв. м, заложенный на урочище Кулакивщина, у края дороги, где были видны контуры ям, полностью исчерпал сохранившуюся здесь часть поселения. Здесь были открыты остатки постройки и 4 хозяйственных ямы. Территория поселения в пределах урочища Кутполе была прорезана с севера на юг и с востока на запад несколькими однометровыми траншеями, вскрывшими в общей сложности площадь в 276 кв. м.¹

В ряде мест здесь обнаружены скопления культурных остатков, свидетельствующих о наличии строений.

Исследовано 6 таких скоплений и при них 2 хозяйственные ямы. Из этих скоплений три располагались вдоль западного, а другие вдоль восточного склона урочища, образуя два не совсем стройных ряда. Расстояние между отдельными скоплениями составляло 20—25 м.

Культурные остатки залегали на глубине 0.40—0.50 м от поверхности современной почвы в нижнем слое чернозема, подстилаемого желтым лёссом.

От сооружения 1, обнаруженного на урочище Кулакивщина в подзолистом слое, на глубине 0.60 м от поверхности, сохранился юго-восточный угол с частью хорошо утрамбованного земляного пола. По-видимому, здесь находилось прямоугольное наземное жилище, остатки которого в значительной части разрушены дорогой. К югу от жилища находились 4 хозяйственные ямы. Первая

из них, открытая на расстоянии 3.25 м от сооружения, имела грушевидную форму. Диаметр дна ямы равнялся 1.10 м, диаметр горловины — 0.80 м, глубина 1—1.15 м. На расстоянии 3 м к югу от первой ямы находилась вторая такая же яма глубиной 1.30 м, диаметр горловины — 0.50 м, диаметр дна — 0.75 м. Третья яма, по-видимому с вертикальными стенками, находилась на расстоянии 0.60 м к югу от второй. Она была разрушена

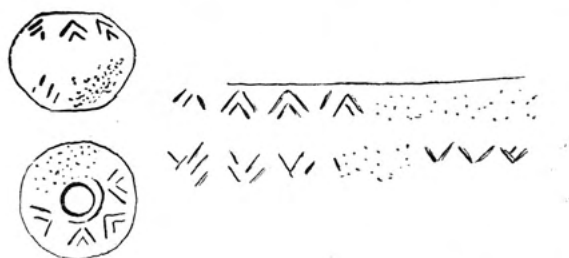

Рис. 4. Орнамент на пряслице с поселения у с. Великие Дмитровичи. 4/5 н. в.

дорогой. На расстоянии 1.15 м к югу от третьей ямы находились остатки четвертой ямы, также с вертикальными стенками. Никаких находок в ямах обнаружено не было.

Остатки сооружения 2, открытые в траншее II на западном склоне урочища Кутполе, представляли собой утрамбованный пол на прямоугольной площадке, длиной 3.20 и шириной 2.95 м. Так как сооружение расположено на склоне, его юго-восточная часть была углублена в лёсс на 0.20—0.25 м, а северо-западная находилась на поверхности древнего уровня земли. В юго-западном углу сооружения на уровне пола обнаружено красноватое пятно 0.30 м в поперечнике, а вблизи его — небольшие обломки печины. Возможно, что в этом месте была печь или очаг из глины.¹

На расстоянии 22 м к югу от этого сооружения, в той же длинной траншее, были открыты остатки еще одного пола (3), имеющие в плане форму неправильного овала. Длина остатков пола по длинной оси (с северо-запада на юго-восток) равна 5.60 м, ширина составляла 3.10 м. В северной и восточной части сооружения пол был углублен ниже уровня древнего горизонта на 0.10—0.15 м, в южной и западной части находился на уровне горизонта. В юго-восточном

¹ Е. В. Махно, ук. соч., стр. 91, рис. 4.

¹ Е. В. Махно, ук. соч., стр. 90, рис. 3.

углу сооружения видны следы входа шириною 0.90 м.

В пределах сооружения, на 0.15—0.20 м выше уровня пола, обнаружено 4 почти круглых, обожженных до красного цвета пятна диаметром около 0.40 м каждое. Они располагались по длинной оси сооружения, приблизительно на равном расстоянии от стен. Расстояние между пятнами — 0.80—10.0 м.¹

На расстоянии 20 м к северо-западу от сооружения 1, в раскопе III, на западном склоне обнаружено скопление находок, указывающих на наличие остатков еще одного сооружения, которое осталось нераскопанным. Около него оказались 3 ямы, 2 из них были раскопаны; одна небольшая яма обычной грушевидной формы имела диаметр 0.50 м, горловину — 0.45 м, глубину — 0.50 м; вторая яма с вертикальными стенками, овальная, длиной 0.10 м, шириною 0.80 м и глубиною 0.50 м, заполнена обломками печины и пережженными костями быка. Третья, нераскопанная яма, судя по пятну, была шириною 0.60 м и длиной 1 м.

Остатки сооружения 4, обнаруженные в юго-восточной части поселения, представляли собой углубленное в землю основание постройки площадью около 6 кв. м. Сооружение углублено в желтый лёсс на 0.30 м; оно имело неправильную форму. Его длина — 3.40 м, ширина — 2.20 м. В юго-восточном углу имелись следы входа с одной ступенькой. Ширина входа — 0.90 м. Внутри сооружения по обе стороны от входа обнаружены ямки от вертикально стоявших столбов. Следов печи или обожженных пятен в этом сооружении не обнаружено. В северо-западной части найден большой камень неправильной формы, лежащий несколько выше уровня пола, а в заполнении ямы обнаружены железный шлак и куски глиняной обмазки.

К северо-западу от этого сооружения отмечено еще два скопления находок, указывающих на наличие остатков сооружений, которые остались нераскопанными. Они располагаются вдоль восточного склона возвышенности, на расстоянии более 25 м одно от другого. На месте этих скоплений обнаружено сравнительно много обломков печины, среди которых встречались изредка обломки сильно обожженной глины с отпечатками деревянных плах и бревен, а также следами пальцев. Материалы раскопок на поселении

у с. Великие Дмитровичи позволяют считать, что основным типом построек здесь были сооружения наземного типа со стенами из деревянного каркаса, обмазанными глиной, и полом, иногда слегка углубленным в землю. Печи или очаги здесь были, по-видимому, глинобитными.

Находки, обнаруженные при раскопках на поселении у с. Великие Дмитровичи, являются характерными для зарубинецкой культуры. Вещественный материал составляют главным образом обломки лепной посуды, грубой и покрытой лощением (рис. 3), несколько обломков эллинистических амфор, фибула среднелатенской схемы, шлаки и кости животных.

Обломки лепных сосудов найдены в числе 1415. Из них 1157, или 83%, относятся к посуде с шероховатой поверхностью и 258 обломков, или 17%, — к посуде с лощеной поверхностью.

Посуда с шероховатой поверхностью имеет в тесте примеси толченого кварца и шамота, цвет ее желтоватый и буровато-красный, толщина стенок — от 0.7 до 1.5—2 см. Основные формы — большие и средней величины горшки, приземистые кувшины с короткой шейкой и широкие миски. Судя по обломкам, горшки имели либо суженные горловины с отогнутыми наружу венчиками и выпуклое туловище, либо широкие горловины, заметно выделяющиеся плечики, прямое туловище и сравнительно узкое дно. Значительная часть горшков украшена по краю венчика отпечатками пальца или насечками.

Во всех раскопах обнаружены миски с полной ножкой, от которых сохранились главным образом нижние части. Встречены также обломки плоских глиняных крышек, гладких с одной стороны и шероховатых с другой. Два из них с шероховатой стороны украшены отпечатками пальцев.

Посуда с лощеной поверхностью имеет в тесте примесь мелкого песка, кварца и мелкого раздробленного шамота. Цвет керамики с лощением обычно темно-серый, почти черный. Некоторые сосуды имели коричневый цвет, толщина стенок колеблется в пределах от 0.6—0.7 до 1.5 см. Лощеная посуда представлена главным образом мисками, но имеются и горшки-кувшины, а также небольшие сосудики с ручками.

Миски имели широкое горло, ребро в верхней части и узкое дно. Один обломок имел

¹ Е. В. Махно, ук. соч., стр. 90, рис. 3.

венчик, отогнутый внутрь, как это было на мисках скифского времени. Горшки-кувшины с лощеной поверхностью и сосуды с ручками не отличались от аналогичной керамики других зарубинецких поселений.

Большой интерес представляют обломки эллинистических амфор конца I тысячелетия до нашей эры и начала нашей эры, найденные в числе 9. Они аналогичны обломкам таких же амфор, найденных на Пироговском городище Киево-Святошинского р-на Киевской обл., и свидетельствуют о торговых связях зарубинецких племен с Причерноморьем.

Кроме обломков глиняной посуды, на поселении у с. Великие Дмитровичи найдены глиняные прясла, два из них — биконической формы и одно шарообразное, украшенное геометрическим узором (рис. 4). Найдены также поломанная бронзовая среднелатенская фибула, треугольная спинка которой украшена по краям насечками, бронзовая

пластинка длиной 2.7 см и шириной 0.4 см и колечко с сомкнутыми концами, изготовленное из подобной же пластинки. Наконец, при раскопках была встречена маленькая треугольная бронзовая пластинка с обломанными краями и круглым отверстием.

Почти во всех раскопах на селище обнаружены железные шлаки. Больше всего их оказалось в раскопе II и особенно в овальном сооружении, на полу которого было найдено доньшко глиняного сосуда с накипевшим на нем шлаком. Найдены точильные камни, обломок зернотерки и растирального.

Кости животных, обнаруженные на селище, принадлежат домашнему скоту, главным образом корове (6 особей) и свинье (5 особей), а также лошади (4 особи) и козе или овце (3 особи).¹

¹ Определение произведено И. Г. Пидопличко.

В. И. Довженко и Н. В. Лунка

РАСКОПКИ РАННЕСЛАВЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ р. РОСЬ

На берегах правого притока Днепра р. Рось известен ряд пунктов с остатками раннеславянских поселений, среди которых наиболее древние принадлежат к памятникам зарубинецкой культуры. В 1949 г. некоторые из них подверглись небольшим раскопкам, позволившим уточнить облик памятников и собрать необходимый материал, характеризующий остатки жилых сооружений и материальную культуру их обитателей. Работы были сосредоточены в нижнем течении р. Роси, на ее левом берегу, в двух пунктах: у с. Сахновка Корсунь-Шевченковского р-на Черкасской обл. и у с. Межирич Каневского р-на той же области.

1. ГРУППА РАННЕСЛАВЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ У С. САХНОВКИ

Село Сахновка расположено на левом берегу р. Рось, в нижнем ее течении, у подножья крутой возвышенности, представляющей собой одну из древних террас долины Днепра. Край возвышенности в окрестностях с. Сахновки расчленен многочисленными оврагами на ряд отдельных «гор». Считая с юга на север, вниз по течению р. Роси, это будут «горы» Пастушка, Долгуша, Городище, Лысая, Девица и Дегтярная. Самой высокой среди них является Девица, или Девичья гора (рис. 1). Над поймой р. Роси она возвышается более чем на 100 м. С вершины Девичьей горы открывается широкий вид на долины Днепра и Роси. На горе находится известное в археологической литературе городище XI—XII вв. — остатки замка, основанного, по-видимому, при Ярославе Мудром. Городище было исследовано В. Гезе в 1901 г.

В 1944 г. экспедицией Института археологии АН СССР на Девичьей горе и между ней и Дегтярной были обнаружены остатки раннеславянского поселения. Они занимали вершину и северное подножье Девицы, а также седловину между последней и Дегтярной. С востока место поселения было ограничено крутым склоном к р. Рось, с запада — пологим склоном в овраг. Площадь поселения была, таким образом, защищена естественными преградами. Ее размеры составляют около 5 га. На поверхности и в многочисленных ямах и обнажениях здесь было найдено большое количество древней керамики, в том числе зарубинецкой.

На склоне горы Девицы и на ее вершине было заложено 6 небольших раскопов. В одном из них, находящемся в северо-восточной части склона (раскоп I), обнаружены следы жилища. В верхних горизонтах культурного слоя до глубины 0.40—0.60 м вместе с обломками лепной посуды здесь встречались обломки русской керамики XI—XII вв. Ниже такие находки исчезали. На глубине 1.00 м в слое чернозема было прослежено темное пятно, содержащее мелкие угольки, кости животных и лепную керамику зарубинецкого типа с примесью кварца в тесте и шероховатой поверхностью. В меньшем количестве здесь находились фрагменты лощеной керамики — крупных черных и желтых мисок.

Керамика с лощеной поверхностью изготовлена из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка и кварца. Формы сосудов аналогичны посуде, происходящей из других зарубинецких памятников (Зарубинцы, Корчеватое, Пирогово и др.). Среди обломков лощеной посуды имеются венчики широко раскрытых мисок и фрагменты не-

больших горшков с угловатыми ручками. Миски принадлежат в большинстве случаев к типу не реберчатых, а полукруглых с перехватом у венчика (рис. 2, 6—8). Судя по одному образцу, уцелевшему в значительной части, высота таких мисок не превышала 10—12 см, диаметр верхнего отверстия был около 25—30 см, а диаметр дна равнялся

В этом комплексе находок обнаружено несколько обломков амфор, происходящих из Причерноморья (рис. 2, 3).

Кроме обломков сосудов, найдены: плоское глиняное прясло диаметром в 3,5 см, изготовленное из стенки амфоры (рис. 2, 2), обломок биконического глиняного прясла, глиняное грузило неправильной конической

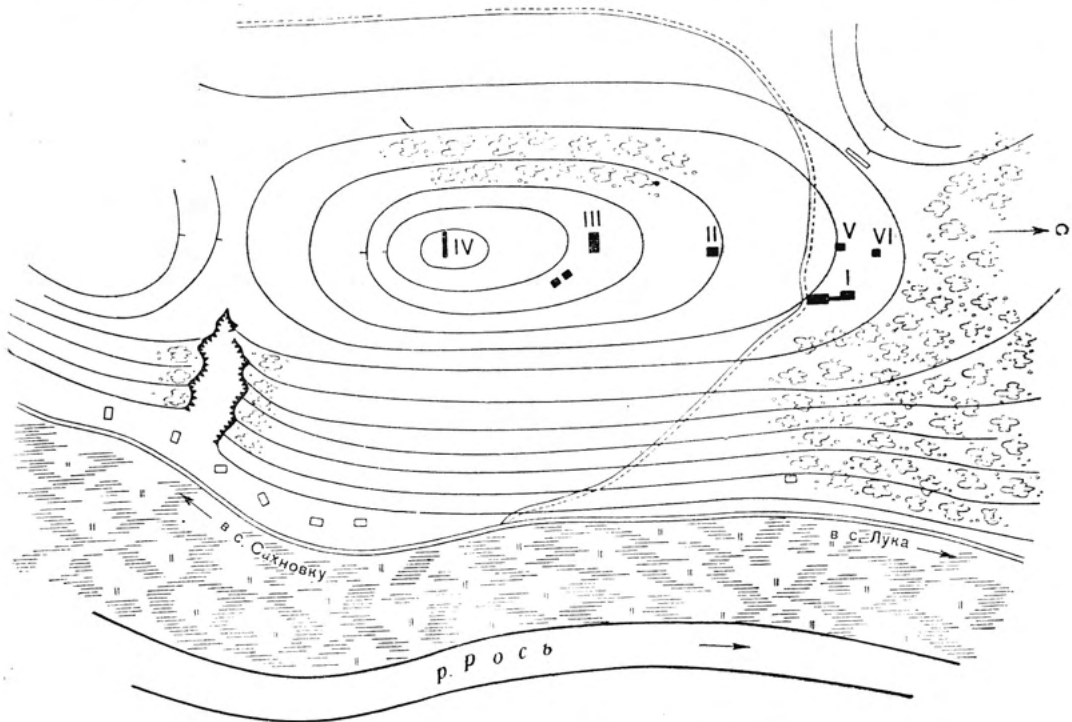

Рис. 1. План раннеславянского поселения на горе Девица у с. Саховка.

10—12 см. Острореберные миски представлены очень небольшим числом обломков.

Обломки горшков имеют прямые шейки высотой в 2,5—3 см, скошенные наружу, покатые плечики и выпуклые бока. Встречены также круглые, дисковидные покрывки из желтой глины, лощеные с одной стороны, толщиной около 2 см, диаметром в 10—12 см.

Отличительной чертой лощеной керамики из поселения у горы Девицы является совершенство выделки, какое не наблюдается ни на одном из зарубинецких памятников.

Керамика зарубинецкого типа с шероховатой поверхностью представлена обломками широкогорлых горшков с прямым венчиком, обычно орнаментированным по краю защипами или косыми насечками, покатыми плечиками и яйцевидным телом.

формы диаметром 3,5 см, бесформенные обломки глиняных изделий, два обломка круглого жернова из серого песчаника с хорошо отполированной поверхностью и железный нож с горбатой спинкой длиной 12 см (рис. 2, 5). Густая насыщенность культурного слоя вызывает предположение, что здесь находилось жилище, хотя при расчистке пятна не удалось установить его контуров и конструктивных остатков. Здесь же была обнаружена овальная яма размером 0,70×0,80 м и глубиной 0,40 м, на стенках которой прослеживались следы обжига, а в заполнении — мелкие угли, зола, а также обломки чернолощеной миски и горшка с шероховатой поверхностью. Возможно, что эта яма служила очагом.

При раскопках жилого комплекса было найдено также несколько костей животных.

Их определение, произведенное И. Г. Пидопличко, дало следующие результаты:

Домашние животные	
Бык	16 костей
Лошадь	3 кости
Свинья	5 костей
Мелкий рогатый скот	4 кости
Дикие животные	
Кабан	1 кость
Лось	2 кости
Тур	1 кость

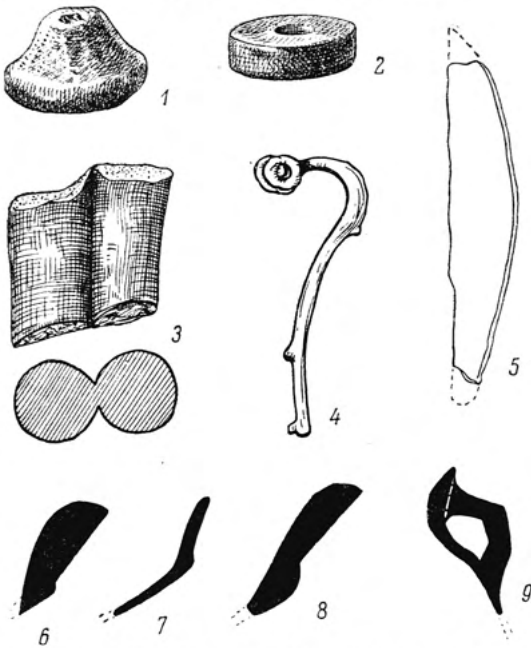

Рис. 2. Находки зарубинецкого времени из раскопок у горы Девица. 1/2 н. в.

Находки зарубинецкой керамики — лощеной и грубой — обнаружены по всему склону и на вершине Девичьей горы. Среди них можно отметить доньшки на кольцевой ножке от мисок с шероховатой поверхностью. Изредка встречались фрагменты сосудов баночной формы, с прямыми вертикальными стенками. Некоторые из них имеют чернолощеную или хорошо сглаженную поверхность, другие — шероховатую и бугристую.

Необходимо отметить также наличие некоторого количества керамики с грубой, как бы рустованной поверхностью, такой же, как у найденной на Пилипенковой горе в г. Каневе.¹ Некоторые из этих сосудов

¹ См. в настоящем сборнике статью: В. А. Богусевич и Н. В. Линка. Зарубинецкое поселение на Пилипенковой горе близ г. Канева.

были украшены налестным валиком с ногтевыми вдавлениями, причем выше валика поверхность сосуда сглаживалась, а ниже — рустовалась.

На всей территории Девичьей горы и на седловине найдены обломки импортной керамики. В большинстве своем это части стенок амфор. Имеются обломки двустольной ручки. Предположительно их можно датировать последними веками до нашей эры и самым началом нашей эры. II в. до н. э. датируется двустольная ручка амфоры, найденная на склоне Девичьей горы (рис. 2, 3). С целью датировки поселения следует отметить также находки 1901 г., обнаруженные В. Гезе. Он нашел медную римскую монету, точнее им не определенную, и сильно профилированную, железную позднелатенскую фибулу I в. до н. э.—I в. н. э. (рис. 2, 4).

Таким образом, на Девичьей горе удалось открыть остатки обширного поселения зарубинецкого типа.

В северной части седловины, между Девичьей горой и Дегтярной, на расстоянии 20 м к северо-западу от описанного выше комплекса находок зарубинецкого типа на глубине 0.50—0.60 м от поверхности был обнаружен другой пункт скопления культурных остатков (раскоп VI). Заложенный здесь раскоп позволил исследовать хорошо сохранившиеся основания двух углубленных в грунт помещений — жилища и хозяйственной постройки (рис. 3). Жилище было углублено в грунт на 0.60 м. Ориентировано оно по сторонам света, имеет форму несколько неправильного прямоугольника: северная и западная стены немного меньше противоположных — южной и восточной. Размеры жилища следующие: восточная стена — 3.66 м, западная — 3.38 м, южная — 3.61 м и северная — 3.38 м. Жилище прорезает слой ярко-желтой твердой глины мощностью в 0.40 м и несколько углубляется (на 0.20 м) в подстилающий слой белого песка.

В северо-восточном углу жилища находилась печь, обращенная своим устьем на юг. Печь сооружена на уровне пола; материалом для постройки служила глина и камень, включенный в стенки и своды. Форма печи прямоугольная, размеры ее 1.50×1.20 м, высота сохранившейся части свода — 70 см. Между стенками печи и стенками жилища имеется промежуток шириною в 0.40—0.50 м. Среди обломков рухнувшего свода печи, среди бесформенных кусков печины были

обнаружены обломки со сглаженной поверхностью и высокими бортами. По-видимому, наверху печи была окруженная бортиками площадка, сделанная для просушки зерна и других хозяйственных целей. Куски печины носят следы пальцев и отпечатки прутьев от деревянного каркаса.

Пол жилища, лежащий на глубине 1.20—1.30 м от современной поверхности, вымазан глиной по всей площади. Вход в жилище находился с западной стороны, против печи: здесь прослежены остатки двух ступенек. Перед входом на уровне древнего горизонта обнаружена площадка, представляющая собой утрамбованную вымостку из песка и глины. Возможно, что эта площадка являлась полом какого-то маленького помещения, на-

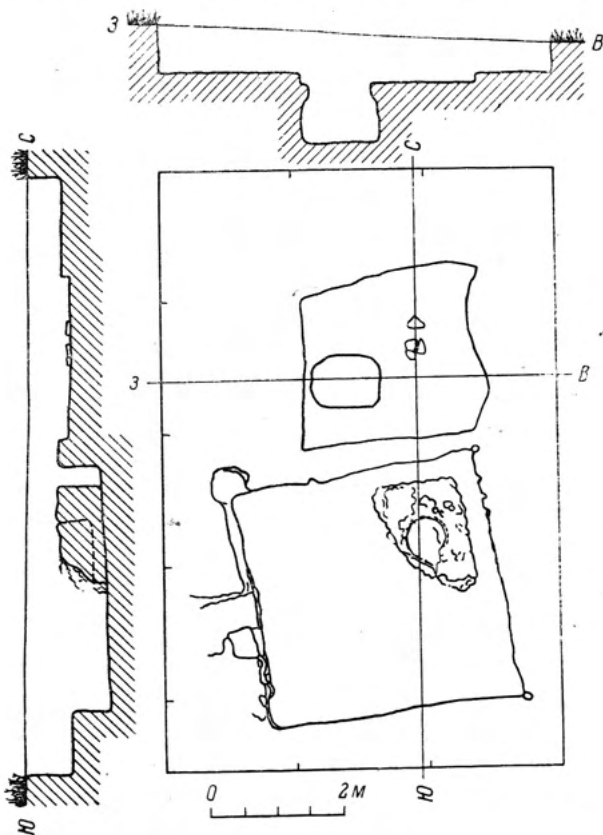

Рис. 3. План первого жилища и хозяйственной постройки. Раскопки у горы Девицы.

ходящегося в жилище, нечто вроде сеней. В западной стене и в юго-западном углу жилища находились какие-то ниши, назначение которых трудно определить. В северо-

восточном и юго-восточном углах жилища обнаружены ямы от столбов. Каких-либо других деталей конструкции жилища не выявлено.

Хозяйственное помещение находилось на том же уровне, что и жилище, но было углуб-

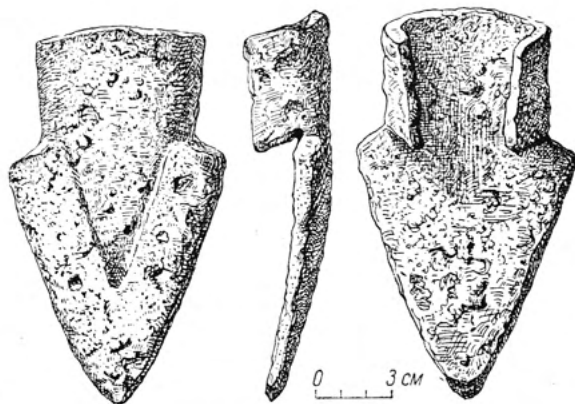

Рис. 4. Железный наральник из хозяйственной постройки у первого жилища. Раскопки у горы Девицы.

лено в грунт всего на 0.20 м. Его ориентировка такая же, как и жилища. Помещение имело форму прямоугольника. Размеры его стен следующие: восточная — 2.4 м, западная — 2.2 м, южная — 2.6 м, северная — 2.66 м. В центре хозяйственного помещения находились обломки жернова из крупнозернистого песчаника диаметром в 60 см и железный наральник (рис. 4).

По своей форме наральник тождествен наральнику из Пастерского городища, датируемому примерно VII—VIII вв. н. э.¹ Он имеет прямые, симметричные плечики, его треугольная лопасть несколько изогнута, по краям лопасти сверху наварены тонкие полосы железа. Размеры наральника следующие: длина — 15.5 см, длина лопасти — 10.5 см, ширина лопасти — 8.5 см, ширина втулки — 6 см. Судя по форме и размерам, наральник являлся рабочей частью пашенного орудия, которое горизонтально подрезывало пласт почвы, а не рыхлило почву под углом. Иными словами, это был наральник плуга, а не рала или сохи.

В западной части хозяйственного помещения обнаружена зерновая яма, вырытая в материковой желтой глине, размером 1.00 ×

¹ Древности Приднепровья, вып. II, Киев, табл. V, рис. 137.

× 0.85 м и глубиной 1 м. Внизу диаметр ямы немного шире, чем сверху, — 1.12 × 1 м, дно покатое от краев к центру. Жилище и хозяйственное помещение не только относились к одному и тому же времени, но и составляли единый комплекс. Это был дом и примыкающий к нему амбар, в котором хранилось зерно и производилось растирание его в муку, а также хранились сельскохозяйственные орудия.

Керамика, обнаруженная при раскопках жилища и хозяйственной пристройки, весьма разнообразна. Здесь имеются фрагменты зарубинецкой посуды, поскольку жилище было вырыто в культурном слое этого времени. Большая часть керамического материала имеет иной характер как по форме, так и по составу теста. Это обломки лепной, толстостенной керамики красноватого или красно-серого цвета с примесью шамота и крупных зерен кварца, часто с рыхлым тестом, с бугристой поверхностью, неравномерного, иногда неполного обжига, со стенками толщиной 0.8—1.3 см. К сожалению, ни одного сосуда полностью или в значительной части не сохранилось. Поэтому судить о форме сосудов можно лишь предположительно (рис. 5).

По-видимому, это были горшки двух основных разновидностей. Их общей чертой являются отогнутые наружу венчики, украшенные неглубокими пальцевыми вдавлениями. Одна группа горшков имела хорошо выраженные плечики и прямые или несколько выпуклые, суживающиеся ко дну стенки. Вторая, численно преобладающая группа горшков имела слабо выраженные, покатые плечики и яйцевидное тело. Плоские днища горшков обеих разновидностей однотипны: они выступают за край стенок сосудов.

В печи жилища было найдено 6 обломков таких сосудов. Такого же типа керамика найдена в хозяйственном помещении. Обломки такой керамики встречались по всей седловине между Девичьей и Дегтярной горами, а также и на вершине Девичьей горы.

К северу от хозяйственного помещения обнаружена яма, в заполнении которой встречалась древнерусская гончарная керамика, в частности обломок дна корчаги с рифленой поверхностью. Фрагмент такой же рифленой корчаги встречен на вершине горы. Два фрагмента гончарной керамики XI—XII вв. были найдены в заполнении хозяйственного поме-

щения, куда они попали несомненно случайно.

Другое жилище, одновременное только что описанному, обнаружено в южной части седловины, у подножья Девичьей горы. В этом месте в гумусном слое до глубины 0.40 м встречалась керамика эпохи Киевской Руси, найдены часть железного струга, 4 железных ключа, фрагменты жернова, а также фрагменты лепной керамики. Обращает на себя внимание обломок лепной керамики красноватого цвета, с примесью песка в тесте и со сглаженной поверхностью, орнаментированной четырьмя волнистыми линиями. Подобная орнаментация характерна для славянской керамики VIII—IX вв., происходящей из поселения у с. Лука-Райковецкая Житомирской обл.

На глубине 1.10 м обнаружили контуры жилища — полуземлянки. Жилище было углублено в грунт на 1 м от древнего уровня и на 2.2 м от современной поверхности. Оно ориентировано с северо-запада на юго-восток, его размеры — 4.5 × 4.35 м. Печь находилась в юго-западном углу жилища, она имела прямоугольную форму и была обращена устьем на северо-восток (рис. 6). Свод печи вылеплен из красной и синеватой глины; размер печи — 1.00 × 1.20 м, ширина устья 0.35 м, высота сохранившейся части свода 0.50—0.60 м. Под печи находился на уровне пола жилища. На полу у печи с правой стороны от устья находилась предпечная яма размером 0.50 × 0.60 м и глубиной 0.40 м. Между печью и стенками землянки имелся просвет шириной 0.20—0.30 м. Наверху печи были бортики из глины с рубчиками по краю; очевидно, и здесь на печке имелся род противня. Вдоль северо-западной и юго-восточной стен землянки находились земляные скамьи, вырезанные из глинистого грунта и возвышавшиеся над уровнем пола на 0.20—0.30 м. Ширина скамей у северо-западной стенки — 0.80 м, у юго-западной и юго-восточной — 0.40 м. Вход в землянку находился, по-видимому, в северо-восточной стенке, которая разрушена старой ямой. Следов от столбов и других элементов конструкции наземной части жилища не обнаружено.

Так же как и в предыдущем жилище, в заполнении второй полуземлянки найдены обломки различной керамики. Здесь было несколько фрагментов чернолощеной и грубой зарубинецкой посуды. Но преобладала грубая лепная керамика с шамотом в тесте,

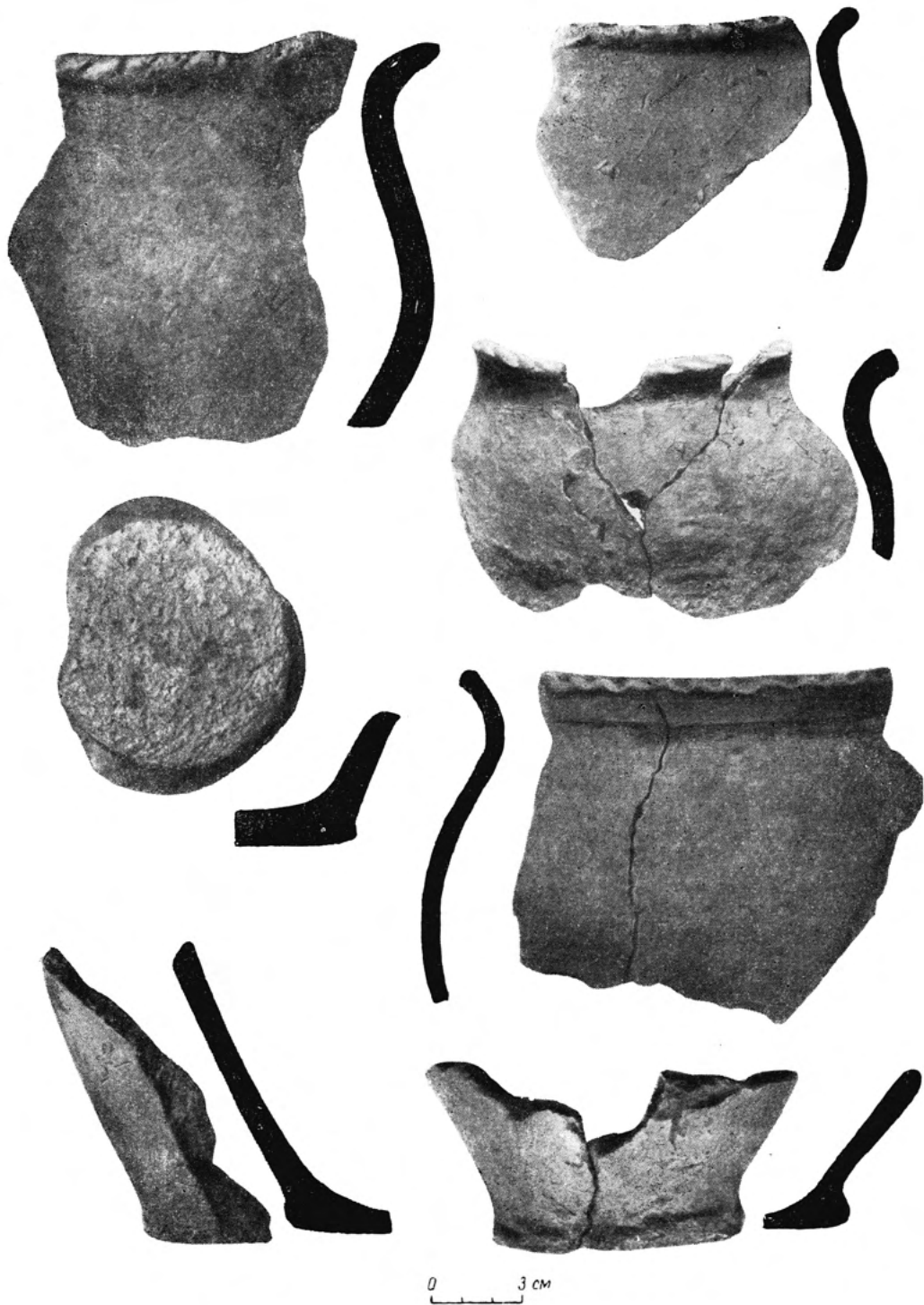

Рис. 5. Керамика из землянок, открытых у горы Девица.

с бугристой поверхностью и отогнутыми наружу венчиками. В печи находилось 68 обломков такой керамики, представляющих

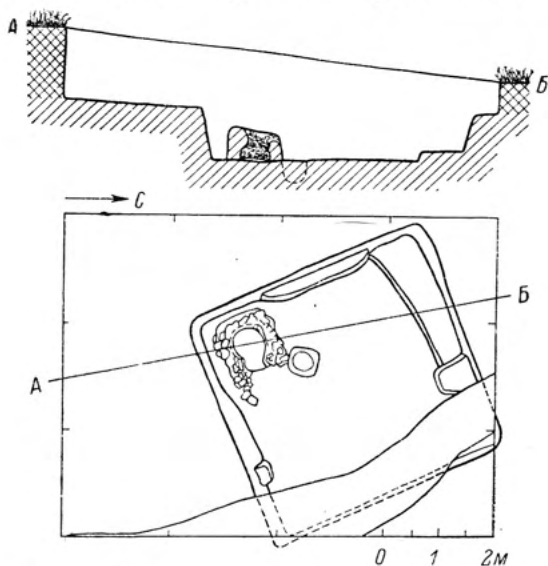

Рис. 6. План второго жилища. Гора Девица.

собой части 5 горшков, венчики которых были украшены по краю неглубокими пальцевыми вдавлениями (рис. 5).

В печи был найден также один обломок чернолощеного сосуда с остатком круглой ручки, попавший сюда, вероятно, случайно. На полу найдена костяная проколка.

Третье жилище открыто в седловине между Девичьей горой и Дегтярной, к северо-западу от первого жилища. По устройству оно оказалось идентичным двум предыдущим, но сохранилось очень плохо, так как материк здесь был песчаным и стенки жилища оползли. Контуры жилища можно было определить только по более темному цвету песка и по находкам керамики и других культурных остатков. Жилище было ориентировано с северо-запада на юго-восток, его размеры — 4×4.20 м. Вход в жилище находился, вероятно, с юго-восточной стороны, на что указывает площадка из песка с глиной за чертой жилища, такая же, как и у входа в первое жилище. Никаких следов деревянных конструкций в жилище не сохранилось (рис. 7). Печь находилась в юго-западном углу. Ее устье обращено на северо-восток. Она была построена из глины с включением камней в стенки и своды; форма ее прямоугольная, размер 1.20×1 м, сохранилась

она на высоту 0.40 м. Под печи находился на уровне пола, предпечной ямы не обнаружено. Между печью и стенками жилища имеется просвет шириной 0.20—0.30 м.

В заполнении третьего жилища найдено несколько обломков керамики зарубинецкого типа и свыше 100 обломков керамики с бугристой поверхностью и шамотом в тесте. В печи оказалось более 80 фрагментов от 19 сосудов (рис. 8).

Открытые под Девичьей горой полуземляночные жилища очень близки славянским жилищам, известным в Среднем Поднепровье второй половины I тысячелетия н. э., например жилищам Волынцевского поселения на Сейме,¹ а также жилищам роменско-боршевских городищ. Керамика из землянок у с. Сахновки, особенно сосуды с выраженными плечиками, по формам, профилировке, тесту и обжигу, очень походят на лепную керамику роменского типа. Они имеют также близкое сходство с посудой из поселения на

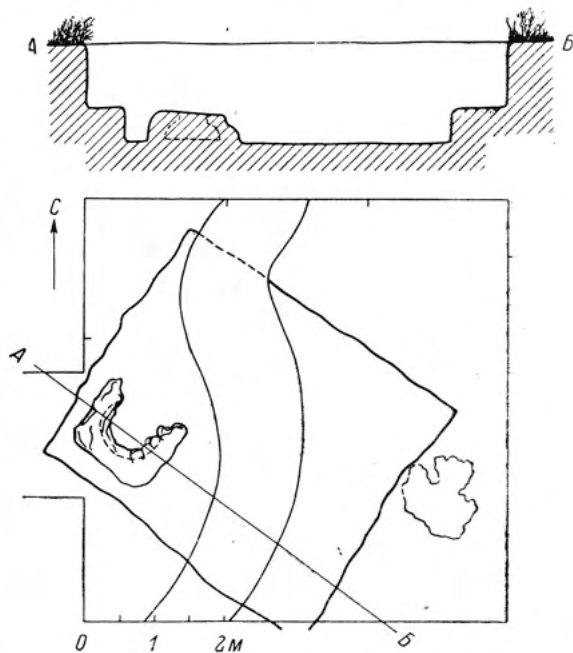

Рис. 7. План третьего жилища. Гора Девица.

урочище Запасека у с. Райки Житомирской обл., которое предположительно датируется серединой или началом второй половины I ты-

¹ Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путивльського району Сумської області. АП УРСР, т. III, стр. 242—250.

сячелетия н. э. Железный наральный из хозяйственного помещения подобен по своим формам наральникам VII—VIII вв. У этого же помещения были найдены обломки корчаг с рубчатой поверхностью, датированных второй половиной I тысячелетия н. э.

Найденные в заполнении и печах этих жилищ грубые глиняные сосуды, по некото-

рой печи; здесь же находились фрагменты грубой лепной керамики с примесью шамота в тесте. В других шурфах и траншеях встречались только отдельные фрагменты сосудов. Необходимо отметить, что зарубинецкая посуда здесь отсутствует. Исследования показали, что поселение почти полностью разрушено действием воды и ветра.

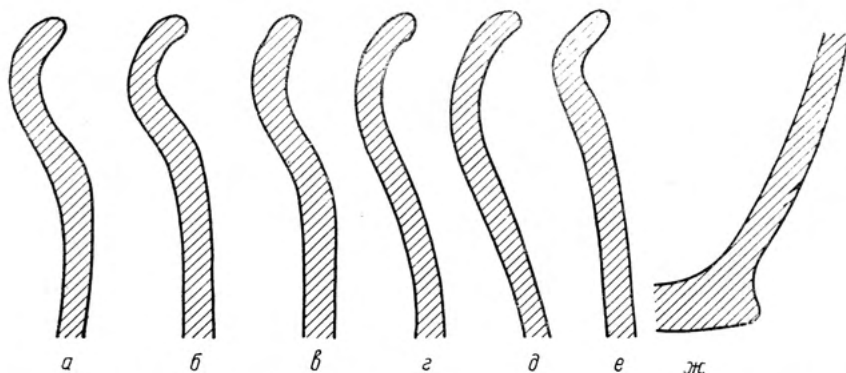

Рис. 8. Профили сосудов из печи третьего жилища. Гора Девица. 1/2 н. в.

рым признакам напоминающие зарубинецкую керамику или посуду из древних волынских курганов с трупосожжением (покатые плечики, округло вытянутый профиль, наибольший диаметр сосуда на середине его высоты), позволяют предположить, что землянки, обнаруженные у Сахновки, могут быть несколько старше как роменско-боршевских, так и волынцевских, относясь по времени к VI—VIII вв.

При раскопке всех трех землянок найдены костные остатки животных, определенные И. Д. Пидопличко. Результаты определения приведены в таблице.¹

Второе поселение такого же облика было открыто на расстоянии 0.5 км к югу от места первых раскопок в сходных топографических условиях — на седловине между горами Лысой и Городищем. Это урочище называется местным населением «Базар». Здесь на песчаном выдуве было найдено большое количество мелких фрагментов керамики, обкатанных песком и водой, стекающей с высот во время дождя и таяния снегов. В местах, где сохранился дерновый слой, были заложены шурфы и небольшие траншеи. В одном месте в шурфе оказались остатки совсем разрушен-

Третье поселение, подобное предыдущим, обнаружено в 2 км к северо-востоку от горы Девицы, на урочище Гончариха. По своим топографическим условиям это поселение сильно отличается от обоих предыдущих. Если два первые обнаружены на коренном берегу Роси, на седловинах между «горами», то поселение на урочище Гончариха расположено на пойме реки. Урочище Гончариха представляет собой песчаную возвышенность длиной около 1 км и шириной около 0.5 км, вытянутую с севера на юг и ограниченную

Наименование животных	Количество костей		
	жилище I	жилище II	жилище III
Домашние животные			
Бык	20	20	51
Лошадь	28	10	9
Свинья	8	4	6
Мелкий рогатый скот	3	8	6
Дикие животные			
Кабан	1	15	5
Лось	1	1	1
Медведь	1	—	—
Олень благородный	2	—	—
Заяц	—	1	—

¹ При таком небольшом числе костных остатков вычисления количества особей не может быть дано.

с восточной стороны современным руслом Роси, а с юга — старым ее руслом. Со всех сторон эта местность окружена топкими болотами и заводями. Северная часть возвышенности поросла лесом и кустарниками, центр распахивается, южная часть поросла травой.

В центральной части возвышенности на поверхности пахоты было найдено большое количество грубой лепной керамики, такой же, как на двух предыдущих поселениях, кусочков пачины, углей, железных и керамических шлаков. Находки встречаются не равномерно, а составляют скопления, хорошо заметные на поверхности пахотного слоя. В разных частях на поверхности удалось отметить 14 таких скоплений.

Для изучения характера культурного слоя на поселении было заложено несколько шурфов. В них встретилась грубая керамика с шамотом, а также обломки сосудов эпохи бронзы и раннего железа. В одном из шурфов на глубине 0.60 м найдена бронзовая пряжка эллипсоидной формы с рубчиками (гофрировкой) по корпусу, с гнездом (ограничителем) для язычка; покатый с двух сторон язычок выступает за пределы корпуса. Тождественная пряжка известна на Северном Кавказе, она датируется А. А. Иессеном V—VI вв. н. э.¹

В другом шурфе на самой возвышенной части поселения на глубине 0.80 м обнаружены следы жилища, подвергшегося раскопкам. Жилище было несколько углублено в грунт. Его контуры и размеры почти не улавливались, так как стенки жилища, выкопанного в песчаном грунте, оползли и деформировались. Однако все же видно, что жилище было ориентировано с востока на запад; его размеры составляли приблизительно 5×4 м.

В северо-восточном углу помещения находилась прямоугольная, с несколько закругленной задней стенкой печь, обращенная своим устьем на юг. Печь сохранилась сравнительно хорошо, обвалился только свод; она была вырезана в четырехугольном блоке глины и обложена по нижнему краю рядом небольших камней, такие же камни были включены в стенки и своды печи. Размеры печи — 1×1 м, высота сохранившейся части стенок — 0.70 м, ширина устья — 0.55 м. Под, размером 0.60×0.60, находился на

уровне пола жилища, предпечной ямы не обнаружено. Пол жилища, открытый на глубине 1.1—1.2 м от современной поверхности, представлял собой утрамбованную площадку, на которой встречались зольные пятна и кусочки углей. Лучше прослеживается пол в центре и возле печи, где на его поверхности имелось больше культурных включений. Хуже он прослеживается по краям, где уровень его несколько возвышался. Место входа в жилище не прослежено, не обнаружено также следов каких-либо деревянных конструкций (рис. 9).

Около жилища и в его заполнении изредка встречались обломки керамики эпохи бронзы, а также несколько обломков посуды времени Киевской Руси. Преобладала грубая лепная керамика с бугристой поверхностью и шамотом в тесте. В заполнении жилища найдены обломки сковороды с толстым дном и высоким (4.5 см) бортом. Несколько обломков грубой керамики этого же типа найдено в печи жилища.

Кроме керамики, в заполнении жилища найдена железная проколка с костяной ручкой, железный ложкар, плоское глиняное прясло, обломок медного проволочного колечка и в печи — глиняное изделие в виде утюжка.

Определение костных остатков животных, встреченных при раскопках на урочище Гончариха, дало следующую картину:

Домашние животные	
Бык	18 костей
Лошадь	12 »
Свинья	10 »
Мелкий рогатый скот	10 »
Дикие животные	
Лось	1 кость
Медведь	2 кости

ПОСЕЛЕНИЕ ЗАРУБИНЕЦКОГО ТИПА В С. МЕЖИРИЧ

Село Межирич расположено на левом берегу р. Рось при впадении в нее р. Росавы. Левый коренной берег Роси здесь представляет собой цепь крутых возвышенностей, тянущихся в направлении с северо-востока на юго-запад. При археологических обследованиях, проведенных здесь в 1949 г., на территории с. Межирич были обнаружены остатки нескольких древних поселений раз-

¹ МИА, № 3, 1941, табл. 3, рис. 10.

ного времени. Центр с. Межирич находится на первой надпойменной террасе.

В южной части села на первой надпойменной террасе, на огородах, примыкающих к школьному двору, были найдены в небольшом числе обломки лепной керамики, напоминающие посуду зарубинецкого типа.

При обследовании «Городища» встречены немногочисленные обломки лепных сосудов красного цвета с шероховатой поверхностью и примесью песка в тесте и один целый такой сосуд, обнаруженный в обнажениях на глубине 0.70 м (рис. 10). В сосуде, стоявшем вверх дном, находилось несколько

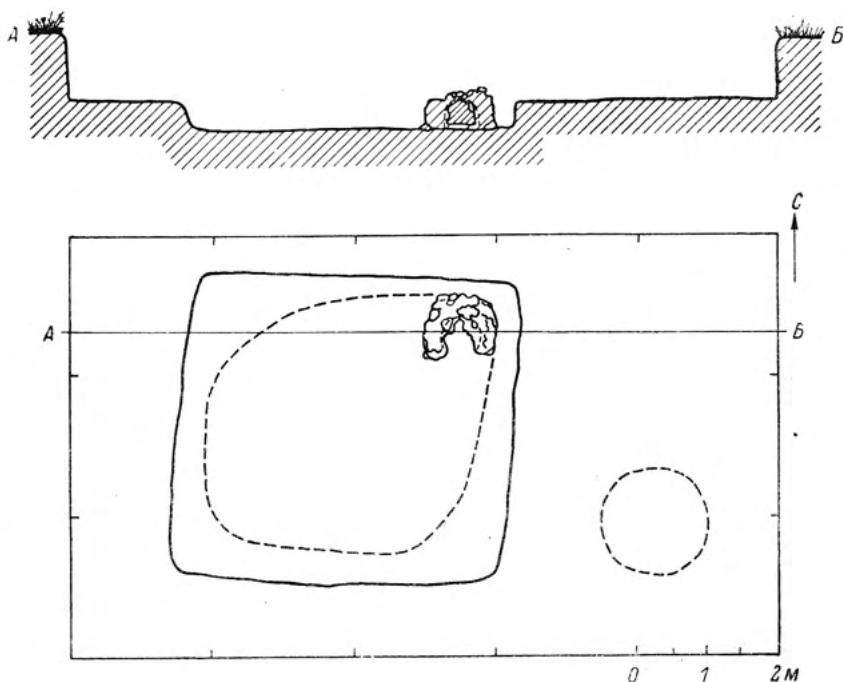

Рис. 9. С. Сахновка. Урочище Гончариха. План жилища.

К юго-западу от центра села, на высотах коренного, левого берега, на территории колхозного шелковичного сада обнаружены следы поселения скифского времени. На поверхности здесь встречаются черепки лепной посуды из серой глины с наленными валиками по краю венчика и проколами под ним. Заложённые на этой территории две траншеи обнаружили на глубине от 0.40 до 0.60 м слабо насыщенный культурный слой, содержащий керамику и кости животных. Наряду со скифской керамикой встречено несколько обломков посуды эпохи бронзы.

Один из отрогов коренного берега, находящийся к западу от центра села, называется «Городищем». Северный, восточный и южный склоны этой возвышенности круто спускаются к пойме; вверх склоны террасированы. С западной стороны имеется ров до 1.5 м глубины, отделяющий «Городище» от плато коренного берега.

мелких фрагментов лепных сосудов; возле него — такие же черепки, угольки, кости животных и несколько закопченных камней.

На этом месте был заложен небольшой раскоп (32 кв. м). На глубине 1 м обнаружили контуры двух пятен, при расчистке которых выявились остатки двух углубленных в грунт ям. Одна из них имела диаметр 0.8 м; другая, расположенная на расстоянии около 3 м от первой, была диаметром около 1.2 м. Обе ямы были углублены в грунт на 0.80 м. В ямах встречены черепки посуды зарубинецкого типа, кости животных (среди которых были обугленные), угли и закопченные камни, наводящие на мысль, что ямы являлись очагами. Вокруг ям не было обнаружено никаких конструктивных остатков, которые позволили бы говорить о наличии здесь жилых сооружений. Кости животных, найденные при раскопках на городище, по определе-

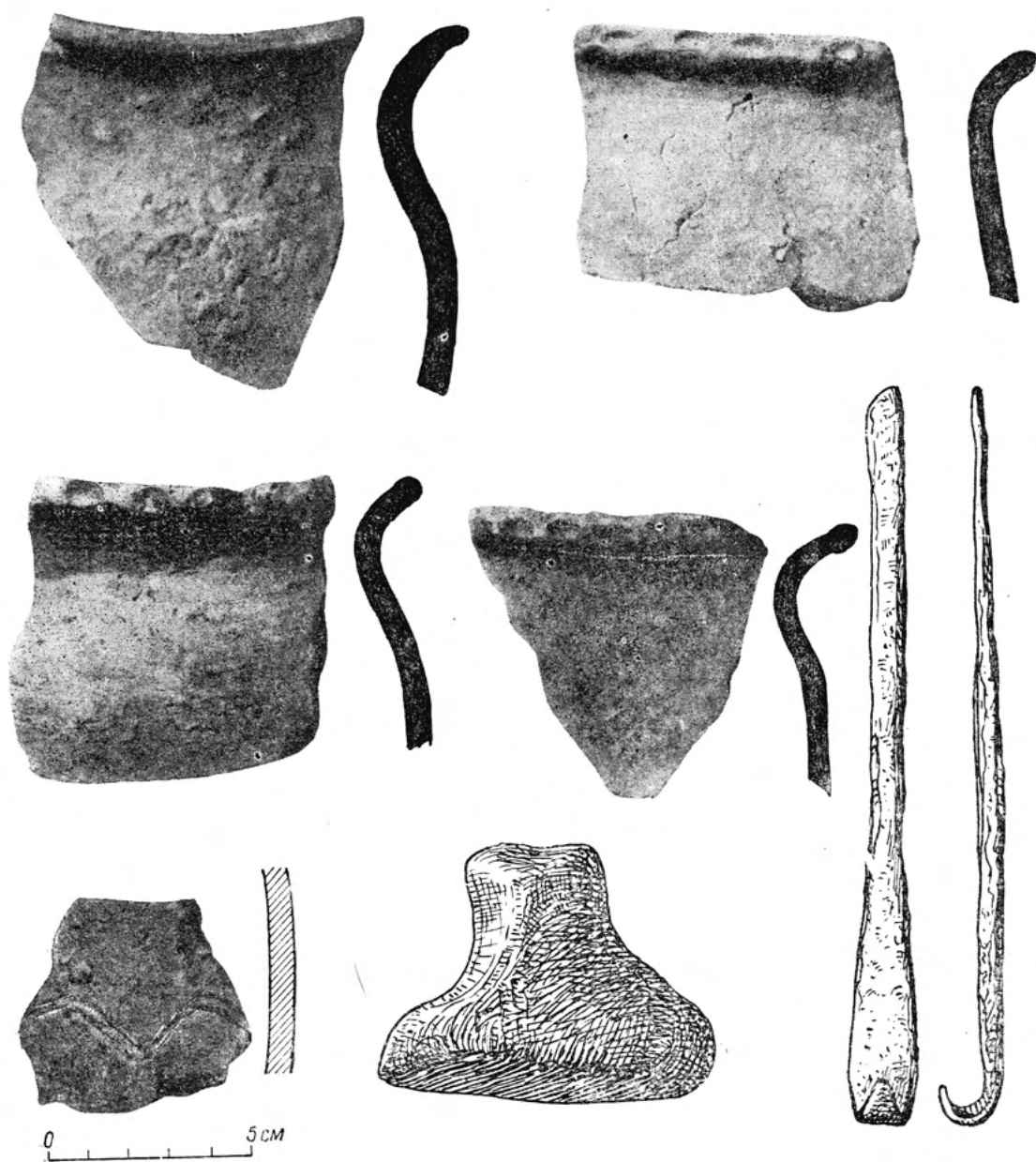

Рис. 10. С. Сахновка. Урочище Гончариха. Находки.

нию И. Г. Пидопличко, относятся к следующим видам:

Домашние животные

Бык	25 костей
Лошадь	1 кость
Свинья	2 кости
Мелкий рогатый скот	2 »

Дикие животные

Кабан	1 кость
-----------------	---------

находилась только зарубинецкая керамика.

Зарубинецкая керамика, найденная на «Городище» в с. Межирич, представлена как лощеной, так и грубой лепной посудой (рис. 11). Здесь имеются обломки мисок и горшков, обычных для зарубинецкой посуды.

Найдена также часть круглой дисковидной крышки или сковороды из желтой

Рис. 11. С. Межирич. Находки на «городище».

Среди находок, обнаруженных при раскопках на «Городище», имеется некоторое число обломков посуды скифского времени. Но большинство керамики относится к зарубинецкой культуре. В очажных ямах

глины толщиной в 1 см, подлощенная с одной стороны.

Таким образом, «Городище» в с. Межирич оказалось принадлежащим к зарубинецкой культуре.

В. А. Богусевич и Н. В. Липка

ЗАРУБИНЕЦКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ПИЛИПЕНКОВОЙ ГОРЕ БЛИЗ г. КАНЕВА

Поселения зарубинецкой культуры почти всегда располагались на возвышенных местах, обычно на отрогах высоких коренных берегов рек, окруженных крутыми склонами. Такие места в эпоху древней Руси нередко использовались для сооружения укрепленных городков или княжеских замков. Это обстоятельство наводит на мысль, что зарубинецкие поселения также были укрепленными, хотя в области Среднего Поднепровья характер их укреплений остается невыясненным.

Несколько зарубинецких поселений и могильников известно на отрогах правого коренного берега Днепра. В таких условиях располагается Зарубинецкий и Корчеватовский могильники, Пироговское и Ходосовское городища, поселения у с. Великие Дмитровичи и др. В подобных же условиях располагается зарубинецкое поселение на Пилипенковой горе около Канева, обследованное в 1948 г. Институтом археологии Академии наук УССР.

Остатки поселения зарубинецкой культуры на Пилипенковой горе у г. Канева были впервые обнаружены в 1945 г. археологической экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР и Института археологии АН УССР, возглавляемой Т. С. Пассек.¹ Кроме зарубинецких древностей, на этом месте были найдены остатки трипольской культуры и эпохи бронзы, но, по наблюдениям Т. С. Пассек, материалы зарубинецкого времени численно значительно преобладали над более древними.

Пилипенкова гора находится в 4 км к югу от центральной горы г. Канева, почти

непосредственно примыкая к окраине города. Она представляет собой высокий отрог правого коренного берега Днепра, ограниченный с юга и запада глубокими оврагами, по дну которых протекают ручьи. Площадь отрога составляет около 15 000 кв. м. По форме площадь отрога прямоугольная, вытянутая вдоль берега Днепра. В настоящее время поверхность горы занята огородами.

В 1948 г. Институт археологии АН УССР предпринял на Пилипенковой горе небольшие раскопки, руководство которыми осуществлял В. А. Богусевич. На юго-восточном участке Пилипенковой горы, примыкающем к берегу Днепра, было заложено несколько траншей общей площадью 150 кв. м.¹

Несмотря на небольшие размеры исследованной площади, на Пилипенковой горе удалось обнаружить остатки нескольких наземных жилищ, относящихся к зарубинецкой культуре. Они лежали в слое чернозема на глубине 0.20—0.70 м. Четыре жилища были расположены по линии север—юг, в среднем на расстоянии 10 м друг от друга. Точно определить контуры и размеры этих жилищ не удалось; от них сохранились лишь остатки очагов, сопровождаемые скоплениями обломков глиняной посуды и костей животных. В жилищах 1 и 2 обнаружены остатки очагов, сложенных из небольших камней. Лучшее сохранился очаг в жилище 2. Его размеры составляли 2×2 м, он имел подковообразную форму и высоту 0.40 м. Вокруг очага имелась вымостка из мелких камней. Внутри очага лежали мелкие кусочки печины, уголь и обломки со-

¹ Т. П а с с е к. Пороська археологічна експедиція 1945 р. АП УРСР, т. I, Київ, 1949.

¹ В. А. Богусевич. Канівська археологічна експедиція. АП УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 144, рис. 1.

судов. В жилище 1 у очага находилась яма, содержащая золу, уголь, кости животных, обломки керамики и 4 пирамидальных грузила из слабо обожженной глины.¹

Особый интерес представляли собой остатки жилища 4, которое было слегка углублено в землю. При раскопках удалось проследить его западную стенку длиной в 6 м. Стенки жилища были сооружены, вероятно, из плетня, обмазанного глиной. Куски глиняной обмазки с отпечатками жердей и прутьев найдены на полу жилища. В северной части жилища сохранились под глинобитной печью и остатки стен, сложенных на деревянном каркасе. Печь имела размеры около 0.80×0.80 м и форму неправильного четырехугольника.

К востоку от жилища 4 находилась хозяйственная яма неправильной формы, глубиной около метра. В яме был уголь, кости животных и фрагменты керамики.

В раскопе, заложенном на юго-западном склоне горы, обнаружены остатки трех сильно разрушенных очагов. Вокруг них находилось скопление железных шлаков. Возможно, что здесь, на окраине поселка, было сосредоточено железоделательное производство.

На поселении обнаружено значительное количество костей животных, среди них преобладают кости домашних животных — быка и свиньи, встречаются кости дикого кабана.

Керамика, найденная при раскопках 1948 г., распадается на несколько групп. Ее состав и количественное соотношение представлены на следующей таблице:

Керамика зарубинецкая:	
с лощеной поверхностью	18%
с шероховатой сглаженной поверхностью	41%
с шероховатой бугристой поверхностью	26%
Керамика импортная:	
зарубинецкого времени	9%
керамика трипольская и эпохи бронзы	6%

Этот цифровой материал свидетельствует о преобладании керамики зарубинецкого типа при небольшой примеси импортной, преимущественно амфорной керамики. Фрагменты трипольских сосудов встречены лишь один

раз. Наличие небольшого количества керамики эпохи бронзы заставляет высказать предположение о существовании на Пилипенковой горе поселения этой эпохи. Керамика эпохи бронзы встречалась как вне жилищ, так и в заполнении последних, что совершенно естественно, поскольку жители зарубинецкого поселения нарушили более древний культурный слой. Характер керамики эпохи бронзы с Пилипенковой горы, обнаруженной в 1948 г., полностью совпадает с материалами, которые были опубликованы Т. С. Пассек.¹

В последних столетиях до нашей эры на Пилипенковой горе возникло поселение зарубинецкой культуры, оставившее целый поселок с описанными выше жилищами.

Керамика зарубинецкой культуры, найденная на Пилипенковой горе, находит ближайшие аналогии в материалах из Зарубинецкого и Корчеватовского могильников и ряда других зарубинецких памятников на территории Среднего Поднепровья.

Особенно типична керамика с лощеной поверхностью, лепная, черного цвета, часто с коричневым оттенком в нижней части сосудов. Поверхность ее хорошо сглажена, но лощение не доведено до шелковистого глянца, как, например, на керамике из Сахновки, и не создает впечатления тонкой обработки.² В тесте имеется примесь песка, иногда мелкого кварца, глина хорошо промешана, обжиг полный, равномерный, толщина стенок 0.3—0.7 см. Такая керамика встречалась во всех упомянутых выше жилищах и очагах.

Формы лощеных сосудов очень немногочисленны. Преобладают миски — их более 20 штук. Лишь одна из них сохранилась почти целиком, от других остались обломки. Эти миски имеют ряд характерных черт. Венчики их прямые, без всяких изгибов, скошены наружу. Под венчиком находится четкий перехват, часто достаточно резкий, иногда подчеркнутый вдавленной линией. Внутренний скос венчика обычно имеет несколько граней (рис. 1). Некоторые из мисок этой формы были очень низкими — до 5 см высоты.

¹ В. А. Богусевич. 1) Древнейшее славянское поселение на Пилипенковой горе. Тр. Канівськ. біолог. запов., № 8, 1950, стр. 5—10; 2) Канівська археологічна експедиція. АП УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 141—153.

¹ Т. С. Пассек. Селища эпохи бронзы в районе Канева. КСИИМК, вып. XXV, стр. 42—49.

² В. И. Довженко и Н. В. Линка. Раскопки раннеславянских поселений на р. Рось (см. настоящий сборник, стр. 103).

Только две миски имели острореберный профиль. Высота одной из них — 8 см, диаметр дна — от 5 до 7 см, диаметр венчика — 12.3 см, толщина стенок — 0.5 см.

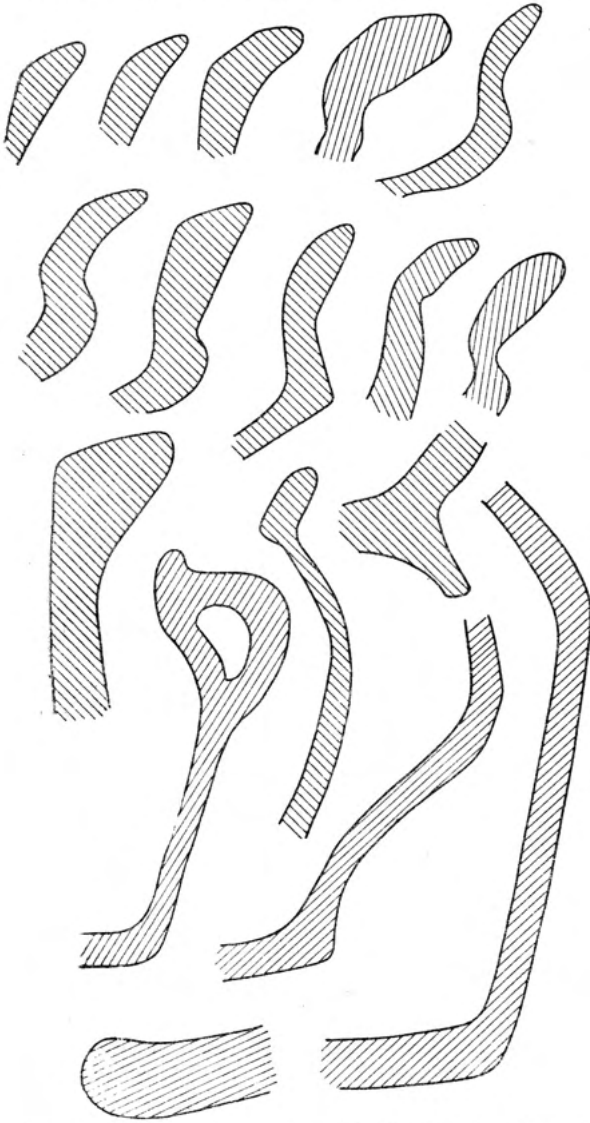

Рис. 1. Пилипенкова гора. Профили лощеных сосудов. 2/3 н.в.

Горшковидные сосуды с лощеной поверхностью представлены четырьмя обломками. Два из них принадлежали маленьким сосудам (высота одного — 8 см, диаметр 7 см) с ручкой-ушком (рис. 1).

К лощеной посуде несколько иного характера следует отнести обломки сосудов из серовато-желтой глины с не совсем ровной,

но довольно хорошо подлощенной поверхностью. Они принадлежат очень большому широкому сосуду, вероятно зерновику или корчаге, со стенками толщиной 1—1.5 см. Верхний край венчика уплощенный, горизонтальный, шириной в 2 см (рис. 1).

Из желтой глины были сделаны также массивные, круглые сковороды или крышки, подлощенные с одной стороны и шероховатые с другой, диаметром 8—12 см, толщиной 1.8—2 см; края их закруглены и слегка утолщены. Эти дисковидные изделия также очень типичны для зарубинецких памятников.

Изучение керамики с шероховатой поверхностью, происходящей из зарубинецких памятников, представляет значительные трудности. Сходная лепная керамика бытовала у населения Приднепровья чрезвычайно долгое время. И формы, и техника изготовления, и орнаментация этих сосудов почти не менялись в течение многих столетий. С небольшими вариациями, о которых бывает трудно судить по фрагментам, такие сосуды встречались начиная от скифского времени и до последней четверти I тысячелетия н. э. Выделить из этой керамики те виды, которые были присущи только зарубинецкой культуре, возможно лишь путем изучения более или менее значительных комплексов и широкого сопоставления материалов из различных пунктов.

На Пилипенковой горе более двух третей керамики зарубинецкого типа составляет посуда с шероховатой поверхностью, представленная в большинстве случаев незначительными фрагментами. Среди них имеются обломки прямых, часто скошенных наружу венчиков, по верхнему краю почти всегда украшенных грубыми зацепками или косыми насечками. Диаметр горла сосудов иногда очень велик — до 40 см и более. Стенки сосудов плавно выгибаются наружу, плечики выражены слабо, профиль сосудов имеет округло-вытянутые, яйцевидные очертания, причем высота сосудов, по-видимому, несколько превышает их диаметр. Плоское дно узко — от 7 до 13 см в диаметре. Сосуды очень массивны, толщина их стенок 0.7—1.5 см, а около доньшек — до 2 см. В тесте значительная примесь песка, кварца и шамота. Обжиг неравномерный, часто неполный (рис. 2).

Никакого орнамента сосуды этого типа не имеют. Лишь некоторые из них (числом до 15)

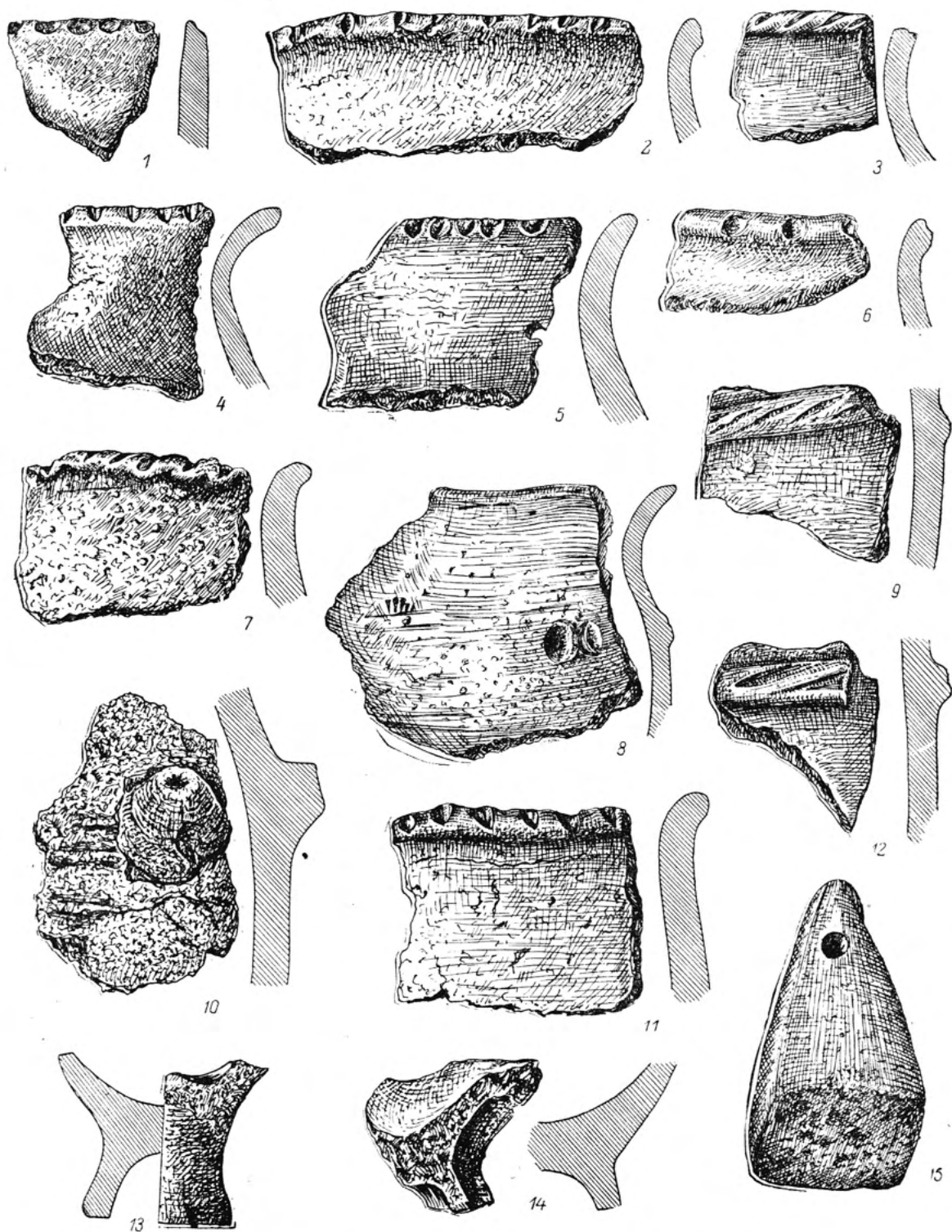

Рис. 2. Пилипенкова гора. Грубая керамика. 1/2 н. в.

имели подобие орнамента — нарочито грубую, бугристую, как бы рустованную поверхность. На обломках этих сосудов совершенно ясно обнаруживается, каким способом сделано такое украшение: на сглаженную и просушенную поверхность сосуда наносился мазками слой грубой, неотмученной глины, который иногда проглаживался пальцами по горизонтали, отчего оставались рельефные параллельные линии. Затем сосуд обжигался.

Среди керамики с бугристой поверхностью имеются обломки трех сосудов, снабженных по наиболее выпуклой части округлыми или овальными выступами (рис. 2). Два обломка имеют налепной валик с косыми вдавлениями, причем выше валика поверхность сосуда сглажена, а ниже рустована. Прием чередования сглаженных и рустованных частей поверхности сосудов отмечен в керамике зарубинецкого типа из Сахновки.

Кроме вышеописанных горшковидных сосудов, керамика с шероховатой поверхностью была представлена еще несколькими формами, встречающимися значительно реже. Так, два сосуда имели суженное высокое горло; их можно назвать кувшинами. В числе сосудов с шероховатой поверхностью были также миски, от которых сохранились характерные доньшки на кольцевой ножке. Одна из них имела высоту 3 см, в диаметре 4.2 см. В жилище IV найдены обломки двух миниатюрных глиняных сосудиков с вертикальными стенками в форме стаканов; у одного из них сохранилось дно диаметром 4.5 см.

Импортная керамика Пилипенковой горы немногочисленна и относительно однородна. По определению специалистов, она может быть отнесена к эллинистическому времени, в основном к его более позднему периоду, примерно ко II—I вв. до н. э. Так, здесь найдены три обломка двухствольных амфор-

ных ручек, датируемых II в. до н. э., дно остродонной амфоры, часть горла амфоры с утолщенным венчиком того же времени и др. На двух амфорных ручках имеются клейма: одно в виде двух concentрических кружков, другое — в виде квадрата с вписанным в него кругом, в котором изображен крест на раздвоенном основании. По определению Б. Н. Гракова, эти клейма также можно отнести к эллинистическому периоду. Тем же временем датируется небольшой обломок чашки, покрытой красно-бурым лаком.

Кроме керамики, при раскопках на Пилипенковой горе были найдены однозубый железный гарпун для рыбной ловли и четыре глиняных пирамидальных грузила с квадратным основанием и отверстием в верхней части, высотой 10 см. Слабый обжиг этих изделий заставляет предполагать, что это были грузила для ткацкого станка. Они были найдены в очаге жилища 1.

Хронологическая классификация памятников зарубинецкого типа еще не разработана. Несомненно, что в течение последних веков до нашей эры и начала нашей эры зарубинецкая культура не оставалась неизменной. Поселение на Пилипенковой горе относится к раннему периоду существования зарубинецкой культуры, о чем свидетельствует комплекс импортной керамики, принадлежащий эллинистическому времени. К сожалению, раскопки на Пилипенковой горе дали очень незначительный материал, исключающий возможность на его основании характеризовать ранний этап зарубинецкой культуры. Возможно лишь предполагать, что в керамическом материале наиболее характерными ранними особенностями будет форма лощеных мисок, предшествующая реберчатым, а также рустованная поверхность грубых лепных сосудов.

И. Н. Третьяков

ЧАПЛИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

1

В результате археологических исследований последних лет удалось установить, что памятники раннеславянской, так называемой зарубинецкой культуры, относящиеся к последним векам до нашей эры и к началу нашей эры, распространены не только в Среднем Поднепровье, где они впервые были обнаружены в конце 90-х годов прошлого столетия, но и значительно севернее — на широких пространствах бассейна Верхнего Днепра. Зарубинецкую культуру в свете новых данных следует рассматривать не как локальное явление, свойственное одной из групп древних славянских племен, а как культуру, присущую в свое время населению всей основной восточнославянской территории.

В 1951—1953 гг. группа зарубинецких памятников была обнаружена на правом берегу Днепра, на участке между устьем Березины и устьем Припяти.¹ На одном из них — городище у с. Чаплин Лоевского р-на Гомельской обл., около которого предполагается большое «погребальное поле», — были произведены значительные раскопки. В итоге раскопок получен большой и разнообразный материал, впервые позволяющий обрисовать с достаточной полнотой экономическую жизнь, быт и культуру славянских племен Поднепровья в последние века до нашей эры и в начале нашей эры.

С. Чаплин, у окраины которого расположено городище, находится в 35 км к югу от г. Речицы, на дороге, идущей из Речицы в Лоев по краю правого берега Днепра. Высокий коренной берег Днепра здесь круто обрывается к пойме реки. Русло реки ме-

стами близко подходит к подножию коренного берега, местами же отходит от него на 2—3 км. Широкая днепровская пойма изобилует заболоченными местами, старицами и протоками. Коренной берег прорезают многочисленные овраги, по дну некоторых из них текут ручьи.

Городище расположено в 150 м от восточной окраины села, в местности, называемой «Березниками», влево от упомянутой дороги Речица—Лоев. Местом городища является продолговатый мыс коренного берега, образовавшийся в устье небольшого оврага с разветвленной вершиной. Своей северной стороной городище обращено к пойме Днепра; восточную и южную стороны ограничивают овраги. С западной восточной стороны городища сохранился вал высотой около 3 м и следы заплывшего наружного рва. Отрог оврага, ограничивающий место городища с юго-востока, образовался сравнительно недавно. В древности его не существовало, что показало изучение профиля рва за валом городища.

Длина площадки городища с востока на запад составляет 75 м, ширина в средней части 65—70 м. В древности площадь городища была несколько больше. Она сократилась за счет оползания склонов — главным образом в сторону поймы Днепра. Над уровнем поймы площадка городища возвышается на 15—16 м (рис. 1).

В настоящее время русло Днепра находится не менее чем в 1,5 км от подножия городища. Но в древности картина была иной, о чем свидетельствует большая заполненная водой старица, находящаяся всего лишь в 30 м от подножия коренного берега.

Некоторое представление о культурном слое городища было возможно получить на основании осмотра обнажений, имеющих

¹ Карта зарубинецких памятников №№ 38—43, стр. 29—30.

на северном и восточном склонах городища. Повсюду здесь обнажается черный углистый слой, по структуре песчаный, мощностью от 0.20 до 1 м. В слое встречаются угольки, зола, обломки глиняной посуды, расколотые камни и кости животных. В целом слой может быть охарактеризован как интенсивный и насыщенный культурными остатками. Подстилающие культурный слой горизонты сложены из белого рыхлого песка, лежащего на тяжелом и плотном суглинке, из которого в этом месте состоит толща коренного берега. Мощность слоя песка неравномерна, она колеблется в пределах от 0.30 до 0.80 м. За валом городища и на других соседних участках коренного берега никаких признаков культурного слоя, одновременного культурному слою городища, обнаружено не было.

На расстоянии 100 м к северо-западу от городища, на краю коренного берега, располагается упомянутое выше «поле погребений», обнаруженное в 1951 г. по рассказам местных жителей, сообщивших, что несколько лет тому назад при рытье канавы ими были найдены глиняные сосуды. «Поле погребений» занимает площадь невысокого всхолмления протяженностью 160—170 м и шириной до 30 м (рис. 1).

В продолжение длительного времени площадка городища распаивалась, и там, где культурный слой имеет незначительную мощность, он распахан почти на всю глубину. Наименьшая мощность культурного слоя отмечена в северо-восточной части городища. Небольшой раскоп (40 кв. м), заложенный здесь в 1951 г., и траншея шириной 4 м, проведенная в этой части городища в 1953 г., показали, что культурный слой распахан приблизительно на четвертой части площади городища. Распашке подвергся также и вал городища. На участках, лежащих вдоль вала, культурный слой, распаханый в верхней части, оказался перекрытым слоем земли, сдвинутой с вала.

Ввиду этого для раскопок была избрана наименее пострадавшая — юго-восточная часть площадки городища. В 1951 г. здесь был заложен разведочный раскоп площадью 60 кв. м, показавший, что культурный слой распахан в этой части городища менее чем на половину своей мощности, и давший ряд интересных находок. В 1952 г. здесь вскрыто еще 252 кв. м. Наконец, в 1953 г. на площади городища, считая вместе с траншеями, было исследовано 768 кв. м. Всего за три года

раскопок на Чаплинском городище изучено 1120 кв. м, что составляет около $\frac{1}{5}$ его площади.

Неправильные очертания раскопа являются результатом ряда прирезок к первоначальной прямоугольной площади, вызванных необходимостью исследования остатков жилых и иных сооружений, вышедших за пределы первоначального раскопа.

Мощность культурного слоя в пределах раскопа была неодинаковой. В западной части раскопа, примыкающей к траншее, пересекающей вал, слой достигал толщины 0.80—1.00 м, причем половину его толщи составлял перемешанный материал — распаханый и сползший с вала. В средней, основной части раскопа мощность слоя колебалась от 0.60 до 0.40 м, уменьшаясь в восточном направлении. В восточной части раскопа слой не превышает 0.25—0.30 м. Местами он здесь распахан на всю глубину, так что на поверхности материка были видны следы борозд, сделанных плугом.

По своему внутреннему строению культурный слой Чаплинского городища оказался однородным. Он не разделяется на отдельные слои, не имеет прослоек. По характеру находок его нижние и верхние горизонты (не считая распаханного слоя) также не отличаются друг от друга, хотя жизнь на городище, как мы увидим ниже, продолжалась не менее 4—5 веков, в течение которых материальная культура отнюдь не оставалась неизменной. Чтобы понять, вследствие каких причин культурный слой городища не имеет стратиграфии, достаточно взглянуть на план раскопа. Площадь городища испещрена бесчисленным количеством разнообразных ям, относящихся к разным периодам жизни на нем. Наряду с сотнями маленьких ям, в которых были укреплены столбы от всякого рода построек, здесь имеется большое число значительных по размеру ям — погребов и углубленных в землю жилищ, — часто расположенных очень тесно и нарушающих одна другую. Понятно, что в этих условиях культурный слой еще в период существования поселения подвергался постоянному смещению. Стратиграфия слоя разрушалась самими древними обитателями городища. Обнаруженные на городище остатки многочисленных жилых и хозяйственных сооружений, углубленных в материковый слой, за исключением нескольких случаев, точно так же не могут быть расчленены во времени.

Лишь в одном месте, опять-таки благодаря деятельности древних обитателей, на городище удалось сделать наблюдения стратиграфического характера. Вал городища подсыпался несколько раз, увеличиваясь не только в высоту, но и в ширину и последовательно покрывая участки культурного слоя. Участок культурного слоя, покрытый полкой первоначальной насыпи вала, дал исключительно древний материал — дозарубинецкого характера, относящийся к первым векам жизни на городище. Материал такого характера хорошо известен по древнейшим городищам данного района, получившим наименование милоградских, время которых определяется серединой I тысячелетия до н. э.¹ Такой же материал, не перемешанный с более поздним — собственно зарубинецким, был обнаружен в некоторых ямах типа погребов.

Говоря о культурном слое городища, следует указать, наконец, что в его верхних распаханных горизонтах были встречены в небольшом числе вещи — IX—XII вв., а в нижележащих горизонтах и в материке обнаружено несколько ям этого же времени. Одни из ям представляли собой подпольные ямы жилых построек с печами-каменками, другие были заполнены отбросами — костями животных и обломками глиняной посуды. Средневековое поселение внесло в культурный слой городища дополнительные разрушения.

Все это вместе взятое значительно снижает научную ценность Чаплинского городища. Материалы городища характеризуют зарубинецкую культуру данной области в общих чертах, без подразделения ее на последовательные этапы развития. Более того, зарубинецкий материал здесь смешивается с дозарубинецким — милоградским, и далеко не всегда возможно расчленить один от другого. В силу этих причин решено ограничить площадью, вскрытой в 1951—1953 гг.

2

На поселениях зарубинецкого времени, известных в области Среднего Поднепровья, ни разу не были обнаружены защитные

сооружения — валы и рвы, хотя сами поселения очень часто располагались на высоких местах, окруженных крутыми склонами, на которых в древности обычно сооружались укрепленные поселения. В связи с этим вал и ров Чаплинского городища представляли особый интерес. Требовалось установить, относится ли вал к зарубинецкому времени или он был насыпан значительно позже, во время существования здесь поселка IX—XII вв.?

Для разрешения данного вопроса оборонительные сооружения городища были разрезаны поперек траншеей шириной 2 м, позволившей получить полный профиль вала и рва и выяснить их отношение к культурному слою городища. При этом обнаружилось, что поселение имело защитные сооружения с самого начала своего существования и что эти сооружения в течение зарубинецкого времени один или два раза подновлялись.

Как видно на прилагаемом чертеже (рис. 2), первоначально, еще в милоградское время, был сооружен сравнительно небольшой вал, остатки которого имеют высоту 2 м при ширине 5 м. Ему соответствовал ров шириной 6 м и глубиной 1 м. Вал был сложен из песка, взятого из рва, и пластов дерна, следы которых очень хорошо сохранились до настоящего времени. С внутренней стороны насыпь вала была укреплена деревом, о чем говорят следы нетолстых столбов в материке (диаметр 0.2 м) и соответствующие им остатки обгорелых жердей, лежащих горизонтально по краю вала (толщина 0.05—0.08 м). Древнейший вал лежит непосредственно на тонком слое ненарушенной погребенной почвы. В этом слое была обнаружена лишь одна находка: обломок венчика глиняного сосуда с «жемчужным» орнаментом, принадлежащего культуре раннемилоградского времени.

При последующих ремонтах оборонительных сооружений, относящихся уже к зарубинецкому времени, вал был значительно увеличен. Остатки второго горизонта вала возвышаются над древнейшим валом более чем на 1 м. Они сложены из нескольких слоев песка и суглинка, располагающихся без особой правильности. Горизонт, соответствующий древней поверхности склонов второй насыпи вала, не может быть точно определен, так как вершина вала и его внутренний склон подверглись распашке.

¹ О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70. М., 1957.

Осевшие вниз слои верхнего горизонта вала городища целиком заполнили и перекрыли углубление древнего рва еще в период жизни на городище. Верхним горизонтом вала соответствует второй ров, такой же небольшой, как и первый, шириной до 4.5 м и глубиной 1 м.

У подножия внутреннего склона вала пола расползшейся насыпи второго горизонта покрывает культурный слой мощностью до 0.80 м. В нижних частях культурного слоя здесь были найдены обломки исключительно древней милоградской керамики, а в верхних горизонтах — керамика зарубинецкого характера.

Вершина вала полностью уничтожена распашкой. Материал насыпи сполз отсюда в сторону площади городища и частично во второй ров, который настолько запыл, что без раскопок нельзя было и подозревать о его существовании. Материал с вершины вала, стащенный плугом на площадку городища, на участках, прилегающих к валу, лежит слоем мощностью 0.8—0.5 м, постепенно выклиниваясь на расстоянии нескольких метров от вала.

При раскопке верхней части вала было найдено несколько обломков керамики зарубинецкого типа, а также обломок железной булавки с головкой в виде эсвидного завитка. Эти находки, однако, не позволяют определить время сооружения верхнего горизонта вала, так как они могли попасть в насыпь как зарубинецкого, так и средневекового вала. Не отрицая в категорической форме того, что какая-то часть верхнего горизонта вала могла быть насыпана в IX—XII вв., мы все же склоняемся в сторону предположения о зарубинецком времени всего верхнего горизонта вала, исходя из не свойственных средневековой небольшой размеров соответствующего ему рва, из того, что в насыпи верхнего горизонта вала не было каких-либо находок средневекового времени, и главным образом основываясь на том, что верхние горизонты вала, в которых были сделаны находки зарубинецкого возраста, насыпаны не из культурного слоя, а из песка, взятого где-то за пределами городища. Если бы вал был насыпан в IX—XII вв., то зарубинецкие вещи могли бы попасть в него лишь с соответствующим культурным слоем. Следов последнего в насыпи не наблюдалось.

Оборонительные сооружения городища не ограничивались валом и рвом, защищавшими

поселение со стороны плато коренного берега. Там, где южные участки раскопа захватили край городища, было обнаружено, что вдоль самого края площадки идет ряд ям от массивных столбов (диаметр 0.3—0.4 м), стоявших вертикально на расстоянии 0.1—0.4 м один от другого (рис. 3). Следы такой же массивной ограды были обнаружены и вдоль северного края площадки, обращенного к реке, куда подошел конец траншеи шириною 4 м, проведенной через северо-восточную часть площадки, наиболее пострадавшую от распашки (рис. 3).

Следует думать, что частокол из массивных бревен окружал площадку городища по всему ее периметру, возвышаясь над крутыми склонами городища и поднимаясь на гребень вала.

Остался невыясненным вопрос о месте ворот, следов которых заметить не удалось.

3

Несмотря на то, что во время раскопок исследованию подверглась сравнительно небольшая часть городища, а также на то, что обнаруженные на городище остатки жилищ и других сооружений являются далеко не одновременными, в их расположении выявился известный порядок. В пределах раскопа наметилась определенная планировка поселения, сохранявшаяся по традиции в течение всего периода жизни людей на этом месте (рис. 3).

Вся восточная и южная части раскопа (рис. 4) оказались заняты ямами для хранения — погребями, имевшими главным образом колоколовидную форму. Их оказалось здесь более 80. В ряде случаев одни ямы нарушались другими. Очевидно, обвалившиеся ямы засыпались, а затем уже следующими поколениями обитателей поселка на их месте выкапывались другие. Кроме ям для хранения, здесь обнаружены остатки лишь одного сооружения иного характера, а именно маленькая полуземлянка с очагом в одном из углов, отмеченная на плане цифрой 11.

В центральной и западной частях, по площади значительно превышающих описанный выше участок, ямы для хранения обнаружены в числе всего лишь 15. Эти части раскопа оказались занятыми остатками жилых сооружений, встреченных в числе не менее 10—12. Из них два жилища представляли

собой полуземлянки (3 и 7). Остальные были наземными домами, остов которых составляли вкопанные в землю столбы. Обнаруженные при раскопках остатки жилищ не были одновременными. Более поздние жилища сооружались на месте старых, сгоревших или разрушенных, не совпадая с ними по планировке. Вполне бесспорно удалось установить контуры всего лишь двух наземных жилищ. Контуры остальных намечены предположительно.

Лучше всего сохранились следы наземных жилищ, расположенных ближе к восточной части раскопа. Одно из них, обозначенное на плане цифрой 8, погибло некогда от пожара (рис. 5). Земляной пол жилища сохранял следы огня, а ямы от столбов, относящихся к этому жилищу, выделялись особенно черным, углистым заполнением. Жилище было прямоугольным, размером 5.5×4.0 м. Оно было ориентировано по длинной оси точно с севера на юг. Пол жилища лежал на уровне поверхности материка. Если только оно не относится к первым векам существования городища, то следует думать, что жилище было несколько углублено в землю — в культурный слой.

Столбы, образующие основу жилища 8, как видно на рис. 5, располагались очень правильно. Кроме 4 столбов, стоящих по углам, вдоль длинных стен жилища было по 3 столба, расположенных более или менее симметрично, друг против друга. Южная сторона жилища имела 2 столба, северная — один, расположенный ближе к северо-западному углу. Возможно, впрочем, что здесь был и второй столб, стоящий в яме, в нескольких сантиметрах к северу от линии стены, что, может быть, указывает на нахождение здесь входа. Диаметр столбов не особенно большой: $0.20-0.30$ м. В полу жилища в разных местах обнаружено 16 других ям от столбов, но имели ли они к жилищу какое-либо отношение, осталось не установленным.

В центре южной половины жилища 8 на уровне пола выделялось овальное сильно обожженное пятно размером 0.50×1.00 м. Никаких других следов очага — слоя золы, камней и др. — здесь, однако, не было. Вскоре загадка разъяснилась. Обожженные камни очага, зола и обломки посуды оказались на дне ямы погребца, находящегося около южной стены жилища, куда они были еще в древности сброшены при расчистке

места пожарища. На дне другого погребца, находящегося около восточной стены жилища, оказался нижний камень большой зернотерки, пострадавший от огня и не пригодный более для употребления.

Второе жилище, контуры которого определились вполне точно, обозначено на плане цифрой 6. Оно также было ориентировано по сторонам света, но его длинная ось располагалась по линии восток—запад. Размеры жилища составляли 4×6 м. Кроме 4 ям от столбов, стоящих по углам жилища, вдоль каждой из его стен было по две столбовых ямы. Уровень пола находился на материке или на несколько сантиметров выше материка, в культурном слое. По-видимому, подобно предыдущему, это одно из ранних жилищ городища. Очаг, представлявший собой скопление золы, диаметром $0.70-0.80$ м, находился вблизи центра жилища, на юго-запад от него. Внутри этого жилища, как и в предыдущем, обнаружено несколько ям от столбов. Большинство из них относятся, по-видимому, к другому жилищу — более раннему или более позднему — 5, южный угол которого пересекал линию северной стены жилища 6.

Жилище 9, расположенное восточнее двух предыдущих, является наиболее поздним из всех исследованных зарубинецких жилищ (рис. 6). Оно относится, по-видимому, к самому концу существования поселения — к II—III вв. н. э. Уровень пола жилища лежал в культурном слое, на $0.08-0.10$ м выше материка. По полу были рассеяны камни от очага, кости и обломки глиняной посуды. Остатки очага, расположенные в центре восточной половины жилища, представляли собой круглое тарелкообразное углубление диаметром $0.75-0.80$ м и глубиной около 0.10 м, заполненное горелым камнем, золой и обломками глиняной посуды. Среди них было найдено два обломка серого лощеного кувшина черняховского типа, сделанного на гончарном круге, датирующего жилище временем не раньше II—III в. н. э. Остальная керамика имела зарубинецкий облик. Это были обломки грубых лепных горшков и лощеных реберчатых мисок.

Размеры и контуры жилища не могли быть установлены вполне точно ввиду того, что ямы от столбов сохранились здесь плохо. Жилище, как это видно на плане (рис. 6), было небольшим (4×4 м), неправильно прямоугольным. Две круглые ямы в южной

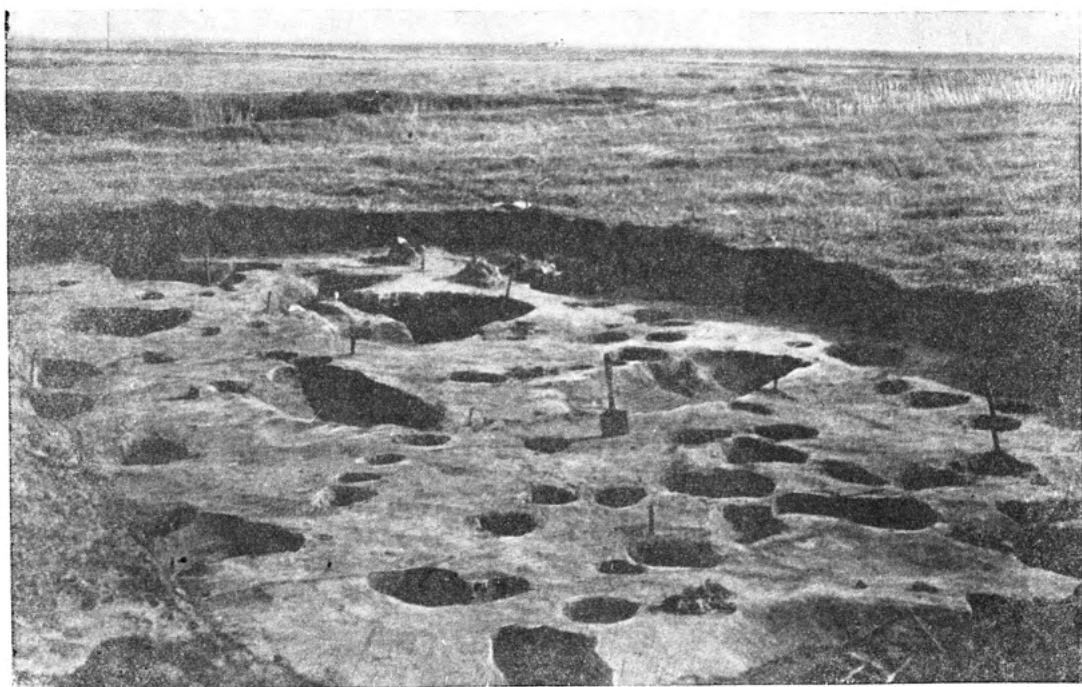

Рис. 4. Чаплинское городище, вид южной части раскопа.

части жилища к нему отношения не имели, являясь более древними. Они обнаружались лишь после того, как здесь был снят культурный слой со скоплением камней, черепков и костей, соответствующий уровню пола.

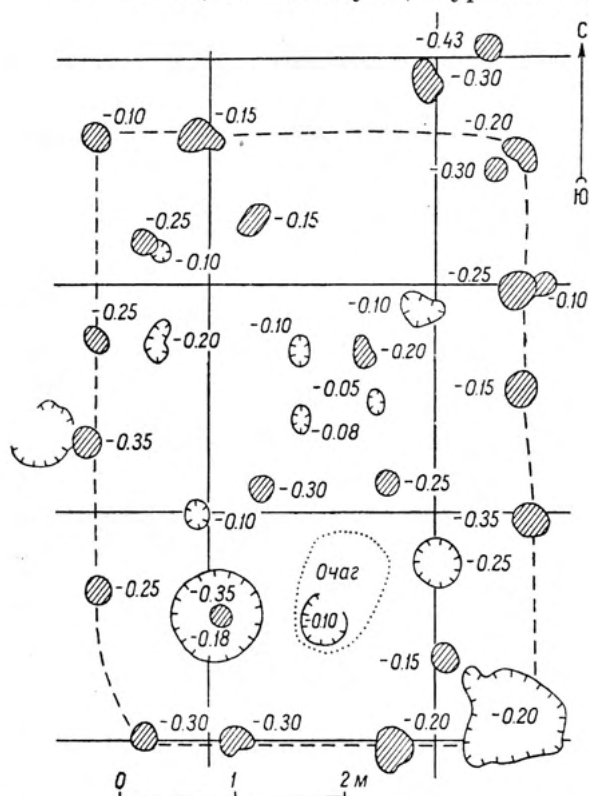

Рис. 5. Чаплинское городище. План жилища 8.

Переходим к остаткам наземных жилищ, местонахождение которых восстанавливается лишь предположительно.

Одно такое жилище (5) находилось, как уже указывалось, к северу от жилища 6, заходя на площадь последнего южным углом. Его размеры — 5.5×5 м, ориентировка — с северо-запада на юго-восток.

Другое жилище, ориентированное, по-видимому, так же, как и предыдущее, и такого же размера, находилось на месте, обозначенном на плане цифрой 2. Его южная часть ушла в стенку раскопа. Очень возможно, что к остаткам этого жилища относилось скопление обломков одного большого глиняного сосуда, лежащих горизонтально тонким слоем на $0.15-0.20$ м выше уровня материка (рис. 7). Если данное предположение справедливо, то этот уровень следует рас-

сматривать в качестве уровня пола жилища 2. К этому же жилищу относится куча обгорелых камней от очага, сваленных в округлую яму в западной части жилища.

В северной части раскопа, на месте, обозначенном на плане цифрой 4, в культурном слое, на высоте $0.10-0.15$ м, были встречены на одном уровне прослойки утрамбованной и частью обожженной глины (толщиной до 0.05 м), оказавшиеся остатками глиняного пола жилища, контуры которого не могут быть точно установлены. Под остатками пола оказались ямы трех более древних, чем жилище, погребов — одного большого и двух небольших, круглой формы.

Остатки одного, а может быть и двух-трех разновременных жилищ находились на месте, прорезанном узкой западной частью раскопа (1). В нижних горизонтах культурного слоя здесь встречено несколько очажных пятен, а в материке — большое число ям от вертикально стоявших столбов.

Большое количество ям от столбов обнаружено на участке 10, лежащем к югу от жилища 8. Южнее этого участка в культурном слое, на материке и в заполнении ям находящихся здесь погребов имелось много обгорелого камня, происходящего из разрушенных очагов.

Наконец, в южной узкой части раскопа (12) на одном уровне, на 0.20 м выше материка, были найдены; цельная миска грубой работы, рядом с ней нижняя часть сосуда и разбитая реберчатая миска с черной выложенной поверхностью. Рядом на этом же уровне находилась куча крупных, сильно обожженных камней, земля вокруг которых была обожжена. Чтобы установить, не было ли на этом месте жилища, к раскопу была сделана прирезка размером 6×4 м, не внесшая, однако, в поставленный вопрос никакой ясности. Здесь имеется много ям от столбов, но обрисовать на их основании контур жилища не представляется возможным.

Несмотря на плохую сохранность остатков большей части жилищ, их конструкция представляется более или менее ясной. Это были не срубные, а столбовые жилища, стены которых имели в качестве основы вкопанные в землю бревна-стояки, вероятно снабженные вертикальными пазами, в которых укреплялись затесанные концы горизонтально лежащих бревен, заполнявших пространство между стояками. Такая конструкция жилых сооружений была очень

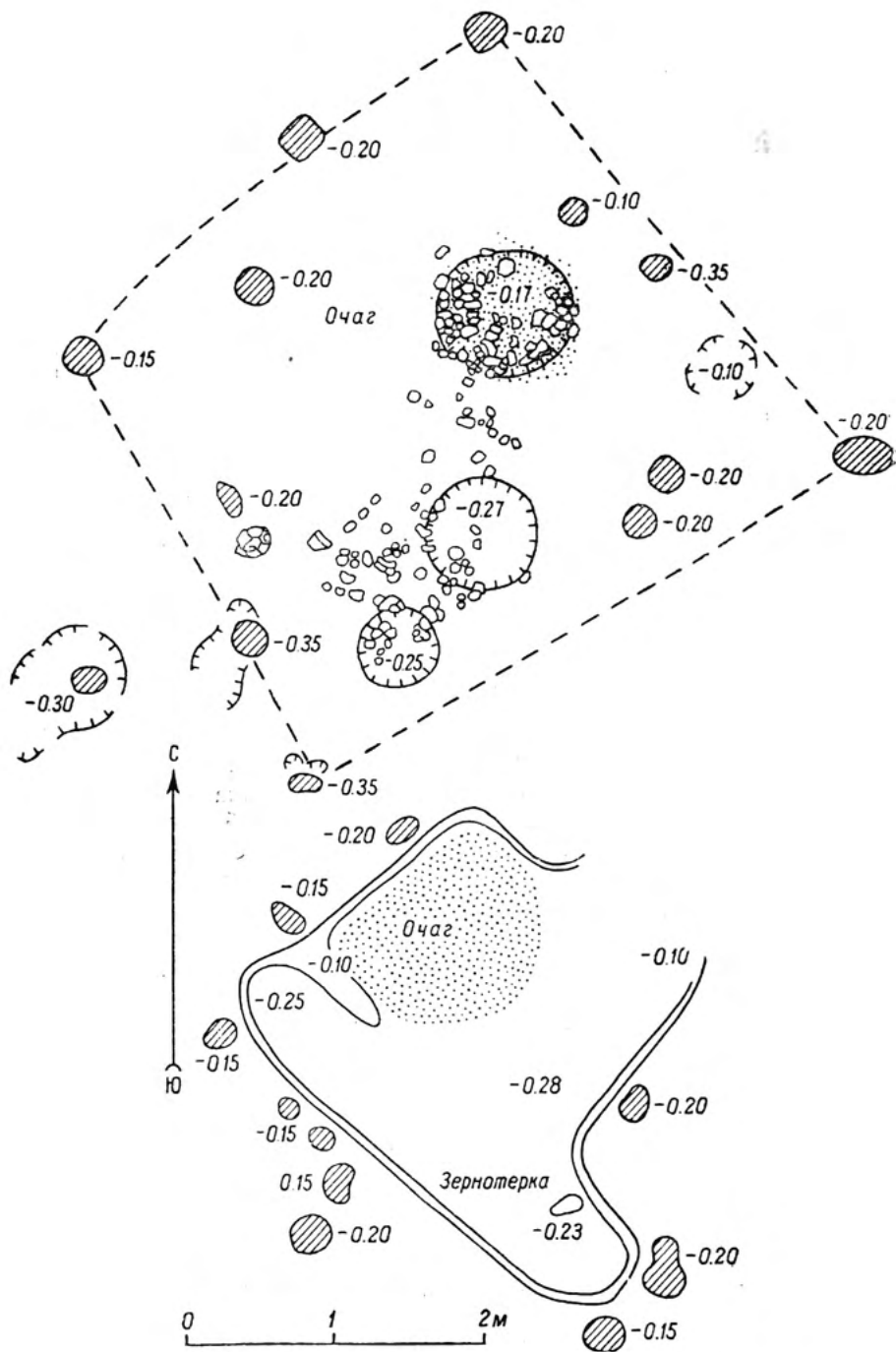

Рис. 6. Чаплинское городище. План жилища 9 (вверху) и 11 (внизу).

характерна для Восточной Европы. Она известна в Польше в лужицкое время (например, Бискупинское поселение) и в начале нашей эры.¹ Такие жилища были распространены на юхновских городищах в бассейне Десны.² Они обнаруживаются на всех исследованных путем раскопок зарубинецких поселениях. В качестве конструкции хозяйственных построек (крытых дворов, сараев) эта столбовая конструкция дожила вплоть до настоящего времени в Южной Белоруссии, в Украинском Полесье, в Курской, Воронежской и Брянской областях. В Гомельской обл. БССР мы видели, впрочем, и жилые постройки столбовой конструкции. Во всех случаях это были старые дома дореволюционного времени. Они, вероятно, сохранились до настоящего времени и в других местах.

Стены построек столбовой конструкции, особенно в более южных областях, обычно обмазывались глиной, приближаясь к современным украинским хатам. На Чаплинском городище следов глиняной обмазки не обнаружено. В этом отношении очень показательны жилище 8, погибшее от пожара. Если бы его стены были обмазаны глиной, культурный слой был бы переполнен кусками обожженной обмазки. Этого, однако, не наблюдалось.

Крыши жилищ были, вероятно, двускатными, крытыми камышом или соломой. Дверь находилась в стене, противоположной очагу. Очаги имели очень примитивную конструкцию, представляя собой углубления в полу, заполненные камнем. Во всяком случае нет никаких данных в пользу того, что они имели вид печей-каменок.

Три жилища, названные выше полуземлянками, представляли собой сооружения, конструкция которых недостаточно ясна. Все они очень плохо сохранились, так как были выкопаны в мягком песке, их стенки оползли, контуры деформировались. Трудно сказать, в частности, были ли они в действительности полуземлянками или же их углуб-

ления составляли часть более крупных наземных сооружений.

Полуземлянка 11 в юго-восточном углу раскопа среди ям-погребов представляла собой прямоугольное углубление размером 2.20×2.20 м с удлиненным выступом у южного угла, ориентированное с северо-запада на юго-восток. Пол полуземлянки, более или менее ровный, несколько поднимающийся к стенкам, был углублен в материк на $0.20-0.25$ м. Стенки были крутыми, за исключением северо-восточной, где, по-видимому, находился вход. Северный угол полуземлянки занимало большое пятно обгорелой земли — очаг ($1.0-1.2$ м в поперечнике). С юго-запада очаг был ограничен небольшой земляной стенкой, не насыпанной, а вырезанной из материка при сооружении полуземлянки. На полу выступа, отходящего от южного угла полуземлянки, был найден нижний камень небольшой зернотерки. Вне пределов полуземлянки, непосредственно на ее бортах, обнаружено 9 небольших, плохо сохранившихся ям от столбов глубиной $0.10-0.20$ м и в поперечнике 0.20 м, причем возможно, что они стояли не вертикально, а с наклоном внутрь. Другими словами, не исключена возможность, что над полуземлянкой было сооружено шалашеобразное перекрытие.

Полуземлянка 7, находящаяся между жилищами 4, 5 и 8, представляла собой неправильное овальное углубление размером 4.5×2 м, ориентированное с запада на восток. Оно разделялось на две части — восточную, занимавшую $\frac{2}{3}$ углубления, с полом, опущенным ниже материка на 0.25 м, и относительно крутыми стенками, и западную, углубленную в материк на $0.15-0.20$ м, с пологими краями, бывшую, по-видимому, местом входа. На границе двух частей углубления по обоим краям располагались одна против другой две круглые ямы с поперечником около 1 м. Южная яма, неглубокая (0.05 м в материке), была местом очага, от которого сохранился слой золы и стенка из крупных камней, ограничивающая очаг со стороны входа. Северная представляла собой яму для хранения глубиной в материке 0.36 м. Ямы от столбов, находившиеся вблизи полуземлянки 7, не обнаруживают в своем расположении никакой правильности.

Еще менее понятна полуземлянка 3, находящаяся в северо-западной части раскопа. Это было большое углубление, образующее

¹ Z. R a j e w s k i. Budowle grodów kultury lużyckiej na półwyspie jeziora Biskupiniego w powiecie znińskim. III sprawozdanie z prac wykopaliskowych w grodzie kultury lużyckiej w Biskupinie. Poznań, 1950, str. 239—282; T. Ż u r a w s k i. Budowle kultury lużyckiej w Biskupinie. Тот же сборник, стр. 286—361.

² М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. 24, стр. 69.

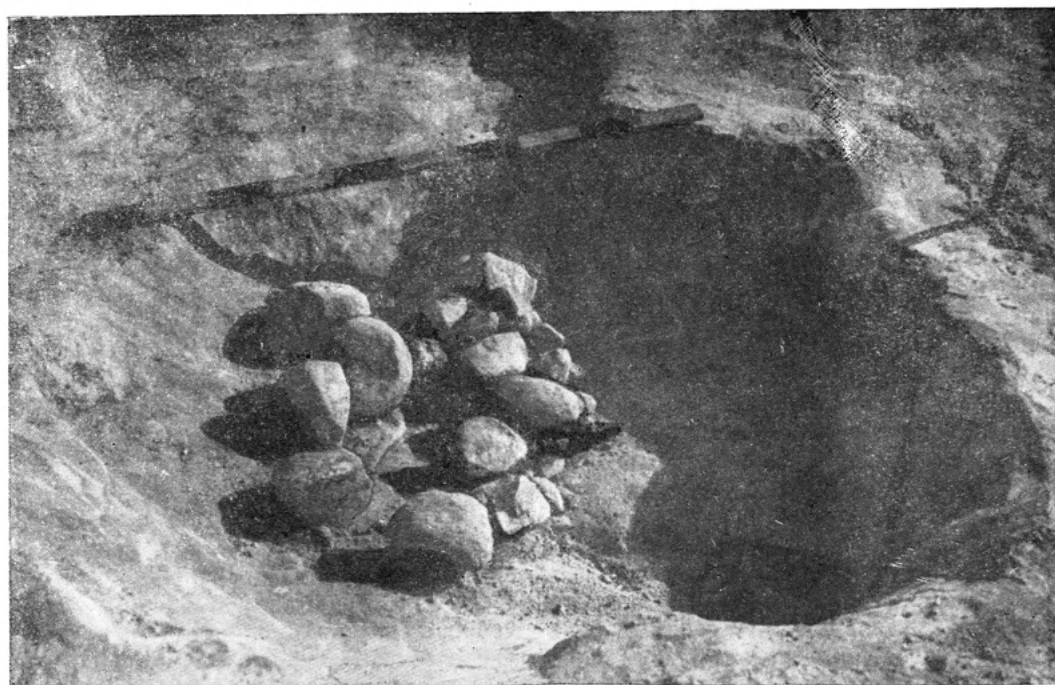

Рис. 7. Чаплинское городище.
Вверху — вид одного из погребов, внизу — разбитый сосуд.

в плане как бы угол. Длина углубления по линии восток—запад около 7 м. Ширина в западной части — 4.5 м, в восточной — 3 м. Пол углубления очень неровный, его глубина в материке колеблется в пределах от 0.10 до 0.30. Стенки также неровные, в одних местах крутые, в других пологие. В целом все сооружение мало похоже на два предыдущие, отличаясь от них как формой, так и величиной. Одна особенность повторяется, впрочем, во всех трех полуземлянках. Это округлый очаг, расположенный в особом углублении в углу сооружения. В полуземлянке 3 очаг занимал юго-восточный угол западной, широкой части постройки. Кроме пятна обожженной земли, по краям очага находилось несколько крупных обгорелых камней.

Несмотря на тщательные поиски, во всех трех полуземлянках не было сделано никаких находок, которые можно было бы наверняка связать с этими сооружениями, не считая упомянутой выше зернотерки. Ввиду этого остается открытым вопрос о том, были ли эти сооружения наиболее древней формой построек, относящейся к милоградскому времени, или же они синхроничны наземным домам, представляя собой сооружения какого-то специального назначения. В пользу первого предположения говорят некоторые черты, сближающие чаплинские полуземлянки с жилищами, известными на милоградских городищах этого района, относящихся к середине I тысячелетия до н. э. На милоградских городищах встречаются прямоугольные полуземлянки с очагами, занимавшими особое углубление в углу постройки.¹ В пользу второго предположения говорит такой факт, как отсутствие в полуземлянках, в частности в очагах, обычных бытовых остатков.

Переходим к рассмотрению ям для хранения или погребов, обнаруженных в пределах вскрытой на городище площади в огромном числе и чрезвычайно затруднявших процесс раскопочных работ. Таких ям было обнаружено около 100, причем подавляющее их большинство, как уже указывалось, находилось в южной и юго-западной частях раскопа.

¹ Здесь имеются в виду еще не опубликованные материалы Горшковского городища, исследованного О. Н. Мельниковской, и Моховского городища, исследованного автором в 1952 и 1953 гг.

Общими чертами, характеризующими эти ямы, являются их более или менее одинаковые размеры (в пределах от 1.00 м до 1.06 м в поперечнике), более или менее одинаковая глубина (от 0.40 до 0.80 м в материке), колоколовидная форма стен и наличие ровного плоского дна, обычно совпадающего с поверхностью слоя глины, лежащего под слоем материкового песка.

По форме ямы-погребов разделяются на три основных типа. К первому относятся простые округлые или, реже, несколько овальные и подчетыреугольные в плане колоколовидные ямы (рис. 8, 1). В тех случаях, когда они лучше сохранились, видно, что верхний диаметр ямы составлял 0.8—1.0 м, а нижний достигал 1.5 м. Таких ям открыто более 50. Ко второму типу относятся такие же колоколовидные ямы, под одной из стенок которых была небольшая земляная ступенька, облегчавшая спуск в яму (рис. 8, 2). Таких ям найдено 5. Еще более усовершенствованной формой ямы-погребов являются овальные или яйцевидные в плане ямы, состоящие из двух частей — более углубленной, представлявшей собою обычную колоколовидную яму, и менее углубленной суженной части, бывшей входом, с одной-двумя ступенями (рис. 8, 3—6). Сравнительно хорошо сохранившимися образцами этого типа являются яма, расположенная севернее жилища 8, яма на 4 м южнее жилища 9, яма южнее полуземлянки 11 и многие другие. Погребов такой формы обнаружено 30. Две ямы этой формы были обнаружены также в раскопе 1951 г., заложенном около северного края городища. В эту классификацию не вошли несколько ям, имевших настолько плохую сохранность, что определить их первоначальную форму не представлялось возможным.

В ряде случаев вдоль бортов ям-погребов было обнаружено по несколько небольших ямок от столбов, свидетельствующих о бывших над ямами перекрытиях, вероятно, шалашеобразных (рис. 8, 3—5). Эти ямки были встречены вокруг двух погребов, расположенных рядом с полуземлянкой 11, на юг и восток от нее, вокруг погребов со ступенчатым входом в 6 м южнее жилища 9, вокруг погребов, находящегося к югу от жилища 8, и др.

О том, что погребов имели перекрытия, говорит также ряд интересных находок, сделанных на бортах ям. На борту овальной

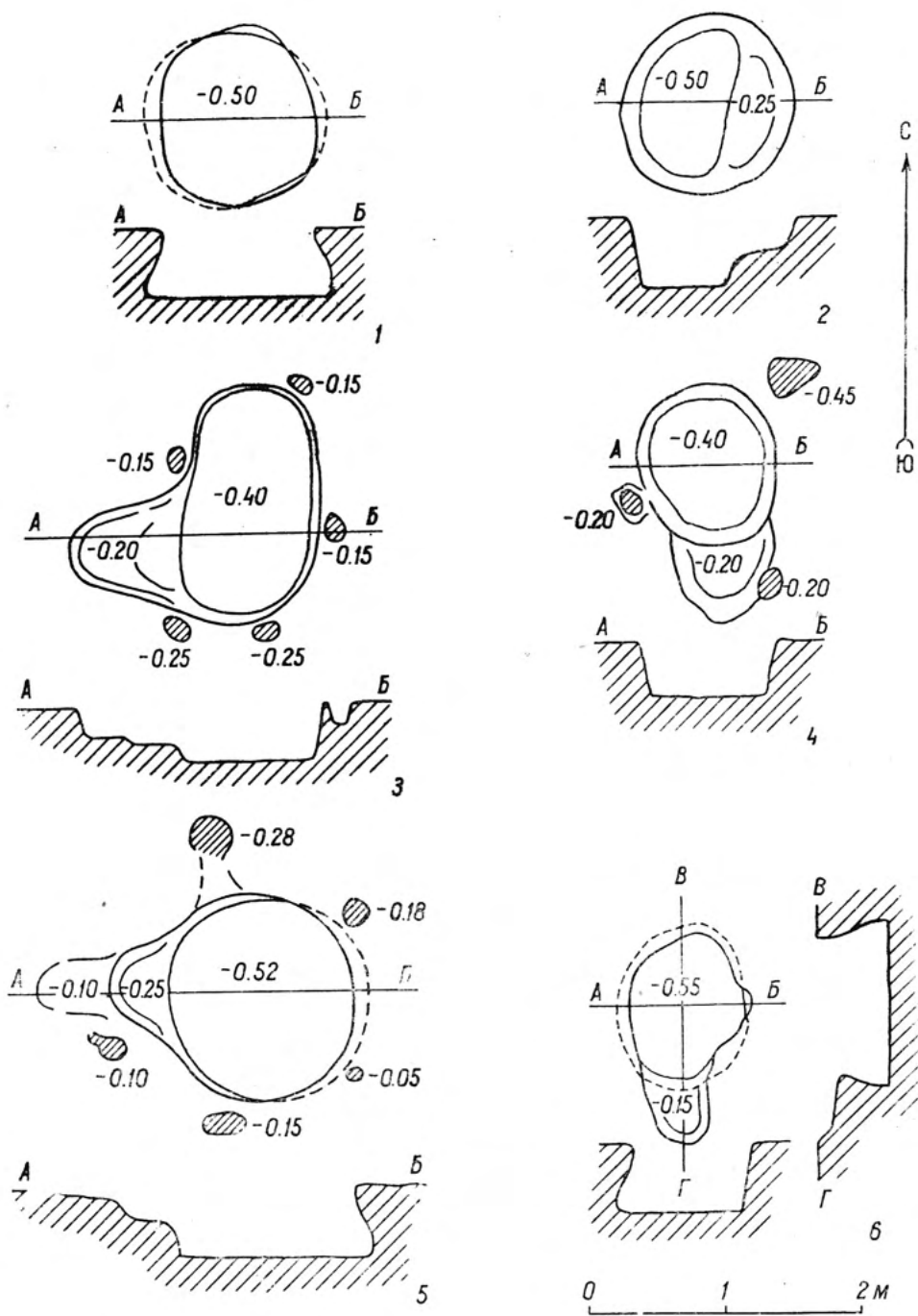

Рис. 8. Чаплинское городище. Планы и профили ям-погребов.

ямы, расположенной в 2.5 м на юго-запад от полуземлянки 11, были найдены лежащие вместе два бронзовых браслета, три височных колечка и маленький глиняный сосудик. На борту большой ямы в 1 м к югу от восточного угла жилища 9 лежал железный топор. В ряде случаев на бортах погребов были встречены глиняные пряслица и железные ножи. При входе в овальную яму, расположенную в южной узкой части раскопа на границе с прирезкой, лежали колоколовидная подвеска, кольцо и игла.

На дне нескольких ям были сделаны находки, позволяющие определить назначение этих сооружений. В яме с входом, находящейся в юго-восточном углу раскопа (в 4 м на восток от входа в землянку 11), был найден круглодонный сосуд древнего типа. В яме, находящейся в 1 м к северо-востоку от землянки 11, были найдены стоящие рядом друг с другом два маленьких сосудика типа реберчатых зарубинецких мисок. В ряде погребов найдены черепки глиняных сосудов и кости животных. В погребе в северо-восточной части раскопа найдено много рыбьей чешуи. Здесь хранилась рыба, вероятно сушеная. Такое же скопление чешуи было обнаружено и в некоторых других ямах.

Все это говорит о том, что колоколовидные ямы действительно служили погребями. В них хранилось мясо, рыба, вероятно молоко, творог, сыр¹ и другие продукты. Однако в подавляющем большинстве случаев (не менее 80%) в ямах-погребях не было сделано никаких находок. Особенно много таких «пустых» погребов было в южной и юго-восточной частях раскопа, где погреб образывали особенно густое скопление.

Наличие огромного числа «пустых» ям-погребов, занимавших в пределах поселения большую площадь, указывает на то, что в хозяйственной жизни обитателей поселения они играли весьма существенную роль. Они не могли быть хлебными ямами, подобными вырытым в твердом суглинке древним хлебным ямам более южных областей. Выкопанные в песчаном грунте без какого-либо порядка, нередко нарушавшие одна другую эти ямы похожи более всего на современные деревенские картофельные ямы. Это обстоятельство навело на мысль, что в них

хранились корнеплоды, возможно — репа, древность которой в Восточной Европе доказана находением ее семян в Бискупинском поселении в Польше.¹ Это, конечно, не более чем предположение, но какого-либо другого объяснения функции ям-погребов мы не находим. В известной мере в пользу нашего предположения говорит обнаруженная на дне почти всех ям черная гумусная прослойка (мощностью 0.03—0.08 м), которая могла получиться в результате гниения растительного материала.

Если же вспомнить, какую большую роль играла репа в пищевом рационе Древней Руси, в частности то, что она продавалась и покупалась возами, если вспомнить постоянные упоминания о репе в древнем славянском и литовском фольклоре, то сделанное выше предположение приобретает значительную вероятность.

В отдельных случаях удалось установить, что некоторые ямы-погребя относились к дозарубинецкому, милоградскому времени. Так, плохо сохранившиеся небольшие округлые ямы, находящиеся между жилищами 7 и 8 и большой средневековой ямой, расположенной южнее жилища 7, дали исключительно милоградскую керамику. Такие же находки сделаны в округлом погребе со ступенчатым входом, находящемся в 2 м на восток от юго-восточного угла жилища 8, и в некоторых других ямах-погребях.

Эти наблюдения представляются чрезвычайно важными. Они служат одним из аргументов в пользу предположения, что носителями милоградской и зарубинецкой культур было одно и то же население, что зарубинецкая культура сложилась или распростирилась у носителей милоградской культуры. Такое предположение, однако, является пока лишь предварительным.

Кроме полуземлянок, ям-погребов и многочисленных ям от столбов, в пределах раскопа было обнаружено много неопределенных, частью, быть может, естественных западин. Таковыми являются, например, два удлиненных углубления в западной суженной части раскопа и ряд углублений в юго-восточной части раскопанной площади.

¹ О наличии у обитателей городища творога и сыра говорят обломки глиняного сосуда с отверстиями у дна, описание которого дано на стр. 150.

¹ K. Moldenhawer. Szczałki roślinne z wczesnego okresu żelaznego w Biskupinie. III sprawozdanie z prac wykopaliskowych w grodzie kultury lużyckiej w Biskupinie. Poznań, 1950, стр. 81.

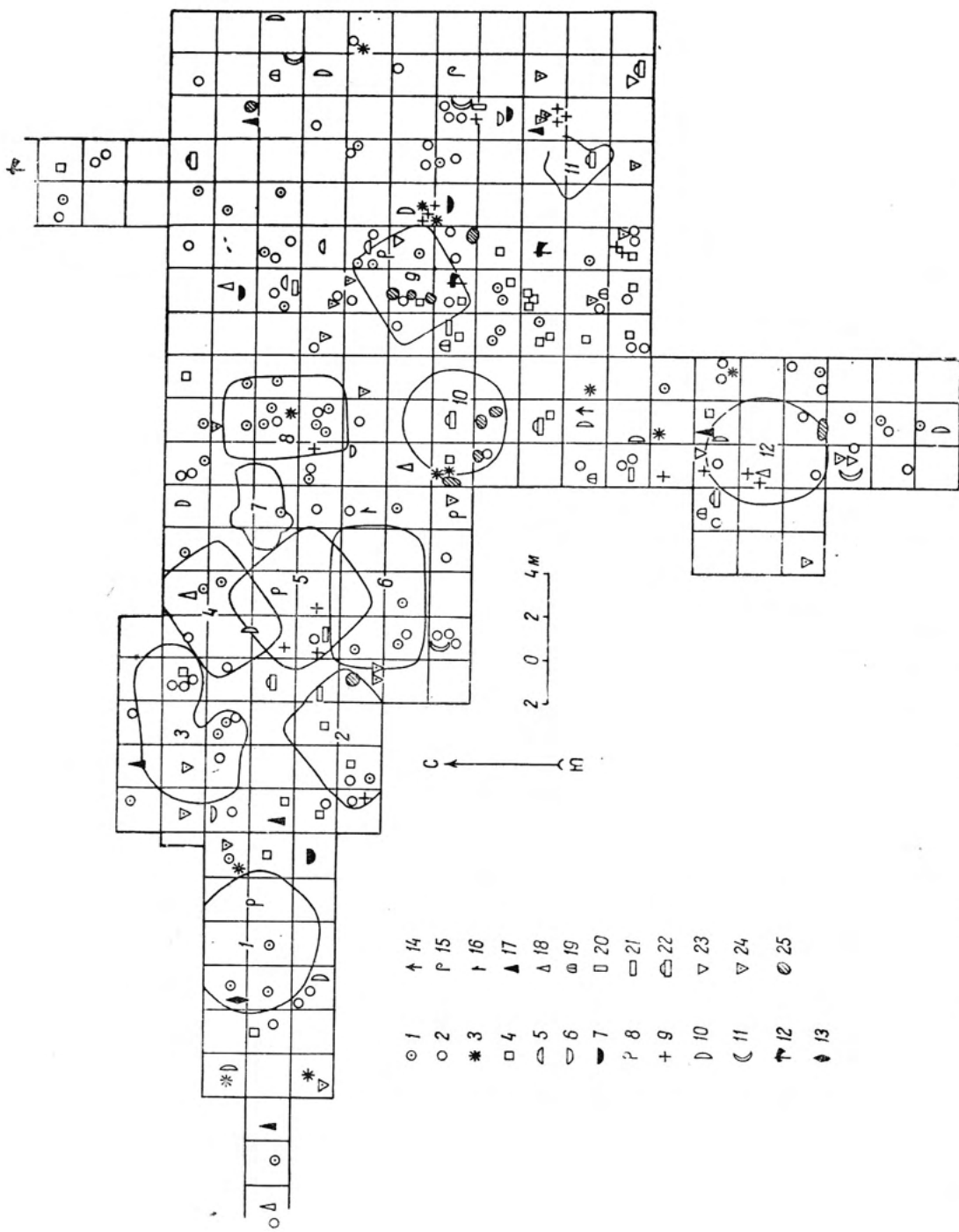

Рис. 9. Чаплинское городище. План расположения находок в раскопе.

1 — приспелце орнаментированное; 2 — приспелце неорнаментированное; 3 — бусина; 4 — глиняная фигурка; 5 — литейная форма; 6 — льячек; 7 — тигель; 8 — булавка из бронзы или железа; 9 — бронзовый или железный предмет убора и украшения; 10 — железный нож; 11 — железный серп; 12 — железный топор; 13 — наконечник копья; 14 — наконечник стрелы; 15 — железный рыболовный крючок; 16 — железная острого; 17 — железное острие; 18 — костяное острие; 19 — костяные предметы убора и украшения; 20 — костяная рукоятка; 21 — брусок; 22 — каменная зернотерка; 23 — глиняный сосуд; 24 — маленький сосуд; 25 — скопление обломков керамики.

4

Для того чтобы читатель смог составить общее представление о сделанных на городище находках, их составе и топографии, нами даны перечень категорий находок с указанием их количества (см. таблицу) и схема

Наименование предметов	Количество	Наименование предметов	Количество
Изделия из железа		Изделия из глины	
Топоры втульчатого типа	3	Пряслица неорнаментированные . .	90
Ножи с «горбатой спинкой» и прямые	14	Пряслица орнаментированные . . .	55
Серпы, целые и обломки	5	Бусы	до 10
Острия разные	6	Фигурные предметы разные	30
Наконечник копья	1	Литейные формочки	3
Наконечник стрелы	1	Льячки	2
Рыболовный крючок	1	Тигли	4
Острога	1	Маленькие сосудики	19 ¹
Булавки в форме пастушеского посоха	5	Цельные сосуды или крупные их фрагменты	более 35
Фибулы	1	Изделия из кости и рога	
Кольца разные	4	Пряжка роговая	1
Изделия из бронзы		Рукоятки ножей	1
Браслеты спиральные	4	Острия разные	7
Обломок массивного браслета	1	Подвески из зубов животных	2
Кольца височные разные	5	Гребень	1
Подвески разные	3	Изделия из камня	
Булавки разные	2	Точильные камни	10—15
Прочие украшения	4	Пестики	30—40
		Зернотерки	4
		Изделия из других материалов	
		Бусы пастовые и стеклянные	62

раскопа с указанием места всех сделанных находок, за исключением рассеянных в культурном слое обломков керамики и костей животных. Данная схема (рис. 9) свидетельствует, что какой-либо закономерности в распределении находок не наблюдается. Скопления находок имелись лишь около некоторых жилищ вместе со скоплениями обломков керамики. Таково жилище 9, охарактеризованное выше как одна из наиболее поздних

¹ Не считая многочисленных обломков.

построек, исследованных на городище. В его пределах и рядом с ним, кроме скоплений обломков керамики, были найдены несколько небольших сосудов, топор, нож, несколько пряслиц, набор украшений и др. В пределах жилища 8 найдено — возможно, не случайно — 10 пряслиц. Остальные находки оказались рассеянными в культурном слое более или менее равномерно и без какого-либо порядка, что является результатом длительности жизни на городище и перемешанности культурного слоя. Вследствие тех же причин не удалось разделить связанные находки во времени на основании их стратиграфии. Керамика и некоторые другие вещи, явно относящиеся как к первым векам жизни на городище, так и к концу обитания на нем людей, находились и в нижних, и в верхних напластованиях, о чем уже говорилось выше при описании культурного слоя городища.

5

Описание находок, сделанных на Чаплинском городище, целесообразно начать с наиболее древнего материала, относящегося к культуре городищ милоградского типа. Как уже неоднократно указывалось, этот материал нельзя было отделить от зарубинецкого на основании данных стратиграфии ввиду большой перемешанности культурного слоя. Лишь под насыпью вала удалось обнаружить нетронутый слой, в нижних горизонтах которого находился исключительно только милоградский материал. Керамика милоградского типа без примеси более поздней была встречена в нескольких ямах-погребках. В процессе раскопок не раз обращалось внимание на то, что при подчистке поверхности материка были находимы обломки милоградской посуды. Но эти наблюдения, указывающие, что остатки милоградской культуры представляют древнейших обитателей городища, почти не помогают отделить милоградский материал от зарубинецкого. Выделение милоградских материалов, далеко не всегда бесспорно, возможно произвести лишь в результате сопоставления чаплинских находок с находками, сделанными при исследовании милоградских городищ — Милоградского, Горшковского, Моховского и других городищ, исследованных в 1951—1956 гг. ¹ Этот обширный материал,

¹ О. Н. Мельниковская, ук. соч., стр. 33—37.

пока еще не опубликованный, хранится в Гомельском областном музее и в ИИМК.

Наиболее простой задачей, решаемой при этом с наибольшей точностью, является выделение милоградской керамики, которая обладает специфическими особенностями, не свойственными зарубинецкой посуде. Керамика милоградских городищ — это более или

торую прибавляется в виде примеси мелкий песок или иногда битая раковина. Сосуды были не вполне симметричными, толщина стенок одного и того же сосуда была в разных местах неодинаковой. Поверхность большинства сосудов — шероховатая, со следами сглаживания рукой, тряпкой или пучком травы. Внутренняя поверхность сглажива-

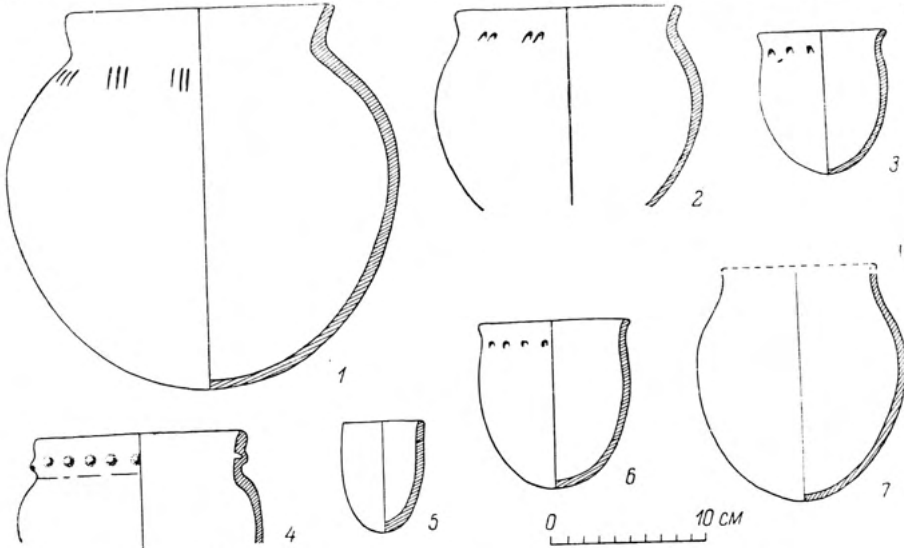

Рис. 10. Чаплинское городище. Сосуды милоградского типа.

менее однообразные по форме круглодонные или яйцевидные сосуды, с небольшим прямым или несколько отогнутым наружу венчиком, иногда украшенные в верхней части примитивным орнаментом из линий или ямочных вдавлений. По общему облику милоградская керамика чрезвычайно архаична. Она сохраняет традиции эпохи бронзы. Впрочем, это не такие уже древние традиции — наиболее ранние памятники милоградской культуры восходят к VII—VI вв. до н. э., т. е. вплотную соприкасаются с «бронзовым веком».¹

Среди материалов Чаплинского городища имеется 5 более или менее цельных сосудов этого типа (рис. 10) и обломки не менее чем 30—40 сосудов, что составляет, однако, не более 15—20% всего керамического материала Чаплинского городища (не считая средневекового).

Милоградская керамика, обнаруженная на Чаплинском городище, сделана от руки, из грубой, плохо промешанной глины, в ко-

ласть более тщательно. Обжиг сосудов неравномерный, отчего их окраска была неоднородной при общем преобладании темного бурого цвета. Внутренняя поверхность сосудов имеет почти черную окраску.

Размеры сосудов сильно варьируют. Наряду с маленькими сосудиками — чашечками и сосудами средней величины имелись большие круглодонные корчаги, объемом до 15—20 л. Диаметр горла таких сосудов достигал 28—30 см, высота — столько же или несколько больше, толщина стенок 0.8—0.9 см. Сосуды средней величины имели диаметр 15—20 см, высоту до 20—22 см, толщину стенок 0.5—0.7 см. Маленькие сосудики милоградского типа имели высоту 7 и 10 см, диаметр — соответственно 6 и 8 см и толщину стенок 0.3—0.5 см.

Большинство сосудов милоградского типа украшено несложным орнаментом. Обычно это ямки или насечки, расположенные в один ряд по основанию горловины сосуда. Очень часто такие ямки или насечки группируются по три. Выполнены они очень небрежно, нередко пальцем или ногтем.

¹ О. Н. Мельниковская, ук. соч., стр. 33.

Среди милоградской посуды имеются обломки 5—6 сосудов, украшенных по горловине «жемчужным» орнаментом, т. е. глубокими круглыми ямками, нанесенными с внутренней стороны сосуда таким образом, что снаружи образовались полукруглые выпуклости. Один обломок такого сосуда был найден под насыпью древнейшего вала городища (рис. 10, 4). В настоящее время еще нельзя сказать ничего определенного о времени такой керамики в Гомельском Поднепровье. Возможно, что она относится к древнейшим милоградским слоям или же в небольшом числе она встречается в течение всего милоградского времени (VII—III вв.). Напомним, что такие сосуды были встречены на Корчеватовском могильнике.¹

В нескольких экземплярах были встречены на Чаплинском городище совсем маленькие сосудики милоградского типа, высотой 4—5 см, обычно очень грубой работы и плохого обжига. Некоторые из них имеют обычный орнамент.

Другой группой милоградских предметов, происходящих с Чаплинского городища, являются грубо вылепленные из глины и слабо обожженные фигурки, назначение которых остается неизвестным (рис. 11, 18—26), хотя скорее всего их, или часть из них, следует считать предметами, связанными с культом. Здесь имеется прежде всего пять крестообразных фигурок 4—7 см в поперечнике и 2—3 см толщиной. Все четыре конца каждой фигурки одинаковы: у двух фигурок они заканчиваются двумя острыми рожками, у двух других — закруглены, у последней несколько загнуты в одну сторону, что придает фигурке вид свастики. Три фигурки имели в центре круглое отверстие диаметром 0.5 см (такой же диаметр имеют чаплинские пряслица). Все пять фигурок были найдены в нижних горизонтах культурного слоя. В двух экземплярах имеется трехконечная фигурка и в одном экземпляре — двухконечная, такого же размера, как и четырехконечная. Одна из трехконечных фигурок очень грубая и плохо сохранившаяся — все три конца у нее обломаны; другая целая. Имеется также ряд мелких обломков от подобных фигурок.

Другой группой фигурок являются грубо вылепленные из глины чечевицеобразные

диски диаметром 4.5—7 см и толщиной в средней части 3—4 см, имеющие с одной стороны в центре углубление (рис. 11, 27—30). В 3 м к югу от южного угла жилища 9 была обнаружена кучка из обломков 6—7 таких дисков (часть из них удалось склеить); в других местах раскопа найден один целый диск небольшого размера и обломки 5—6 дисков. Кроме того, были найдены два диска такой же величины, но очень грубые, неправильной формы, почти не обожженные и не имеющих углублений. Глиняные диски Чаплинского городища имеют близкие аналогии среди материалов юхновских городищ.

Последняя глиняная фигурка, к сожалению фрагментированная, является изображением животного, от которого сохранилась лишь часть туловища с шеей и основаниями передних ног. Какое животное здесь было изображено, остается неизвестным.

Все перечисленные глиняные предметы, прежде всего крестообразные фигурки, хорошо известны среди материалов милоградских городищ. Однако возможно, что некоторые из них могли принадлежать и к зарубинецкому времени.

Еще с меньшей определенностью можно выделить среди материалов чаплинского городища группу пряслиц милоградского времени. Это будут прежде всего десять характерных прясел в форме глиняных сосудиков милоградского типа (рис. 11). Они отличаются относительно грубой выделкой, слабым обжигом и отсутствием орнамента. Лишь некоторые из них украшены рядами точек (наколов). Диаметр пряслиц 3—3.5 см, диаметр отверстия 4.5—5 мм. На милоградских городищах такие пряслица встречаются постоянно. Нужно отметить, однако, что одно из пряслиц в форме круглодонного сосудика имело гладкую, несколько вылощенную поверхность, что свойственно пряслицам зарубинецкого времени. Лишь предположительно к предметам милоградского времени здесь отнесены пряслица в форме катушки (один экземпляр) и усеченного конуса (6 экземпляров). Одно из прясел в форме усеченного конуса с округлыми краями имеет интересный орнамент, на первый взгляд похожий на надпись. Также лишь предположительно к предметам милоградского времени здесь отнесены три пряслица, по форме несколько приближающиеся к «грузикам дьякова типа». Они орнаментированы нарезными линиями. Укажем, однако, что схема

¹ И. М. Самойловский. Корчеватовский могильник. См. настоящий сборник, стр. 71.

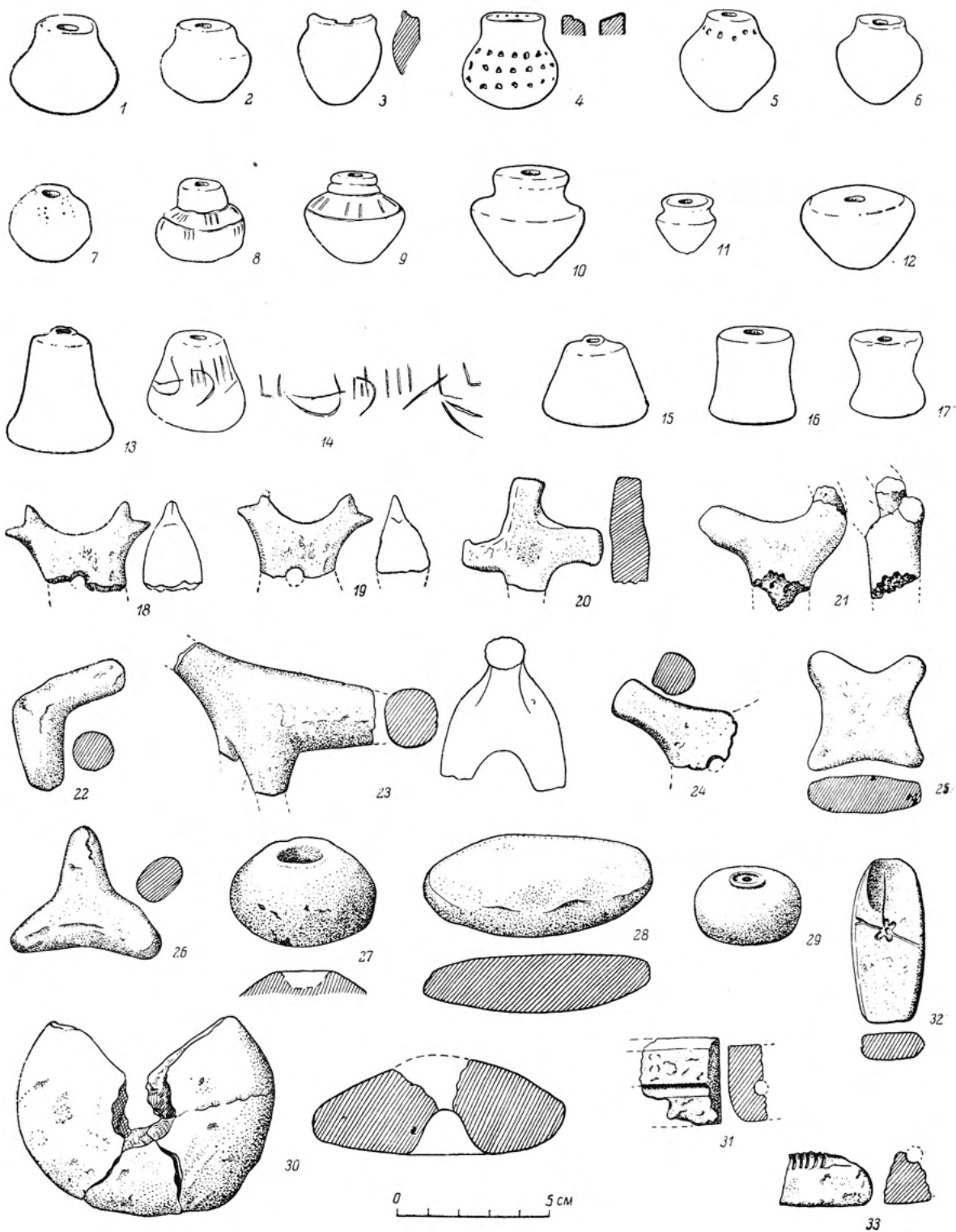

Рис. 11. Чаплинское городище. Находки милоградского типа.

1-17 — пряслица и грузики глиняные; 18-30 — фигурки глиняные; 31-33 — литейные формочки.

орнамента одного такого пряслица («шахматная доска») повторяется, как мы увидим ниже, на некоторых зарубинецких пряслицах. Несомненно, что к милоградскому времени относится также и часть простейших по формам округлых, чечевицеобразных или биконических пряслиц, отделить которые от зарубинецких не представляется возможным.

Далее, к предметам милоградского времени следует отнести часть бронзового браслета в виде округло-подтреугольного литого прута (5 мм диаметром) с орнаментом в виде косых насечек на части наружной стороны браслета (рис. 14, 19). Такие браслеты хорошо известны на милоградских городищах и в позднегалльских и раннелатенских древностях Средней Европы VI—III вв. до н. э. В частности, такие браслеты имеются среди материалов известного позднелужицкого Бискупинского городища в Польше.¹ На городище найден также обломок глиняной литейной формы, служившей для изготовления подобного браслета (рис. 11, 33). Такие точно формы, служившие для отливки браслетов по восковой модели, найдены и на Бискупинском поселении.²

Наконец, к предметам милоградского времени предположительно могут быть отнесены некоторые железные или бронзовые булавки и наиболее архаичные по форме железные ножи «с горбатой спинкой». Эти предметы следует датировать тем же временем, что и обломок латенского браслета, т. е. IV—III вв. до н. э.

6

Среди предметов зарубинецкой культуры, происходящих с Чаплинского городища, наибольший интерес представляют орудия труда, совсем неизвестные по материалам могильников и за редкими исключениями не представленные на исследованных в Среднем Поднепровье зарубинецких поселениях. Коллекция орудий труда, происходящая из Чаплинского городища, является, таким образом, первым и пока единственным собранием этого рода. Она представляет ценность не только потому, что позволяет сделать ряд

заклучений о хозяйстве и быте носителей зарубинецкой культуры, но и потому, что железные орудия Чаплинского городища очень интересны с точки зрения их происхождения: они обладают некоторыми латенскими чертами.

Орудия труда, найденные на Чаплинском городище, сделаны из железа. Орудий из кости и рога, обычных на городищах более северных областей Европейской части СССР, например на дьяковских или городецких, здесь не найдено, если не считать нескольких острий, служивших, по-видимому, иглами для вязания и ремонта рыболовных сетей (рис. 12, 13, 16, 18—19). Железо было несомненно местного происхождения. На городище найдены обломки небольших криц (диаметром от 5—6 до 10—12 см) и несколько кузнечных шлаков.

Происходящие из раскопок на Чаплинском городище железные топоры — два целых и один обломанный — представлены формой, найденной в Поднепровье впервые (рис. 13, 1, 4). Это втульчатые топоры-кельты, насаживающиеся на коленчатую рукоятку. В отличие от железных топоров начала и середины I тысячелетия н. э., встречающихся на поселениях и в могильниках финно-угорских племен Поволжья и поречья Оки, снабженных округлыми в поперечном сечении втулками,¹ и таких же топоров, происходящих из Прибалтики,² топоры Чаплинского городища имеют прямоугольную в сечении втулку, что сближает их с орудиями, происходящими из некоторых раннелатенских поселений и погребений Средней Европы.³ Наиболее ранние формы таких топоров восходят еще к галльскому времени. Один из чаплинских топоров позволяет заключить, что орудие это изготовлялось из двух частей. Сначала отдельно выковывались лезвие и втулка, затем они соединялись друг с другом. Размеры топоров: длина — 11 и 12,5 см, ширина лезвия — 4 и 4,3 см.

Частой находкой на городище являются железные ножи, относящиеся в большинстве случаев к широко распространенному в I ты-

¹ Например: А. А. С п и ц ы н. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, СПб., 1901, табл. XII.

² Например: Н. М о о г а. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Tartu, 1938, стр. 498—508.

³ Т. F i l i p. Pravěké Československo. Praha, 1948, стр. 361, табл. 28, 5, 8.

¹ В. К о s t r z e w s k i. Przedmioty brązowe i żelazne z grodu kultury «łużyckiej» w Biskupinie. III sprawozdanie..., стр. 98.

² Z. P i e s z y á k i. Formy i przybory odlewnicze z grodu kultury łużyckiej w Biskupinie. Тот же сборник, стр. 113—131.

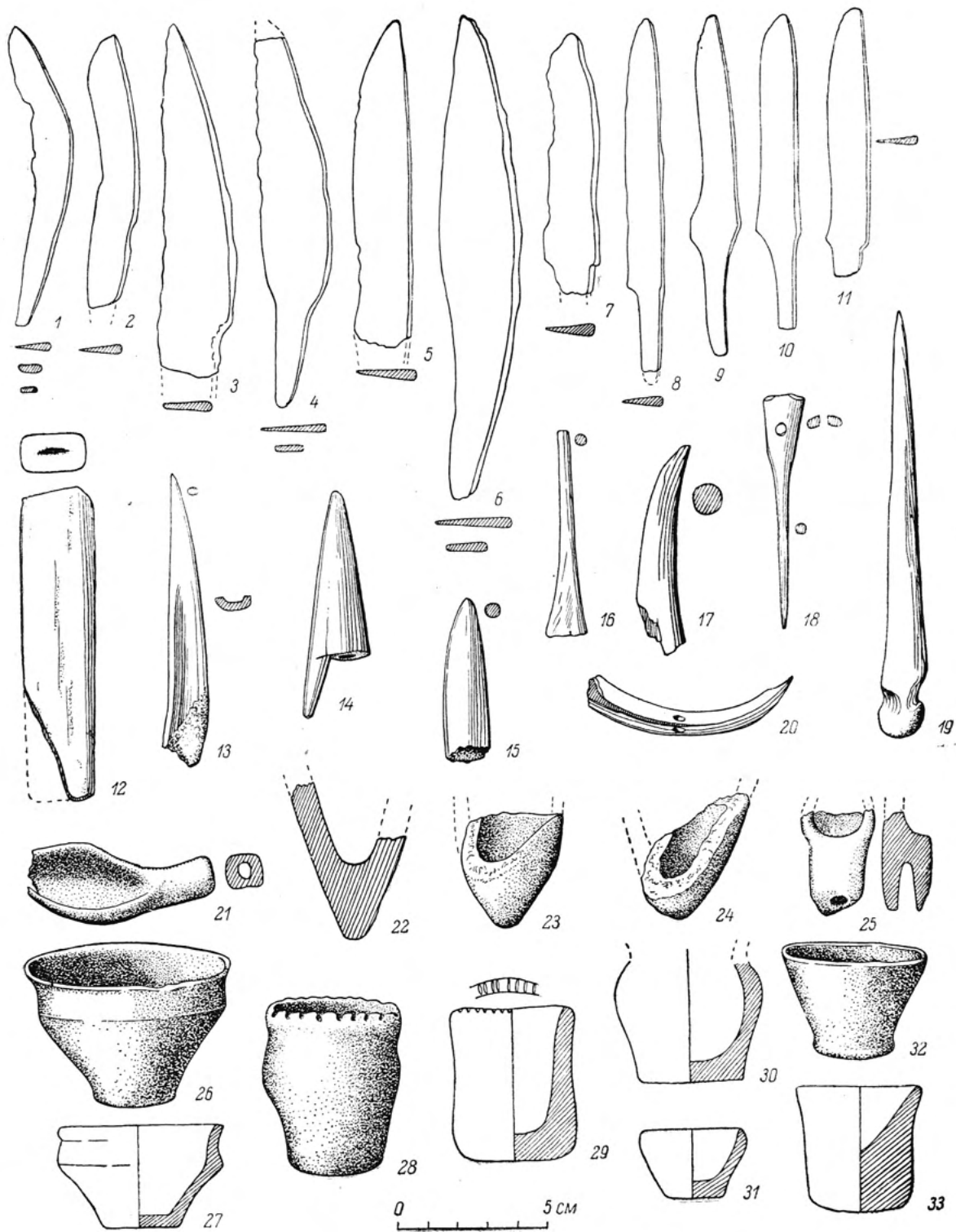

Рис. 12. Чаплинское городище. Находки.

1—11 — ножи железные; 12 — костяная рукоятка железного ножа; 13—19 — острия костяные; 20 — клык кабана с отверстием; 21, 25 — льячки глиняные; 22—24 — тигли глиняные; 26—33 — сосудики глиняные.

сячетелии до н. э. типу — ножу с «горбатой спинкой». Одни из них, очевидно более ранние, возможно относящиеся к милоградской культуре, представлены особенно характерными формами — это небольшие массивные ножи с относительно широким черенком, прямым лезвием и сильно изогнутой тыльной частью (рис. 12, 1). Особо выделяется группа довольно крупных и массивных ножей с «горбатой спинкой», относящихся к зарубинецкому времени, судя по находке подобных ножей на Чаплинском могильнике. Таких ножей на городище найдено 3 экземпляра. Их длина 12—15 см, длина лезвия 10 см, ширина лезвия до 2—2.2 см (рис. 12, 3—4, 6). Другие ножи, более поздние, в большей или меньшей степени утратили свою «горбатую спинку», приближаясь по форме к ножам, обычным для середины I тысячелетия н. э.

Среди костяных предметов, найденных на городище, имеется массивная прямоугольная в сечении рукоятка ножа (рис. 12, 12). У некоторых ножей рукоятки были деревянные. Их следы сохранились на ржавчине, покрывающей черенки ножей.

Для характеристики хозяйства обитателей Чаплинского городища очень важна находка пяти серпов — целых и в обломках. Все они имеют более или менее одинаковые, мало изогнутые очертания и размеры, не превышающие 20 см в длину при ширине лезвия 2—2.2 см (рис. 13, 5—9). К рукоятке серпы прикреплялись тремя способами: во-первых, с помощью загнутой вбок пяты, находящейся на тыльном конце серпа, — такой способ прикрепления был характерен для средневековых кос, в том числе так называемых «горбуш»; на одном из серпов имелся крючок, загнутый назад и расположенный в плоскости изгиба серпа, — такая форма хорошо известна в Поволжье, например на селище Красный Холм и Березняковском городище;¹ третьим способом является прикрепление серпа к рукоятке с помощью загнутого вбок крюка и втулки в тыльной части, образованной двумя «крыльями» (рис. 13, 8).

Пять чаплинских серпов, составляющих свыше 20% найденных на городище железных орудий, свидетельствуют о значительной роли земледелия в экономике обитателей

городища. Напомним, что в более северных областях, например на городищах дьякова типа, находки серпов представляют весьма редкое явление.

В одном экземпляре встречены на городище массивный рыболовный крючок, боковой зуб острога, железный втульчатый наконечник стрелы с треугольным лезвием и втульчатый наконечник копия с обломанным концом (рис. 13, 2, 10, 16—17). Последний, как нам представляется, имел форму не листовидного пера, а несколько утолщенного и заостренного на конус острия, такого же, как найденное на городище и изображенное на рис. 13, 13, или треугольного лезвия с двумя шипами. Наконечники последнего типа были известны в начале нашей эры, например в Повисленье и в других областях, где были распространены железные орудия латенского характера.¹ Наконечник стрелы, найденный на Чаплинском городище, так же может быть сопоставлен с некоторыми древностями, приближающимися к латенским.

Наконец, на Чаплинском городище были найдены несколько железных острий разного размера и облика, целых и обломанных, и среди них два крупных четырехгранных прямых шила (рис. 13, 11).

Железо применялось не только для изготовления орудий труда, но и как материал для изготовления предметов убора и украшения, что было очень характерно для древностей раннего железного века в тех районах, которые не имели своих источников меди. Большинство булавок, найденных на городище, оказались железными. Среди них отметим две булавки в форме «пагущеского посоха» — предметы убора, обычные в древностях северо-запада Европейской части СССР конца I тысячелетия до нашей эры и начала нашей эры (рис. 14, 6, 12). Другие булавки имеют головки в виде петли, кольца или плоского кружка (рис. 14, 8, 13). Найдено также несколько железных колец разного размера (рис. 14, 7, 11, 17—18), треугольная подвеска с петелькой (рис. 14, 4) и обломок большой прямоугольной пластины, прикреплявшейся к ремню тремя заклепками (рис. 13, 3). Обломок такой же пластины был найден на городище у д. Березняки в Верх-

¹ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э. МИА, № 5, стр. 62—63, 71, 134—135.

¹ J. Kostrzewski. Od mezolitu do okresu wędrowek ludów. Prehistoria ziem Polskich. Encyklopedia Polska, t. IV, p. 1, Kraków, 1939—1948, стр. 321, табл. 83.

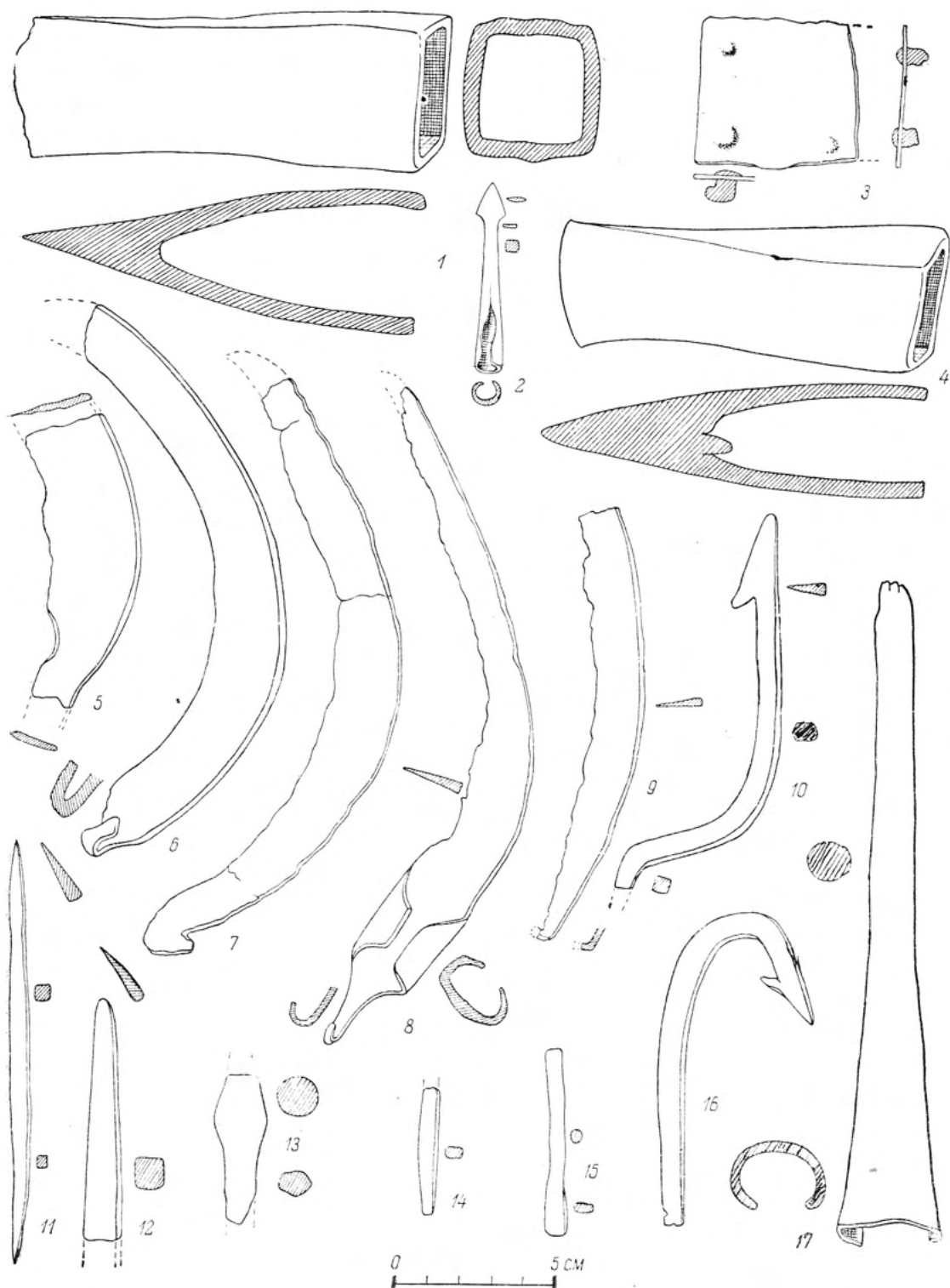

Рис. 13. Чаплинское городище. Железные орудия.

1, 4 — топоры; 2 — наконечник стрелы; 3 — пластинка; 5—9 — серпы; 10 — зуб остроги; 11—14 — острия; 15 — стержень; 16 — рыболовный крючок; 17 — втулка наконечника копья.

нем Поволжье.¹ Единственная найденная на городище фибула также оказалась железной. Она входила в состав маленького клада детских украшений, встреченного около западного угла жилища 9. Это была миниатюрная фибула с длинной пружиной, по-видимому среднелатенского характера, сильно пострадавшая от ржавчины и распавшаяся на три части (рис. 14, 33). Среди предметов, происходящих из Чаплинского могильника, также имеется несколько железных фибул среднелатенской схемы.

Кроме следов железоплавильного и кузнечного производства, свидетельствующих о местном изготовлении железных орудий и украшений, на Чаплинском городище встречены многочисленные следы ювелирного производства, продукцией которого являлись украшения и предметы убора из бронзы. На городище найдено несколько глиняных льячков и тиглей, большей частью фрагментированных, со следами бронзы (рис. 12, 21—25), обломки литейных форм, служивших для литья по восковой модели, часть которых относится, вероятно, к милоградскому слою, и, наконец, половинка глиняной разборной формочки, служившей для отливки четырехконечной розетки (рис. 11, 32). Найдены также обрывки бронзовой проволоки и кусочки бронзы — отбросы ювелирных работ.

Украшения, сделанные из бронзы, представлены булавками, браслетами, височными кольцами, подвесками и пронизками. Бронзовых булавок найдено две: одна в форме «пастушеского посоха» (рис. 14, 10) и другая с круглой плоской головкой, подобная булавкам, найденным в Зарубинецком могильнике (рис. 14, 14).²

Маленький клад бронзовых украшений, состоящий из двух браслетов и трех височных колец (рис. 14, 16, 20, 34—35), был найден на борту ямы-погребка в 3 м на юго-запад от жилища 11 (рис. 3). Браслеты этого клада представляют собой круглые спирали диаметром около 7 см, состоящие из трех оборотов овальной в сечении (диаметром 1—2.5 мм) бронзовой проволоки. Височные кольца, найденные вместе с браслетами, различны по форме: одно из них представляет собой круглую спираль 3 см в диаметре, со-

стоящую из 2—3 оборотов тонкой, полукруглой в сечении проволоки; другое является круглым колечком с заходящими концами (такого же диаметра, как и первое), согнутым из проволоки сечением в 1.5 мм; третье — с несомкнутыми концами из проволоки сечением в 2 мм, диаметр его 1.5 см.

Подобный же клад, состоящий из двух бронзовых браслетов, был найден на борту ямы, находящейся в 1 м на северо-восток от жилища 11 (рис. 14, 2, 5). Диаметр браслетов 7 см. Один из них является круглой спиралью, свернутой в три оборота из овальной в сечении проволоки. Концы проволоки завернуты вокруг соседних витков спирали, что придает браслету близкое сходство с «кривическими» височными кольцами XI—XII вв. Второй браслет, найденный лежащим на первом, сделан из такой же проволоки, один из концов которой заострен, а второй расплющен в виде ленты шириной до 5—6 мм. Расплющенный конец браслета обломан.

В состав клада, найденного у западного угла жилища 9, кроме упомянутой выше железной фибулы, входили бронзовое височное колечко диаметром 3.5 см с заходящими концами из округлой проволоки сечением в 1.5—2.0 мм и три бронзовых пронизки: трубочка длиной 3.2 см, свернутая из тонкой пластинки, спиралька из полукруглой в сечении проволоки и маленькая спиралька из тонкой, круглой в сечении бронзовой проволоки (рис. 14, 22—24, 32). Эти три пронизки входили, вероятно, в состав ожерелья, состоящего из 50 разнообразных по форме и материалу бус. Среди них имеется одна большая бусина из бесцветного стекла (рис. 14, 31), семь овальных пастовых бус в черную и белую полоски, несколько красных пастовых бус с черными и голубыми глазками и свыше 30 мелких круглых и цилиндрических бус из бесцветного стекла и синей пасты (рис. 14, 25—30). Вместе с бронзовыми пронизками длина ожерелья составляла 21—22 см.

Наконец, отметим еще три бронзовых предмета, найденных в культурном слое в разных частях раскопа. Это полая литая колоколовидная подвеска (рис. 14, 9), обломок трапециевидной подвески или пластинчатого браслета с геометрическим орнаментом, выполненным насечкой (рис. 14, 21), и тонкая бронзовая подвеска, отлитая по восковой модели, в виде плоской сплошной

¹ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тыс. н. э. МИА, № 5, стр. 135.

² В. П. Петров. Зарубинецкий могильник (см. настоящий сборник, стр. 48).

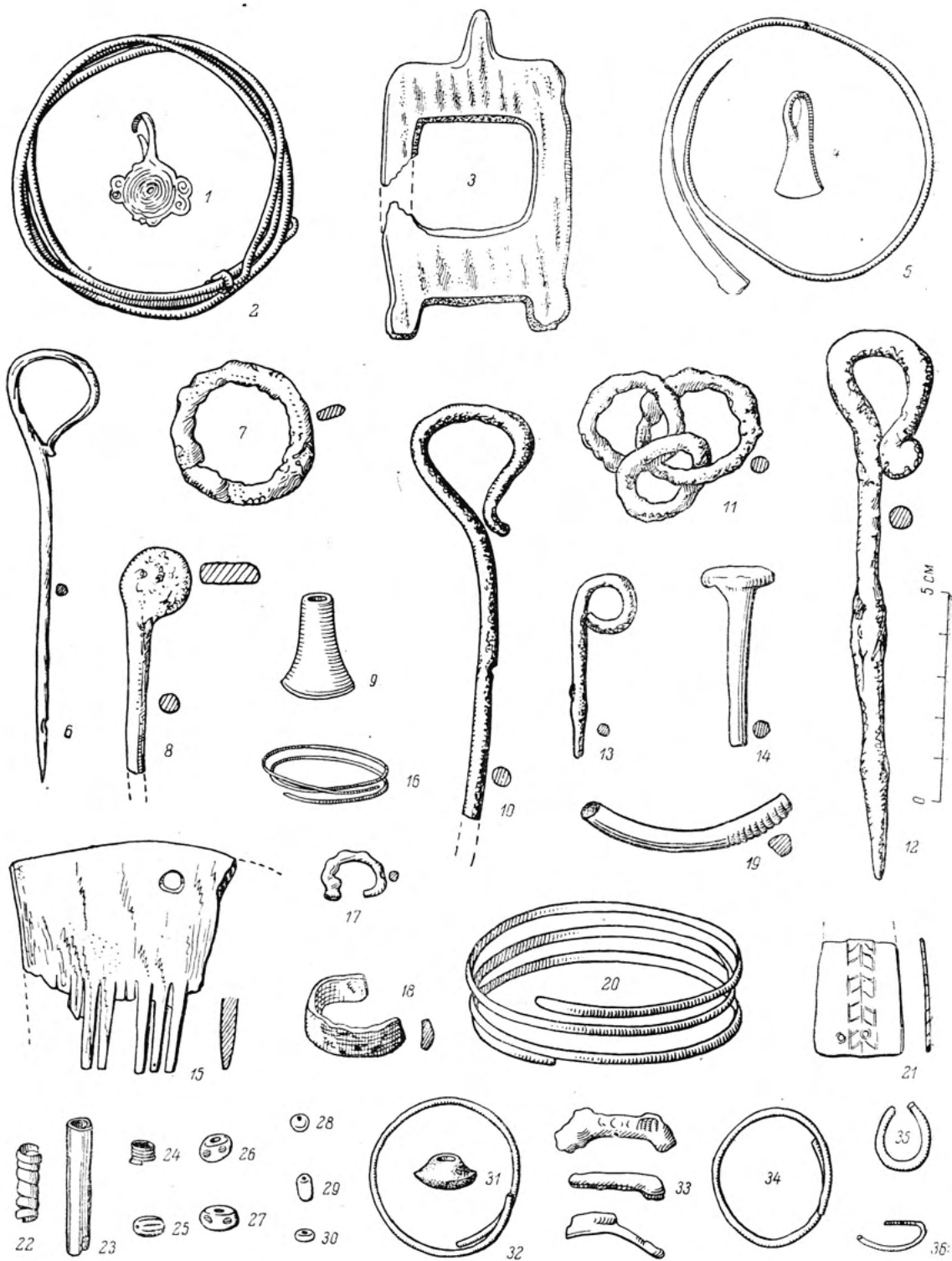

Рис. 14. Чаплинское городище. Предметы убора и украшения.

1, 4, 9 — подвески бронзовые; 2, 5, 20 — браслеты бронзовые; 3 — пряжка из рога; 6, 8, 10, 12—14 — булавки железные и бронзовые; 15 — гребень костяной; 16, 32, 34—36 — височные кольца бронзовые; 7, 11, 17—18 — кольца железные; 19 — обломок бронзового браслета; 21 — обломок бронзового украшения; 22—24 — пронизки бронзовые; 25—31 — бусы; 33 — обломок железной фибулы.

округлой спирали, к которой примыкали с боков и снизу три эвовидных спирали, а сверху — петелька для подвешивания (рис. 14, 1). Последний предмет относится, быть может, к милоградскому слою. По технике изготовления он напоминает украшения так называемого подгорского типа.¹

К предметам убора относятся гребень, вырезанный из роговой пластинки (рис. 14, 15), и большая пряжка «сарматского типа», изготовленная из рога лося. Она являлась либо поясной пряжкой, либо же принадлежностью конской упряжи (рис. 14, 3).

Один из клыков кабана, найденных на Чаплинском городище, имеет отверстие для привешивания (рис. 12, 20). Дырочку для привешивания имеет и клык небольшого хищника (лисицы?). Возможно, что тот и другой предмет принадлежат к милоградскому слою.

Наиболее обычной находкой во время раскопок на Чаплинском городище были глиняные пряслица — целые и фрагментированные, найденные в числе более 100 штук (рис. 15). Общей чертой чаплинских пряслиц является преобладание биконической формы — с значительными, однако, вариациями, небольшие размеры отверстия (5 мм) и наличие большого числа пряслиц с богатой и разнообразной орнаментацией. Очень многие пряслица несут на себе следы лощения, иногда черного цвета, по характеру такого же, как лощение зарубинецкой керамики. Размеры пряслиц варьируют от 1,5 до 4 см в поперечнике. Преобладают пряслица с поперечником 2,5—3 см и высотой 3 см.

Среди орнаментированных пряслиц очень многие имеют в верхней части как бы венчик (рис. 15, 1—2, 6, 8—9, 18—21, 24 и др.), орнамент располагается лишь на верхней половине пряслица, нижняя часть часто бывает заострена (рис. 15, 1, 6, 8, 11, 22, 32, 35, 37 и др.) или реже — закруглена (рис. 15, 9—10, 28). Среди неорнаментированных пряслиц преобладают правильные биконические (рис. 15, 39—40), округло-биконические (рис. 15, 42—43), различного рода уплощенные и шаровидные (рис. 15, 45—51).

Преобладающим мотивом орнаментации на пряслицах является ряд заштрихованных треугольников, прочерченных по сырой

глине. Три верхних ряда рисунков изображают часть найденных на городище пряслиц с различными вариациями орнамента из треугольников (рис. 15). Наряду с треугольниками, заполненными прочерченными линиями, здесь имеются также треугольники с заполнением из точек. К ним могут быть отнесены пряслица, изображенные на рис. 15 под номерами 31 и 32. Особо обращают на себя внимание четыре пряслица с неритмичной орнаментацией, имеющей, быть может, какое-то смысловое значение (рис. 15, 1—2, 4—5).

Далее следует ряд пряслиц с орнаментацией в виде «шахматной доски», «лесенок» и «елочек» — двойных и односторонних (рис. 15, 20—25, 27—28). Несколько пряслиц было орнаментировано параллельными линиями (рис. 15, 35—37). Все эти мотивы орнамента, включая и ряды треугольников, очень напоминают орнаментацию глиняной посуды среднеднепровской культуры эпохи ранней бронзы.¹ Особенно близки к орнаментации среднеднепровской посуды узоры на пряслицах с зональной орнаментацией (рис. 15, 18, 21, 22 и 23). Возможно, что это сходство не является случайным, отражая какие-то реальные нити генетических связей зарубинецкой культуры с культурой местного населения II тысячелетия до н. э.

Некоторые глиняные пряслица были очень небольшими: 1,5—2 см в поперечнике и с диаметром отверстия 2—3 мм (рис. 15, 14, 34, 39). К этой группе пряслиц, насчитывающей до 20 экз., примыкает серия глиняных бус в виде шариков диаметром от 0,6 до 1,5 см, с отверстиями диаметром от 1 до 2 мм, не имеющих орнаментации. Таких бус найдено свыше десяти. Некоторые из них, отличающиеся небрежностью изготовления, в частности асимметричностью, наводят на мысль, что эти предметы являлись не украшениями, а какими-то грузиками.

Глиняных грузил от рыболовных сетей на городище не найдено, за исключением 2—3 обломков овальных грузил современного типа, попавших в культурный слой случайно.

Предметы из камня, найденные на Чаплинском городище, представлены зернотерками, всякого рода пестами и точильными камнями.

¹ В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части полесья УССР. Докл. VI научной конфер. Инст. археологии, Киев, 1953, стр. 201.

¹ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. 16, стр. 34—51.

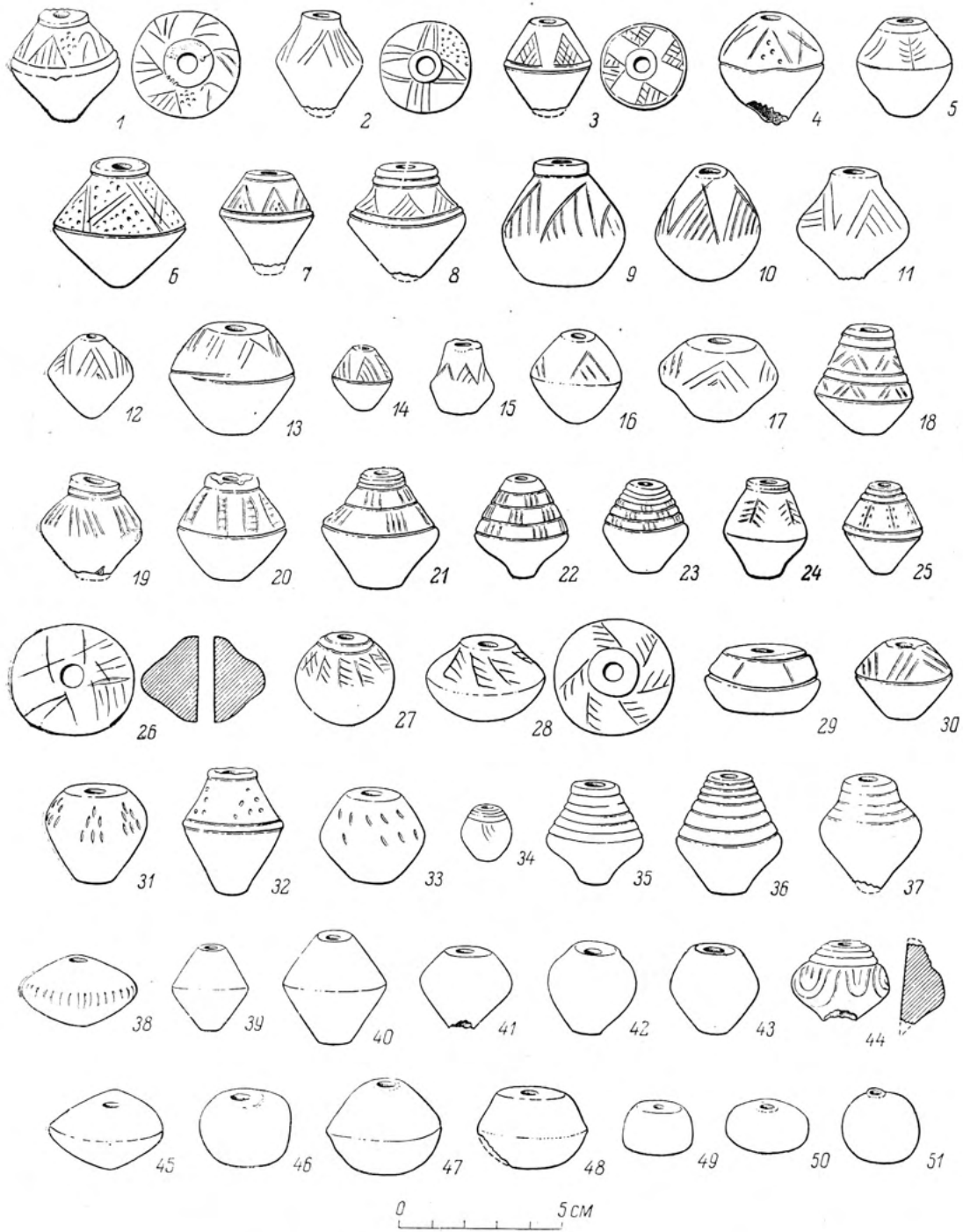

Рис. 15. Чаплинское городище. Глиняные пряслица.

При раскопках было найдено три нижних камня от ручных зернотерок: один в жилище 11, другой в яме около жилища 8 и третий в культурном слое в западной части раскопа. Наиболее интересна вторая из перечисленных здесь находок. Это гранитная плита размером 45×25 см и толщиной около 8 см с характерно вогнутой рабочей поверхностью. Две другие зернотерки имеют

Рис. 16. Чаплинское городище. Пест.

меньшие размеры. Найдено также несколько обломков подобных ручных жерновов.

Верхние камни зернотерок, встреченные в числе нескольких штук, представляли собой округлые каменные блоки с плоской рабочей стороной, диаметром 8—12 см.

Каменные песты, найденные в числе нескольких десятков, представляли собой естественные камни округлой или удлиненной формы со следами сработанности на одном или двух концах. Некоторые из них, со следами длительного употребления в нескольких местах, имели форму правильных шаров диаметром 7—8 см (рис. 16).

Точильных камней найдено на городище очень мало. В большинстве случаев это удлиненные песчаниковые или сланцевые плитки естественного происхождения со следами употребления на одной или нескольких сторонах.

Керамический материал Чаплинского городища является важным источником для характеристики быта древних обитателей городища и для выяснения отношения культуры Чаплинского городища к культуре зарубинецких поселений и могильников Среднего Поднепровья, в частности таких «классических» памятников, как Зарубинецкий и Корчеватовский могильники. При раскопках на Чаплинском городище были обнаружены 21 целый или частично фрагментированный сосуд (не считая маленьких сосудиков) и более 4000 обломков. При раскопках 1951 и 1952 гг. для изучения брался весь керамический материал; в 1953 г. подсчет керамического материала производился на месте раскопок, а для изучения отбирались лишь наиболее характерные находки.

При археологических исследованиях последних лет, произведенных в области Среднего Поднепровья, было установлено, что состав керамического материала на зарубинецких поселениях заметно отличается от состава керамики могильников. Если на могильниках преобладает изготовленная от руки нарядная «столовая» посуда с выложенной поверхностью, а грубая составляет сравнительно незначительный процент, то на поселениях, наоборот, значительно преобладает грубая, «кухонная» посуда.¹ Такая же картина выявилась при исследовании Чаплинского городища и расположенного около него «погребального поля». На последнем большинство сосудов принадлежит к «столовой» посуде с выложенной поверхностью; на городище такая посуда составляет приблизительно лишь 15% керамического материала.

Посуда с лощеной поверхностью, найденная на городище, повторяет ассортимент, представленный на «погребальном поле». Здесь имеются миски, высокие горшки или кувшины среднего размера и небольшие сосуды в виде кружек. Следует при этом добавить, что на городище найдено сравнительно много лощеной керамики черного

¹ См. статьи В. П. Петрова, Е. В. Махно, В. И. Довженка и Н. В. Линки в настоящем сборнике. Сравнительно много грубой керамики встречено лишь на Корчеватовском могильнике, где оказалось большее количество урновых захоронений, причем в качестве урн употреблялись главным образом крупные, грубые по фактуре сосуды.

цвета, тогда как на могильнике по неизвестной причине преобладает бурая или коричневая.¹ Сосуды вылеплены от руки из глины с примесью песка. Судя по характеру изломов, керамика изготовлялась ленточным способом.

Значительная часть лощеной керамики Чаплинского городища полностью идентична посуде среднеднепровских памятников. Но в общей массе лощеная посуда из городища и могильника у с. Чаплин является менее совершенной, чем посуда среднеднепровских поселений и могильников, — таких, например, как Сахновка, Зарубинцы или Корчеватое. Объясняется это, по-видимому, не столько более северным «провинциальным» положением чаплинских памятников, сколько тем, что Чаплинское городище и могильник охватывают более широкий хронологический период, чем Зарубинецкий или Корчеватовский могильники. Среднеднепровские памятники относятся главным образом ко II—I вв. до н. э., а чаплинские, как мы увидим ниже, охватывают время от II в. до н. э. и до II, а может быть и III в. н. э., когда традиции изготовления нарядной лощеной посуды черного и коричневого цвета, связанные с временем поздней бронзы, гальштатом, античностью и латеном, начали постепенно забываться.

Основные формы лощеной посуды Чаплинского городища изображены на рис. 17, 1—6, и рис. 18, 3—4, 9, что освобождает нас от необходимости заниматься их детальным описанием. В коллекции представлены 6 мисок и фрагменты более чем 40 других таких же мисок, обломки нескольких десятков высоких горшков и 5—6 кружек с ручками. Горшки и кружки в большинстве случаев отличаются менее совершенным лощением, чем миски.

Миски Чаплинского городища сравнительно однообразны. В большинстве случаев это реберчатые миски диаметром от 26 до 31 см, одинаковой формы, варьирующие по

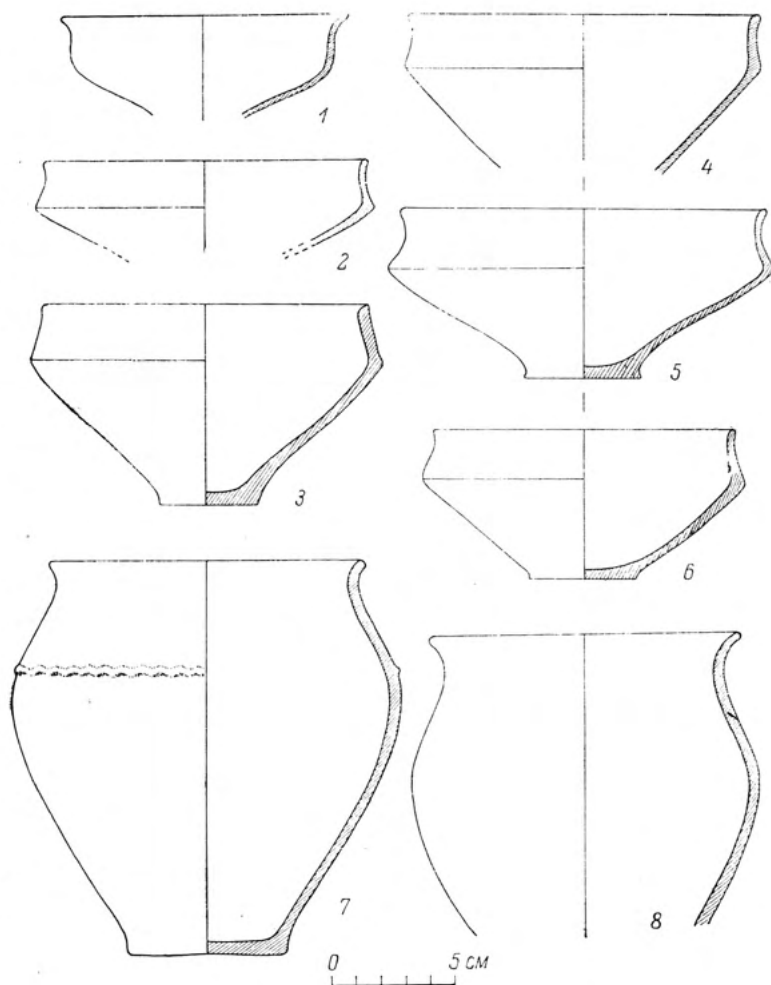

Рис. 17. Чаплинское городище. Глиняные сосуды.

высоте от 12—13 до 15—16 см при толщине стенок 6—8 мм. По наблюдениям Ю. В. Кухаренко, миски реберчатых очертаний относятся к рубежу и началу нашей эры. Большинство мисок тщательно вылощено с обеих сторон — с наружной и внутренней.

Более древними являются миски с плавными очертаниями, лишенные ребра. Вероятно, поэтому в коллекции Чаплинского городища имеется всего лишь одна более или менее целая такая миска (рис. 17, 1). Остальные представлены обломками. Эта

¹ Ю. В. Кухаренко. Чаплинский могильник (см. настоящий сборник, стр. 159).

посуда также всегда имела двустороннее лощение. Обращает на себя внимание, что среди материалов чаплинского могильника отсутствуют некоторые формы ранних мисок, характерные для среднеднепровской группы

В одном случае рисунок представлял собой три вертикальных линии на верхней части сосуда, в другом — два зигзага, заканчивающихся с одной стороны стрелками (другой конец рисунка не сохранился). Третий

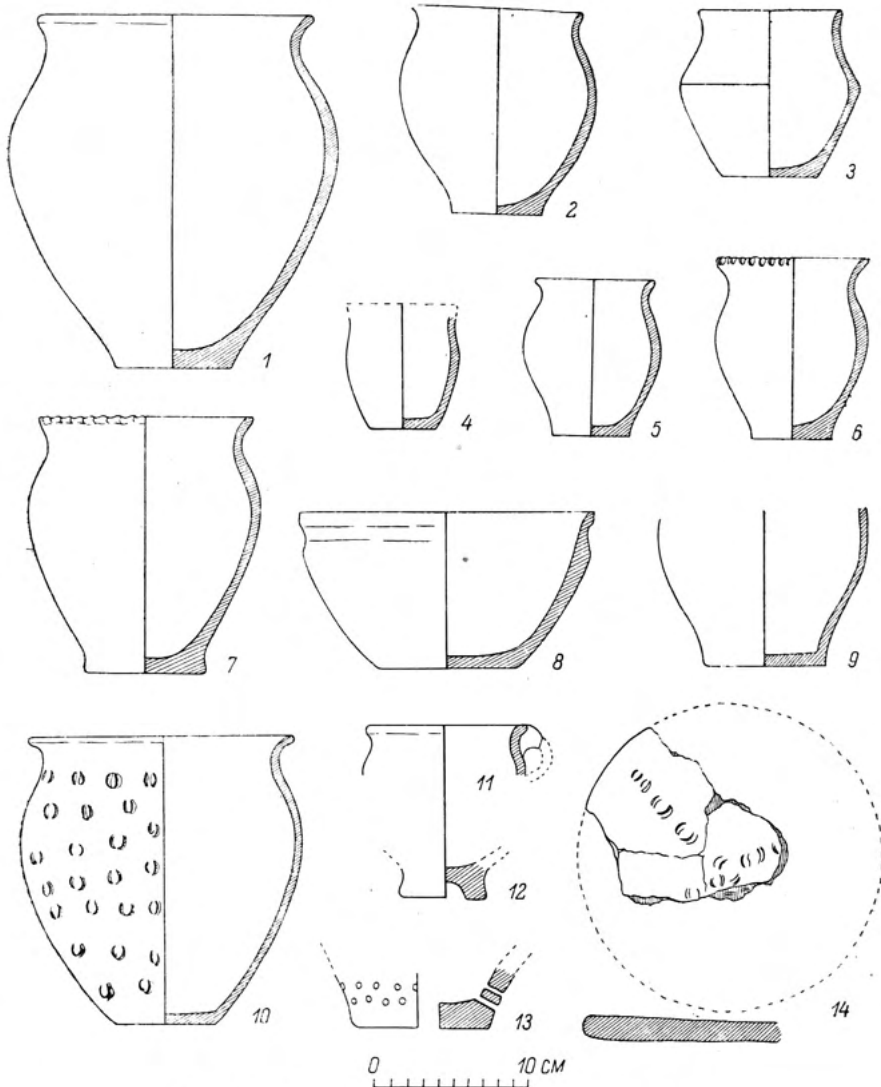

Рис. 18. Чаплинское городище. Глиняная посуда.

зарубинецких памятников, например для поселений Сахновка, Межирич или Великие Дмитровичи.¹

На трех реберчатых мисках, представленных обломками, имелись рисунки, прорисованные чем-то острым по лощеной поверхности еще не обожженных сосудов (рис. 19).

рисунок, наиболее интересный, но также сохранившийся лишь частично, представлял собой какой-то знак, а может быть изображение корабля. Такие рисунки на зарубинецких сосудах встречены, насколько нам известно, впервые.

Сосудов в виде высоких горшков или кувшинов, имеющих лощеную поверхность, на Чаплинском городище найдено очень

¹ См. настоящий сборник, стр. 88, 104.

немного. Среди них совсем не имеется нарядных кувшинов с пролощенными желобками, валичками или налепными «подковками», обычных для среднего Поднепровья. Часто сосуды были вылощены очень небрежно, лишь с наружной стороны. В отдельных случаях бывает трудно решить, куда следует отнести тот или иной сосуд — к лощеным или к сглаженным. Ни одного целого сосуда

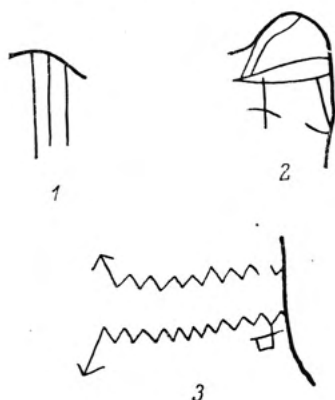

Рис. 19. Чаплинское городище. Изображения на глиняных сосудах. 4/5 н. в.

этого типа в чаплинской коллекции не имеется. Судя по обломкам, их высота колебалась в пределах от 15 до 24 см, диаметр — от 10 до 20 см. Сосуды имели гладкий, несколько отогнутый наружу венчик, яйцевидное, суженное книзу тело и сравнительно узкое плоское дно.

Обращают на себя внимание обломки нижней части одного коричневого лощеного сосуда, похожего на кувшин, покрытый орнаментом в виде полукружочков, сделанных концом металлической или тонкой костяной трубочки. Сосуд с таким же точно орнаментом происходит из «погребального поля» у с. Пуховки в Среднем Поднепровье, известного еще В. В. Хвойке.¹

Последней категорией лощеной «столовой» посуды являются маленькие сосудики — «кружки» с ручками или, чаще, без ручек. Они также представлены лишь обломками. Исключение составляет один сосуд без ручки с отбитым венчиком (рис. 18, 4). Его высота составляла 8—8,5 см, диаметр 7 см. Сосудиков с ручками имеется, судя по обломкам,

не более 5—6. Ручки у них маленькие, круглые, они вертикально прикреплялись к верхней части сосуда, под венчиком (рис. 18, 11).

Керамика с грубой поверхностью может быть разделена на четыре основные группы: миски, большие сосуды, горшки-кувшины средней величины и маленькие сосудики — кружечки. Сосуды всех групп вылеплены от руки из глины с примесью песка или дресвы, поверхность у них сглаженная, иногда, если дресва крупная, несколько бугристая. Многие сосуды покрыты тонкой штриховкой, которая получается при сглаживании поверхности сосуда тряпкой. Штриховки орнаментального характера не имеется.

Цвет керамики — желто-серый, неравномерный, излом — темно-серый. Обжиг хороший. Сосуды лепились ленточным способом.

Миски с нелощеной поверхностью составляли совсем незначительный процент керамики. Некоторые из них, более тщательно изготовленные, по форме и размерам не отличались от лощеных реберчатых мисок. Другие имели более примитивные очертания, примером чего может служить найденная цельной миска, изображенная на рис. 18, 8. Как и на зарубинецких поселениях Среднего Поднепровья, на Чаплинском городище имелись миски на высоких полых ножках, представленные, к сожалению, лишь обломками (рис. 18, 12).

Сосуды в виде горшков — большие и средней величины — отличаются весьма устойчивой однообразной формой. Их венчик несколько отогнут наружу, тело сосуда имеет яйцевидные очертания, наиболее широкая часть находится на $\frac{2}{3}$ высоты. Высота сосуда, как правило, несколько превышает его ширину, плоское дно имеет сравнительно небольшой диаметр, что заставляет вспомнить пропорции керамики латенского типа. Для большинства сосудов, особенно меньших размеров, очень характерна одна деталь — круглые очертания дна внутри сосуда. Очень возможно, что в этой детали следует видеть черту, которая связывает чаплинскую посуду зарубинецкого времени с более древней — милоградской. Особенно характерны в этом отношении сосуды, изображенные на рис. 18, 1—3, 5—7, представляющие собой как бы круглодонные милоградские сосуды с прямым плоским дном.

¹ См. настоящий сборник, стр. 57.

Свыше 10 чаплинских сосудов из числа наиболее крупных было украшено налепным валиком с защипами, опоясывающим наиболее широкую часть сосуда. Выше валика стенки таких сосудов тщательно заглаживались или слегка залащивались; ниже валика поверхность сосудов была, наоборот, очень грубой. В некоторых случаях грубая фактура нижней части сосуда носила орнаментальный характер. Для этого на поверхность сосуда при его изготовлении нарочито небрежно наносился тонкий слой жидкой глины. Такие точно сосуды известны среди материалов Корчеватовского могильника, Пироговского и Ходосовского городищ, Великих Дмитровичей и других зарубинецких поселений Среднего Поднепровья. Здесь мы сталкиваемся с чрезвычайно древней традицией, восходящей в междуречье Днестра и Днепра к Белогрудовской культуре рубежа II и I тысячелетий до н. э., а в Средней Европе — к унетичской культуре середины II тысячелетия до н. э.

Один сосуд с налепным валиком, найденный в обломках в пределах жилищ 5 и 6 удалось полностью восстановить (рис. 17, 7 и рис. 7, *внизу*). Он имеет высоту 31,5 см, диаметр горла — 25 см, наибольший диаметр — 31 см, диаметр дна — 12,5 см и стенки толщиной 0,8—1,1 см. Налепной валик у него узкий и низкий, вдавлениями пальцем ему придан облик волнообразной линии. На других сосудах, представленных в обломках, имелся или такой же точно валик, или более массивный, украшенный отпечатками пальцев или «защипами».

Большие сосуды, украшенные налепными валиками, имеющие объем свыше 10 л, служили несомненно не для приготовления пищи, а для хранения припасов, прежде всего зерна. Они составляли часть обстановки жилищ и именно поэтому были орнаментированы.

Все остальные сосуды большого и среднего размера, как правило, не имели никакой орнаментации, если не считать насечек, вдавлений и «защипов», нанесенных по краю венчика почти у половины сосудов этих типов. Размеры крупных сосудов соответствовали величине описанного выше целого сосуда с налепным валиком. Высота сосудов средней величины колебалась в большинстве случаев в пределах от 15 до 25 см, ширина — в пределах от 12 до 22 см.

Обращает на себя внимание несколько (4—5 экземпляров) сосудов средней величины, по общему облику не отличающихся от вышеописанных; на их стенках имеется орнамент в виде вдавлений или «защипов», нанесенных пальцами. Один такой сосуд удалось частично восстановить (рис. 18, 10). Посуда с орнаментом такого типа встречается в пшеворских могильниках Польши.¹ Некоторые аналогии она находит также в керамике юго-восточной Прибалтики.

В довольно большом количестве найдены на Чаплинском городище небольшие нелощенные сосуды высотой 8—12 см. В отличие от горшков большого и среднего размера, весьма однообразных по форме, маленькие сосуды имели различные очертания, что видно по их изображениям на рис. 18, 2, 5—6. Несколько маленьких сосудов (3—4 экземпляра) имели ручки, такие же, как у лощеных «кружек».

Остановимся на нескольких сосудах, представленных единичными экземплярами и сохранившихся лишь в обломках. Это будет, во-первых, сосуд для изготовления сыра, обломки плоского дна которого несут на себе сквозные отверстия. Диаметр дна этого сосуда составлял 9 см, толщина дна — около 2 см. В середине дна имелось круглое сквозное отверстие около 2 см диаметром, а в нижней части стенок, около самого дна шли два ряда сквозных отверстий 0,4—0,5 см диаметром (рис. 18, 13). Далее отметим обломки двух или трех сосудов горшковидной формы, на которых имеются округлые выступы или «шашечки», на одном фрагменте — двойные. Такие выступы известны в единичных случаях на зарубинецкой керамике Среднего Поднепровья.²

В значительном количестве среди чаплинской керамики имеются обломки круглых плоских крышек, обычно орнаментированных с одной стороны несложным узором из вдавлений или «защипов», нанесенных пальцем (рис. 18, 14). Наиболее крупные крышки имели диаметр до 25—30 см, что соответствует размерам больших глиняных сосудов. Такие крышки постоянно встречаются на зарубинецких поселениях Среднего Поднепровья, а также в пшеворской культуре Польши, где они имеют ранних предшест-

¹ Например: В. К o s t r z e w s k i. *Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Koninie. Przegląd Archeologiczny*, VII, вып. 2, 1947.

² См. настоящий сборник, стр. 39, 117.

венников в виде таких же крышек, относящихся к лужицкой культуре.

Наконец, остановимся еще на одной характерной категории керамики Чаплинского городища — на маленьких сосудиках, среди которых имеется несколько лощеных. Некоторые цельные экземпляры маленьких сосудов изображены на рис. 12, 26—33. Высота сосудиков колеблется в пределах от 3 до 6 см. По форме они нередко повторяют большие сосуды, в том числе и реберчатые миски. Всего в коллекции Чаплинского городища имеется свыше 30 маленьких сосудов — цельных и в обломках.

8

Благодаря постоянным находкам фибул латенских типов, которые хорошо датируются по средневропейским и причерноморским древностям,¹ время зарубинецкой культуры определяется со значительной точностью. Зарубинецкие поселения и «поля погребений» в Среднем Поднепровье относятся ко времени начиная от II в. до н. э. и кончая I—II вв. н. э., когда они сменяются там памятниками черняховского типа. К северу от Киева, где черняховские памятники не известны, если не считать некоторых отдельных пунктов, зарубинецкая культура продолжала существовать после I—II вв. н. э. еще два, а может быть и три столетия, постепенно теряя некоторые свои характерные черты. Зарубинецкий слой Чаплинского городища, как и соответствующий ему могильник, должны быть отнесены ко времени от II в. до н. э. до II—III вв. н. э.

Основанием для такой датировки, кроме многочисленных фибул, происходящих из могильника,² являются прямые параллели в керамическом и другом материале, происходящем из Чаплинского городища, с одной стороны, и зарубинецких памятников Среднего Поднепровья — с другой. Верхняя хронологическая граница по материалам Чаплинского могильника определяется I—II в. н. э. Но материалы поселения дают возможность отодвинуть эту дату еще на одно-два столетия. Здесь имеется в виду прежде всего находка в очаге жилища 9, — которое было

охарактеризовано выше как одно из наиболее поздних исследованных жилищ, — двух больших обломков глиняного сосуда черняховского типа. Обломки эти подошли друг к другу, образуя часть горловины характерного серолощенного тонкостенного кувшина, изготовленного на гончарном круге. Несомненно, что последние десятилетия существования Чаплинского поселения относятся уже к тому времени, когда в Среднем Поднепровье распространилась черняховская культура, т. е. к II—III вв. н. э.

Наиболее сложным вопросом, вставшим в результате раскопок на Чаплинском городище и могильнике, является вопрос об отношении культуры зарубинецкой слоя городища к более ранней — милоградской культуре, представленной на городище нижним слоем. На основании материалов одного памятника — Чаплинского городища — этот вопрос не может получить окончательного разрешения. Для того чтобы определить, имеется ли генетическая связь между милоградской и зарубинецкой культурами, необходимо значительное число наблюдений, сделанных на памятниках различных районов. Располагая материалами Чаплинского городища, мы постараемся объективно изложить все «за» и «против» преемственности между двумя названными культурами, поставив окончательное решение вопроса в зависимости от успеха будущих исследований.

На наличие преемственности между милоградской и зарубинецкой культурами указывают следующие наблюдения:

1) наличие керамики милоградского типа в некоторых погребениях Чаплинского могильника, что заставляет вспомнить аналогичные находки в Корчеватовском могильнике;¹

2) находки милоградской керамики, в том числе цельных сосудов, в ряде ям-погребов, таких же, как погребка с находками зарубинецкой керамики, а также совместное нахождение обломков милоградской и зарубинецкой керамики в некоторых ямах-погребках;

3) преемственность в развитии форм глиняных сосудов (округлое дно зарубинецких сосудов с внутренней стороны);

4) преемственность форм и орнаментации глиняных пряслиц.

¹ А. К. Амброс. Фибулы зарубинецкой культуры (см. настоящий сборник, стр. 184).

² Ю. В. Кухаренко. Чаплинский могильник (см. настоящий сборник, стр. 154).

¹ И. М. Самойловский. Корчеватовский могильник (см. настоящий сборник, стр. 70).

Если выйти за рамки чаплинских материалов, то к этому можно будет прибавить еще и некоторую преемственность в погребальной обрядности, преемственность в развитии жилищ столбовой конструкции от неглубоких столбовых землянок к наземным столбовым жилищам и — самое главное — примерное совпадение территории милоградской и близких ей культур VII—III вв. до н. э. и зарубинецкой культуры.

Против преемственности милоградской и зарубинецкой культур свидетельствует то, что наиболее характерные черты зарубинецкой керамики (лощение, формы мисок, напольной валик, плоские крышки и др.) восходят не к милоградской керамике, а к керамике древних культур Среднего Поднепровья (белогородовская, чернолесская, скифская)¹ и к керамике ряда культур Повисленья (лужицкая, раннепшеворская). С западными культурами могут быть сопоставлены также и зарубинецкий погребальный обряд, столбовое домостроительство, железные изделия и некоторые предметы убора и украшения (фибулы).

Все это свидетельствует о том, что вопрос о происхождении зарубинецкой культуры, представляющий собой важную часть вопроса о происхождении восточных славян, является очень сложным и пока что далеким от своего разрешения.

На основании орудий труда и других находок, сделанных на Чаплинском городище, можно заключить, что его обитатели занимались земледелием, возделывая злаки и, возможно, корнеплоды и волокнистые культуры (лен, конопля), а также скотоводством, охотой и рыбной ловлей. Судя по костям животных, происходящих из культурного слоя городища и из некоторых ям-погребов, обитателям городища были знакомы все основные виды домашнего скота. В пищу шли крупный рогатый скот, лошади, свиньи и в меньшем числе — мелкий рогатый скот. Как мы видели выше, из молока обитатели городища изготавливали творог и сыр, пользуясь особыми сосудами с отверстиями у дна. В значительном числе в пищу шло мясо диких животных: благородного оленя, лося, зубра, косули, кабана, медведя. Охота ве-

лась также и на пушного зверя — бобра, барсука, хорька, волка и куницу, кости которых — правда, в небольшом числе — найдены при раскопках. В распоряжении охотников имелись собаки.¹

Население городища знало железообработку и меднолитейное дело, изготовляло костяные изделия и глиняную посуду.

Судя по раскопкам части городища, поселок состоял приблизительно из 25—30 одновременно существовавших жилищ, рядом с которыми располагались многочисленные хозяйственные сооружения, в частности ямы-погреба. Размеры большинства жилищ колебались в пределах от 16 до 24 кв. м, что составляло средние размеры жилища одной семьи на протяжении длительного времени, начиная от неолита до средневековья. Имелись ли здесь, кроме обычных жилищ, какие-либо общественные здания, что было обнаружено, например, на городище Березняки в Верхнем Поволжье, и как выглядела общая планировка поселка — осталось невыясненным.

В связи с этим трудно сказать что-либо вполне определенное и в отношении социального строя обитателей Чаплинского городища. Бесспорно лишь, что здесь мы имеем дело отнюдь не с большесемейной общиной, подобной общине городища Березняки, а с более развитой социальной организацией. Чаплинское городище — это уже не двор большой патриархальной семьи, а более крупный поселок, у обитателей которого общинные начала сочетались с семейными.

В этой связи обращают на себя внимание маленькие клады женских украшений, най-

¹ А. И. Тереножкин. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. СА, т. XXIV, стр. 7—28.

¹ Так как слои милоградского и зарубинецкого времени на Чаплинском городище смешаны, а в верхнем слое встречаются еще и средневековые находки, также включающие в себя костный материал, точные подсчеты костей и особей не имеют серьезной научной ценности. Весь костный материал был нами разделен на три группы: милоградско-зарубинецкую, средневековую и неопределенную, возможно включающую в себя как более ранний, так и средневековый материал. Подсчет костей милоградско-зарубинецкого времени, произведенный В. И. Цалкиным, дал следующее число костей (числитель) и особей (знаменатель): крупный рогатый скот — 346/15, лошадь — 245/11, свинья — 117/14, мелкий рогатый скот — 58/7, собака — 2/1, благородный олень — 100/8, лось — 58/4, зубр — 18/3, косуля 23/6, кабан — 54/10, бобр — 46/10, медведь — 6/3, барсук — 4/2, волк — 2/1, хорек — 3/1 и куница — 1/1.

денные внутри некоторых навесов, сооруженных над ямами-погребями. Очевидно, женщины прятали свои вещи отнюдь не в общинных амбарах, а в хозяйственных постройках, принадлежащих их семьям. О том, что каждая семья отдельно вела домашнее хозяйство, свидетельствуют находки в ряде жилищ ручных зернотерок. Напомним, что на городище у д. Березняки, в отличие от Чап-

линского городища, имелся один общинный амбар, где производился и размол зерна.

Следовательно, общественные отношения обитателей Чаплинского городища возможно определить как переходные от патриархальной большесемейной общины к сельской общине. Насколько далеко зашел этот процесс, особенно в области производства, остается пока не выясненным.

Ю. В. Кухаренко

ЧАПЛИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Чаплинский могильник находится на юго-восточной окраине с. Чаплин Лоевского р-на Гомельской обл., на краю правого берега Днепра, примерно в 100 м к северо-западу от городища, исследованного 1951—1953 гг. П. Н. Третьяковым.¹ Берег Днепра, на котором расположен могильник, крутой и обрывистый. Местом могильника является невысокое, еле заметное на глаз всхолмление, тянущееся вдоль края берега на протяжении 100—150 м. Старожилы рассказывают, что еще недавно на месте могильника рос березовый лес; в настоящее время площадь его занята огородами. Могильник был обнаружен в 1951 г. и частично раскопан в течение двух последующих лет.²

Почва на месте могильника представляет собой оподзоленную супесь, подстилаемую на глубине 0,8 м слоем белого песка. Последний четко отделен от почвенного слоя тонкими железистыми прослойками. Почвенный слой в верхней части примерно до глубины 0,3 м имеет сероватый цвет, нижняя часть слоя — светло-желтая. Погребения залегали в нижней части почвенного слоя. Только в трех случаях ямы погребений прорезали железистые прослойки и углублялись в подпочвенный песок.

Так как площадь могильника занята огородами, а ряд его участков во время войны был испорчен немецкими траншеями и блиндажами, раскопки пришлось вести сравнительно небольшими участками. Всего на площади могильника было вскрыто 1612 кв. м, в пределах которых обнаружено 44 погребения.

¹ П. Н. Третьяков. Чаплинское городище (см. настоящий сборник, стр. 119).

² Ю. В. Кухаренко. Могильники полей погребений в Верхнем Приднепровье. КСИИМК, вып. 53, стр. 30—85.]

Судя по материалам раскопок, могильник занимал узкую полосу, тянущуюся вдоль края берега. Длина ее составляет свыше 150 м, ширина — около 50 м. На площади могильника на поверхности встречаются обломки глиняных сосудов тех же типов, что и в погребениях.

Погребения на площади могильника располагаются довольно равномерно, хотя и без определенного, строго выдержанного порядка (рис. 1). Разные по времени погребения встречаются рядом, попеременно друг с другом. Однако следует отметить, что больше всего ранних погребений и почти все наиболее ранние обнаружены в ближайшей к городищу части могильника. Расстояние между соседними погребениями различно — от одного до десяти и более метров.

Погребения, обнаруженные на Чаплинском могильнике, не имели каких-либо внешних признаков на поверхности. Однако более чем вероятно, что в свое время над ними имелись небольшие земляные насыпи или деревянные знаки. В пользу нашего предположения говорит то обстоятельство, что на Чаплинском могильнике только в одном случае яма одного погребения частично прорезала яму другого, более раннего (погребения 21 и 22). Во всех остальных случаях погребения не нарушали друг друга.

Во всех погребениях Чаплинского могильника обнаружены захоронения с трупосожжением. При этом обломки пережженных костей ссыпались на дно погребальной ямы. Захоронений в урнах не встречено. Количество пережженных костей не всегда одинаково: в одних случаях их несколько десятков или даже единиц, в других — несколько сотен. Пережженные кости не одинаковы как по составу, так и по размерам. Почти в каждом погребении имеются обломки

черепных костей, но преобладают обломки больших костей конечностей. Почти всегда они очень мелкие, однако встречаются и такие, длина которых доходит до 5—6 см при 1—2 см в поперечнике.

пряслица, бусы, фибулы, обломки браслета. В большинстве случаев эти вещи находились в перепаханном слое, на месте глубоких межевых борозд. На более значительной глубине — до 0.5 м — находки отдельных ве-

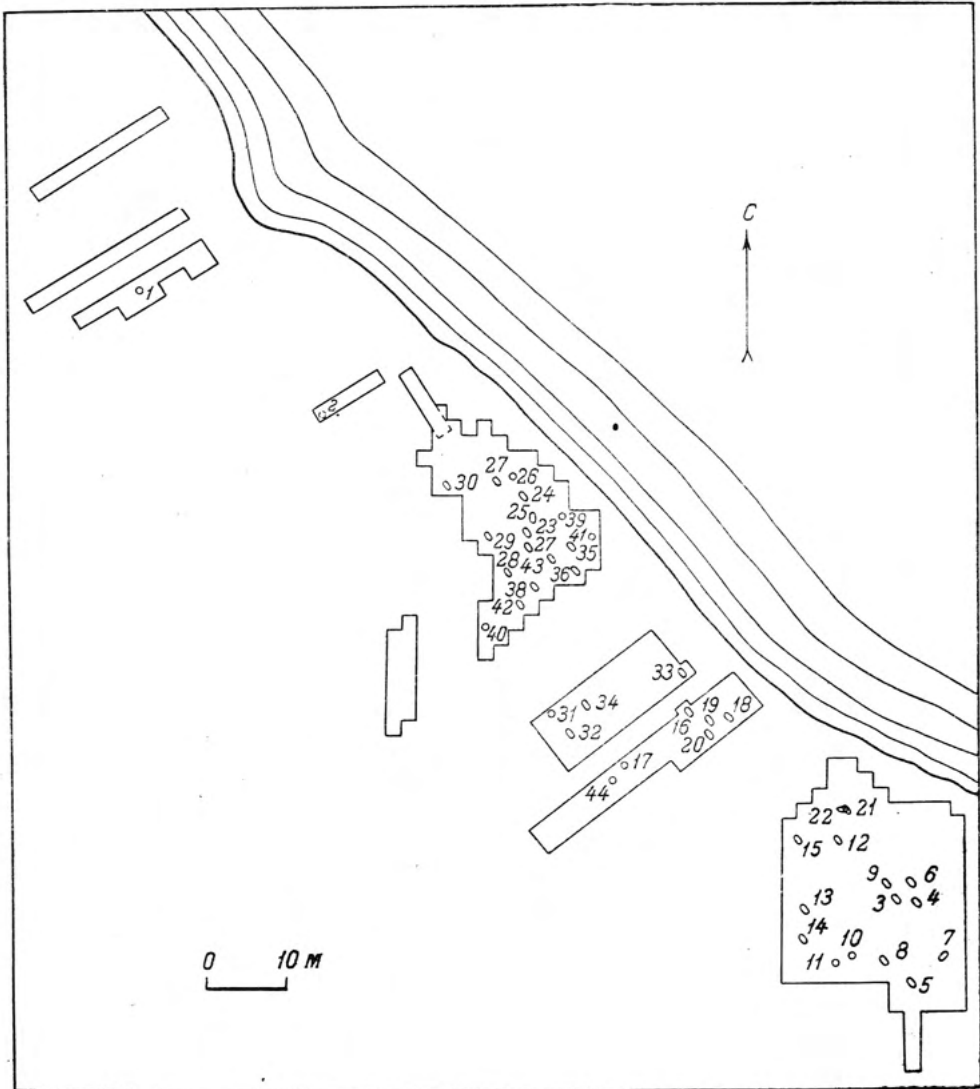

Рис. 1. План расположения погребений на Чаплинском могильнике.

Захоронения производились на сравнительно небольшой глубине — от 0.30 до 0.95 м от уровня современной поверхности. Подавляющее большинство погребений находилось на глубине 0.50—0.75 м.

Помимо погребений, в почвенном слое иногда встречались находки отдельных вещей: обломки глиняных сосудов, глиняные

щей были чрезвычайно редки.¹ Все эти вещи однотипны с вещами из погребений и, по-

¹ Следует отметить, что общее количество находок отдельных вещей вне погребений на Чаплинском могильнике значительно уступает аналогичным находкам на других могильниках полей погребений, известных в Приднепровье.

видимому, некоторая их часть происходит из разрушенных погребений.

Погребения Чаплинского могильника по особенностям погребального обряда делятся на две неодинаковые в количественном отношении группы. Первая, преобладающую группу составляли погребения в больших длинных ямах, вытянутых с северо-запада на юго-восток. Таких погребений встречено 31 (3—6, 8—9, 12—16, 18—24, 27—30, 32—38, 42—43 (см. табл. 1)). К этой же группе относятся два погребения в таких же больших ямах, но с иной ориентировкой — 7 и 25. В погребении 7 яма вытянута с северо-востока на юго-запад, а в погребении 25 — с севера на юг. Всего, таким образом, в первую группу погребений входит 33 из 43 погребений, т. е. 75% от общего количества исследованных погребений.¹

Во всех этих погребениях ямы совершенно одинаковы — корытообразные, овальные, длиной чуть больше высоты человека, т. е. в среднем 2 м. Ширина ям около 0.75 м, глубина колеблется от 0.40 до 0.95. Размеры ям, а также устойчивая их ориентировка позволяют говорить о какой-то неизвестной нам связи этих погребений с погребениями с труположением.

Пережженные кости обычно лежали кучкой на дне ямы в центральной ее части. Иногда обломки черепных костей складывались отдельно в северо-западной части ямы. Таких случаев обнаружено шесть.

В большинстве погребений этой группы обломки пережженных костей были мелкие и тщательно очищенные от остатков погребального костра. В 15 погребениях (13, 15—16, 18—23, 29, 38—37) обломки костей были более крупные и перемешанные с золой и древесными углями. Последние обычно лежали вдоль ямы, сверху на костях. Незначительные остатки погребального костра встречались и в земле, заполнявшей яму. Большое количество золы и углей было лишь в погребениях 21 и 22. Следует отметить, что в этих погребениях с остатками костра с наибольшей отчетливостью прослеживались контуры погребальных ям. Во всех остальных случаях, т. е. в погребениях, где остатки погребального костра отсутствовали, контуры ям прослеживались плохо. О форме и размерах их возможно говорить

¹ Одно погребение (2) было разрушено еще до раскопок, и судить об устройстве его погребальной ямы невозможно.

лишь предположительно, исходя из расположения вещей в погребениях.

Среди обломков пережженных костей, а чаще поверх их, находились различные вещи: фибулы, браслеты, пряжки, кольца, бусы, ножи, наконечники копий и пр. Вещи располагались без определенного порядка.

Возле костей, а иногда на расстоянии до метра и более от них, на дне ямы стояли глиняные сосуды: миски и горшки. В подавляющем большинстве погребений они, как правило, стояли в северо-западной части ямы и только в семи случаях находились в противоположной, юго-восточной части. Количество сосудов в погребениях разное — от одного до трех. Чаще всего имелась одна миска, реже миска и горшок и еще реже миска и два горшка или только горшки. Сосуды — пустые, в подавляющем большинстве случаев целые или же раздавленные тяжестью грунта. Но были, однако, случаи, когда в погребения клали лишь части сосудов (погребения 3, 5, 8, 24, 42), причем интересно, что в двух погребениях (3 и 5) были только обломки венчиков от трех горшков, в одном (42) — верхней части миски, а в двух (25 и 8) наряду с целыми сосудами находились и обломки верхних частей других сосудов.

Вторую группу составляют погребения в небольших округлых ямах. Таких погребений десять — 1, 10—11, 17, 26 (табл. I, *внизу*), 31, 39—41, 44. Никаких остатков погребального костра в этих ямах нет, поэтому контуры ям почти не прослеживались. Судя по расположению вещей в погребениях, можно утверждать, что средний диаметр ям был 0.50 м, а глубина колебалась от 0.45 до 0.75 м.

Обломки пережженных костей и здесь лежали на дне ям. Обломки костей были обычно мелкие, а число их — очень небольшое. Среди костей или поверх их находились различные вещи — фибулы, бусы, браслеты, кольца, т. е. преимущественно предметы женского убора. Глиняных сосудов немного — по одному в погребении. Как правило, они стояли на краю скопления костей или же сверху на костях. Почти во всех случаях это была миска и только в одном погребении — горшок (26). В двух погребениях этой группы (11 и 44) сосудов не было вовсе. В одном случае (41) в яме обнаружена лишь раздавленная тяжестью грунта глиняная миска без следов пережженных костей.

Возможно, что это было не погребение, а обрядовое приношение умершим какой-то пищи.

Среди погребений Чаплинского могильника только в одном не было никаких вещей (погребение 44). Все остальные погребения содержали те или иные вещи, в числе которых почти во всех случаях были глиняные сосуды. Не было сосудов, если не считать уже упомянутого безынвентарного погребения 44, только в погребениях 11 и 13. В шестнадцати погребениях имелись фибулы. Нередко встречались браслеты, кольца, пряжки, бусы, пронизи, ножи, наконечники копий, кремь и т. д. Типы вещей в погребениях первой и второй групп в целом одинаковы.

И в тех и в других погребениях почти все металлические вещи несут на себе следы пребывания в огне, следовательно они были на умерших в момент сожжения. Глиняные сосуды, напротив, никогда не имеют следов пребывания на костре — их ставили в погребении с пищей. Только в одном случае (погребение 15) миска была частично деформирована под действием огня, но это произошло в яме погребения, где она оказалась вместе с остатками погребального костра.

Погребение 15 интересно тем, что позволяет восстановить — приблизительно, конечно — весь ход похорон. Умерший был сожжен где-то на стороне, во всяком случае не на месте захоронения. Прах его вместе с остатками еще не остывшего погребального костра (следовательно, сожжение производилось где-то поблизости) был перенесен на могильник и сыпан прямо на дно заранее подготовленной ямы. Сверху на пережженные кости положили железную шейную гривну и кремь от кресала. Все это покрыли еще не полностью перегоревшими бревнами, а возле них поставили горшок и миску. После этого яма была засыпана песком. При этом бревна осели вниз. Вместе с ними на тлеющие угли свалилась миска, причем бок ее, касавшийся углей, подвергся вторичному обжигу и слегка деформировался. Горшок тоже несколько осел книзу, и стенка его в нижней части была насквозь проткнута обуглившимся куском дерева.

2

Вещи, найденные в погребениях, представлены главным образом предметами украшения и домашнего обихода. Орудий труда нет. Предметы вооружения встречаются очень

редко. Все вещи без исключения вполне пригодны для повседневного обихода и, по-видимому, употреблялись при жизни погребенных. Никаких ритуальных вещей, т. е. вещей, специально предназначенных для погребения, не обнаружено.¹

Ф и б у л ы. Фибулы были найдены в 16 погребениях, в том числе в 7 погребениях — по две фибулы, а в остальных — по одной. Кроме того, две фибулы были найдены вне погребений. Всего, таким образом, на могильнике обнаружено 25 фибул. Почти все они железные и только четыре бронзовые (табл. IV).² Как те, так и другие довольно плохой сохранности. Бронзовые фибулы почти все деформированы огнем, железные — очень ржавые. Из последних лучше сохранились те, которые были покрыты окалиной. К ржавому обломку пружины фибулы из погребения 29 прикипел кусочек какой-то ткани. Некоторые фибулы попали в погребения после починки, что свидетельствует о длительном их употреблении. Так, у бронзовой фибулы из погребения 27 был обломан первоначальный конец хвоста на месте скрепления его со спинкой (табл. VI). Фибулу починили, для чего боковые края хвостовой треугольной пластинки загнули по обе стороны спинки, а на основание приемника для прочности надели особое кольцо. Тот же прием укрепления основания приемника встречается и на одной фибуле из погребения 16 (табл. V). У двух фибул (погребение 33, табл. VII; погребение 36, табл. VII) были бронзовые иголки, а у одной бронзовой (погребение 21, табл. VI) — железная пружина.

Фибулы, найденные на могильнике, представлены двумя основными типами: средне-латенским и позднелатенским. В количественном отношении оба типа представлены одинаково — по двенадцати фибул. Кроме того, в погребении 25 вместе с позднелатенской найдена одна фибула простейшей подвязной схемы (табл. VI). Во всех остальных погребениях, в которых было по две фибулы, они были, как правило, однотипными.

¹ На табл. IV—VIII даны рисунки всех вещей, найденных при раскопках Чаплинского могильника, сгруппированные по погребениям.

² В одном случае (погребение 27) бронзовая и железная фибулы найдены вместе. Во всех остальных погребениях, в которых было по две фибулы, они были изготовлены из одинакового материала.

Среднелатенские фибулы в свою очередь делятся на две группы. В первую группу входят обычные проволочные фибулы типа фибулы из погребения 34 (табл. VII). Такие фибулы найдены в погребениях 7 (одна), 11 (одна), 34 (две) и одна вне погребения. Наиболее интересна из них фибула из погребения 11. К тетиве ее прикреплена цепочка (табл. V). Все фибулы этой группы железные. Длина их колеблется от 5.5 до 10.5 см.

Вторую группу составляют фибулы той же среднелатенской схемы, но с расплюснутым в треугольную пластинку хвостом приемника. У большинства фибул этой группы уплощена и спинка. Такие фибулы найдены в погребениях 16 (две), 23 (две), 27 (две) и одна — вне погребений (табл. V, VI и VIII).

Часть фибул этого типа орнаментирована. Орнамент в виде косых и сетчатых насечек или же выдавленных снизу бороздок и пунктирных линий нанесен на треугольный хвост приемника. У фибулы из погребения 23 хвост приемника, кроме того, был инкрустирован каким-то камнем или стеклом, от которого сохранилось овальное гнездо (табл. VI).

Три фибулы этой группы бронзовые, остальные железные. По размерам они крупнее проволочных фибул, средняя длина — 12 см.

Проволочные среднелатенские фибулы, т. е. фибулы нашей первой группы, хорошо известны по многочисленным находкам в Центральной и Западной Европе, где они обычно датируются II—I в. до н. э. Что же касается фибул с треугольным хвостом приемника, то они вне пределов Приднепровья почти не встречаются. Тип этот по месту первой находки можно назвать зарубинецким. Он был безусловно местного происхождения, но возник в результате знакомства местных мастеров с появившейся извне проволочной среднелатенской фибулой. Наиболее вероятным временем появления этого типа в Приднепровье является II в. до н. э., т. е. период, когда проволочные среднелатенские фибулы впервые попадают на эту территорию.¹

¹ См.: А. И. Фурманьска. Фибулы з розкопок Ольвії. Археологія, VIII, Київ, 1953, стр. 73; M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn Gouv. Cherson (Süd. — Russland). Praehistorische Zeitschrift, V, 1913, S. 66, Abb. 74, S. III; К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погре-

Позднелатенские фибулы, найденные во время раскопок на Чаплинском могильнике, также делятся на две группы: собственно позднелатенские с рамчатым приемником (типа фибулы из погребения 1, табл. IV) и фибулы с пластинчатым приемником (типа фибулы из погребения 29, табл. VI). В количественном отношении последние преобладают — их 8 из 12.

Фибулы с рамчатым приемником обнаружены в погребениях 1, 21, 24 и 30 — по одной в каждом. Спинка фибулы из погребения 21 бронзовая, пружина железная (табл. VI). Остальные фибулы железные. Средняя длина фибул 8—9 см.

На спинке одной из фибул этой группы имеется небольшое орнаментальное утолщение (погребение 1, табл. IV).

Фибулы с пластинчатым приемником обнаружены в погребениях 6, 25, 29, 33, 36 и 37. В погребениях 33 и 37 было по две фибулы, в остальных — по одной. Все они железные, у двух фибул, правда, были бронзовые иголки. Размеры фибул такие же, как и предыдущих.

Приемник некоторых фибул этой группы орнаментирован пересекающимися бороздками (погребение 6, табл. IV; погребение 29, табл. VI). Пунктирной линией орнаментирована спинка одной из фибул из погребения 37 (табл. VIII), а на спинке другой фибулы из этого же погребения имеется небольшое цилиндрическое утолщение. Аналогичные же утолщения имеются на спинке фибулы из погребения 29 (табл. VI). По-видимому, эти утолщения являются своеобразной имитацией скрепления конца хвоста приемника со спинкой, как это имело место у среднелатенских фибул.

Датировка фибул с рамчатым приемником — I в. до н. э. — общепринята, как общепринята и датировка среднелатенских проволочных фибул. Что же касается фибул с пластинчатым приемником, то их обычно относят к I в. н. э.¹ С этим нельзя не согласиться, поскольку указанная датировка подтверждается находками вместе с фибулами других датирующих вещей, в том числе и монет.

Как уже отмечалось, в погребении 25 вместе с позднелатенской фибулой с пластинчатым приемником найдены также фибулы с рамчатым приемником.

бения в степях Поволжья и Южного Приуралья, Докл. и сообщ. истор. фак. МГУ, вып. V, 1947, стр. 79.

¹ А. И. Фурманьска, ук. соч., стр. 81.

тинчатым приемником была обнаружена железная фибула простейшей подвязной схемы (табл. VI). Фибула эта, относится, по-видимому, не позднее чем к I—II вв. н. э. Она по праву может считаться прототипом широко распространенных в более позднее время фибул с так называемой «подвязной пяткой».

Сопоставляя различные фибулы, найденные на Чаплинском могильнике, можно приблизительно наметить ход постепенного развития их типов — от проволоочной среднелатенской до подвязной. Некоторых звеньев в полученном типологическом ряду не хватает, но и имеющиеся материалы позволяют утверждать, что все основные схемы фибул, исключая исходную среднелатенскую проволоочную форму, являются продуктом местного приднепровского творчества.

С о с у д ы. Среди вещей, найденных в погребениях Чаплинского могильника, наиболее часто встречаются глиняные сосуды, особенно миски. Не считая разрушенного погребения 2, сосудов не было только в трех случаях — в погребениях 11, 13 и 44. Из 40 погребений, в которых обнаружены сосуды, только в 4 отсутствовали миски (погребения 3, 5, 8 и 26).

Все сосуды, найденные на Чаплинском могильнике, оказались лепными, т. е. сделанными без помощи гончарного круга. В глине, из которой выделывались сосуды, содержатся примеси дресвы или песка. Обжиг сосудов неравномерный и во многих случаях далеко не достаточный. Отсюда можно заключить, что сосуды обжигались в весьма примитивной обжигательной печи. Поверхность сосудов сглажена или вылощена. Сосуды с шероховатой поверхностью очень редки. Лощение не всегда одинаково по качеству и вполне менее тщательно, чем это имеет место на сосудах из Зарубинецкого могильника.

Почти все сосуды темно-коричневого цвета. Поверхность многих из них имеет большие черные пятна — результат неравномерного обжига. Реже встречаются черные сосуды — они всегда лощеные.

Всего в погребениях обнаружено 48 сосудов — 36 мисок и 22 горшка, причем миски были в 36 погребениях, а горшки только в 16. Миски, как материал массовый, представляют для нас особый интерес. Все они по особенностям техники выделки и по форме делятся на три группы.

Первую группу составляют миски из погребений 32, 16, 9, 34, 38, 10, 17, 31 и 20

(табл. II, 1—6). Эти миски сделаны из глины, содержащей значительные примеси дресвы. Несмотря на это, миски довольно тонкостенны. Профилировка мисок этой группы довольно своеобразная. Венчики, как правило, резко отогнуты наружу, изгиб стенок плавный, доньшки небольшие, в большинстве случаев слабо выраженные. Одна миска имела круглое дно (табл. II, 6).

Очень характерны плечики мисок, точнее — место у основания венчиков. У одних экземпляров ниже венчика пальцем проведена горизонтальная бороздка, у других эту бороздку имитируют резко приподнятые плечики. Миски этой группы всегда невысокие и, если так можно сказать, широко открытые. Высота их колеблется от 6.5 до 9.5 см, диаметр же непропорционально велик — от 15 до 25 см.

Во вторую группу входят миски из погребений 23, 14, 27, 35, 30, 40, 41 и 42 (табл. II, 7—9). В отличие от мисок первой группы они сделаны из глины, содержащей значительные примеси песка. Миски довольно толстостенные, тяжелые. Поверхность ровная, очень тщательно сглажена, а иногда и лощеная. Венчики мисок второй группы также отогнуты наружу, а изгиб стенок плавный. Но плечики располагаются ниже и от венчиков они уже не отделяются резко проведенной бороздкой или же ее имитацией. Доньшки выражены хорошо. Круглодонных мисок нет. Миски этой группы высокие и по сравнению с мисками первой группы имеют меньший диаметр горловины. Высота их колеблется от 9 до 13 см, диаметр — от 14 до 23 см.

Третью группу составляют миски из погребений 4, 19, 36, 22, 15, 24, 1, 18, 39, 21, 6, 29, 12, 28, 43, 33, 37 и 25 (табл. II, 10—14). В глине, из которой сделаны миски этой группы, также имеются примеси песка, но их меньше, чем в мисках предыдущей группы. Все миски довольно тонкостенные. Поверхность лощеная, коричневого, реже черного цвета. Профилировка мисок весьма разнообразная: слегка отогнутый наружу венчик и острорезистый излом стенок. Доньшки выражены хорошо. Миски этой группы большие, широкие. Высота их колеблется от 8.5 до 12 см, диаметр — от 17 до 26 см.

Из простого сопоставления этих групп друг с другом нетрудно убедиться, что вторая группа является как бы промежуточной, связывающей между собой первую и третью группы. Если же мы учтем, что миски первой

группы были обнаружены только в наиболее ранних погребениях со среднелатенскими фибулами, то получим типологический ряд развития форм интересующих нас сосудов. Развитие это идет как по линии улучшения техники выделки, так и по линии изменения форм — от выпуклобоких нелощеных сосудов с дрсвой к сосудам ребристым, лощеным, со сравнительно небольшой примесью песка.

Указанный типологический ряд на основании находок фибул хронологически укладывается в следующие рамки: миски первой группы — II в. до н. э.; миски второй группы — конец II—начало I в. до н. э.; миски третьей группы — I в. до н. э.—начало I в. н. э.

Горшки по технике выделки ничем не отличаются от мисок, по формам же они более разнообразны: выпуклобокие, ребристые, с ушками и т. д. Чаще всего встречаются большие лощеные горшки с выпуклыми боками и отогнутыми наружу прямыми венчиками (табл. III, 3—4, 10). Наибольший диаметр корпуса у них находится примерно на середине высоты сосуда. Высота горшков этого типа колеблется от 14 до 29 см. Обнаружены они в восьми погребениях (6, 29, 18 (два), 15, 36, 43, 26 и 14). Интересно отметить, что почти все эти погребения по фибулам и мискам (позднелатенские фибулы со сплошным приемником, остроребристые лощеные миски) относятся к группе самых поздних на могильнике. Только одно погребение 14, в котором был найден лощеный горшок, по типу миски (вторая группа) может быть отнесено к I в. до н. э. Можно утверждать поэтому, что лощеные выпуклобокие горшки появляются сравнительно поздно, вместе с лощеными остроребристыми мисками.

К этой же группе относятся два ребристых горшка (табл. III, 2 и 9) и горшок с ушком (табл. III, 1). Последний был найден в погребении 37, датированном позднелатенской фибулой с пластинчатым приемником. К этому же времени, судя по форме миски, относится и один из ребристых горшков (погребение 12). Большой ребристый горшок (табл. III, 2) найден вместе с позднелатенской рамчатой фибулой и, следовательно, датируется несколько более ранним временем. Верхняя часть стенок горшка украшена вертикальными пролощенными линиями, сгруппированными по три вместе.

Весьма интересные глиняные сосуды обнаружены в погребениях 3, 5, 8 и 25, причем

в первых двух погребениях их было по три, в погребении 8 — два и в погребении 25 — один. Почти во всех этих случаях в погребениях были только обломки верхних частей сосудов.

Все эти сосуды нелощеные. Часть из них (табл. IV и VI) украшена защипами по краю венчика или же ногтевыми вдавлениями у его основания. В последнем случае вдавления группируются по три вместе.

Материалы погребений, в которых обнаружены указанные сосуды, не позволяют дать им точную датировку. Это можно сделать только для погребения 25, — самого позднего на могильнике, в котором были найдены фибулы I в. н. э.

В пользу поздней датировки нелощеных горшков как будто бы говорит и тот факт, что в погребении 18 вместе с ребристой лощеной миской и большим лощеным горшком найден маленький горшочек со сглаженной поверхностью и насечкой по краю венчика, т. е. украшенный примерно так же, как и нелощеный горшок из погребения 8. Кроме того, нелощеный горшок из хорошо датированного погребения 25 (табл. VI) одинаков с таким же горшком из погребения 3 (табл. IV).

Вполне закономерно поэтому предположение о том, что нелощеные и лощеные сосуды бытовали одновременно. Однако возможно и другое предположение, причем не менее вероятное, — часть нелощеных горшков, например горшки из погребений 5 и 8, относятся к более раннему времени, являясь синхроничными с нелощеными мисками первой группы. По технике выделки и по общему облику они очень близки круглодонным сосудам из нижнего культурного слоя городища.

Помимо сосудов, обнаруженных в погребениях, на площади могильника встречались отдельные фрагменты таких же сосудов, главным образом нелощеных мисок. Кроме того, вне погребений было найдено несколько обломков плоской круглой крышки, сделанной из коричневой глины. Одна сторона крышки украшена защипами.

Глиняные сосуды и фибулы — самый массовый и поэтому наиболее важный материал. Остальные вещи представлены значительно меньшим количеством экземпляров. Среди них встречаем предметы убора и украшения, предметы домашнего обихода и вооружение.

Предметы убора и украшения. Среди предметов убора и украшения чаще всего встречаются застежки, браслеты, кольца и бусы. Застежек найдено шесть — по одной в погребениях 13, 15, 20, 33, 42 (табл. V, VI, VII, VIII) и одна вне погребений (табл. VIII). Застежка из погребения 13 бронзовая, остальные железные. Все они круглые, с загнутыми, как у простейших съюльгам, концами. Их размеры — от 5.5 до 13 см в диаметре. Украшения такого характера в зарубинецких могильниках встречаются впервые.

Браслеты были в трех погребениях: по два в погребениях 12 и 37 и один в погребении 4 (табл. IV, V и VIII). Кроме того, обломок браслета найден вне погребения (табл. VIII). Браслеты из погребения 4 и браслет, найденный вне погребений, — железные, остальные бронзовые. Железные браслеты — ложновитые со спирально соединенными концами. Диаметр браслетов — 7 см. Бронзовые браслеты — спиральные, два из круглой в сечении проволоки и два из полукруглой. Средний диаметр браслетов — 6 см. Обращает на себя внимание характерный изгиб одного из концов у браслетов, полукруглых в сечении. Такой же изгиб, кстати сказать, встречается и на кольцах того же сечения (погребение 27, табл. VI).

Разнообразные по форме и материалу кольца найдены в трех погребениях: по два в погребениях 17 и 27 и одно в погребении 37. Кольца из погребения 17 железные, с несоединенными концами (табл. V). Одно из них пластинчатое, другое круглое в сечении. Диаметр — 2.5 и 2 см. Кольца из погребения 27 бронзовые, спиралевидные, совершенно такие же по форме, как браслеты из погребения 12 (табл. VI). Диаметр около 2 см. Кольцо из погребения 37 серебряное, спиралевидное, полукруглое в сечении (табл. VIII). Диаметр — около 3 см.

Бусы были в четырех погребениях в том числе 1 в погребении 11, 3 в погребении 31, 9 в погребении 20 и 22 в погребении 34; 3 бусины найдены вне погребений. Они, пожалуй, самые интересные, особенно большая бусина из белой стекловидной массы с синими глазками и четырьмя продолговатыми выступами. Две других бусины также сделаны из стекловидной массы, но синего цвета. Одна из них ornamentирована белыми глазками, другая — желтыми. По форме и материалу к бусам того же типа относится

и бусина из погребения 11 — белая стекловидная масса без орнамента. Все остальные бусы стеклянные, миниатюрные по размерам. Часть из них сделана из прозрачного стекла и покрыта позолотой (бусы из погребения 31; одна, средняя бусина из погребения 20; большинство бус из погребения 34), а часть — из синего бисерного стекла.

Кроме бус, в погребениях встречаются бронзовые пронизы, которые, по-видимому, употреблялись в качестве бус: почти все они найдены в погребениях, в которых настоящих бус не было. Подавляющее большинство их (7 из погребения 37, 4 из погребения 31 и 1 из погребения 36) представляют собою тонкие бронзовые пластинки, свернутые в трубочки (табл. VI, VII, VIII). Диаметр в среднем 0.7 см, длина колеблется от 0.8 до 4 см. Одна из пронизей (погребение 36) ornamentирована пунктиром. Другая, более редкая разновидность пронизей — миниатюрные пластинчатые колечки. Найдены они по одной в погребениях 17 и 31 (табл. V и VII). Кроме описанных пластинчатых пронизей, имеется и спиралевидная пронизь из полукруглой в сечении проволоки (погребение 27, табл. VI).

По-видимому, к предметам украшений относятся и деформированные огнем обрывки бронзовой цепочки и обломок сплавившейся круглой бронзовой пластинки, найденные в погребении 37. По краю пластинки имеется пунктирный орнамент (табл. VIII).

Совершенно непонятно назначение двух железных поделок в виде петель из погребения 31 (табл. VI).

Предметы домашнего обихода. Из предметов домашнего обихода чаще всего встречаются ножи. Всего их найдено 6: 3 в погребениях 2, 30 и 36 — по одному в каждом — и 3 вне погребений. Все ножи железные. Те, которые происходят из погребений, имеют характерную горбатую спинку. Длина их колеблется от 11 до 17 см. Ножи, найденные вне погребений, почти все поломаны. Один из них того же типа, что и ножи из погребений, другой — с прямой спинкой. От третьего ножа сохранился лишь обломок конца.

Пряслиц в погребениях не было, однако вне погребений они встречаются. Всего найдено 7 штук, все глиняные. Среди них имеются биконические, жерновидные и по форме напоминающие сосудики. Некоторые пряслица

орнаментированы точками или же бороздками, расположенными «елочкой» (табл. VIII).

В двух погребениях были обнаружены части зернотерок — обломок нижнего камня (гранит) в погребении 14 и круглый растирательный камень (гранит) в погребении 6.

В погребении 34 найдена железная иголка для шитья. Иголка покрыта окалиной, благодаря чему и сохранилась сравнительно хорошо. Длина уцелевшей части — 7 см, толщина — 2 мм.

В погребениях 15, 18, 36 и 39 было обнаружено по одному небольшому бесформенному обломку камней (кремень и гранит). Повидимому, это кресала.

Предметы вооружения. Из предметов вооружения на могильнике найдено только два железных наконечника копий. Один из них был в погребении 29, другой в погребении 36 (табл. VI—VII). Оба листовидные, тонкие. На втулке одного имеется отверстие для гвоздя; на конец втулки другого для прочности надета железная обойма. Длина наконечников с втулками — 27,5 и 32 см. Длина втулок — 9 и 12 см соответственно.

Исходя из типов фибул, хронологические рамки Чаплинского могильника определяются II в. до н. э. — I—II вв. н. э.

Те же фибулы в сочетании с наиболее массовым материалом — мисками — позволяют датировать отдельные погребения более точно.

Так, к группе наиболее ранних на могильнике погребений — II в. до н. э. — несомненно должны быть отнесены погребения 11, 34, 16, 23, 27 и 7. Во всех этих погребениях обнаружены среднелатенские фибулы (проволочные и зарубинецкие). К этой же группе погребений относятся погребения 9, 17, 10, 32, 38, 31, 14, 41 и 35, в которых хотя и не было фибул, но имелись миски того же типа, что и в погребениях со среднелатенскими фибулами, т. е. миски первой и отчасти второй группы. Интересно при этом отметить, что погребения, в которых найдены миски второй группы, содержали наиболее поздние варианты среднелатенских фибул с широким треугольным концом хвоста, загнутым на спинку. Следовательно, эти погребения (23, 14, 41, 27, 35) могут датироваться концом II в. — I в. до н. э.

Такое утверждение тем более вероятно, если мы учтем, что миски второй группы встречаются в погребениях с наиболее ран-

ними вариантами позднелатенских фибул. Так, в погребении 30 такая миска была найдена вместе с позднелатенской фибулой с рамчатым приемником, т. е. фибулой I в. до н. э.

K I в. до н. э., кроме только что упомянутого погребения 30, очевидно, относятся еще два погребения (40 и 42), миски в которых одинаковы с миской из погребения 30. Безусловно к тому же веку, может быть ко второй его половине, относятся и все погребения с позднелатенскими рамчатыми фибулами, в которых обнаружены миски третьей группы, — 1, 21 и 24. Точно такие же миски были и в погребениях 4, 39 и 22. К тому же последнее погребение было частично нарушено погребением 21. Не будет ошибкой поэтому датировать эти три погребения (4, 39 и 22) I в. до н. э.

Остальные погребения, датировка которых представляется возможной, относятся к I в. н. э. В части из них найдены позднелатенские фибулы с пластинчатым приемником (погребения 6, 29, 36, 37, 25), остальные содержали в себе остроробристые миски совершенно тех же типов, что и миски в погребениях с фибулами, т. е. миски нашей третьей группы (погребения 18, 15, 12, 19, 28, 43).

Таким образом, из 44 погребений, вскрытых на Чаплинском могильнике, подавляющее большинство можно датировать довольно точно.¹ По состоянию материалов не представляется возможным это сделать только по отношению к 7 погребениям (26, 3, 5, 8, 13, 2 и 44), в которых не было ни фибул, ни мисок. Однако по общему типу других вещей, найденных в этих погребениях, совершенно очевидно, что все они не выходят за рамки общей датировки могильника, т. е. II в. до н. э. — I—II вв. н. э.

Хронологически разные группы погребений в целом весьма близки между собою как по особенностям погребального обряда, так и по составу вещей, содержащихся в них. Это вполне естественно, поскольку могильник являлся кладбищем одного и того же поселения, находящегося на расположенном рядом городище.

¹ Датировка эта, конечно, не абсолютна. Смена отдельных типов фибул, т. е. основного датирующего материала, конечно, не была столь резкой и всеобщей. Разные типы фибул некоторое время могли сосуществовать, равным образом как один и тот же тип фибулы мог в одних случаях бытовать дольше, в других — меньше. Но и учитывая все это, нельзя допустить, однако, чтобы колебания эти в ту или другую сторону были слишком большими.

Большинство ранних погребений, хотя далеко не все, располагаются на ближайшем к городищу краю могильника. Только в период до нашей эры на могильнике практиковались захоронения в небольших округлых ямах. Захоронения же в больших длинных ямах, вытянутых с северо-запада на юго-восток, производились все время.

В погребениях II в. до н. э., как уже отмечалось, встречаются миски первой группы и отчасти второй, т. е. миски выпуклобокие. Совершенно нет остроробристых мисок и почти нет горшков, нет предметов вооружения, ножей, браслетов, камней от огнив. В то же время только в этих погребениях мы встречаем бусы.

В погребениях I в. до н. э. по-прежнему почти нет горшков. Миски старых форм встречаются редко, причем только типов нашей второй группы. В то же время найден новый тип мисок — лощеные, остроробристые. В погребениях уже встречаются ножи.

Наконец, в погребениях I в. н. э. встречаются только лощеные остроробристые миски. Прочное место в ритуале занимают различные горшки, появляются бронзовые и железные браслеты, предметы вооружения и другие, не известные до этого вещи.

Чаплинский могильник не является единственным памятником зарубинецкой культуры, известным к северу от Среднего Приднепровья. В последние годы на территории Верхнего Приднепровья исследовано несколько подобных могильников (Воронино, Велемичи I, Велемичи II, Ремель). Исследовались и связанные с ними поселения. Все эти памятники, несмотря на ряд присущих им особенностей, в целом однотипны с полями погребений Зарубинецкой группы, открытой В. В. Хвойкой в Среднем Приднепровье более пятидесяти лет тому назад. С другой стороны, нельзя не отметить наличие в них близких и несомненно тождественных черт с материалами полей погребений из более западных областей — Повисленья.

В заключение отметим, что на ближайшей к городищу части могильника была обнаружена при раскопках большая овальная яма, почти доверху заполненная золой. Длина ямы — 4.00 м, ширина — около 1.40 м, глубина — 1.15 м. Яма была вытянута с северо-запада на юго-восток. В зольно-песчаном заполнении ямы встречались бесформенные куски пережженного гранита и обломки глиняных гончарных сосудов с линейно-волнистым

орнаментом. Здесь же найдена железная шпора с загнутыми вовнутрь концами (рис. 2). Основание шипа шпору инкрустировано бронзой.

Подобные шпору весьма редки и среди древностей Приднепровья, кажется, не известны. Прямые аналоги им имеются в Польше, где такие шпору обычно датируются

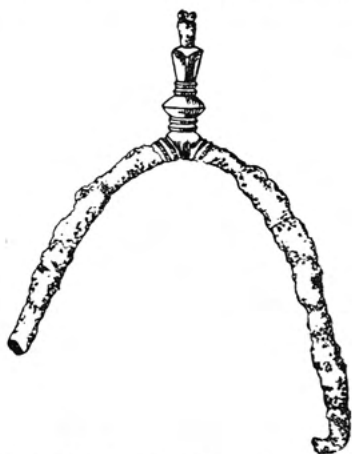

Рис. 2. Средневековая шпора, найденная около Чаплинского могильника.

VIII—X вв. Подобные же средневековые ямы, очевидно подпольные, встречены при раскопках на городище.

3

Ниже дается краткое описание отдельных погребений, открытых на Чаплинском могильнике. В описании нет подробной характеристики вещей, так как прилагаются их рисунки. Глубина погребений везде указывается от уровня современной поверхности до нижнего уровня залегания обломков пережженных костей. Размеры и форма погребальных ям указываются только в тех случаях, когда это можно было проследить.

Почти все сосуды, обнаруженные в погребениях, стояли отверстием вверх. В описании поэтому оговариваются только случаи, когда сосуды лежали на боку, были перевернуты и т. д. Наличие в погребальных ямах золы, углей и других остатков погребального костра отмечается только тогда, когда указанные остатки имелись.

Обломки пережженных человеческих костей всегда были перемешаны с песком, а не лежали плотной, так сказать, «чистой» массой.

Это следует иметь в виду, когда в тексте речь идет о размерах скопления костей.

Погребение 1. На глубине 0.5 м обнаружено небольшое количество мелких обломков пережженных человеческих костей. Они лежали на дне неправильно овальной, суживающейся книзу ямки диаметром около 0.65 м.

В этой же ямке, но на краю, стояла глиняная миска, а в заполнении ямки сверху над костями найдена железная фибула.

Погребение 2. Разрушенное. В выбросе грунта из траншеи военных лет в 30 м к ЮВ от предыдущего погребения найдено несколько мелких обломков пережженных человеческих костей и большой железный нож с горбатой спинкой. Нож покрыт окалиной. Длина ножа — 17 см.

Погребение 3. На глубине 0.30 м обнаружено небольшое скопление мелких обломков пережженных костей.

На расстоянии 1.20 м к СЗ от скопления костей на той же глубине найдено более 20 фрагментов верхних частей трех глиняных нелощенных лепных сосудов. Ни один из них не собирается полностью.

Погребение 4. На глубине 0.40 м обнаружено линзовидное скопление мелких обломков пережженных костей. Диаметр скопления — около 0.60 м, наибольшая толщина — около 0.10 м. Костей много — около 200 обломков. Сверху на костях лежал железный псевдовитой браслет со спирально соединенными кольцами. Браслет покрыт окалиной. Диаметр браслета — 6.5 см. На расстоянии 0.70 м к СЗ от скопления костей на той же глубине стояла глиняная миска.

Погребение 5. На глубине 0.55 м обнаружено линзовидное скопление мелких обломков пережженных человеческих костей. Диаметр скопления — 0.60 м, наибольшая толщина — 0.10 м. Костей много — около 300 обломков. На расстоянии 1.00 м к ЮВ от скопления костей на той же глубине обнаружено около 10 фрагментов трех глиняных сосудов той же выделки, что и сосуды из погребения 3. У основания венчиков двух сосудов имеется ногтевой орнамент по три вдавления вместе. Венчик третьего горшка не орнаментирован.

Погребение 6. На глубине 0.65 м обнаружено небольшое скопление мелких обломков пережженных человеческих костей. Диаметр скопления — 0.50 м, наибольшая толщина — 0.15 м. Костей гораздо меньше, чем в двух предыдущих погребениях.

Среди костей находилась фрагментированная железная позднелатенская фибула с пластинчатым приемником. Приемник орнаментирован по краям прочерченными бороздками. Иголка отсутствует. Фибула покрыта окалиной. Длина ее — 8.5 см. На расстоянии 0.60 м к ЮВ от скопления костей на глубине 0.60 м стояли два глиняных сосуда: горшок и миска. Оба сосуда лепные, лощеные — горшок черный, миска коричневато-черная. Высота горшка — 29 см, диаметр отверстия — 16 см; венчик миски раскрошился. Сохранившаяся часть миски имеет высоту 11 см, диаметр — 32 см.

В 0.85 м к ВСВ от скопления костей на той же глубине, что и сосуды, найден небольшой круглый камень (гранит), по-видимому для растирания.

Погребение 7. На глубине 0.45 м обнаружено небольшое линзовидное скопление мелких обломков пережженных костей. Диаметр скопления — около 0.30 м, наибольшая толщина — около 0.10 м. Костей совсем мало — около двух десятков обломков. Среди костей находилась орнаментированная железная среднелатенская проволочная фибула. Иголка и часть пружины фибулы отсутствуют. Фибула покрыта окалиной. Длина ее — 5.5 см. На расстоянии 0.45 м к ЮЗ от скопления костей на той же глубине, т. е. 0.45 м, стояла глиняная миска. Миска лепная, ребристая, поверхность ее лощеная, коричневого цвета. Высота миски — 6.5 см, диаметр отверстия — 14.5 см.

Погребение 8. На глубине 0.55 м обнаружено небольшое скопление мелких обломков пережженных костей. Диаметр скопления — около 0.3 м, наибольшая толщина — около 0.1 м. Костей очень немного — не более двух десятков обломков. На расстоянии 0.25 м к З от костей на глубине 0.5 м, т. е. на уровне верхнего края скопления костей, стоял глиняный горшок. Горшок лепной, поверхность нелощеная, коричневая. Высота горшка — 12 см, диаметр отверстия — 13.5 см. На расстоянии 0.15 м к ЮВ от скопления костей, но на 0.20 м выше их, т. е. на глубине 0.35 м, найдено несколько фрагментов верхней части глиняного горшка. Горшок лепной, нелощеный, коричневый. Край венчика горшка орнаментирован защипами.

Погребение 9. На глубине 0.8 м обнаружено скопление мелких обломков пережженных человеческих костей. Кости лежали на дне небольшой круглой ямки диаметром около

0.4 м. Костей много — более 200 обломков. На расстоянии 0.6 м к ЗСЗ от скопления костей на уровне верхнего края скопления стояла глиняная миска. Миска лепная, поверхность ее сглажена, коричневого цвета. Высота миски — 9 см, диаметр отверстия — 17 см.

Погребение 10. На глубине 0.45 м обнаружено скопление мелких обломков пережженных человеческих костей. Они лежали на дне небольшой овальной ямки диаметром около 0.50 м. Костей сравнительно много — около 100 обломков. В яме сверху на краю скопления костей стояла глиняная миска. Миска лепная, поверхность ее сглажена, коричневого цвета. Высота миски — 9.5 см, диаметр отверстия — 15.5 см.

Погребение 11. На глубине 0.5 м обнаружено небольшое линзовидное скопление мелких обломков пережженных человеческих костей. Диаметр скопления — около 0.30 м, наибольшая толщина — 0.10 м. Сверху на костях лежали фрагментированная железная фибула и бусина из стекловидной массы белого цвета. Фибула среднелатенская, проволоочная, к тетиве ее прикреплена цепочка. Длина фибулы — 10.5 см. Бусина круглая, диаметр ее — 1.1 см.

Погребение 12. На глубине 0.65 м обнаружено скопление мелких обломков пережженных костей. Скопление неправильно овальной в плане формы, размерами 1.1 на 0.3 м. Наибольшая толщина его — около 0.15 м. Сверху на костях лежал бронзовый спиралевидный браслет. Второй такой же браслет находился на той же глубине на расстоянии 0.4 м к ЗЮЗ от скопления. В 0.2 м к З от второго браслета лежало несколько фрагментов лепной ребристой миски с лощеной поверхностью. Один небольшой обломок этой миски лежал под браслетом. В 0.3 м к СЗ от скопления на уровне его верхнего края стоял лепной ребристый чернолощенный горшок. Верхняя часть горшка раскрошилась.

Погребение 13. В этом погребении в отличие от предыдущих хорошо прослеживается устройство погребальной ямы — песок, заполнявший яму, окрашен золою и древесными угольками и четко выделяется на общем светлом супесчаном фоне. Яма большая, овальная в длине, вытянута с СЗ на ЮВ. Длина ямы — 1.8 м, средняя ширина — 0.8 м и глубина — 0.75 м. Стенки ямы сужены ко дну. Обломки пережженных человеческих костей — их несколько сот, притом они

крупнее, чем в предыдущих погребениях, — лежали в кучке на дне ямы, ближе к ЮВ ее концу. Сверху на костях находилась большая проволоочная бронзовая пряжка, вернее застежка типа простейшей сьюльгамы. Диаметр пряжки — 9 см.

Погребение 14. На глубине 0.65 м обнаружено небольшое скопление мелких обломков пережженных человеческих костей. Костей немного, обломки их разбросаны на пространстве диаметром около 0.5 м. На восточном краю этого пространства, частично перекрывая кости, лежал обломок нижнего камня от гранитной зернотерки. На расстоянии 0.4 м к ЮВ от костей на той же глубине, что и кости, находились два глиняных сосуда: горшок и миска. Горшок лежал на боку, отверстием к З. Миска стояла рядом с ним. Оба сосуда лепные, коричневые, со сглаженной поверхностью. Высота миски — 9.5 см, диаметр отверстия — 14.5 см; высота горшка — 11 см, диаметр — 3.5 см.

Погребение 15. Захоронение праха покойника произведено в большой овальной яме, вытянутой с СЗ на ЮВ. Длина ямы — около 2.40 м, средняя ширина — 0.65 м, глубина — 0.90 м. Стенки ямы сужены ко дну. В СЗ конце ямы на дне имеется небольшое углубление. На дне ямы двумя отдельными кучками лежали довольно крупные обломки пережженных человеческих костей. Костей много — несколько сотен обломков. Больше всего их в кучке, заполнявшей упомянутое уже углубление в СЗ конце ямы. Здесь к тому же много обломков черепных костей. Вторая кучка пережженных костей находилась в центральной части ямы. В этой кучке черепных костей не было вовсе. Сверху на костях, находившихся в СЗ конце ямы, лежала большая железная застежка без язычка, а на костях, лежавших в центре ямы, — небольшой бесформенный кусочек гранита. Кроме того, на костях, а местами и рядом с ними, было много золы и древесных углей. Наиболее крупные из углей лежали вдоль ямы. В СЗ конце ямы на угольном слое, перекрывавшем пережженные кости, на боку лежала глиняная миска. Сторона ее, прикасавшаяся к углям, вторично обожжена и слегка деформирована огнем. Рядом с миской, но несколько выше стоял горшок. Оба сосуда лепные, лощеные. Поверхность миски черного цвета, поверхность горшка — коричневая с большими черными пятнами. Высота горшка — 28.5 см, диаметр отверстия —

20 см, размеры миски — соответственно 11 и 20 см.

Погребение 16. Захоронение жженых костей произведено в большой овальной яме, вытянутой с СЗ на ЮВ. Длина ямы — 1.9 м, средняя ширина — 0.7 м и глубина — 0.65 м. На дне ямы ближе к СЗ концу ее находилась кучка довольно крупных обломков пережженных костей. Костей много — не менее 200 обломков. Сверху на костях лежали две большие железные фибулы. Фибулы среднелатенские, зарубинецкого типа, покрыты окалинной. Приемник у одной перержавел полностью, у другой — частично. В первом случае он был сломан еще в древности и тогда же отремонтирован — на основание надели особую спиральку. У одной фибулы обломана скрепа конца хвоста со спинкой. Обе фибулы орнаментированы: косая насечка по бокам треугольно уплощенного хвоста и сетчатая насечка на конце его. Длина фибул — 11 см.

Возле костей у самого СЗ конца ямы стояла глиняная миска, раздавленная тяжестью грунта. Миска лепная, чернолощенная. Поверхность ее сглаженная, коричневая. Высота миски — 6.5 см, диаметр отверстия — 14.5 см. Возле ближайшей к миске и костям стенки ямы находилось довольно много мелких древесных угольков. Остальная часть ямы вокруг костей заполнена песком, слегка перемешанным с золою.

Погребение 17. Захоронение праха покойника произведено в небольшой овальной в плане яме. Наибольший диаметр ямы — 1.2 м, глубина — 0.70 м. На дне ямы обнаружены мелкие обломки пережженных костей. Их сравнительно немного, гораздо меньше, чем в предыдущем погребении. Среди костей — два железных кольца с несоединенными концами и обломки бронзовой пронизи. Одно из колец пластинчатое, другое проволочное. Диаметр колец — 2.5 см. Пронизь также пластинчатая, маленькая. Сверху на костях у самого края их скопления стояла глиняная миска, лепная, коричневая, со сглаженной поверхностью. Высота миски — 11.5 см, диаметр отверстия — 25 см.

Погребение 18. Захоронение произведено в большой овальной яме, вытянутой с СЗ на ЮВ. Длина ямы — 2.25, средняя ширина — 0.80 и глубина — 0.65 м. На дне ямы, в центральной ее части, находилась кучка довольно крупных обломков пережженных костей. Сверху на костях лежал небольшой бесформенный обломок кремня, по-видимому

кресало. В СЗ конце ямы обнаружена вторая небольшая кучка обломков пережженных человеческих костей, главным образом черепных. На костях, лежавших в меньшей кучке, у самой СЗ стенки ямы стояли два глиняные сосуда — горшок и миска. Внутри миски нашли маленький горшочек (рис. 3). Все сосуды лепные, коричневого цвета. Миска и большой горшок лощеные, поверхность маленького горшочка сглажена. Край венчика у этого горшочка орнаментирован насечкой. Высота миски — 12 см, диаметр — 26.5 см; размеры горшков: высота — 17 и 8, диаметр — 13.5 и 6.5 см соответственно. Песок, перекрывавший кости сверху, перемешан с золой.

Погребение 19. Захоронение праха покойника произведено в большой овальной яме, вытянутой с СЗ на ЮВ. Длина ямы — 2.1 м, средняя ширина — 0.80 м и глубина — около 0.6 м. На дне ямы, в СЗ краю ее, находилась кучка мелких обломков пережженных костей. В ЮВ конце ямы стояла глиняная миска. Миска лепная, поверхность лощеная, черновато-коричневого цвета. Высота миски — 9.5, диаметр отверстия — 20 см. Песок, перекрывавший сверху кости и миску, перемешан с золой.

Погребение 20. Яма в этом погребении была большая, овальная в плане, вытянутая с СЗ на ЮВ. Длина ее — около 2.2 м, средняя ширина — 0.6 м, глубина — 0.7 м. В небольшом углублении на дне ямы, в СЗ конце ее, находилась кучка крупных обломков пережженных костей. Среди костей найдена ржавая железная застежка и 9 миниатюрных бусин из стекла. 8 бусин синего цвета, девятая, самая крупная — белая, позолоченная. Диаметр застежки — 7 см, диаметр самой крупной бусины — 4 мм. Рядом с костями у самой СЗ стенки ямы стояла глиняная миска, лепная, коричневая, нелощеная. Высота миски — 6.5, диаметр отверстия — 16 см. Песок, перекрывавший кости, перемешан с золою.

Погребение 21. Захоронение праха покойника произведено в большой овальной яме, вытянутой с СЗ на ЮВ. Длина ямы — 2.15 м, средняя ширина — 0.75 м, глубина — 0.75 м. На дне ямы, ближе к СЗ краю ее, находилась кучка обломков пережженных костей, а рядом с нею лежала бронзовая позднелатенская фибула с рамчатым приемником. Пружина железная, иголка отсутствует. Длина фибулы — 7.5 см. Между кучкой костей и СЗ стенкой ямы находилась глиняная миска, разда-

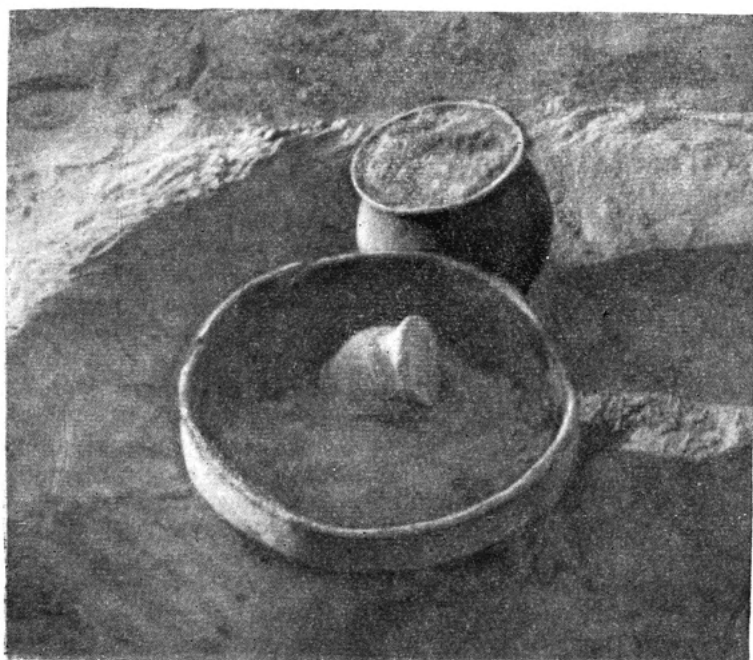
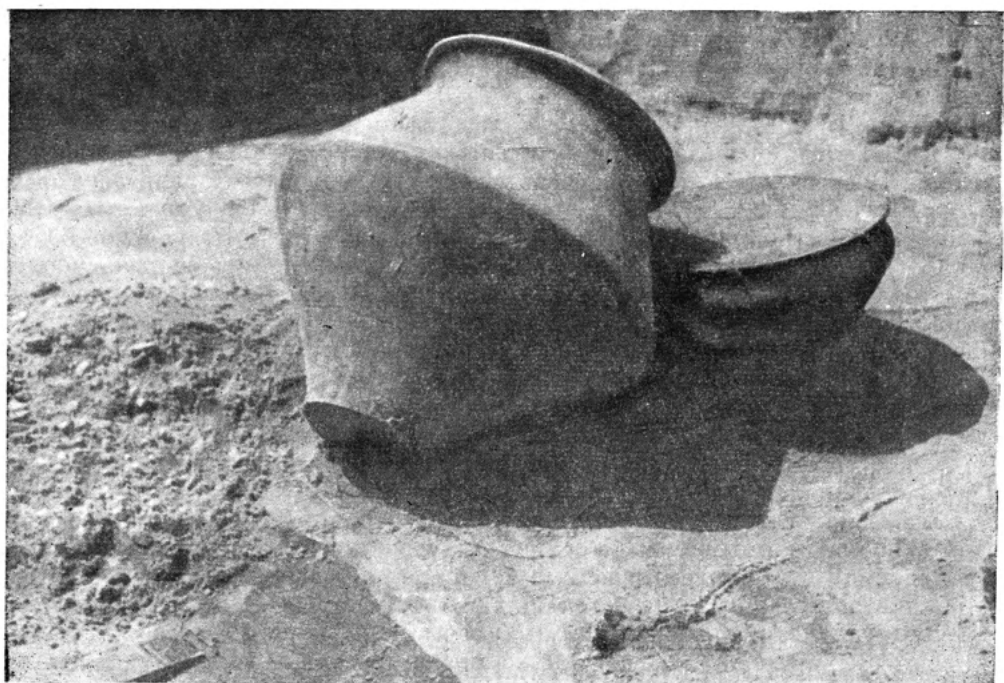

Рис. 3. Чаплинский могильник.
Вверху — погребение 30; внизу — погребение 18.

вленная тяжестью грунта. Миска ребристая чернолощенная. Все это сверху было перекрыто не полностью сгоревшим хворостом, от которого местами сохранились довольно крупные обуглившиеся куски, лежавшие вдоль ямы. В яме, кроме того, очень много золы и мелких углей. Погребальная яма перерезала край ямы погребения 22.

Погребение 22. Примыкает вплотную к предыдущему с СЗ. Погребальная яма большая, овальная, вытянута с СЗ на ЮВ. Длина ямы — 1.70 м, средняя ширина — 0.60 м, глубина — 0.75 м. Часть ямы, примыкающая к погребению 21, как уже отмечалось, прорезана погребальной ямой последнего. На дне ямы, в СЗ части ее, находилась кучка обломков пережженных костей. На СЗ от нее стояла глиняная миска, лепная, чернолощенная, высота ее 10 см, диаметр отверстия — 16.5 см. В остальном заполнение ямы ничем не отличается от заполнения ямы в предыдущем погребении: обилие золы и древесных углей, наиболее крупные из которых лежали вдоль ямы.

Погребение 23. Захоронение праха умершего произведено в большой овальной яме, вытянутой с СЗ на ЮВ. Длина ямы — 2.3 м, средняя ширина — около 1 м, глубина — 0.9 м. На дне ямы в центральной ее части находилась кучка мелких обломков пережженных костей. На костях лежала бронзовая среднелатенская зарубинецкая фибула, деформированная огнем. На треугольном конце ее хвоста сохранилось гнездо, в котором в свое время, по-видимому, находился какой-нибудь камень или стекло. Кроме того, края хвостовой пластинки орнаментированы выдавленной снизу линией. Длина фибулы — 9.5 см. Рядом с кучкой костей (с З от них) на дне ямы лежала на боку глиняная миска, лепная, довольно тонкостенная, поверхность ее сглажена, коричневого цвета. Высота миски — 10 см, диаметр отверстия — 14.3 см. В ЮВ части находилась вторая кучка мелких обломков пережженных человеческих костей. Среди костей, лежавших в этой кучке, найдено несколько обломков сплавившейся бронзовой фибулы того же типа, что и первая. Песок, перекрывающий кости, перемешан с золою.

Погребение 24. На глубине 0.45 м обнаружено линзовидное скопление мелких обломков пережженных человеческих костей диаметром около 0.4 м, наибольшая толщина — 0.15 м. Рядом с костями, примыкая

к ним с В, находилось небольшое зольно-угольное пятно. Среди костей найдена ржавая дужка от железной позднелатенской фибулы. На расстоянии 0.70 м к ЮВ от костей на глубине залегания последних стояла глиняная миска, лепная, поверхность которой лощеная, черновато-коричневого цвета. Высота миски — 10 см, диаметр — 22 см.

Погребение 25. На глубине 0.6 м обнаружено небольшое линзовидное скопление мелких обломков пережженных человеческих костей диаметром около 0.6 м, наибольшая толщина — 0.1 м. Сверху на костях находились две железные, покрытые окалиной фибулы. Одна из них — позднелатенская с пластинчатым приемником, другая — типа простейших подвязных. Иголки у обеих фибул отсутствовали. Длина фибул — 9 и 8 см. На расстоянии 0.3 м к Ю от костей находилось два глиняных сосуда: миска и горшок. Миска стояла на уровне залегания костей, горшок — на 0.15 м глубже. Оба сосуда лепные, коричневые, поверхность миски лощеная. Миска целая, от горшка сохранились лишь обломки венчика.

Погребение 26. На глубине 0.75 м обнаружено около двух десятков мелких обломков пережженных костей. Сверху стоял большой глиняный горшок с отбитым венчиком. Горшок лепной, поверхность его лощеная, черновато-коричневого цвета. Высота сохранившейся части — 23.8, диаметр отверстия — 14.8.

Погребение 27. На глубине 0.7 м обнаружено небольшое скопление мелких обломков пережженных костей. На костях находились следующие предметы: бронзовая среднелатенская зарубинецкая фибула, два бронзовых спиралевидных кольца и маленькая бронзовая спиралевидная провизь. Здесь же найден обломок железной пружины от фибулы. Бронзовая фибула из этого погребения была сломана и отремонтирована еще в древности: края хвоста у обломившейся скрепы загнуты вокруг спинки, а на основание приемника надето добавочное кольцо. Треугольная хвостовая пластинка фибулы орнаментирована выдавленной снизу бороздкой, ограниченной по бокам пунктиром. Длина фибулы — 10 см. В 0.25 м к СЗ от костей стояла глиняная миска, лепная, коричневая, поверхность ее сглажена. Высота миски — 11.4 см, диаметр отверстия — 17 см.

Погребение 28. На глубине 0.75 м обнаружено несколько мелких обломков переж-

женных костей. В 0.45 м к СЗ от них на той же глубине стояла глиняная миска, лепная, коричневая, лощеная. Высота 10 см, диаметр отверстия — 17 см.

Погребение 29. Захоронение произведено в большой овальной яме, вытянутой с СЗ на ЮВ. Длина ямы — 2.1 м, средняя ширина — 0.7 м, глубина — 0.95 м. На дне ямы в центральной ее части находилась кучка довольно крупных обломков пережженных костей. Костей много — около 300 обломков. Сверху на костях лежала фрагментированная позднелатенская железная фибула с пластинчатым приемником. Иголлка отсутствует. На одном из обломков пружины сохранился отпечаток ткани. Длина фибулы — 8 см. На краю кучки костей лежал железный, покрытый окалиной, наконечник копья. В нижней части втулки копья имеется отверстие для гвоздя. Длина наконечника — 27 см. Возле костей, примыкая к ним с СЗ, стояли два глиняные сосуда: миска и горшок. Оба лепные, лощеные, горшок черновато-коричневый, миска коричневая. Верхняя часть миски раскрошилась. Высота целевшей части — 9 см, диаметр — 18 см; высота горшка — 24.3 см, диаметр отверстия — 20 см. Кости сверху были перекрыты песком, перемешанным с золою.

Погребение 30. На глубине 0.6 м обнаружено небольшое скопление мелких обломков пережженных человеческих костей. На костях находился обломок позднелатенской железной фибулы, а рядом с костями, примыкая к ним с Ю, лежал железный нож с горбатой спинкой. Длина ножа — 10.5 см. Возле костей, но с СЗ от них, стояли два глиняных сосуда (рис. 3): большой горшок и миска. Оба сосуда лепные, лощеные, коричневые. Верхняя часть горшка орнаментирована вертикально проложенными линиями, сгруппированными по три вместе. Высота горшка — 30 см, диаметр отверстия — 21 см; высота миски — 12.8, диаметр — 21 см.

Погребение 31. На глубине 0.45 м обнаружено линзовидное скопление мелких обломков пережженных костей. Диаметр скопления — 0.9, наибольшая толщина — 0.15 м. Среди костей найдены следующие предметы: 2 железные петлевидные поделки неизвестного назначения, 5 бронзовых пластинчатых пронизей и 3 миниатюрных бусины из белого стекла, покрытого позолотой. На СЗ краю скопления костей стояла глиняная миска, лепная, коричневая, поверхность ее сглажена.

Высота миски — 9 см, диаметр отверстия — 14.5 см.

Погребение 32. На глубине 0.45 м обнаружено несколько мелких обломков пережженных костей. Рядом с ними, примыкая с СЗ, стояла глиняная миска, лепная, коричневая, поверхность сглажена. Высота миски — 10 см, диаметр отверстия — 24 см.

Погребение 33. Захоронение произведено в большой овальной яме, вытянутой с СЗ на ЮВ. Длина ямы — 2.3 м, средняя ширина — 1 м, глубина — 0.4 м. На дне ямы, в центральной ее части, находилась кучка обломков пережженных костей. Сверху на костях лежали обломки двух железных фибул среднелатенского типа. У лучше сохранившейся фибулы иголлка бронзовая. Рядом с кучкой костей в ЮВ части ямы стояли два глиняные сосуда: горшок и миска, раздавленные тяжестью грунта. Верхняя часть горшка к тому же раскрошилась. Сосуды лепные, лощеные. Высота миски — 9.5 см, диаметр — 17 см. В СЗ конце ямы находилась вторая кучка пережженных человеческих костей, главным образом черепных. Сверху на них лежала большая железная застежка без язычка. Диаметр застежки — 9 см. Содержимое ямы сверху было перекрыто песком, перемешанным с золою и крупными древесными углями, лежащими вдоль ямы.

Погребение 34. Погребальная яма, как и в предыдущем погребении, большая, овальная, вытянутая с СЗ на ЮВ. Длина ямы — 2.3 м, средняя ширина — 0.8 м, глубина — 0.8 м. На дне ямы, ближе к ее ЮВ краю, находилась кучка обломков пережженных костей. Среди них найдены следующие вещи: 22 миниатюрные бусины, фрагментированная железная иголлка для шитья, железная иголлка от фибулы. Над костями в песке, заполнявшем яму, найдена железная среднелатенская проволочная фибула. Длина фибулы — 7.5 см. Бусы стеклянные, белые. Часть из них позолоченная. В 0.25 м к СЗ от костей на дне ямы стояла глиняная миска. Миска лепная, коричневая, поверхность ее сглажена. Высота миски — 11.5 см, диаметр отверстия — 17 см. Содержимое ямы сверху было засыпано песком, перемешанным с золою.

Погребение 35. Захоронение произведено в большой овальной яме, вытянутой с СЗ на ЮВ. Длина ямы — 2 м, средняя ширина — 0.65 м, глубина — 0.8 м. На дне ямы, ближе к ЮВ краю ее, находилась кучка обломков пережженных костей. У СЗ стенки ямы была

вторая небольшая кучка пережженных человеческих костей, главным образом черепных. Возле нее, примыкая к костям с ЮВ, стояла глиняная миска, лепная, черновато-коричневая, поверхность ее сглажена. Высота миски — 11.5 см, диаметр отверстия — 16.5 см. Сверху все это перекрыто песком, перемешанным с золою.

Погребение 36. Захоронение произведено в большой овальной яме, вытянутой с СЗ на ЮВ. Длина ямы — 2 м, средняя ширина — 0.7 м, глубина — 0.75 м. На дне ямы, в центральной ее части, находилась кучка обломков пережженных человеческих костей. Сверху на костях лежали железный наконечник копьа и железный нож с горбатой спинкой. Среди костей найден бесформенный обломок кремня и фрагментированная железная фибула с бронзовой иглой. Возле костей обнаружена бронзовая пластинчатая пронизь, покрытая пунктирным орнаментом. В СЗ конце ямы стояли два глиняные сосуда: горшок и миска. Оба лепные, лощеные. Горшок коричневый, миска черная. Высота горшка — 29.5 см, диаметр отверстия — 15.5 см; высота миски — 11.5, диаметр отверстия — 21 см. Наконечник копьа покрыт окалиной. На конец его втулки надета специальная обоймочка. Длина копьа — 28 см. Содержимое ямы сверху перекрыто песком, перемешанным с золою.

Погребение 37. Погребальная яма такая же, как и в предыдущих погребениях, — большая, овальная, вытянутая с СЗ на ЮВ. Длина ямы — 2.2 м, средняя ширина — 0.6 м, глубина — 0.6 м. На дне ямы, в СЗ конце ее, стояло два глиняных сосуда: горшок с ушком и миска. Оба лепные, лощеные. Горшок коричневый, миска черная. Миска совершенно раскрошилась, и реставрировать ее невозможно. Высота горшка — 18, диаметр отверстия — 15 см. Почти всю остальную часть ямы занимали обломки пережженных человеческих костей, перемешанных с золою и древесными углями. Среди последних попадаются довольно крупные, они лежали непосредственно на костях и, как правило, вдоль ямы. Пережженные кости образовывали две отдельные кучки: меньшую, находившуюся в СЗ половине ямы, и большую, занимавшую ЮВ половину. В меньшей кучке преобладали обломки костей черепа. Здесь же среди костей и на них найдены 2 железные фибулы, 2 бронзовых спиралевидных браслета, серебряное спиралевидное кольцо, 7 брон-

зовых трубчатых пронизей, обрывки бронзовой цепочки и кусок бронзовой же пластинки, деформированные огнем. Обе фибулы — позднелатенские, с пластинчатыми приемниками. Одна из них проволочная, спинка второй полукруглая в сечении и орнаментирована пунктиром. Таким же образом орнаментирована по краю и пластинка. Браслеты проволочные, один из них фрагментирован. Кольцо полукруглое в сечении. Длина фибул — 8 и 9.5 см. Диаметр браслетов — 5.5 см, диаметр кольца — около 3 см. Содержимое ямы сверху было перекрыто слоем песка, перемешанного с золою.

Погребение 38. На глубине 0.75 м обнаружено небольшое скопление мелких обломков пережженных костей. Диаметр скопления — около 0.4 м, наибольшая толщина — 0.15 м. В 0.35 м к СЗ от костей на той же глубине стояла глиняная миска, лепная, коричневая, поверхность ее сглажена. Высота миски — 9.5 см, диаметр отверстия — 2 см.

Погребение 39. На глубине 0.45 м обнаружено небольшое скопление мелких обломков пережженных костей. Сверху на костях лежал небольшой бесформенный обломок гранита. Рядом с костями, примыкая к ним с С, стояла глиняная миска, лепная, коричневая, со сглаженной поверхностью. Высота миски — 10 см, диаметр отверстия — 14 см.

Погребение 40. На глубине 0.6 м обнаружено несколько мелких обломков пережженных костей. Возле них, примыкая с С, стояла глиняная миска, лепная, коричневая, со сглаженной поверхностью. Высота миски — 9 см, диаметр отверстия — 16 см.

Погребение 41. На глубине 0.75 м обнаружена глиняная миска, раздавленная тяжестью грунта. Грунт вокруг нее слегка окрашен золою. Пережженных или иных костей возле миски не обнаружено. Миска лепная, коричневая, поверхность ее сглажена. Высота миски — 11 см, диаметр отверстия — 19 см.

Погребение 42. На глубине 0.85 м обнаружено небольшое скопление мелких обломков пережженных человеческих костей. Диаметр скопления — около 0.5 м, наибольшая толщина — 0.10 м. Сверху на костях находилась ржавая железная застежка, а рядом с костями лежали обломки верхней части глиняной миски. Миска лепная, коричневая, поверхность ее сглажена. Сохранившиеся в погребении обломки ее вторично обожжены.

Погребение 43. На глубине 0.75 м обнаружено небольшое скопление мелких обломков пережженных человеческих костей. Диаметр скопления около 0.6 м, наибольшая толщина — около 0.1 м. Рядом с скоплением, примыкая к нему вплотную с ЮВ, стояли два глиняных сосуда: миска и горшок. Оба сосуда лепные, коричневые, лощеные. Высота миски — 11 см, диаметр отверстия — 16 см;

высота горшка — 14 см, диаметр — 10 см.

Погребение 44. На глубине 0.6 м обнаружено скопление мелких обломков пережженных человеческих костей. Диаметр скопления — около 0.7 м, толщина доходила до 0.2 м. Никаких других находок в этом погребении нет. Это единственное на могильнике безынвентарное погребение.

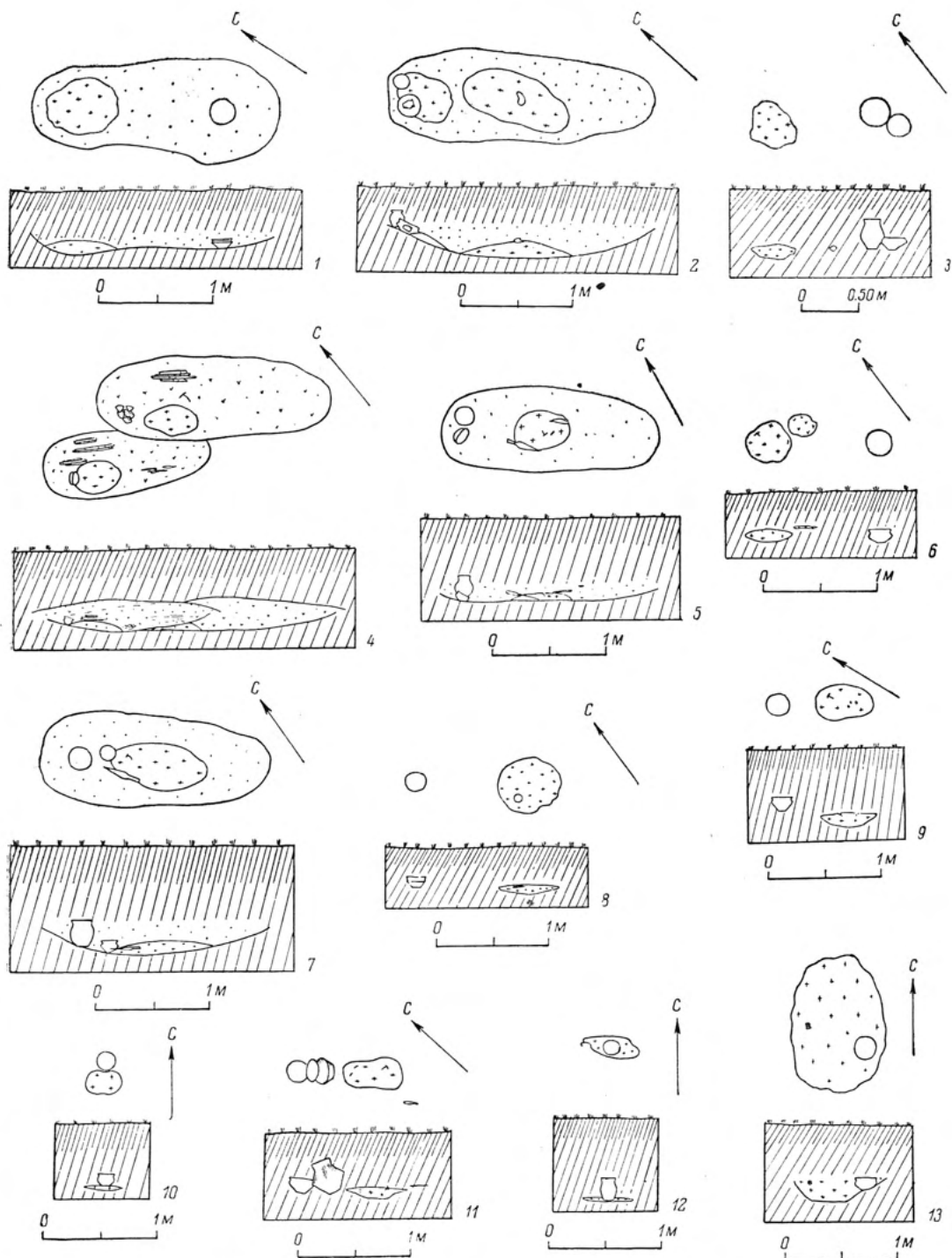

Табл. I. Чаплинский могильник. Планы погребений.

1 — погребение 19; 2 — погребение 18; 3 — погребение 6; 4 — погребения 21 и 22; 5 — погребение 36; 6 — погребение 24;
 7 — погребение 29; 8 — погребение 4; 9 — погребение 27; 10 — погребение 40; 11 — погребение 30; 12 — погребение 26;
 13 — погребение 17.

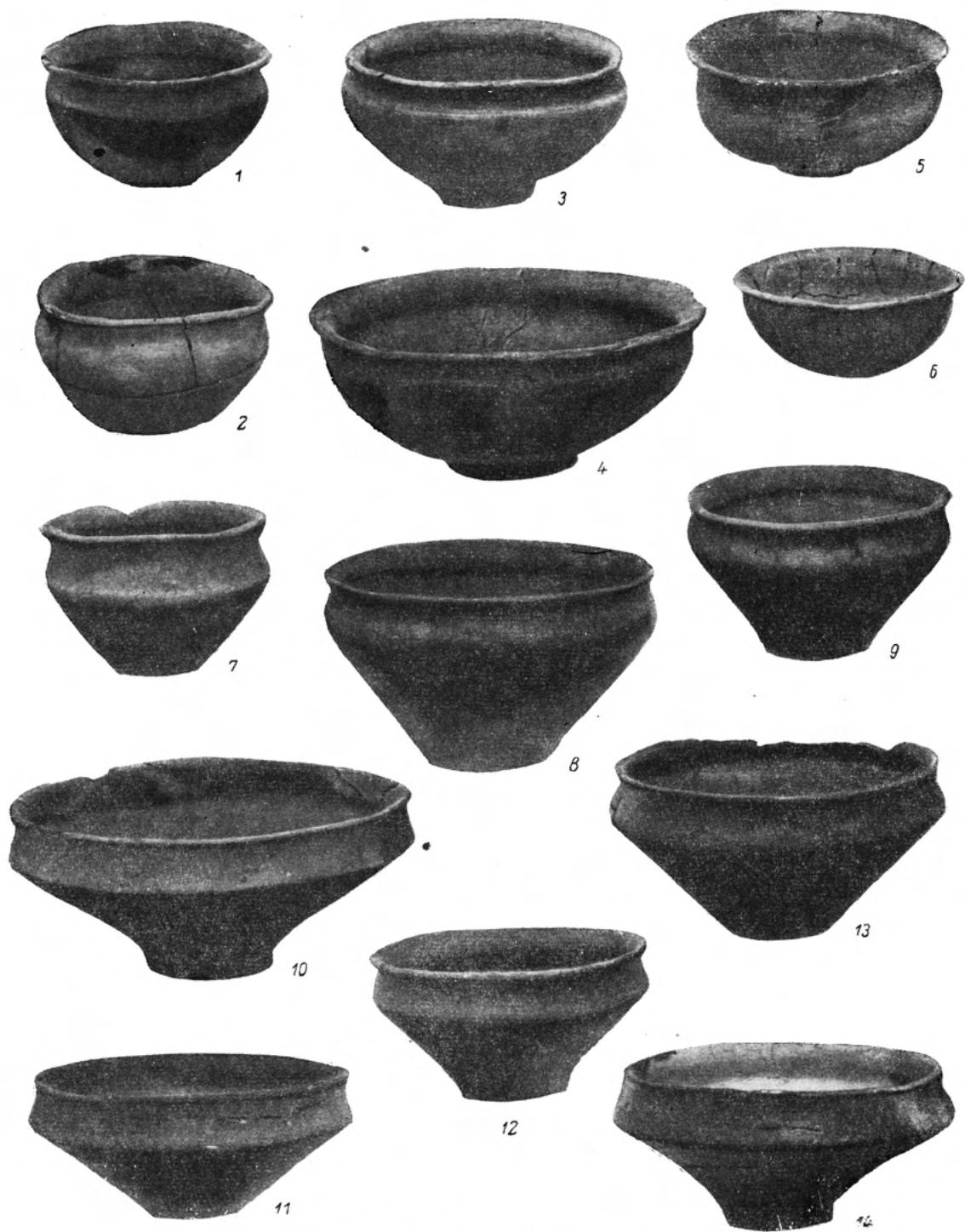

Табл. II. Миски из Чаплинского могильника.

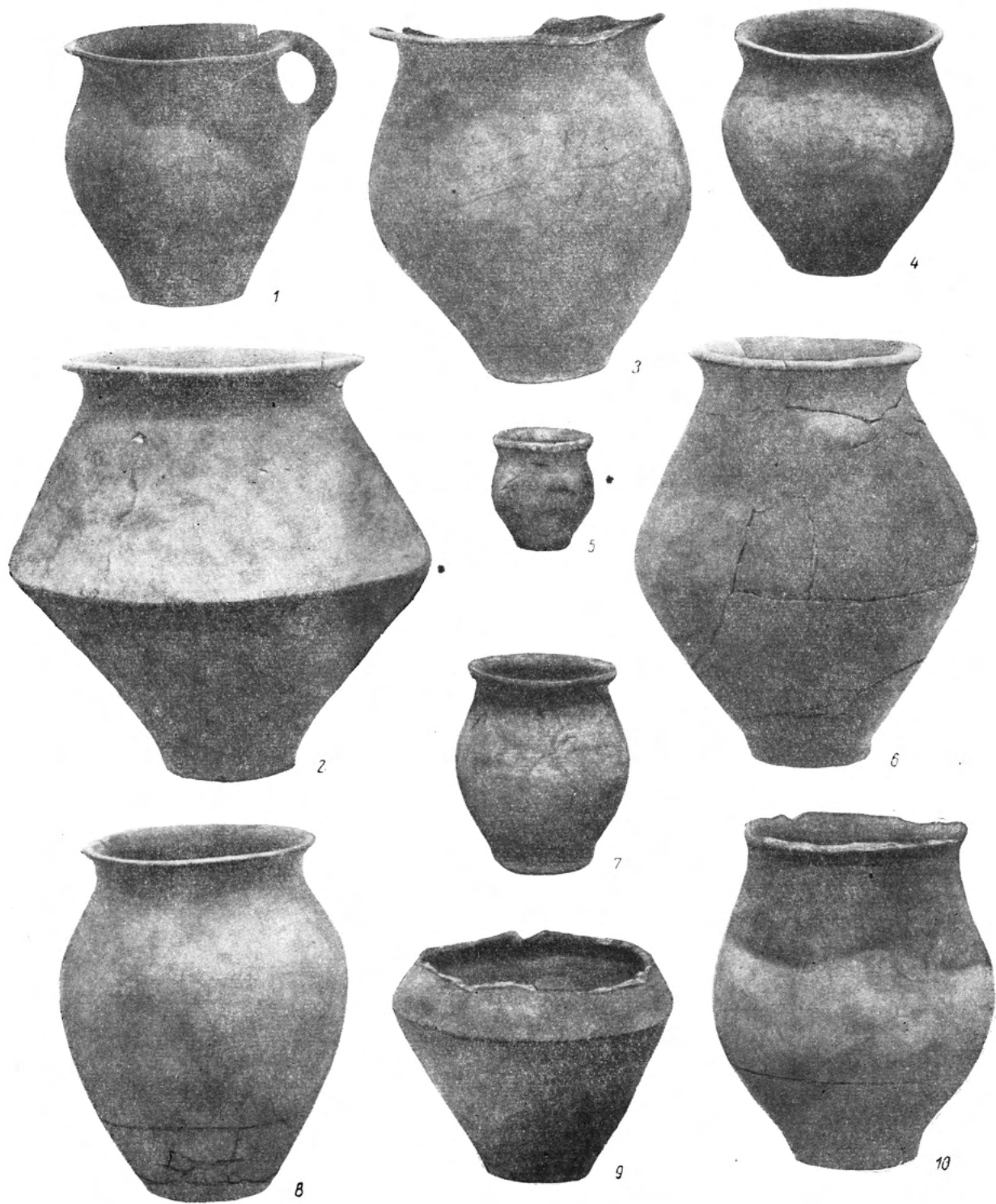

Табл. III. Горшки из Чаплинского могильника.

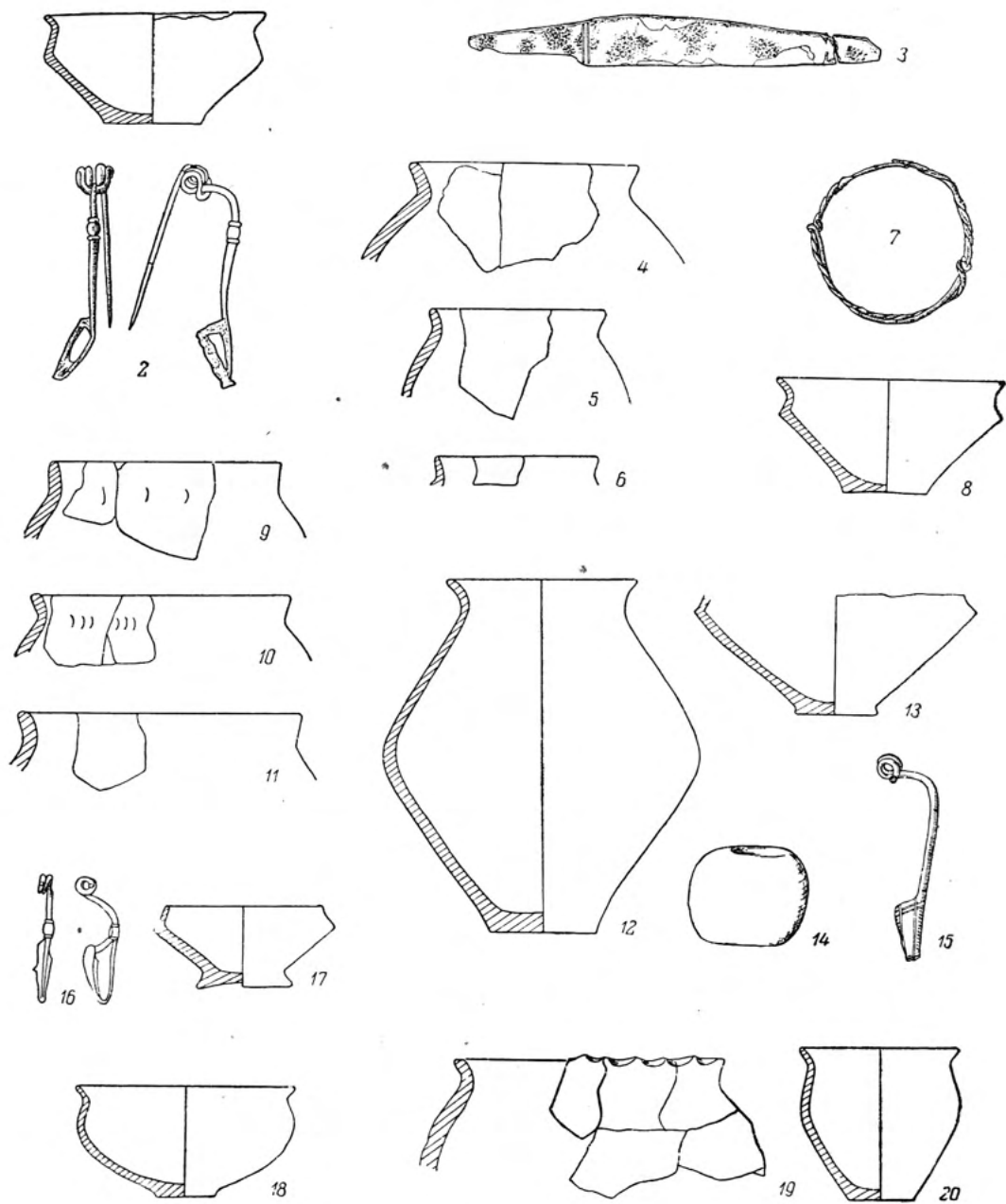

Табл. IV. Вещи из погребений Чаплинского могильника.

1, 2 — из погребения 1; 3 — из погребения 2; 4—6 — из погребения 3; 7, 8 — из погребения 4; 9—11 — из погребения 5; 12—15 — из погребения 6; 16, 17 — из погребения 7; 18 — из погребения 9; 19, 20 — из погребения 8.

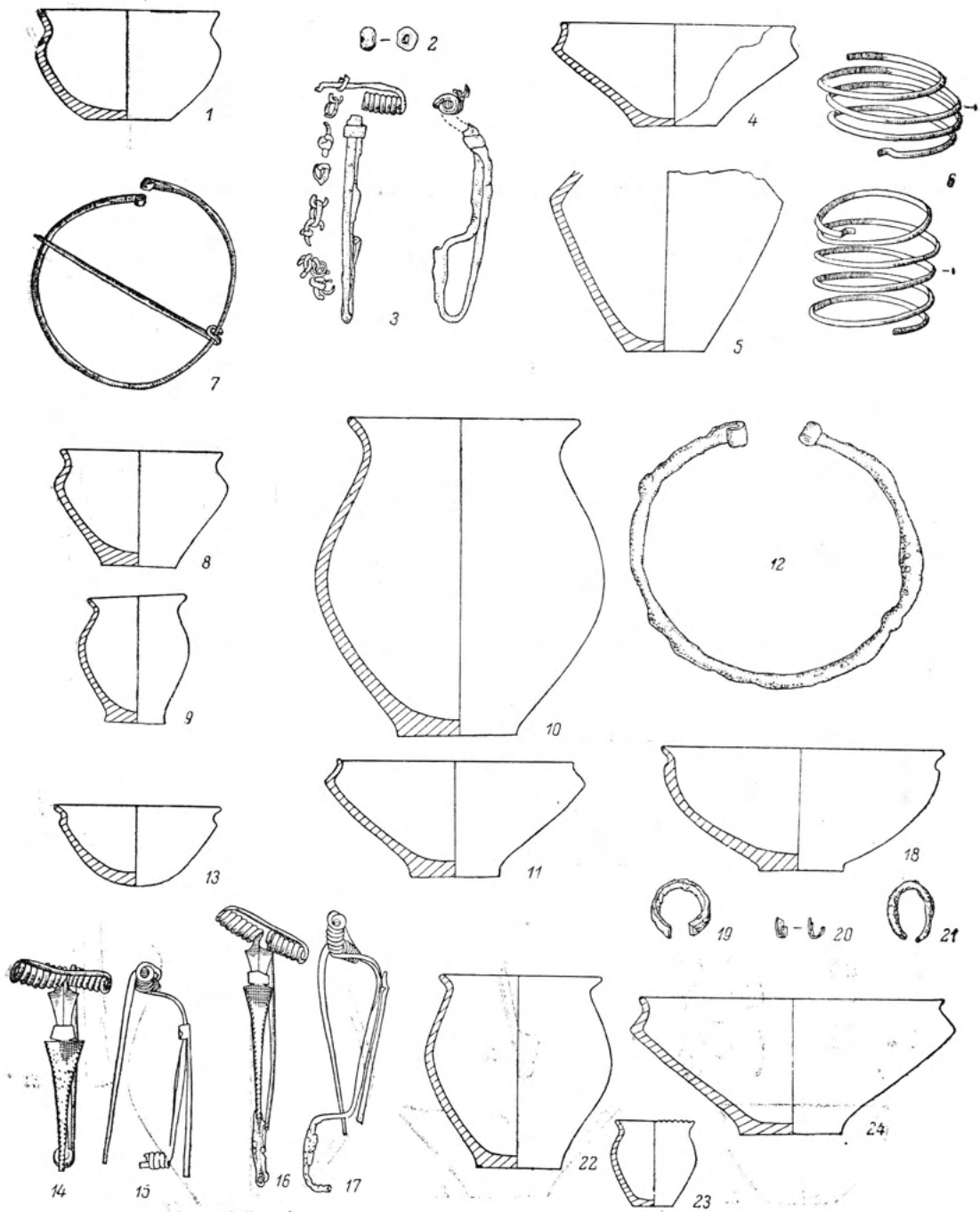

Табл. V. Вещи из погребений Чаплинского могильника.

1 — из погребения 10; 2, 3 — из погребения 11; 4—6 — из погребения 12; 7 — из погребения 13; 8, 9 — из погребения 14; 10—12 — из погребения 15; 13—17 — из погребения 16; 18—21 — из погребения 17; 22—24 — из погребения 18.

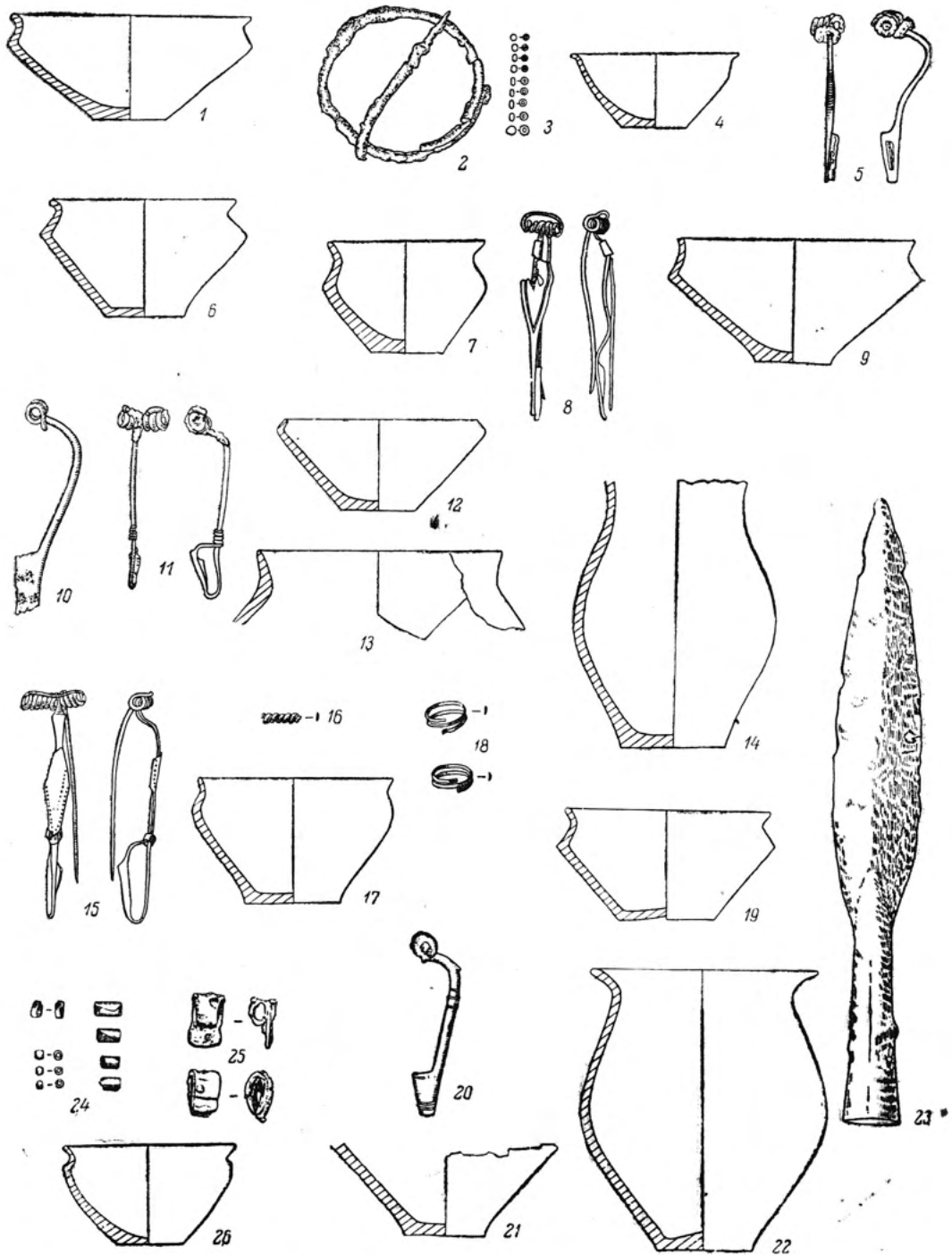

Табл. VI. Вещи из погребений Чаплинского могильника.

1 — из погребения 19; 2—4 — из погребения 20; 5 — из погребения 21; 6 — из погребения 22; 7, 8 — из погребения 23; 9 — из погребения 24; 10—13 — из погребения 25; 14 — из погребения 26; 15—18 — из погребения 27; 19 — из погребения 28; 20—23 — из погребения 29; 24—26 — из погребения 31.

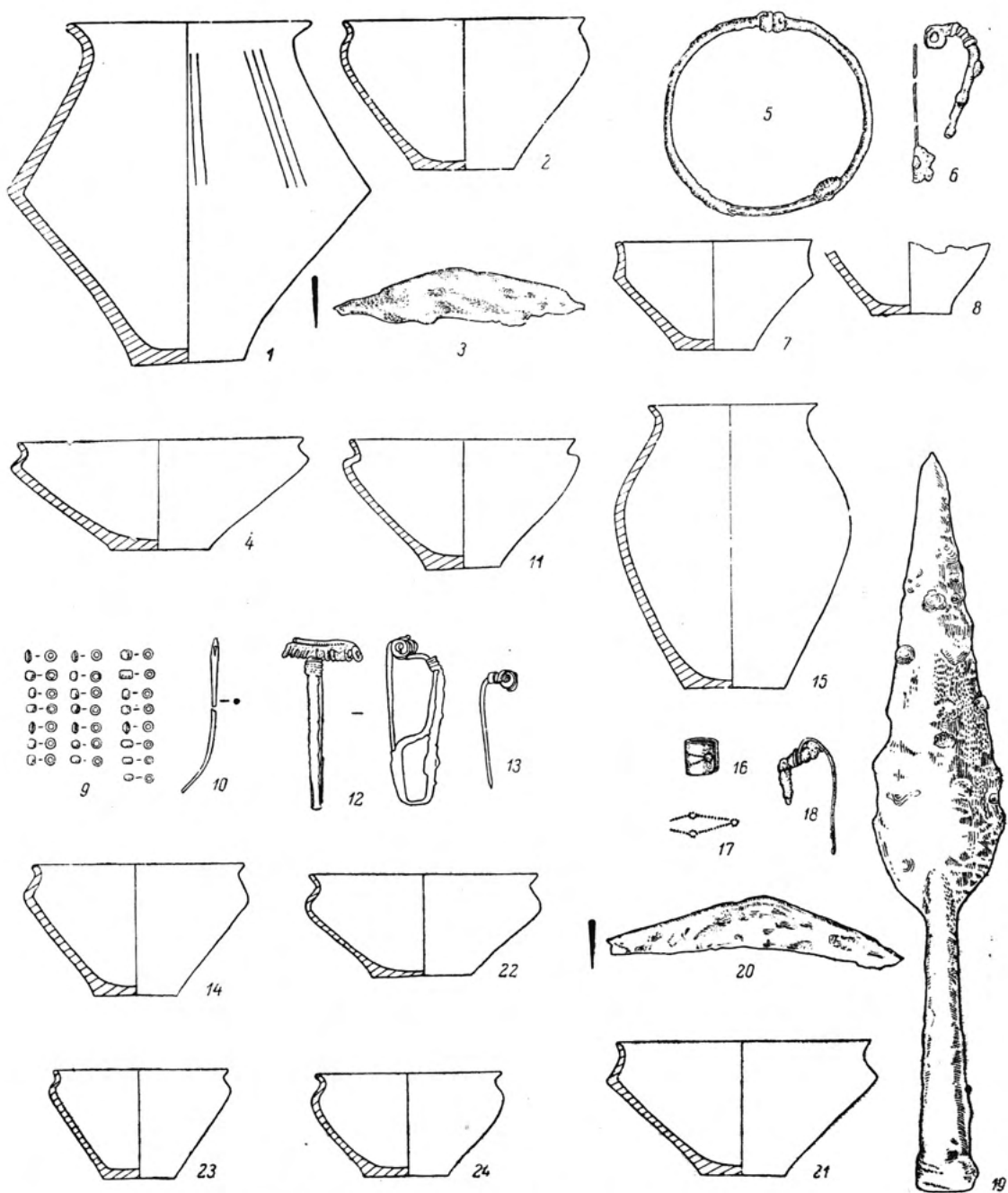

Табл. VII. Вещи из погребений Чаплинского могильника.

1—3 — из погребения 30; 4 — из погребения 32; 5—8 — из погребения 33; 9—13 — из погребения 34; 14 — из погребения 35; 15—21 — из погребения 36; 22 — из погребения 38; 23 — из погребения 39; 24 — из погребения 40.

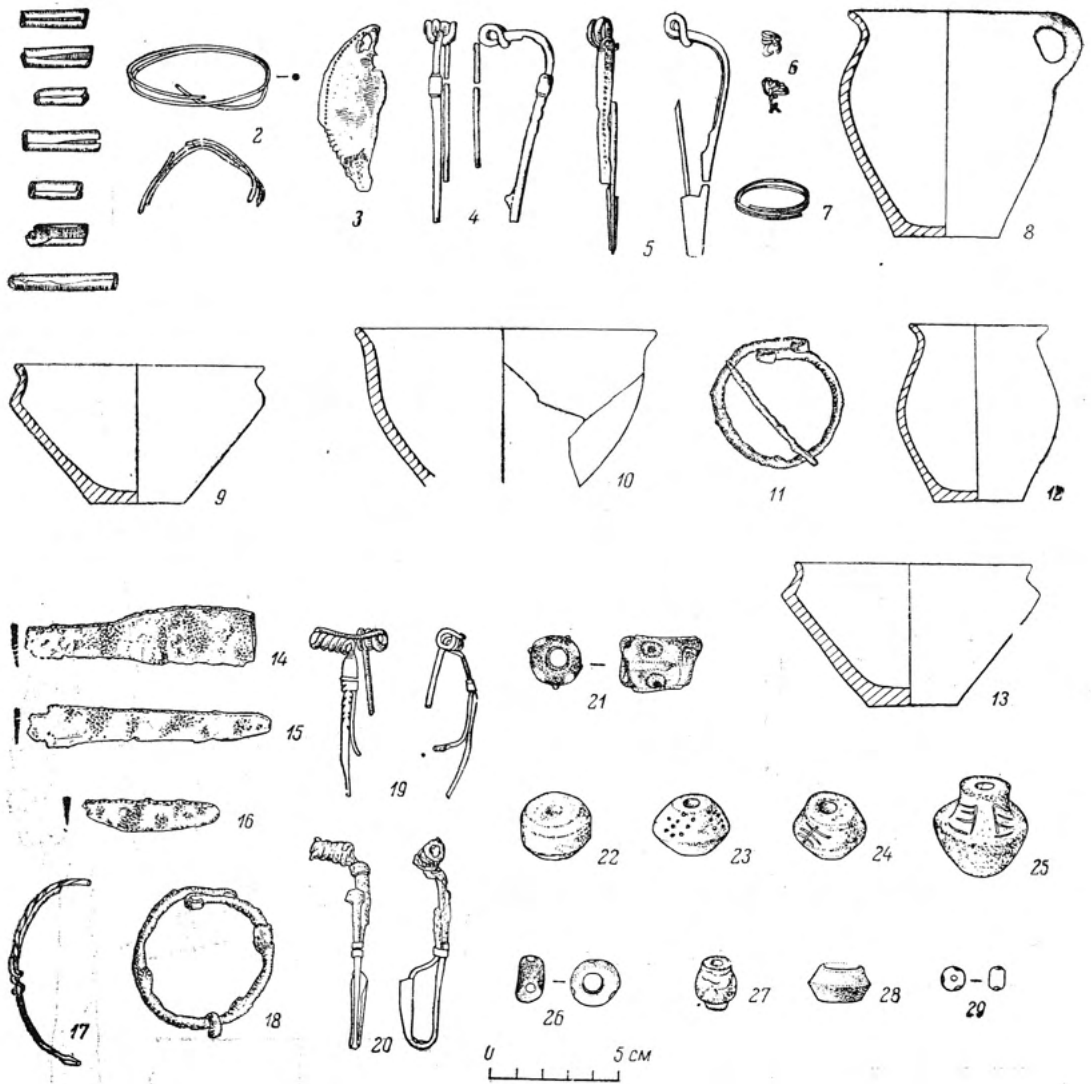

Табл. VIII. Вещи из погребений и случайные находки. Чаплинский могильник.

1—8 — из погребения 37; 9 — из погребения 41; 10, 11 — из погребения 42; 12, 13 — из погребения 43; 14—29 — подъемный материал.

Е. А. Шмидт

МОГИЛЬНИК У д. КОЗИЧИНА ОКОЛО СМОЛЕНСКА

В 1926 г. на правом берегу р. Днепра, в 0.7 км южнее д. Козичина Кардымовского р-на Смоленской обл., в 25—30 км выше Смоленска, на песчаной дюне была обнаружена неолитическая стоянка.¹ В 1927 г. А. Н. Лявданским² при обследовании этой стоянки, названной Немыкарской по имени дер. Верхние Немыкари, находящейся на противоположной стороне Днепра, было обнаружено на дюнах одно место, усыпанное мелкими обломками лепной неорнаментированной глиняной посуды и пережженными косточками (рис. 1). Это скопление занимало площадь размером 25×25 м, причем кости и обломки глиняных сосудов лежали на зольном слое в 0.05—10 м толщиной. Под зольным слоем шел слой чистого песка мощностью до 1 м.

В средней части скопления под зольным слоем обнаружено зольное пятно темного цвета, размером до 1.5×1.5 м, на котором стояла лепная реберчатая миска с лощеными стенками (рис. 2, I), а рядом с ней в обломках — большой лепной сосуд, форма которого А. Н. Лявданским установлена не была. Этот сосуд содержал пережженные косточки. Лощеный сосуд изготовлен из чистой серой глины, довольно хорошо обожжен, стенки его вылощены с обеих сторон — снаружи и внутри.

На поверхности здесь найдены также 5 обломков лощеной посуды из темно-серой глины и большое количество обломков грубой лепной глиняной посуды, изготовленной из

красноватой глины с примесью крупной дресвы. Форму сосудов установить трудно, так как обломки слишком мелкие, часть сосудов имела украшения по краю венчика в виде насечек, а часть не имела никаких украшений. Края венчиков — прямые и отогнутые наружу.

Обломки такой же посуды и несколько пережженных косточек были найдены А. Н. Лявданским и в другом месте на этой же дюне, несколько юго-западнее первой находки. На основании вышеуказанного А. Н. Лявданский пришел к выводу, что на дюне у дер. Козичина им обнаружено «поле погребений».

Находки, сделанные у д. Козичина, хранились в Смоленском краеведческом музее. Во время Великой Отечественной войны они погибли, и встал вопрос о сборе новых материалов на этом интересном археологическом памятнике.

В 1952 г. автор настоящей статьи вновь обследовал дюну у дер. Козичина, а затем несколько раз посещал ее с целью сбора материала.¹ В 1954 г. поле погребений у дер. Козичино было осмотрено П. Н. Третьяковым.

Как видно на прилагаемом плане, поле погребений занимает восточную часть большого дюнного всхолмления, отграниченного с востока, юга и юго-запада рекой Днепром, с запада и севера — небольшим безымянным ручьем, а с северо-востока — заболоченным лугом (рис. 1). Дюна своей длинной осью вытянута с запада на восток. Восточной частью она подходит непосредственно к берегу р. Днепра. Вся восточная оконечность

¹ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии. Научные изв., Смоленского гос. унив., т. IV, вып. 3, 1927, стр. 224.

² А. Н. Лявданский. Археологические доследы у вадозборах р.р. Сожа, Дняпра, Касплі у Смаленскай губерні. Працы археологічнай камісії БАН, т. II, Менск, 1930, стр. 282.

¹ Е. А. Шмидт. Отчет об археологических разведках и раскопках на территории Смоленской области в 1952 г. Архив ИИМК АН СССР.

дюны представляет собой сыпучий песок, передвигаемый ветрами с места на место.

объекта верхний почвенный слой полностью уничтожен.

Песок, вынесенный ветром с большой площадки, отложился по периферии раздуваемого места и при этом кое-где перекрыл участки, сохранившие почвенный горизонт с культурным слоем.

Чередование слоев, отмеченное А. Н. Лявданским на месте находок основной массы обломков глиняной посуды, обнаружено нами и в другом месте — на западном краю песчаного выдува, а также в некоторых других местах этой части дюны. Так, в одном пункте на западном краю дюны, под слоем развеемого ветром песка залегал культурный слой мощностью до 0.55 м, состоящий из темно-серого песчанистого гумуса сверху и светло-серого (местами желто-серого) подпочвенного слоя, постепенно переходящего в чистый песок без находок или, другими словами, в материковый грунт.

В этом слое встречены обломки глиняной посуды, изготовленной на гончарном круге, расколотые камни и кости, фрагменты лощеной черной керамики и отдельные фрагменты грубой лепной посуды. В нижнем

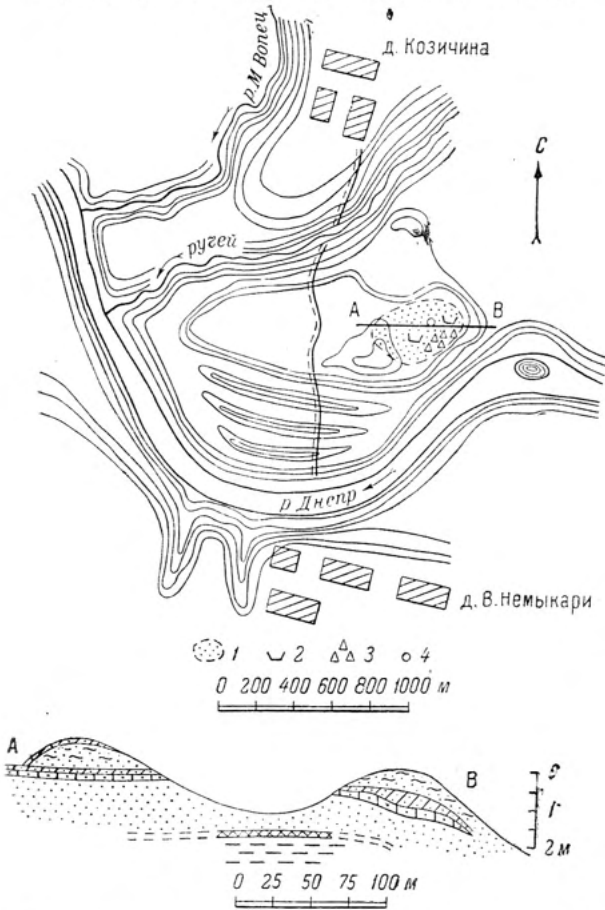

Рис. 1. Расположение могильника у д. Козичина. Профиль восточного края дюны.

1 — участок дюны, развеемый ветром; 2 — место находок 1927 г.; 3 — места находок фрагментов лощеной керамики (1952—1956 гг.); 4 — урна, найденная в 1955 г.

Не раздутые ветром почвенные горизонты сохранились здесь только у самого края дюны. Верхний горизонт, с которым были связаны находки А. Н. Лявданского, представляет собой темно-серую прослойку мощностью от 0.1 до 0.4 м, содержащую обломки керамики, камни, вкрапления угольков и золы. Глубже залегают светлый, серовато-желтый подпочвенный слой мощностью от 0.1 до 0.2 м с редкими находками более ранней керамики, вплоть до неолитической.

Общее представление о сохранности восточной части дюны дает профиль восточной части дюны (рис. 1, внизу), на котором ясно видно, что на большей части изучаемого

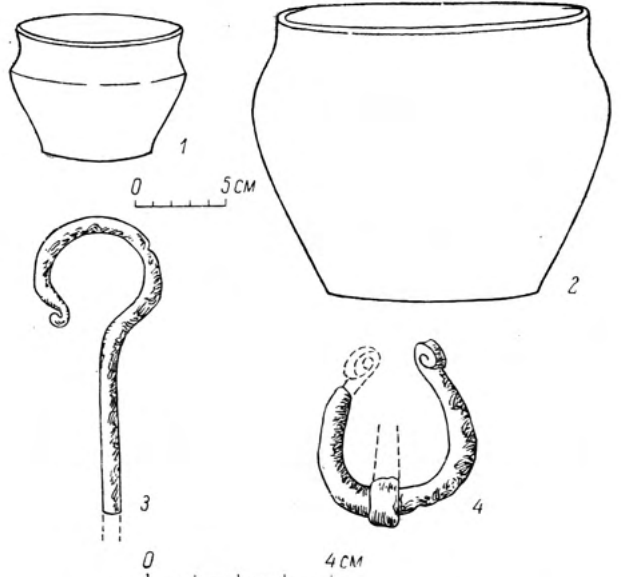

Рис. 2. Находки на могильнике у д. Козичина.

1 — миска; 2 — сосуд; 3 — булавка; 4 — пряжка.

горизонте гумусированного слоя найдены обломки лепной глиняной посуды, встречаемой на городищах Смоленщины. Они имеют серовато-желтоватую или красноватую ок-

раску, глину с примесью дресвы; сосуды плоскодонны и слабо профилированы. В этом же слое найдено глиняное биконическое усеченное пряслице, украшенное орнаментом в виде небольших круглых дырочек. Попадались здесь также кости животных.

В подпочвенном светло-сером слое обнаружены, наряду с обломками лепной глиняной посуды описанного типа, фрагменты круглодонных сосудов времени позднего неолита или эпохи бронзы. Последовательность залегания в культурном слое керамики и других предметов и их характер говорят о наличии здесь поселений разных эпох. Участки, где были сделаны в 1927 г. находки трупосожжений, оказались настолько разрушены ветром, что найти какие-либо следы других погребений не удалось.

В 1955 г. на северной окраине разрушенного участка дюны, ближе к его центру, найдена развалившаяся на кусочки урна, содержащая пережженные косточки и золу. Урна стояла на темно-сером слое, насыщенном мелкими угольками.

Положение урны позволяет предположить, что остатки сожжения были помещены либо на поверхности почвы, либо в неглубоком углублении, а затем, очевидно, были слегка присыпаны землей.

Глиняный сосуд распался на очень мелкие обломки, и его внешний облик можно восстановить только приблизительно (рис. 2, 2). Это был плоскодонный широкогорлый глиняный горшок красного цвета. Диаметр его дна — около 13,5 см, диаметр венчика — около 18 см, толщина стенок сосуда 0,6—0,9 см. Венчик слабо отогнут наружу, плечики плавно переходят в стенки. Изготовлен сосуд из глины, к которой добавлена крупная дресва; глина плохо перемешана и слабо обожжена, поэтому стенки сосуда расслаиваются и распадаются на ку-

сочки. Снаружи и внутри стенки сосуда сглажены чем-то шероховатым, поэтому на стенках заметна мелкая штрихованность, расположенная у края венчика горизонтально, а у дна — бессистемно. Все днище сосуда снизу усыпано зернами кварца; очевидно, сосуд до обжига был поставлен на какую-то поверхность, посыпанную раздробленным гранитом. Этот сосуд по своей форме, по характеру теста и выработки значительно отличается как от сосудов из длинных курганов, так и от сосудов из курганов других типов, изученных на Смоленщине.

По всему разрушенному участку дюны встречаются самые разнообразные находки, относящиеся ко времени начиная от неолита и до наших дней. Среди этого материала выделяются обломки черной лощеной посуды, относящиеся к могильнику и происходящие, вероятно, из разрушенных погребений. Большинство их принадлежит небольшим острорезным сосудам. Есть также несколько обломков от лощеных сосудов другого типа — более низких мисок. Из других находок следует отметить обломок железной булавы в форме пастушеского посоха (рис. 2, 3) и поломанную круглую железную пряжку с загнутыми концами и железным язычком (рис. 2, 4). Эти предметы значительно окислились, но видно, что они несут на своей поверхности следы пребывания в огне, позволяющие думать, что они происходят из трупосожжений.

Все эти данные свидетельствуют, что предположение А. Н. Лявданского о наличии здесь «поля погребений» является правильным. Более того, судя по керамике и другим находкам, это погребальное поле может быть сопоставлено с памятниками зарубинецкой культуры.

А. К. Алброз

ФИБУЛЫ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

При изучении раннеславянской зарубинецкой культуры Среднего и Верхнего Поднепровья, относящейся к последним векам I тысячелетия до нашей эры и к началу нашей эры, одним из основных датирующих средств служат бронзовые и железные фибулы. Обычно эти фибулы называются латенскими, хотя подавляющее большинство из них имеет местное происхождение и своеобразные формы, далеко не всегда копирующие типы, бытовавшие в основных центрах латенской культуры. Настоящая статья является попыткой освещения некоторых вопросов, связанных с происхождением, развитием и хронологией фибул зарубинецкой культуры.

На территории Поднепровья известна лишь одна фибула времени раннего латена, происходящая из с. Залесье Чернобыльского р-на Киевской обл.¹ Она была найдена в глиняном сосуде с остатками трупосожжения. Сосуд сделан от руки, но по форме ближе всего напоминает латенскую керамику Чехии и Польши.² Суверенностью связать это погребение с зарубинецкой культурой пока нельзя. Дата фибулы — вероятно, IV в. до н. э.³

Почти полное отсутствие раннелатенских фибул в области Поднепровья объясняется его удаленностью от главных очагов раннелатенской культуры. В IV—III вв. до н. э. латенская культура начинает проникать на территорию современной Польши (в Верх-

нюю и Среднюю Силезию).¹ Вследствие этого во втором (среднем) периоде латена (300—100 гг. до н. э.) число латенских фибул в Восточной Европе резко возрастает, и они становятся обычным предметом убора как в Повисленье,² так и в Среднем и Верхнем Поднепровье.

Фибулы среднелатенской схемы, принадлежащие к зарубинецкой культуре, распадаются на несколько типов.

Во-первых, это простые проволочные фибулы (из круглой или из уплощенной проволоки) общелатенского типа, распространенного на огромной территории — от Франции до Поднепровья и Крыма.³ В Польше в пшеворской культуре этот тип преобладает.⁴ В зарубинецкой культуре такие фибулы немногочисленны. Они есть в Воронинском могильнике на Припяти (раскопки Ю. В. Кухаренко),⁵ одна фибула была найдена в с. Хмельна Каневского р-на Черкасской обл.⁶

Второй тип составляют проволочные фибулы с восьмеркообразной спинкой, обмотанной загнутым вверх тонким концом ножки.

¹ J. Kostrzewski. Pradzieje Polski. Poznań, 1949, стр. 156—157; W. Antoniewicz. Archeologia Polski. Warszawa, 1928, стр. 142.

² W. Antoniewicz, ук. соч., стр. 142—144; J. Kostrzewski, ук. соч., стр. 157—163 и дальше.

³ J. Déchelette. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine. Époque de La Tène; J. Filip, ук. соч.; R. Beltz. Latène-fibel. Zeitschrift für Ethnologie, Berlin, 1911, Heft V u. VI.

⁴ J. Rosen-Przeworska. Zabytki celtyckie na ziemiach Polski. Światowit, t. XIX, Warszawa, 1948, стр. 179—323. — К этому типу принадлежат большая часть приводимых фибул.

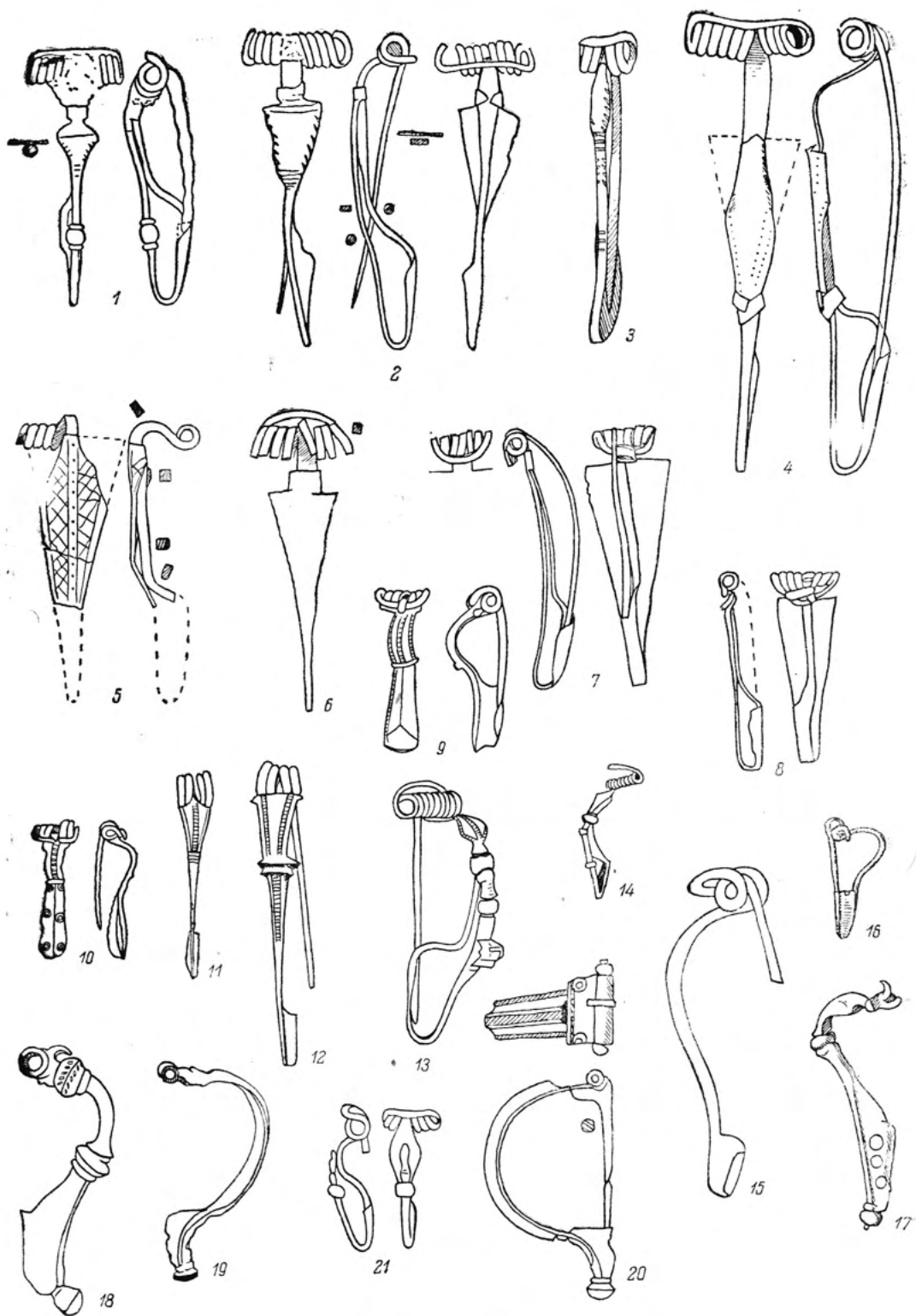
⁵ Принятому глубокою благодарностью Ю. В. Кухаренко за разрешение использовать материалы его раскопок.

⁶ J. Rosen-Przeworska, ук. соч., табл. XIII, 7 и рис. 40, 3 (стр. 305).

¹ Н. Беляшевский. Поле погребальных урн эпохи La Tène. АЛЮР, I—II за 1905, рис. 1, 2

² Например: J. Filip. Pravěké Československo. Praha, 1948, табл. 36, 37, 39 (3).

³ К IV в. до н. э. относит Т. Сулимирский раннелатенскую фибулу из Дублин около Львова (T. Sulimirski. Notatki archeologiczne z Małopolski Wschodniej. Wiadomości archeologiczne, XIV, 1936, стр. 193—195).

Фибулы зарубинецкой культуры.

Две такие фибулы найдены в г. Пруссах Киевской обл.,¹ одна в Воронинском могильнике (раскопки Ю. В. Кухаренко в 1953 г.). В Чехии имеются раннелатенские фибулы с такой спинкой,² но среднелатенские фибулы подобной формы на западе не известны. Возможно, что восьмеркообразные фибулы принадлежат к ранним типам среднего латена,³ но пока это утверждать нельзя.

Третьим типом являются фибулы с расширенной спинкой и узкой пластинчатой ножкой. Одна такая фибула найдена в Зарубинецком могильнике⁴ и одна в Чаплинском.

Наиболее характерными для зарубинецкой культуры являются проволочные фибулы, конец ножки которых, загнутый на спинку, расплюснен в треугольную пластину, расширяющуюся к головке фибулы (см. таблицу, 1—2). Спинка таких фибул обычно также расплюснена в довольно широкую пластинку, чего не бывает у фибул первого типа. Фибулы с треугольной пластинкой на спинке не только преобладают среди фибул зарубинецкой культуры, но и почти не встречаются за ее пределами. За исключением одного близкого к зарубинецким могильникам в Польше (Гриневичи Велики близ Бельска Подляшского),⁵ все фибулы этого типа происходят из зарубинецких могильников Белоруссии и Украины (Зарубинцы,⁶ Корчеватое,⁷ Койлов,⁸ Воронино, Чаплин,⁹ Иванчицы).¹⁰

¹ Х а н е н к о. Древности Приднепровья, вып. IV, 1901, рис. 355, 356.

² J. Filip, ук. соч., табл. 21, 30.

³ Фигурно изогнутые спинки фибул были широко распространены еще в гальштате (например: М. Г е р н е с. Первобытная культура, ч. III. Рига, 1914, рис. 6, 21, 8, 29, 25, 7, 26, 1).

⁴ В. В. Х в о й к а, Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, XII, Новая серия, табл. XXIII, 22, верхний ряд, вторая слева.

⁵ Z. Szmit. Sprawozdanie z poszukiwań archeologicznych w Hryniewiczach Wielkich koło Bielska Podlaskiego. Wiadomości archeologiczne, VII, 1922, стр. 111—120.

⁶ В. В. Х в о й к а, ук. соч., табл. XXIII, 22 (одна воспроизведена боком).

⁷ I. М. С а м о й л о в с ь к и й. Корчеватский могильник. Археология, I, стр. 107, рис. 7.

⁸ I. М. С а м о й л о в с ь к и й. Розвідки і розкопки в Києві та його околицях в 1947—1948 рр. АП УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 80, рис. 5.

⁹ Ю. В. К у х а р е н к о. Могильники полей погребений в Верхнем Приднепровье. КСИИМК, вып. 53, рис. 36, 11—12 и 37, 3.

¹⁰ W. Antoniewicz, ук. соч., стр. 173.

Вне территории СССР по литературе¹ известно примерно 800 фибул среднелатенской схемы (из них 660 собрано Р. Бельцем в работе «Latènefibeln»), происходящих с территории от Польши до Франции и от Южной Прибалтики до Дуная, и среди них нет ни одной фибулы рассматриваемого типа. Фибулы с треугольной пластинкой можно рассматривать как специфическую зарубинецкую форму. В дальнейшем буду называть их зарубинецкими.

Этот вывод подтверждается мнением ряда авторитетных археологов и в первую очередь Ю. Костшевского и В. Антоневича. Первый писал о фибулах из Гриневичей Великих: «Мы имеем здесь несомненное сходство с формой, которая развилась на северном побережье Черного моря из латенских прототипов с совершенно подобным очертанием дуги; и далее он ссылается на фибулы из с. Зарубинцев.² В. Антоневич также считал, что фибулы этого типа «со Среднего Днепра, без сомнения, попали на Запад, на Буг и Подляшье» (но он ошибочно полагал, что они отличаются от фибул из Зарубинцев своей якобы подвязной конструкцией).³ З. Шмит, публикуя фибулы из Гриневичей (и не зная фибул из Зарубинцев), прямо говорит, что подобные фибулы до того нигде не встречались.⁴ П. Рейнеке, анализируя фибулы из Зарубинцев, отметил их отсутствие в большей части Европы и смог указать им лишь одну аналогию — из Иллирии (но с двумя иглами).⁵ К сожалению, мне не удалось достать указанную им публика-

¹ J. Déchelette, ук. соч.; R. Beltz, ук. соч.; J. Rosen-Przeworska, ук. соч.; W. Antoniewicz, ук. соч.; J. Kostrzewski. 1) Pradziej; 2) Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit I—II, 1919; J. Filip, ук. соч.; J. Pič. Čechy na úsvite dejin. Sv. 1—3, Praha, 1902—1905; W. Wegewitz. Die langbardische Kultur im Gau Moswidi (Niederelbe). Hildesheim u. Leipzig, 1937; R. Lořar. Vodnik po zbirkah narodnega Muzeja w Ljubljani (Kulturno zgodovinski del). Ljubljana, 1931; J. Eisner. Slovensko v pravěku. Bratislava, 1933; A. Stařtun e a. Săpăturile dela Poienesti din 1949. Materiale archeologice privind istoria veche a RPR, vol. I, 1953.

² Примечание редакции к статьям: A. Ка р п і н с к а. Reparacje prehistoryczne w Polsce. Przegląd archeologiczny, tom II, zesz. 1, 1922, Poznań, 1923; Z. Szmit, ук. соч.

³ W. Antoniewicz, ук. соч., стр. 173.

⁴ Z. Szmit, ук. соч., стр. 120.

⁵ P. Reinecke. Aus der russischen archäologischen Litteratur. Mainzer Zeitschrift, 1906, Mainz, стр. 42—43.

цию, но мне известны в Подунавье фибулы среднего латена, близкие по общему виду к зарубинецким, но имеющие, в отличие от последних, треугольную спинку, а не ножку (см. ниже). В нашей литературе вопрос о специфике зарубинецких фибул не ставился и они обычно не выделялись среди прочих среднелатенских фибул.

Существование локальной зарубинецкой формы фибул тем правдоподобнее, что для Западной Европы исследователями уже давно установлен ряд локальных среднелатенских форм фибул. Такова ганноверская¹ фибула (по В. Вегевитцу — лангобардская²) в низовьях Эльбы и Вислы. Ряд северогерманских локальных форм приводит Р. Бельц.³ Ж. Дешелетт указывает очень оригинальные альпийские формы,⁴ существовавшие в изолированных горных районах. По этим фибулам намечается ряд районов: центральный — кельтский (собственно латенский) район, по его окружности — северогерманский район в Южной Прибалтике, район оксывской культуры в низовьях Вислы,⁵ к которым можно теперь добавить восточнославянский зарубинецкий район в Поднепровье, на Припяти и, очевидно, на Десне,⁶ а также район Северного Причерноморья, где возник свой локальный вариант: подвязная фибула.⁷

Значительное внимание обращалось исследователями на датировку фибул среднелатенской схемы, найденных на территории СССР. Первоначально исследователи исходили из предположения о запоздалом появлении среднелатенских форм вещей в Восточной Европе сравнительно с собственно-кельтскими территориями. П. Рейнеке считал фибулы из Зарубинцев «позднелатенскими формами среднелатенской схемы».⁸ Его мнение принял Ж. Дешелетт.⁹ Однако

находка М. Эбертом среднелатенской фибулы в скифском кургане № 51 в Марицыне, близ Ольвии, содержащем эллинистический материал, показала неправильность прежней чисто умозрительной датировки. М. Эберт отнес курган № 51 к II в. до н. э.¹

Последующие исследования подтвердили, что временем бытования среднелатенских фибул в Северном Причерноморье являются II—I вв. до н. э. Так, Б. Н. Граков датировал II в. до н. э. скифский курган № 1 около акрополя Каменского городища, содержащий обломок среднелатенской фибулы.² К. Ф. Смирнов считает, что временем появления среднелатенских фибул в Северном Причерноморье был II в. до н. э.³ А. И. Фурманская также относит появление у нас среднелатенских фибул ко II в. до н. э.⁴ А ее тезис о бытовании в Ольвии фибул среднелатенской схемы до I в. н. э. отнюдь не доказан, так как автор ошибочно считал происходящими из одного погребения латенскую фибулу из погребения 10 раскопок 1903 г.⁵ и эмалевую фибулу из погребения 10 раскопок 1902 г.⁶ Погребение 10 из раскопок 1903 г.,⁷ где обнаружена среднелатенская фибула, содержало, кроме нее, «медные» стрелы, эллинистический лагинос (имеющий приземистый острореберный корпус, белое покрытие и полосу черного лака по ребру),⁸ золотую серьгу с подвеской в виде «палицы Геракла» и др. Судя по перечисленному, могила относится ко II или ко II—I вв. до н. э.

В мавзолее Неаполя Скифского, относящемся к I в. до н. э., найдены три среднелатенских фибулы (в том числе одна зарубинецкая) и две фибулы более поздние (все — в разных погребениях).⁹

¹ M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. Praehistorische Zeitschrift, V, 1913, Berlin, стр. 111.

² Б. Н. Граков. Інформаційний звіт Нікопільської археологічної експедиції за 1946 р. АП УРСР, т. II, Київ, 1949, стр. 114.

³ К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья. Докл. и сообщ. истор. фак. МГУ, вып. V, 1947, стр. 79.

⁴ А. И. Фурманская. Фибулы из раскопок Ольвии. Археология, VIII, стр. 78.

⁵ Государственный Эрмитаж, Ол. 16217.

⁶ Там же, Ол. 618.

⁷ ИАК, вып. 13, стр. 154.

⁸ В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 22 и 246.

⁹ П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, табл. V, 12, XVI, 4, XV, 6, стр. 36.

¹ R. Beltz. Latènefibel, рис. 51 (вариант R).

² W. Wegewitz, ук. соч., рис. 52, стр. 106—107 и карта (рис. 54).

³ R. Beltz, Latènefibel, например рис. 62, 63, 66.

⁴ J. Déchelette, ук. соч., рис. 536; также стр. 1255.

⁵ J. Kostzewski, ук. соч., стр. 183.

⁶ Зарубинецкие фибулы найдены лишь там, где раскапывались могильники, почему их территория меньше, чем территория, на которой прослеживается культура зарубинецкого типа.

⁷ Ранний образец — фибула из с. Лебяжье Саратовской обл. (ГИМ).

⁸ P. Reinecke, ук. соч., стр. 42.

⁹ J. Déchelette, ук. соч., гл. I, § 2, рис. 428.

Таким образом, датой фибул среднелатенской схемы в Северном Причерноморье следует считать II—I вв. до н. э.

Более детальная и точная датировка зарубинецких фибул затрудняется отсутствием в могильниках Среднего и Верхнего Поднепровья датирующих античных вещей. Поэтому для датировки фибул приходится прибегнуть к типологии.

Зарубинецкие фибулы распадаются на 5 типологических групп. Для первой группы характерен сравнительно маленький щиток, имеющий косую нарезку по краям (см. таблицу, 1—3) и нередко поперечные нарезки у основания щитка. У одной фибулы (1) форма щитка приближается к ромбической. Щитки резко выделяются на узких ножках. Фибулы этой группы известны лишь из Белоруссии, где они были найдены в раскопках Ю. В. Кухаренко на могильниках у с. Чаплин и д. Воронино.¹

У фибул второй группы щиток шире и занимает значительно большую часть фибулы. Нарезок по краям и поперечных черточек нет (4). Щиток постепенно переходит в узкую ножку. Подобные фибулы известны в Белоруссии и на Украине (Зарубинецкий могильник).²

У фибул третьей группы щиток еще более развит, он захватывает почти всю ножку и делается массивным. Такие фибулы найдены в Белоруссии (6) и на Украине (Зарубинцы³ и Корчеватое⁴). Фибула из мавзолея Неаполя Скифского⁵ (5), как показывает графическая реконструкция (приемник зарубинецких фибул всегда несколько короче их спинки), относится именно к этой группе.

К четвертой группе относятся фибулы с широкой треугольной спинкой. Их треугольный щиток покрывает собой почти всю фибулу. Таковы две фибулы из погребения 26 в Гриневицах Великих⁶ (7) и фибула из

раскопок Ю. В. Кухаренко, изображение которой помещено в БСЭ (в статье «Поля погребений»). По сути это последний этап развития зарубинецкой фибулы.

В пятой группе черты II—IV групп доходят до вырождения (8).¹ Фибулы очень массивны и широки. Узкая часть ножки почти исчезает.

Датированные экземпляры зарубинецких фибул свидетельствуют о том, что их эволюция шла от первой группы к пятой через промежуточные группы. Фибулы первой группы возможно датировать первой половиной II в. до н. э., фибулы второй группы следует отнести к середине и второй половине II в. до н. э., фибулы третьей группы — к I в. до н. э. и, наконец, фибулы четвертой и пятой групп — к I в. н. э.

Фибулы четвертой группы из Гриневиц Великих (8) найдены в одной могиле (13) с двумя поздними глазчатыми фибулами (9—10).² Какова дата последних? По З. Шмит, фибулы этого типа часты в поздних могилах раннего римского периода (т. е. II в. н. э.) в Северной Польше.³ О. Альмгрен⁴ датирует фибулу с широким крючком, четырьмя полосками на спинке и шестью глазками на ножке, как и фибулу с шестью кружками на ножке и с одной полоской орнамента на спинке, также II в. н. э. В. Антонович относит Гриневицкие Великие в главе, посвященной «второму римскому периоду», к 150—250 гг. н. э.⁵ А. Кетлинска датирует поздние глазчатые фибулы временем с 100 г. н. э.⁶ Таким образом, в Подляшье зарубинецкие фибулы бытуют по крайней мере до начала II в. н. э.

К этому же этапу следует, по-видимому, отнести большую бронзовую фибулу из с. Жукин б. Остерского уезда Черниговской обл., к сожалению, очень плохо опубликованную.⁷ Вероятно, у этой фибулы была отломана пружина и скрепа, широкий конец

¹ Ю. В. Кухаренко. Могильники полей погребений в Верхнем Приднепровье. КСИИМК, вып. 53, стр. 85.

² В. В. Хвойка, ук. соч., табл. XXIII, 22; см. также: П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. М., 1953, рис. 24, первая и вторая слева.

³ П. Н. Третьяков, ук. соч., рис. 24, верхний ряд, третья слева.

⁴ И. М. Самойловский, ук. соч., стр. 107, рис. 7, обе фибулы.

⁵ ГМИИ, № 210; П. Н. Шульц, ук. соч., табл. V, 12.

⁶ Z. Szmit, ук. соч., стр. 116—117, рис. 102 и 103.

¹ Там же, рис. 98 и 100.

² Там же, стр. 113—115 и рис. 97—100.

³ Там же, стр. 120.

⁴ O. Almgren. Studien..., стр. 31 и рис. 60, 61.

⁵ W. Antoniewicz, ук. соч., стр. 173.

⁶ По поводу погребения в окр. Radzymina см.: A. Kietlińska, Sprawozdanie Państwowego Muzeum archeologicznego, tom IV, zesz. 1—2, Warszawa, 1951, стр. 70 и рис. 14.

⁷ Ханенко. Древности Приднепровья, вып. VI, 1904, табл. XXXI, 537.

ножки загнут и в сделанное в нем отверстие продета игла из круглой проволоки. О ее поздней дате говорит грубоватая форма, а главное — орнамент, близкий по технике и по рисунку к орнаментам на вещах, сопутствующих эмалям мощинского типа.¹

Фибула третьей группы из Неаполя Скифского была найдена в каменной гробнице мавзолея. То, что мавзолеем стоит на слое золы, датированном II в. до н. э., не позволяет относить его ко времени ранее конца II—I вв. до н. э.² Из мавзолея происходят материалы этого времени,³ в том числе типичный среднелатенский меч⁴ и две среднелатенские проволочные фибулы. Зарубинецкая фибула из мавзолея сделана из серебра, она позолочена и гравирована. О ее долгом ношении говорят следы двух поломок: сначала сломалась скрепа, и треугольный щиток во время ремонта был обрезан и загнут в трубку для скрепления со спинкой, затем фибула сломалась в основании приемника уже окончательно.

Очень интересен вопрос о прототипе зарубинецкой фибулы. На западе к ней очень близка по внешнему виду так называемая «наугеймская» фибула III латена (с рамчатым приемником), также имеющая треугольный щиток, но образуемый спинкой (II—12). Ряд наугеймских фибул, так же как и зарубинецкие первой группы, имеют нарезку по краям щитка и на его основании.⁵ Естествен вывод о том, что зарубинецкая и наугеймская фибулы имеют общий прототип. Среди западных среднелатенских фибул четко выделяется группа фибул со спинкой, расширяющейся в передней части в прямоугольный,⁶ трапециевидный⁷ или подтреуголь-

ный (ромбовидный)¹ щиток, часто имеющий характерную косую нарезку по краям.² Скрепа у таких фибул помещается обычно сзади щитка, именно там, где у зарубинецких и наугеймских фибул находятся поперечные нарезки. Отсюда можно заключить, что прототипом зарубинецкой и наугеймской³ фибул послужили дунайские фибулы с ромбовидным щитком (13—14),⁴ проникавшие к нам через Польшу.⁵ Все они, как и ранняя зарубинецкая фибула из Воронино (I), имели напущенную на загнутую вверх ножку бусину. Судя по массивности этих фибул, они были литыми. Все фибулы зарубинецкой культуры — проволочные. Расплющенная в тонкую пластину проволочная спинка была бы очень непрочной, и поэтому при подражании привозным треугольным фибулам зарубинецкие мастера стали расплющивать ножку и делать в основании щитка поперечные нарезки, имитирующие помещавшуюся там раньше скрепу оригинала. Постепенно значение этих нарезок забылось и они исчезли, как исчезли подобные же нарезки у наугеймских фибул.

Точная датировка дунайских «протозарубинецких» и «протонаугеймских» фибул мне, к сожалению, не известна. Они относятся ко II латену, т. е. появляются в начале III в. до н. э.

В I в. до н. э. на зарубинецкой территории появляются позднелатенские фибулы с рамчатым приемником,⁶ начинающие вытеснять зарубинецкие формы. В I в. н. э. на зарубинецкой территории бытовали фибулы разных типов. Это были фибулы так называемой «позднелатенской схемы» со

¹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III, стр. 151, рис. 181; Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XI, 2—6.

² Приношу глубокую благодарность В. Д. Блаватскому за сообщение мне этого обстоятельства.

³ П. Н. Шульц, ук. соч., табл. XVIII и стр. 79.

⁴ Там же, табл. VII.

⁵ J. P i ě. Sechý na úsvite dejin. Sv. 2, Hradiste u Stradonic... Praha, 1903, табл. IV, 3, 4, 7, 9, 23.

⁶ R. B e l t z. Latënefibel, рис. 49.

⁷ J. P i ě, ук. соч., табл. III, 23, 24—27, 28. В Польше: J. K o s t r z e w s k i. Die ostgermanische Kultur, 1, рис. 14a.

¹ Фибула Будапештского музея: N. J o r g a. Histoire des Roumains et de la romanite orientale, vol. 1, partie 1, Bucarest, 1937, рис. 28; Австрия — H. M i t s c h a - M ä h r h e i m u. E. N i s c h e r - F a l k e n h o f. Der Oberleiserberg. Mitteilungen der Prähistorischen Kommission der Akademie der Wissenschaften, Wien, 1929, стр. 400, табл. VI, 4.

² J. P i ě, ук. соч., табл. III, 23, 27; N. J o r g a, ук. соч., рис. 28.

³ Ср. мнение Р. Бельца о том, что наугеймская фибула происходит, «кажется», из Норика (R. B e l t z. Fibel. «Reallexikon der Vorgeschichte», Berlin, Red. M. Ebert).

⁴ См.: J. P i ě, ук. соч., табл. III, 23, 24—27, 28.

⁵ Ср. сломанную фибулу из пшеворского Люшинского могильника близ Варшавы (А. А. Спицын. Латенская культура в России. ИАК, вып. 12, рис. 21).

⁶ П. Н. Третьяков, ук. соч., рис. 31; Ю. В. Кухаренко, ук. соч., рис. 36, 11.

сплошным приемником (15). Ряд таких фибул был найден в Чаплинском могильнике. Зарубежные исследователи относят их к I в. н. э. и отчасти ко II в. н. э.,¹ что подтверждается и материалами территории СССР.²

О связях зарубинецкой культуры с западом свидетельствует фибула из Зарубинцев,³ имевшая длинный узкий приемник и высокую круто изогнутую дужку (16). Подобные фибулы хорошо известны на нижней Эльбе,⁴ а также в Саксонии и Чехии.⁵ Б. Свобода относит их к концу I в. до н. э. и началу I в. н. э.⁶ Р. Бельц также относит их к концу III латена.⁷

На зарубинецкую территорию проникали в I в. н. э. и некоторые южные фибулы. Так, в Среднее Поднепровье попадали ранние сильно профилированные фибулы с утолщенной массивной головкой, опорной пластинкой над пружиной и приемником, имеющим круглые отверстия. Одна такая фибула найдена на Матронинском городище (17).⁸ Они нередки на Днестре.⁹ Происходят они

с Дуная.¹ В Среднем Приднепровье найдена также фибула (18),² обычная для древностей Дакии,³ а затем уже, в более развитой форме, для древностей Боспора; она имеет на головке биконическую «бусину» вместо характерного для других сильно профилированных фибул утолщения.

Через северо-причерноморские города шел в первой половине I в. н. э. усиленный ввоз прирейнских галльских⁴ фибул типа «ауцисса» (19—20). Отдельные экземпляры попадали в Среднее Поднепровье (Пастерское городище)⁵ и даже на Полтавщину (Поставмуки).⁶

Наконец, под влиянием Северного Причерноморья в I в. н. э. в зарубинецкой культуре появляются впервые подвязные фибулы. Такова фибула из Чаплина, найденная в погребении вместе с фибулой «позднелатенской схемы» со сплошным приемником. Фибула эта имеет узкую ножку и низкую дужку, что позволяет датировать ее I в. н. э.⁷

¹ R. Beltz. Latènefibel, стр. 689.

O. Almgren. Studien..., стр. 106—107.

B. Svoboda. Čechy a římské Impérium. Praha, 1949, стр. 59.

² А. И. Фурманська, ук. соч., табл. II, 10 и стр. 81.

³ П. Н. Третьяков, ук. соч., рис. 24, во втором ряду сверху.

⁴ W. Wegewitz, ук. соч., стр. 111, рис. 55, ряд 7 и несколько других.

⁵ B. Svoboda, ук. соч., стр. 59—60.

⁶ Там же.

⁷ R. Beltz. Latènefibel, стр. 688 и рис. 58.

⁸ Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II, 1899, табл. VIII, 258.

⁹ М. Ю. Смишко. Доба полів поховань в західних областях УРСР. Археологія, II, Київ, 1948, табл. I, 8; II, 8, 13.

¹ O. Almgren. Studien..., стр., 109; I. Filip. Pravèke..., стр. 296.

² Ханенко. Древности Приднепровья, вып. IV, 1901, табл. IV, 137.

³ Studii si cercetări de istorie veche, Anul III, 1952, рис. 26, 6; выставка на пленуме ИИМК в 1954 г.

⁴ F. Haverfield. The Aucissa fibulae. Archeological Journal, vol. LX, № 237, Second series, vol. X, № 1, March 1903, London, стр. 241.

⁵ Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II, 1899, табл. VIII, 257.

⁶ ГИМ, № 36211.

⁷ Фибулы с узкой ножкой: Керчь, 1914, погребение с краснолаковым светильником первой половины I в. н. э. (фибула — ГЭ, II, 1914, 41); в кургане № 59 в Марицыне с вещами второй половины I в. до н. э. и с фибулой I в. н. э. (M. Ebert, ук. соч., рис. 87; Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 60).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЛЮР	— Археологическая летопись Южной России.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества.
ИА АН УССР	— Институт Археологии АН УССР.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
КГИМ	— Киевский Государственный исторический музей.
КЗ ВУАК	— Коротке звітлення Всеукраїнського археологічного комітету.
КСИА	— Краткие сообщения Института Археологии АН УССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
МАР	— Материалы по археологии России.
МРЗ	— Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли.
ОАК	— ОТЧЕТ Археологической комиссии.
СА	— Советская Археология.
Смела	— А. А. Б о б р и н с к и й. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы (т. I — 1887, т. II — 1894, т. III — 1901).. СПб.
Тр. АС	— Труды археологического съезда.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Введение	5
Е. В. Махно и И. М. Самойловский. Зарубинецкие памятники в лесостепном Приднепровье. (Материалы к археологической карте) . . .	11
Ю. В. Кухаренко. Памятники зарубинецкой культуры в области Верхнего Поднепровья. (Материалы к археологической карте)	22
В. П. Петров. Зарубинецкий могильник. (По материалам раскопок В. В. Хвойки в 1899 г.)	32
И. М. Самойловский. Корчеватовский могильник	61
Е. В. Махно. Раскопки зарубинецких поселений в Киевском Приднепровье в 1950 г.	94
В. И. Довженок и Н. В. Линка. Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось	102
В. А. Богусевич и Н. В. Линка. Зарубинецкое поселение на Пилипенковой горе близ г. Канева	114
П. Н. Третьяков. Чаплинское городище	119
Ю. В. Кухаренко. Чаплинский могильник	154
Е. А. Шмидт. Могильник у д. Козичина около Смоленска	181
А. К. Амброз. Фибулы зарубинецкой культуры	184

ПАМЯТНИКИ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

*

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства *Н. С. Лебедев*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректор *Л. А. Петрова*

*

Сдано в набор 23/IV 1959 г. Подписано к печати 27/VIII 1959 г. РИСО АН СССР № 83—78В. Формат бумаги 84 × 108/16. Бум. л. 6. Печ. л. 12 = 19.68 усл. печ. л. + 1 вкл. Уч.-изд. л. 19.99 + 1 вкл. (0.52). Изд. № 615. Тип. зак. № 153. М-41022. Тираж 1500.
Цена 14 р. 70 к.

*

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, 164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Изд. Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12